

Арина Веста

СОЛНЦЕ ГЕРОЕВ

МУЖСКОЙ И ЖЕНСКИЙ ГЕРОИЧЕСКИЙ ПУТЬ
В СКАЗКАХ, ОБРЯДАХ И ПРЕДАНИЯХ СЛАВЯН

Арина Веста

**СОЛНЦЕ ГЕРОЕВ:
МУЖСКОЙ И ЖЕНСКИЙ ГЕРОИЧЕСКИЙ ПУТЬ
В СКАЗКАХ, ОБРЯДАХ И ПРЕДАНИЯХ СЛАВЯН**

Издательство «ВЕЛИГОР»
Москва 2015

УДК 392,9

ББК 88.55

В – 38

Арина Веста

Солнце героев: Мужской и Женский героический путь в сказках, обрядах и преданиях славян – М.: ООО ТД «Велигор», 2015. – 341 с.

*На обложке и в тексте использовались картины художника
Игоря Ожиганова*

Как вырастить героя? Не обывателя-потребителя и не пустого биоробота, не холодного достигатора, а героя? *Как помочь нашим детям обрести прочную опору в Традиции?* На этот вопрос есть только один ответ: надо укрепить нашу собственную связь с древним знанием, пройти по ступеням взросления и подвига, и, отыскав героический дух в самой обыденности, обрести героя внутри себя. В этой книге мы попробуем проследить воздействие героического мифа на все стороны жизни наших пращуров, в том числе и на вопросы воспитания. Вместе с героями русских сказок мы пройдем путем Солнца по древнему Кругу силы. Мы ступим на свой Калинов Мост и победим! Мы откроем семь корневых смыслов хорошо известных сказок, многие из которых считаются детскими, а на деле скрывают знание, способное изменить мир! Мы получим в руки загадочный Велесов ключ и коснёмся сказочной конспирологии. Сказочный мир так необозримо велик, что мы можем выбрать любую тропку в Вещем лесу.

ISBN 978-5-88875-339-2

Подписано в печать 03.08.2015 г.

Формат 60х90/16. Печ.21,3 л. Бумага офсетная 65гр.

Тираж 300 экз. Заказ №

ООО «Издательство Велигор»

г. Москва., м. Партизанская., Окружной проезд дом 12.,

подъезд 1., домофон 20

тел: +7 (499) 166-98-30 +7 (985) 784-08-16

E-mail: veligor@veligor.ru

Интернет-магазин – WWW.VELIGOR.RU

© Пономарева Галина Юрьевна (текст, изображения)

© ООО «Торговый дом «Велигор», 2015

© Игорь Ожиганов - картины на обложке и в тексте, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Вместо предисловия</i>	6
ЧАСТЬ I. ВОЗМОЖНОСТИ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ИСТИННОГО	8
ДРЕВО СКАЗОК.....	8
СВЯЩЕННЫЕ ВОПРОСЫ	12
КОСМАТЫЙ БОГ.....	16
А БЫЛ ЛИ МАЛЬЧИК?.....	21
ЭХО МИФА.....	28
ПЕРВЫЙ РЕБУС ЧЕЛОВЕЧЕСТВА.....	30
«РЫЦАРЬ» КОЛОБОК.....	41
КУПАЛИНКА, КУПАЛИНКА, ТЕМНАЯ НОЧКА.....	49
НОЧЬ НАКАНУНЕ ИВАНА КУПАЛА.....	52
КОРАБЛЬ ДУРАКОВ.....	56
ТАЙНА ЗВЕРИНОГО ЯЗЫКА.....	61
ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ СКАЗКИ: ВОЛК И СЕМЕРО КОЗЛЯТ.....	65
СКАЗКИ ВОЗМЕДИЯ.....	69
УРОКИ КРАСНОЙ ШАПОЧКИ.....	71
СКАЗКИ О НАРУШЕНИИ ЗАПРЕТОВ	73
КОТ В СОПОГАХ.....	77
ВОЙНА ГРИБОВ.....	79
ЧАСТЬ II. КРУГ СИЛЫ	83
НАЙТИ СВОЙ МИФ.....	83
В ЛЕДЯНОЙ ВОДЕ БОЛЬШЕ ОГНЯ!.....	87
ПОЛЮС – РОДИНА СВЕТА.....	89
ПЕРВЫЙ ПОСЛЕ БОГА.....	90
ПРЕОДОЛЕНИЕ ВРЕМЕНИ.....	95
СКУПОЙ РЫЦАРЬ – ЛИК ВРЕМЕНИ.....	96
РОЖДЕНИЕ ВИТЯЗЯ.....	99
ЗАЧАТИЕ – ПЕРВЫЙ ЛУЧ РОДА.....	101
МЫ С ТОБОЙ ОДНОЙ КРОВИ.....	103
ВЛАСТЬ ВЕНЦЕНОСНЫХ МЛАДЕНЦЕВ.....	103
КРЕПИ СУДЬБЫ.....	107
СОЛНЕЧНОЕ ДИТЯ: ПРОБУЖДЕНИЕ.....	109
МЫШКА, МЫШКА, ВОЗЬМИ ЗУБИК МОЛОЧНЫЙ, ДАЙ КОСТЯНОЙ!	112
БРАТ МОЙ ВОЛК	115
ВОЛК-ОБОРОТЕНЬ или ОБОРИ ТЕНЬ.....	117
СКАЗКА В КРУГЕ ГОДА: ИВАН ЦАРЕВИЧ И ДАЖДЬБОГ.....	120
РУСЫ – ВНУКИ ДАЖДЬБОГА.....	121
КАМЕНЬ РОКА.....	124

МЕЧ РАЗДЕЛЕНИЯ.....	127
РАССЕЧЕННЫЙ БОГ	132
ВЕДАЕТ ВОРОН ВОДУ ЖИВУЮ И МЕРТВУЮ.....	135
«КРОНОВЫ ЖЕРТВЫ» ИЛИ ЦЕНА ЦАРСТВА.....	137
ЯРИЛА-ЯРИЛА, ЯВИ СВОЮ СИЛУ!.....	141
БОГ-ЛУЧНИК.....	148
ГРОМОВЫЙ ПЕРУНЕ! СЕДАЙ ВО СЛАВЕ!.....	150
ГРОЗОВОЙ ПУТЬ ИЛЬИ МУРОМЦА.....	152
ПАРАДОКСЫ ОБРАЗА или ПЛЯСКИ ПРОКОНСУЛА	156
КАЛИНОВ МОСТ: ВСТРЕЧА С САМИМ СОБОЮ.....	160
ЛЕС и СТЕПЬ в СУДЬБЕ ГЕРОЯ.....	163
НЕБЕСНЫЙ ОТЕЦ.....	167
ЦАРЬ-СОЛНЦЕ в ЗЕНИТЕ СЛАВЫ.....	168
КОРОНА АВНУСИА.....	169
ЦАРСКИЙ САД.....	171
ЦАРСКАЯ НАУКА	173
ЦАРСКАЯ ОХОТА.....	174
ДЕРЖАВА ЗМЕЯ.....	175
ЖЕНА ПОСЛУШАЛА ЗМЕЯ.....	177
ИЗГНАНИЕ БОГИНИ.....	178
ПЕРВЕНЦЫ ЗЕМЛИ.....	181
МОЛОКО ВОЛЧИЦЫ.....	182
КЛЫК ВЛАСТИ или МОЛОДИЛЬНЫЕ ЯБЛОКИ.....	184
ПУТЬ ВОЛХВА.....	187
БАТЮШКА СВАРОГ, ПЕРЕВЕДИ ЧЕРЕЗ ПОРОГ!.....	196
ЛЕСТНИЦА в НЕБО.....	198
ДОСТОЙНЫЕ ПРОВОДЫ.....	203

ЧАСТЬ III КОЛЬЦО ВЕЛИКОЙ БОГИНИ.....208

МЕЖ СОЛЦЕМ И ЛУНОЙ	208
ПОВИТИЕ НА ЖИЗНЬ.....	212
ВЗГЛЯД СКВОЗЬ ВРЕМЯ.....	215
ВРЕМЕН СВЯЗУЮЩАЯ НИТЬ.....	216
ЖЕНЩИНА И СМЕРТЬ.....	217
КАЛИНОВ МОСТ и СЕМАНТИКА РУШНИКА	219
ЖЕНСКИЙ ГЕРОИЧЕСКИЙ МИФ.....	220
ЗА ТРИДЕВЯТЬ ЗЕМЕЛЬ.....	222
ВЕДЬМИН ПЕРЕДНИК: ПОКРОВ ВЕЛИКОЙ БОГИН.....	227
ЗОЛОТОЙ ВЕК ЖЕНЩИНЫ.....	231
РАННЕЕ ЗЕМЛЕДЕЛИЕ – ЭРА МАТЕРИ ЗЕМЛИ.....	233
«БЕЗВОЛЬНЫЙ ОТЕЦ».....	235

ПЕРВЫЕ ВОЙНЫ.....	236
СТРАСТИ ПО ГОРГОНЕ.....	238
ГРОЗОВАЯ СВАДЬБА.....	242
НЕБЕСНЫЕ ЖЕНЫ	246
ВОЛШЕБНАЯ ИГОЛОЧКА.....	248
ДЕВОЧКА В СТРАНЕ МЕРТВЫХ.....	253
БУДЬТЕ КАК ДЕТИ!.....	257
ЗВЕЗДА ВЕЛИКОЙ БОГИНИ.....	260
ЗОЛОТОЕ ДИТЯ.....	263
СНЕГУРОЧКА – ДУША РУСИ.....	267
МЕХОВАЯ ТУФЕЛЬКА – ХРУСТАЛЬНЫЙ БАШМАЧОК.....	271
КРАСНЫЕ БАШМАЧКИ или ПЕРВАЯ КРОВЬ.....	275
МАША И МЕДВЕДЬ.....	277
МЕДВЕЖИЙ ПОЦЕЛУЙ.....	279
ЖЕМЧУЖНЫЕ ВРАТА.....	281
ЯБЛОНЯ ДУШИ.....	283
РОГАТАЯ БОГИНЯ.....	285
ПЫЛАЮЩИЙ УГОЛЕК	289
ЗЕРКАЛО ДУШИ.....	292
ЛЮБОВЬ И ГОЛУБИ.....	295
ДЕВА – НЕСУЩАЯ СВЕТ.....	297
НЕБЕСНАЯ СВАДЬБА.....	303
ПЕСНЬ КОРОЛЕВЫ.....	306
СИЛА РОДА.....	308
ПУТЬ К СЕБЕ.....	310
СОРОК ЛЕТ – БАБИЙ ВЕК.....	320
ДВЕ ЖЕНЫ СОЛНЕЧНОГО БОГА.....	322
БАБУШКА.....	328
ЗАГАДКА КУРЬИХ НОЖЕК.....	330
ВО ПОДОЛЕ МАКОШИ.....	336
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	339

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Как вырастить героя? Не обывателя-потребителя и не пустого биоробота, не холодного достигатора, а героя? Как помочь нашим детям обрести прочную опору в Традиции?

На этот вопрос есть только один ответ: надо укрепить нашу собственную связь с древним знанием, пройти по ступеням взросления и подвига, и, отыскав героический дух в самой обыденности, обрести героя внутри себя.

В этой книге мы попробуем проследить *воздействие героического мифа* на все стороны жизни наших пращуров, в том числе и на вопросы воспитания.

Вместе с героями русских сказок мы пройдем путем Солнца по древнему Кругу силы.

Мы ступим на свой Калинов Мост и победим!

Мы откроем семь корневых смыслов хорошо известных сказок, многие из которых считаются детскими, а на деле скрывают *знание, способное изменить мир!*

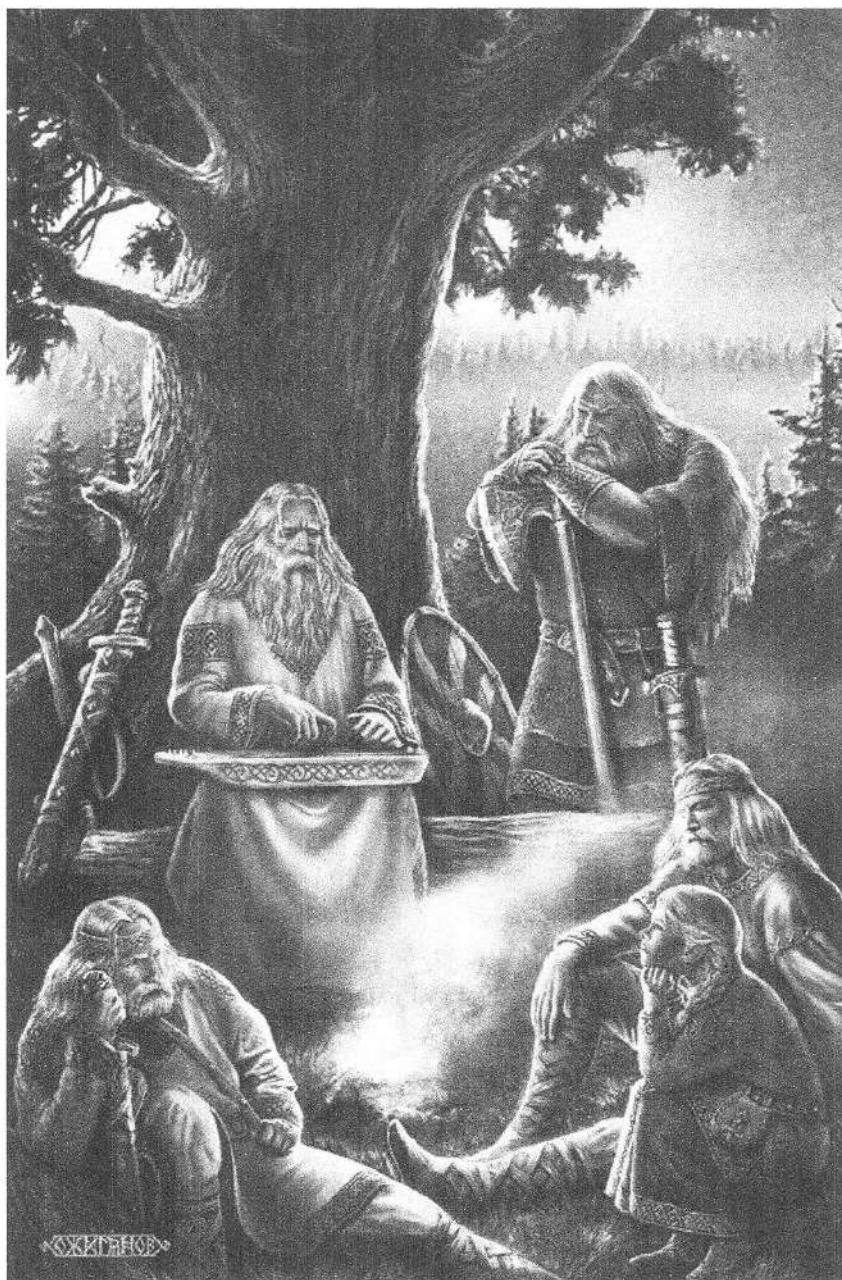
Мы получим в руки загадочный *Велесов ключ* и коснемся сказочной конспирологии.

Сказочный мир так необозримо велик, что мы можем выбрать любую тропку в Вещем лесу.

Мы зовем вас в путь, туда, где под вековым спудом спрятан меч-кладенец, где застоялся без нас богатырский конь, где в высоком тереме ожидает своего жениха предвечная возлюбленная – Русская душа...

Вы готовы?

Книга адресована поколению родителей и не предназначена для детей и подростков.

Художник Игорь Ожиганов «Песнь Бояна»

Часть первая ВОЗМОЖНОСТИ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ИСТИННОГО СМЫСЛА СКАЗОК

ДРЕВО СКАЗОК

*Я стою перед вечною загадкой
Перед великой сказочной страной
В.Высоцкий*

Человек будущего – тот, у кого самая долгая память. Память есть у народа, память есть у Земли. Память – это не только «былое», это источник силы, душевного исцеления и драгоценного духовного опыта.

Сказка – это тоже память, столь же древняя, как и сам человеческий род, это самое раннее колыбельное детство человечества и наше собственное младенчество. Но всякой новорожденной душе нужен повод для пробуждения, и сказка дарит нам это благое потрясение – обжигающее касание неведомого, и самое первое столкновение с властью Любви и чарами Смерти, с неумолимым Роком и непреложными законами бытия случается с нами в сказках.

«Сказка – складка, песня – быть!» – говаривали в старину, но мало кто помнит, что истинная жизнь сказки и песни – не книжная и не концертная, а родовая, бережная, обрядовая *соборная*. Сказка, обряд и песня созидали и поддерживали духовный строй русского человека.

Эта давно минувшая жизнь оставила по себе немного свидетельств, но и их достаточно, чтобы восхищенно вздохнуть по былым россыпям словесной красоты и силы. Пример тому – записки-воспоминания русского поэта Н. Клюева

«От старины выискивались люди с душевным ухом: слышат такие люди, как пырей растет, как зерно житное в земле лопается – норовит к солнцу из родимой келейки пробиться, как текут слезы незримые, слезы людские.

Называл же русский народ таких людей досюль баянами за то, что баяли они баско, складно да учестливо, ныне же тех людей величают поэтами...

Народное понимание искусства, «великое зрение», как баяют наши олонецкие мужики сказители, безмерно, многообразно, глубоко и всегда связано с чудом, с Фаворским светом, – будь это «сказание про царица Андрияница» или скоморошья веселая дудка.

... Покуль не было на Руси грамотных баянов, то сказ велся ими устно, переходим был.

В белом полукафтаны, в лисьем с алой макушкой колпаке, при поясе, с хитрой медной насечкой, ходил баян по немеряным родным тропам, погостам да городищам, и был он гостем чаянным, желанным не токмо избяным, мужицким али теремным боярским, но и палатным княженецким, а почасту и государевым. Не завсегда баян в понитке ходил, а иногда и в терлике бархатном щеголял, в сапогах выворотных, козловых, с мореным красным закаблущем – «меж носов-носов хоть стрела лети, под каблук-каблук – хоть яйцо кати...

Что думал народ, в чем его правда да сила муромская – все баяны стихом выражали, за ретивое кажинного человека красным умильным словом задеть ухитрялись; вот эта-то хитрость песенная, пересказанная, ныне искусством зовется...» (Н. Клюев)

До XIX века сказка именовалась «басень» – от слова баять – говорить ярко, цветисто: «Иные гудуть (играют на смычковых инструментах), иные баяють ему и коцюнять», – сказано в летописных материалах И.И. Срезневского.

Если басни (сказки) связывались с баюнами-рассказчиками, то кошуны (предания и мифы) с волхвами, обрядами и волшебством: «... Ни чаров внемли ни коцюньных вльшеб...» (там же).

В Древней Руси кошуны сопровождали общественные обряды и праздники, и были полноценными священными текстами, питающими сказочное и былинное наследие.

И миф и кощюна имеют значение «священной старины», «предания». Исследователи выводят смысл **слова кощюна, коштюна**, из двух значимых корней *кош* и *тюн*: Значение корня «кош-кош» варьируется от «старый, древний» до «судьба, жребий» и «богатство, войско», *тюне* значит «безвозмездно, напрасно», *туний* – «особенный».

Однако у корня *кощ* есть и другой оттенок: «кощное *сиречь тьма крамешная, преисподняя*». Приведем исследование А.В.Ткачова о бытовании на Руси этого уникального вида устного творчества:

«Исторические материалы содержат свидетельства об особой любви, которую Древняя Русь питала к кощюнам – языческим мифам и историям сказочного свойства, которые (понимаются А.В.) прежде всего, как истории про Кощное царство.

В фольклорных записях XVIII-XX в.в. «кощное царство» – это царство мертвых, другой свет, Кощевы владения. Отсюда очевиден главный мотив русских кощюн – чудеса иного мира и приключения на том свете.

В среде языческих жрецов присутствовала особый разряд волхвов-кощунников, которых приглашали на общественные пиры и праздники. Они «баяли коштюны» (к которым, по-видимому относились мифы седой древности), выступая хранителями языческой поэзии и мифологической мудрости.

Хула церкви своим жалом была направлена прежде всего против них, о чем можно судить по конечному... продукту церковного влияния: слово «кощунство» стало синонимом святотатства, тогда как в древнерусском языке оно соответствовало рассказыванию мифов и занимательных волшебных историй – без малейшего негативного привкуса».

Тем не менее, именно «этот жанр подвергся гневным обличениям христианской церкви: «В кощун вместо православных делес повести сказывати...».

Известное в списке XV века «Слово святого Григория Богослова» содержит проклятия всем видам русского язычества и суеверий. Включая грех сказывания и слушания «скверных басен... и кощюн» (Н.М. Гальковский «Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси»).

Сказка – часть древнейшей волшебной культуры. Вместе с кощунной и песней, она сопровождала и наполняла обрядовую жизнь. Свидетельство тому – традиционные троекратные повторы в сказках, распевы и мистериальные диалоги, особенно характерные для свадебной традиции.

Сказка не только сохраняла описание ритуала, а нередко составляла весь этот ритуал. К обрядовой жизни сказки мы еще вернемся, а теперь пора вспомнить о двух ее загадочных свойствах, известных в народе, как «намеки и уроки».

Большинство из нас прикасается к сказке дважды – первый раз – в раннем детстве, когда сказку читают нам взрослые и второй раз тогда, когда мы сами читаем сказки своим детям и внукам.

Так золотая *зрелость души соприкасается с младенчеством*, а осознанное родительство – с детской невинностью. В эту пору главные уроки нашей жизни уже состоялись, и наш личный душевный опыт позволяет открывать в сказке новые смыслы, и в этот момент у нас появляется великое *множество вопросов* не столько к самой сказке, сколько к своему знанию о ней.

Чтобы понять сказку и после объяснить её ребенку, нам нужны не горы прочитанных книг, а нечто гораздо более важное: раскрытые сердечные очи и развитый душевный слух.

Дети, в отличие от нас – взрослых, проживают сказку всем своим существом, поэтому нередко именно они ставят нас перед главными вопросами сказочного знания, точнее *тайнознания*, и у нас *есть* множество волшебных ключей, чтобы разомкнуть самые крепкие замки, разгадать самые неразрешимые загадки и раскрыть несколько уровней понимания сказки. И даже больше того: *восстановить ее истинный смысл*, ее потерянное звучание, ее стезю в мире людей и в том волшебном сказочном краю, где протекает ее подлинная жизнь.

СВЯЩЕННЫЕ ВОПРОСЫ

Первое на что мы обращаем внимание, читая сказки, это *Морально-этический смысл* или непреложный Нравственный закон – это общеизвестный добрым молодцам урок, который выражается в прямых и понятных сентенциях:

- *Кто правдой живет – тот добро наживет* («Крошечка-Хаврошечка»),
- *Чем хвалимся на том и провалимся* («Колобок»),
- *Как аукнется, так и откликнется* («Лиса и Журавель»), ведь именно Нравственный Закон – это первый уровень понимания сказки, ее *насущенный хлеб*, и, читая сказки нашим детям, мы чаще всего хотим открыть перед ними именно эти правильные и непреложные устои. И сказка позволяет нам сделать желанные выводы или проиллюстрировать моральные поучения.

Заметим, что если найденный нами смысл сказки хоть чему-то учит, то мы уже обрели *первый уровень понимания!*

Но далеко не всегда правда столь очевидна, как требует того наше чувство справедливости, а значит, есть еще множество смыслов, позволяющих прояснить туманные места сказочного таинования, и если у нас возникают серьезные вопросы к сказке, то именно они выводят нас на ее *глубинные смыслы*. Подлинная суть сказки, нашей народной Веды, всегда глубже урока: Какой «золотой шип» она затронула в нашем сердце, какой душевный опыт разбудила, какой след оставила по себе? Что упало в копилку мудрости? Почему так?

Итак, с чего начать поиск смысла сказки? *С правильно заданного вопроса к ее содержанию!* Это может быть конкретный вопрос ««Почему злая Лиса съела такого милого и добродушного Колобка?» Возможен и риторический вопрос, не предполагающий ответа, как знаменитое Пушкинское: «О поле, поле, кто тебя усеял мертвыми костями?», а то и наивное детское: «Почему люди не летают?» или «От чего у нас зачался Белый свет?»* Как правило, именно *этот вопрос и есть главный в сказке!*

В обучающей традиции умение правильно сформулировать вопрос свидетельствует об умственной и духовной зрелости ученика. Вспомним игру в вопросы Василисы и Бабы Яги – это диалог равных; *ведающих*, это обмен жизненным опытом, когда учительница и ученица меняются местами. Оказывается даже Бабе Яге не все известно, и она тоже продолжает свое обучение в великой школе бытия. В сказке «Василиса Премудрая» это *культовое вопрошение* фиксирует наше внимание на древнейшей (волшебной) части сюжета: на явлении трех всадников: *черного, красного и белого*, а три символических цвета – это уже *новый смысловой уровень!* Режим вопросов и ответов гарантировал сохранность и передачу сакральных кодов сказки.

Традиция излагать мудрость в виде вопросов – очень древняя и общепринятая: таковы знаменитый славянский апокриф «Голубиная книга» и Веды Упанишад.

Именно вопрос позволяет нам *двигаться от частного к целому*, то есть *идти в направлении раскрытия подлинного смысла сказки*, ее родниковой истины!

Где нет любви – там нет и Истины! Так знание истин, особенно волшебных, дается по мере любви и доброты. Поэтому дети часто оказываются мудрее взрослых и именно их устами *глаголит Истина*.

Согласно древней притче Боги сокрыли мудрость от гордых и превозносящихся, заперли ее на семь ключей и отдали те ключи простецам и детям. Поэтому *пусть брахман, отрекшись от учености, станет, как дитя! Да будет он подобен ребенку. Природа ребенка – свобода от уз и непорочность. . . – утверждают веды Упанишад*, и пусть *нашим следующим шагом* будут детские «волшебные» вопросы, или вопросы о том, что собственно волшебного в этой сказке?

Говорящие звери и птицы?

Явление Змея Горыныча?

Путешествие Емели на печи?

* Самая юная писательница на Земле, четырехлетняя Дороти Стрейт (США) в 1964 году издала книгу «Как начинался мир?».

А может быть: «Почему Волк съел козлят, а они остались живы?».

Довольно часто искусно заданный вопрос составляет суть загадок, заметим, что игра в загадки выявляла не только умение мыслить на разных уровнях, но и владение всем космосом народной речи, на Руси бытовал и отдельный строй загадок на *целомудренное мышление* или на изобличение его «порчи».

Разгадывать загадку – означает мыслить образами, или «представлять». Загадки в большинстве случаев и даются на зрительное воображение: очи души. Природа этого второго видения до конца не ясна для нас, но в ней задействованы те же отделы мозга, что и при обычном зрении.

Чтобы **правильно понять сказку** или найти ответ на загадку – надо **вызвать ясный образ** и уловить его сходство с другим кругом явлений: *Упал брус через всю Русь, а встанет –до неба достанет!* или «Без жил, без костей, рано утром встает, бабе спать не дает?» В первом случае мы «увидим» некую земную протяженность – дорогу:

«путь жизни», «лестницу в небо».

Вторая загадка – на целомудренное мышление. *Целомудрие это целостная картина мира, единство внешнего и внутреннего, высота душевного понимания* и абсолютное доверие к миру. Так избяной ребенок, хорошо знающий крестьянский быт, сразу ответит: «тесто», а «тертый калач» рискует попасть в силки своего взрослого опыта.

Итак, дополнительный смысловой уровень открывается при должном развитии образного мышления. Умение находить всеобщее, устанавливая связь явлений и образов, и безошибочно раскрывать одно через другое позволяет уверенно работать со сказочными ключами.

В нашей «котомочке ума» есть восемь уровней-ключей, чтобы отомкнуть заветные недра сказки и открыть изумрудное ядрышко смысла. Назовем эти ключи:

Морально-этический смысл (Нравственный закон)
Мифологическое содержание («Вечные мифы»)
Календарные образы-олицетворения
Обрядовые (мистериальные) сюжеты
Посвятительские сценарии (описания инициаций)
Исторические события и долговременная память поколений
Народное любомудрие (Философский пласт)
Астрологические и астрономические образы, славянский зодиак

Все эти уровни и смыслы вложены друг в друга наподобие матрешки. Поэтому мы можем говорить о *матричности* сказки, и о ее полном эстетически-смысловом единстве. Смысловые уровни сказки не противоречат друг другу – просто у каждого своя неповторимая задача.

Первым уровнем сказки будет ее вечный, непреходящий смысл или **Нравственный закон**.

«Две вещи удивляют меня – звездное небо над головой и моральный закон внутри нас» – писал И. Кант, он же говорил о вечном зове совести, доброты и служения. Любая сказка подтверждает этот моральный (шире нравственный) закон, но никогда не объясняет и не комментирует его. Так *«в наших русских сказках побеждает не тот, кто лукав и хитер, кто лучше вооружен, а тот, кто храбр и честен, кто крепче связан с духовной традицией Рода»* (Н. Сперанский).

Благодаря этой своей особенности сказки уверенно ведут нас сквозь жизненные тернии, и укрепляют веру в торжество Правды и Добра. Не об этом ли живительном веянии сказки писал Александр Пушкин в своем письме из Михайловского в ноябре 1824 года:

«Вечером слушаю сказки и вознаграждаю тем недостатки проклятого своего воспитания. Что за прелесть эти сказки! Каждая есть поэма!».

Но далеко не всегда сказки прямо иллюстрируют искомый моральный закон. Иногда мы упираемся в некую запутанность, в неразрешимую загадку, в узел противоречий, когда все наработанный схемы терпят крах, а старые теоремы нуждаются в новых

доказательствах. Когда мы явственно слышим плач нашего *внутреннего ребенка*, но не знаем, что у него болит, и чем ему помочь, особенно если этот плач доносится из детства...

Вспомним сказку «Медведь Липовая Нога»: *Пошли раз охотники в лес на медведя. Убить медведя не убили, а только отсекли ему лапу... Лапу отдали старухе... Медведь поревел-погоревал, да и сделал себе липовую ногу...*

Ночной лес, по которому шествует изувеченный зверь – это лес души, чаща страшных сновидений, куда не заглядывает луч солнца, ведь рассвет в сказке так и не наступает...

Заметим, что в сказках действует своеобразный закон обратной перспективы: чем древнее сказка, тем она «кровавее» и ближе к *sacrum* древних.

Зачем сказители прошлого сложили и рассказывали эту «священную и ужасную» сказку? Чтобы припугнуть маленьких? Или потому, что древнейшая возможность нашей души – сострадание, уже давно не реализуется человеком, и только ребенок способен почувствовать и оплакать боль зверя?

КОСМАТЫЙ БОГ

Первое потрясение для ребенка – это абсолютно человеческий образ Медведя в сказке, его разумное поведение и его грозная песнь:

Скирлы-скирлы-скирлы...

На липовой ноге, на березовой клюке

И по селам спят, по деревням спят

Одна баба не спит, на моей коже сидит

Мою шерстку прядет

Мое мясо варит...

Чем глубже ранена Природа тем сильнее она стремится к своему истоку. Зверь по-человечьи «делает» себе ногу из липы и идет мстить своим обидчикам. Сказочный Медведь – это божественная, нетронутая Природа, и такое понимание абсолютно верно именно для нас, славян. Наш весенний «медвежий праздник зо-

вется Комоедицы, и вещая Природа здесь была олицетворена медведем», – писал Б.А. Рыбаков.

У славян имя медведя бытовало в древней табуированной, иносказательной форме: «мед ведающий», а исконная запретная форма была, очевидно, близка к северо-индоевропейской *ber* (немецк. *Bar*), т.к. зимнее жилище медведя повсеместно называется «бер-логой», то есть «логовом бера».

В сказке ясно обозначен конфликт человека с Природными Богами и его «черная победа». Сказочные охотники нарушили древнейший кодекс чести: изувечили зверя и оставили его истекать кровью.

Охотничья магия времен палеолита оставила нам множество сказок, сохранивших свою волшебную-заклинательную суть. **Звери – первые Боги человечества** и Медведь в нашей сказке – отнюдь не лохматый простофиля, а грозный «тотемный» зверь, внушающий почтение и ужас.

Самые древние мифы (и сказки!) родились среди охотничьих сообществ палеолита, возраст «мифологии охотников» исчисляется в 40 000 – 8 000 лет до н.э. Человек той поры не знал земледелия, и жизнь рода людского целиком и полностью зависела от охоты и собирательства. Это были страшные, трудные и благословенные времена, когда ковался наш вид, когда создавались и совершенствовались наши представления о красоте, справедливости и чести, а так же все те психические заклады, которые донныне движут нами.

Эта героическая эпоха ставила дух выше плоти, вечное – выше преходящего, и не делила единый поток Жизни на сакральное и обыденное. Трудность жизни и непредсказуемые явления природы толкали человека к более близкому контакту с духовным миром Земли, и даже к прямому воздействию на него. Остатки такой первобытной магии сохранились в сказках «Медвежьего цикла».

Так почему медвежью лапу отдали безвестной старухе? Из жалости к ее бедности и дряхлости? А может быть, медвежья нога не представляла никакой ценности?

Известно, что медвежья лапа или коготь почитались в народе сильным оберегом: археологи находят целые ожерелья из когтей.

«Палеолитические захоронения медвежьих лап, олицетворявших в сознании первобытного охотника столь нужную ему и несокрушимую силу и крепость, были одним из первых приобщений человека к сфере магии и заклинаний.

В окрестностях Новгорода в неолитических слоях часто встречаются «пальцевые кости медвежьей лапы, зарытые в одну яму с костями человека» (В.С. Передельский)

По сведениям, собранным Н.Н. Ворониным, в славянских курганах Поволжья и Приладожья обнаружены модели глиняных медвежьих лап.

«Медвежья тема в археологии и фольклоре... сопряжена с именем славянского языческого бога Волоса-Велеса. Волос – древнейшее из всех славянских божеств, корни представлений о котором восходят к медвежьему культу мустьерских неандертальцев. Особенно сближает медведя с Волосом-Велесом название медвежьей лапы, оберегающей крестьянский двор, прозванной «скотьем богом», традиционным обозначением Велеса в русских летописях...» (Б.А. Рыбаков).

Медвежья лапа вывешивалась еще в начале XX века подмосковными крестьянами во дворах для охраны скота (А.Б. Зернова «Материалы по сельскохозяйственной магии в Дмитровском крае»).

Древнейший славянский обычай носить ожерелье из медвежьих когтей восходит к мифу о Хрустальной Горе. Ледяная круча – возможная память мезолитического оледенения. Всякому умершему предстояло «взобраться» на крутую гору ледника, чтобы попасть на небо, для этого восхождения и нужны были медвежьи когти.

Может быть, старухе в скором будущем предстоит взобраться на гору? Ведь в большинстве сказок, старуха, (в отличие от энергичной бабы) являет собою ветхий разум и дряхлое тело. **Так почему ей отдали лапу?**

Теперь мы готовы сделать маленькое открытие: *подобное притягивает подобное*, и если лапа в народной традиции обладает волшебными свойствами, то и старуха – тоже!

Сказочная старуха являет собою почти выветрившийся образ Великой Матери, старейшей женщины племени, хранительницы его священного Огня и оберегов. *Она же обладательница котла*, ведь медвежью ногу можно сварить только в большом общинном котле!

Академик Б.Рыбаков называет бронзовые котлы принадлежностью скифо-сарматской матрической культуры первого тысячелетия до нашей эры. Однако первая общинная «посуда» появилась еще в охотничьи времена. В северной традиции котел – абсолютно магический предмет, подарок духов и фей, предназначенный для варки волшебного напитка и зелий.

В сказках варка героя в котлах являет процесс его омоложения и преобразования: своеобразную духовную алхимию, восстановление утраченных качеств.

Кипящий котел Жизни, как и общеизвестное «чеховское ружье», просто обязан «выстрелить» в конце сказки! Однако в сохранившемся финале сказки ничего примечательного не происходит: медведь падает в открытый погреб, «погребает сам себя», и по-видимому попадает на хтонический «пекельный» уровень.

Не удивительно, что в зачине сказки «Царь-Медведь» *Лесной бог* появляется из глубокого колодца, и хватает за бороду незадачливого Царя – отца двух царевичей-близнецов. В сказке медведь действует как сильный волшебник: грянувшись оземь, он вызывает подземный огонь и опаляет крылья орлу и соколу, сладить с ним может только бычок-дристун вполне обыденным средством: залепив глаза Царя-Медведя навозной жижей. Воистину, *сверженные Боги пали ниже демонов*.

Столь же незавидная участь ждет и другого сказочного героя, связанного с Медведем узами прямого родства.

«Есть в сказках о Медвежьем ушке одна устойчивая деталь, не встречающаяся никогда в аналогичных сказках с другими героями: – пишет Б.Рыбаков, – человек-медведь оказывается на дне глубокого колодца, криницы, и люди сверху пытаются его убить огромным камнем в полтора пуда. В одном из давно записанных вариантов (Подолия) «громада» людей убивает человека-медведя на дне

криницы сброшенным сверху камнем... Архаичные формы охоты могли консервироваться в виде обряда».

В другой русской сказке старик отрубаёт у спящего волка заднюю лапу по самый пах. Волк (Природа, объятая зачарованным сном) просыпается далеко не сразу, далее знакомый нам «медвежий сюжет» повторяется.

Итак, первое знакомство со сказками закачивается для ребенка «сбрасыванием раненого зверя» в глубокий погреб. Отныне его горестный рев будет изредка доноситься из глубин детского подсознания. А где же «золотые ключи человечности»? В чем непреходящий урок? За ответом на этот вопрос обратимся к мифологии.

Сказка «Липовая нога» рассказывает о грубом нарушении охотничьих запретов. **Сказки о нарушении запретов** наиболее близки к обучающим мифам всех времен и народов.

«Сказка о Медведихе» в обработке А. Пушкина рассказывает о бесчестном мужике, убившем лесную боярыню вместе с медведжатами, за что его наказывает медведь-отец и все лесные жители. Созвучен с этой сказкой и марийский миф о созвездии Большой Медведицы (Лосихе), записанный путешественником Г.Потаниным в 1883 году: неизвестный охотник убил лосиху с детенышем за что был обречен вечно кружиться по небу со своей собакой. Ныне он яркая звезда в ручке ковша Большой Медведицы (Мишар), а маленькая звездочка рядом – его собака (Алькор).

Но сказки о нарушении запретов всегда назидательны, а в нашей сказке назидание отсутствует. Отсюда непреложный вывод: несколько столетий, а то и тысячелетий тому назад сказка «Медведь Липовая нога», и связанный с нею **обучающий миф** заканчивалась иначе!

Вдумчивый разум и чуткое сердце могут прозреть у сказки и другой конец: либо смерть безымянных охотников, забывших священный договор с лесными Богами, либо возвращение неправедно добытого, и полное исцеление покалеченного зверя Старой Матерью, обладательницей котла вечной Жизни!

Волшебное преобразование героя посредством этой материнской волшеббы есть в других наших сказках. Мы уверены, что раненого медведя можно и нужно исцелить, вернув ему искалеченную ногу.

Пусть это возрождение состоится! И ребенок вместе со взрослым, читающим сказку, выпустит счастливого зверя в рас-светный лес, сверкающий росными радугами.

Так с первых «колыбельных» шагов мы можем исцелить свою память и вернуться к своим корням. Обрести внутренний закон и опору под ногами. Встать на путь Любви, Света и Ра-зума, и тогда земля, реки и леса начнут очищаться и оживать, купаясь в любви людей, и вся наша жизнь станет Даром, а не на-казанием, мы как в былые времена ощутим себя возлюбленными чадами нашей мудрой и щедрой Природы.

Пусть плюшевый Мишка остается любимым спутником на-шего детства, а великий Бер – спутником детства человечества.

А наша сказочная история имеет продолжение, хотя бы в на-ивной детской культуре, подлинно доброй и глубокой:

*Уронили мишку на пол,
Оторвали мишке лапу
Все равно его не брошу
Потому что ОН ХОРОШИЙ!*

А БЫЛ ЛИ МАЛЬЧИК?

*Маленький мальчик упал в стаканчик!
А стаканчик на бочок! Давай, бабка, пятачок!
И пяток грошей! Коляды хорошей!
Колядка*

Мы восстановили подлинный смысл сказки «Медведь Липовая нога», обратившись к её нравственно-этической стороне. Созна-тельно повернули «золотой рычаг Вселенной в сторону Правды». Попробуем применить «золотые ключи народного любомудрия» и к нашей следующей сказке со столь же загадочным содержа-нием и смыслом: это сказка «Липунюшка» в пересказе Л. Тол-стого. Заметим, что сказка входит в программу по литературе для младших классов средней школы.

На липовой ноге

Чуткие дети часто задают вопрос, почему отец в этой сказке продает своего елва народившегося сыночка? Что с того, что сметливый малыш успеваеет подмигнуть отцу: *мол, ты меня, тятя, продай, а я потом обратно сбегу!* Сам собою напрашивается не-лестный вывод, что готовность к обману и есть базовый инстинкт нашего народа. «Папа, а ты и меня продашь?» спрашивают особо впечатлительные дети. Врожденная готовность сказочного ма-

льша к мошенничеству – трудный момент для моральной оценки всего содержания сказки. Конечно, обман в этой сказке веселый, плутовской и пребывает вне всякой морали, а значит, вне морали пребывают и ее главные герои!

Откроем секрет: сказка «Липунюшка» в том виде, в каком она до нас дошла, не является «детской сказкой» и на школьной полке очутилась по явному недоразумению. Однако обо всем по порядку.

Появление Липунюшки на свет – вполне волшебное событие; *отпряла Баба хлопочек, положила в столбочек... а на другой день там послышался голосок.*

«Хлопочек» – свитая нить, моток, вилок жизни, рыхлый клубок. «Столбочек» – столб печи, теплое место, пригодное для зарождения жизни, вокруг «дыма», печного столпа, как вокруг кочерыжки, шло навитие кочана всей крестьянской жизни.

Столбочек – печной столп (слуп) – ритуальный центр традиционного дома, которому у белорусов давалось характерное наименование «Дед» или «Конь» (кон). Почитание его восходит ко временам индоевропейской общности, он же считается одним из мест обитания домового – *«бо пад стаубом жыве хатний дзядок, які спрыяе гаспадару».*

В другой сказке Баба отбросила за печь чурбак-поленце, а вскоре там «запишало». Как тут не вспомнить Буратино?

Однако скрытый оттенок этого сюжета не авантюрный, а духовно-мистический: чурбак был брошен за печку, туда, где по поверьям живет «суселко», дух пращура, домовый, дедушка-кормильчик.

В других сказках мелькает кровный, плотский мотив: «Рубила баба капустку, отрубила палец сечкой, завернула в тряпицу и стал расти у нее мальчик...», так всепроникающая, вечная жизнь наполняет Мироздание и при каждом удобном случае прорастает новой завязью.

Мотив «волшебное дитя» в народном варианте сказки «Снегурочка» звучит так: «Натаяли баба с делом снега в мисе, поставили в теплое место, а через день другой там и запишало...».

Всякое чудесное зачатие и рождение, тем более непорочное зачатие «от неба» является эхом древнейших преданий. Согласно мифам палеолита посев жизни совершается Всеобщим единым Началом, о том же говорят и языческие представления наших предков: «...Род сея на воздухе мечет на землю груди, и в том рождаются дети...» «... Всем бо есть творец – бог, а не Род!» – сурово замечали летописцы, но люди жили не по-писаному.

Из новгородских летописей известно о «дожде из вевериц» (молодых белок) и оленьцов (оленят), «после чего они расходятся по всей земле».

Так древнейший миф сохранил откровение о глубинном родстве всего живого и о нашем кровном преемстве от Богов, и если перед нами сказочный мотив «Чудесное дитя», то дальнейшие события сказки должны это подтвердить.

И поначалу все идет «добрым порядком». Шустрый малец свелуш во всем: сразу «по рождении» он бежит в поле помогать отцу, несет узелок с блинами и приступает к пахоте. Так сбывается извечная крестьянская мечта о скором помощнике: *Папка, Мамка, вот он я! Где топор дрова рубить?* Отца вполне устраивает объяснение незнакомого малыша, что он его родной сын и «в хлопотке вывелся»: ведь *в жизни всегда есть место чуду!*

Вскоре малыша выторговывает некий барин, он «прячет» Липунюшку в платочек и кладет в карман. Согласитесь, что так поступают не с детишками, хоть и с крохотными, а с неодоушевленными предметами, либо с чем-то таким, что вполне уютно чувствует себя в платке! По всей видимости, Липунюшка вовсе не мальчик-гном. Так же как «Мальчик -с-пальчик», он – метафора, эвфемизм, *благоречие* для стыдливого обозначения того, «о чем ханжеская мораль предпочитает не упоминать».

Да, это он: вездесущий и неутомимый *оптимист и движитель жизни!* Согласно психологии глубин божественный карлик» он же «*фаллос, является существом, которое движется без членов, видит без глаз, которому ведомо будущее; он наделен бессмертием в качестве символического представителя всюду действующей*

творческой силы. Он провидец, художник и чудотворец...» (К. Юнг «Дух и жизнь»).

Эти парадоксальные и волшебные свойства «зачинателя бытия» были известны всем без исключения народам. Упанишады говорят о нем следующее:

«Меньше малого, (однако) больше великого, в сердце существа покоится сущность... Без рук, без ног, он двигается и схватывает, без глаз видит и без ушей слышит. Он знает то, что нужно знать, но не существует знающего его. Его называй первым, могучим созданием».

«Ноги карлика, невзрачность и уродливость стали особенно характерными чертами тех таинственных хтонических божеств, сыновей Гефеста, которым приписывалась могущественная чудотворная сила, именно Кабиров. Имя кабир означает мощный; их самофракийский культ глубоко связан с культом фаллического Гермеса, который по сообщению Геродота был занесен в Аттику пелазгами...» (К. Юнг «Дух и жизнь»).

О кабирах Гете говорил так: «мал, да удал!», точно так зарекомендовал себя и античный бог-фаллос Приап, сын Диониса и Афродиты, будучи некрасив и даже смешон, он был великим весельчаком, мудрецом, а так же учителем Богов и людей.

О бытии божественного уда Осириса повествуют мифы египтян, ибо именно он дал жизнь и плодовитость рыбам и всему подводному миру, включая и морских пресмыкающихся. Библейский Змей – искунитель так же, по мнению исследователей, является фаллическим образом.

В народной культуре, а тем паче в целительстве, все части тела наделены самостоятельным мышлением. В русской сказке лисичка подробно опрашивает свои члены о том, как они *лисоньке помогали?* Перенесение свойств целого на его часть стало художественным приемом, авторской гиперболой в повести Н. Гоголя «Нос», посвященной забавным похождениям этого выдающегося органа. Скоморошьи заветные сказки и мистические

рассказы – былички, широко бытовавшие в народе, тоже вдохновлялись идеей самостоятельной жизни важнейших частей человеческого тела.

В сказках чаще всего полную самостоятельность от тела получает голова, но после столь многотуманного члена новым полноценным существом становятся именно гениталии. Они являются вполне свободными личностями со своими именами, мышлением, инициативой и судьбой, и это не только общераспространенное представлением древности, но и вполне современное, как явствует из городских «граффити». «Божественный карлик» даже умирает значительно позже своего хозяина, и это абсолютно природное явление послужило темой для многих игр и быличек, нескромных шуток, скоморошин и заветных сказок.

Их герой чаще назван Шишом или Шишаткой (Из-за леса, леса темного/ привезли Шиша огромного), а то и Балдой (Елдой). В сказке Пушкина удалец Балда (получивший самостоятельность подобно гоголевскому «Носу») попадает в чинное семейство священника и производит смятение среди его женской половины! Здесь Пушкин демонстрирует виртуозное владение народным юмором, не задевая детского целомудрия, он являет искрометную игру образами, скоморошье кобение, веселый глум, восходящие к магическим культам плодородия.

Эти культы глубинны и многообразны, жизнерадостны и вечны. Сразу заметим, что никакого «фаллического культа» у исторически известных славян не было, но есть указания на его пережитки. Например, обычай показывать «шиш» (кукиш), ведь предмет символом которого в данном случае служит «фигушка», некогда считалось охранителем от злых духов и чар.

Со времен неолита и до позднего средневековья известны изображения плутов (наральников) в виде мужского уда. Такая форма подразумевала любовное соитие пахаря и Земли, ведь связь эроса и плодородия в народном понимании – абсолютна.

Отсюда и известные обряды, зафиксированные у всех народов древности. У славян так же использовались предметы фалличе-

ской формы: «чтут срамные уды в образ сотворены, и кланяются им и требы им кладут», эти же предметы, согласно сообщениям летописцев, широко использовались в свадебных обрядах. («Слово об идолах» XII в.) То есть мифический мальчик-с-пальчик мог иметь свой реальный прообраз в крестьянском быту.

До семнадцатого века знатоками и носителями «магии плодородия» были скоморохи. Они же виртуозно владели особым языком («кобью») и искусством рассказа «заветных сказок», где ненормативная лексика передавалась неразличимой скороговоркой.

Но вернемся к «Липунюшке»... Возможно, что подлинный смысл этой сказки таков: мужик спешит в поле пахать, оставляя жене «работящего малютку»: весной время дорого! Вскоре мальчик уже «пашет» за батю, пока тот отдыхает.

Пахота «без пахаря» удивляет барина, но хорошенько разглядев неутомимого труженика, он покупает его для жены. Внимание: покупку он заворачивает в платок! Еще одно указание на то, что сказка не о «мальчике». Нельзя упускать и морально-этический план: *продать сыночка, малое дитя – это подлость и преступление, продать «штуку» глупому барину-вырожденцу – «поделом»*. Здесь уж хохот «до животиков»: *У барина-то, вишь ты, не пашет, а в мужицком «товаре» – сила природная, от земли!*

Возможно, что объяснение смысла этой сказки составляло суть возрастной инициации. Но рассказывали ее и в родовой избе, где аудитория слушателей была от трех и до ста лет, и всем было смешно одинаково, особенно если рассказчик изображал гнев барыни, оставшейся без «подарка».

Итак, мы хорошо поработали с нравственно-этическими гранями сказок и убедились в том, что далеко не все сказочное наследие, в том виде, в каком оно запечатлено, готово к встрече с душой ребенка. И наш следующий ключ к заветному сказочному сундучку – предание или миф.

ЭХО МИФА

Если сказка – ложь, то и мы тожь...

Мы убеждены, что сказка (в ее истинном смысле и звучании) скрывает в себе знание, способное изменить мир, иначе не стоило бы тратить время на ее изучение.

Это знание – отнюдь не новые технологии или пересказ старых истин: сказка по-прежнему хранит ключ к человеческим тайнам, к тайне нашего появления на земле, и к тому, что можно без смущения назвать «великим мифом».

Миф – это откровение спасающее нас в час великой нужды, и с глубочайшей древности именно миф стал формой диалога между человеком и некой духовной реальностью, которую можно назвать вечным Божественным Миром.

Миф восполнял мышление человека до космической полноты, он объединял мечту, знание, веру, вечное и суетное, волшебное и обыденное в единое чудо жизни.

Мифологический ключ позволяет нам распознать в сказках древнейшие мифы и даже лики славянских Богов.

Сказка – наследие живое, подвижное и его передача – это творчество, именно так понимали свою задачу сказители прошлого. Владея основными сюжетами, и даже осколками древних мифов, они смело соединяли их в новые сюжетные единства. Попробуем обозначить самые **ранние мифы человечества**:

Палеолитические мифы охотников (от 2,5 млн. лет до н.э. до 8 тыс. лет до н.э.).

Миф о Вечном Возвращении Души

Миф о Сотворении Мира

Миф о зачатии детей от Неба (непорочное зачатие)

Миф о кровном родстве с Богами

Миф о Матерях Природы

Миф о зимнем Солнцестоянии (мужской героический миф)

Миф о Небесной обители

Миф о Мировом Древе

Миф о космической погоне

Миф о путешествии души в царство мертвых

Мифы мезолита (примерно 10 тыс. лет до н.э, конец эпохи оледенения)

Миф о Двойниках (близнецовый миф)

Миф о Ледяной горе

Неолит (от 8 до 3 тыс. лет до н.э.)

Миф о Великой Богине-Матери (Мать-Сыра-Земля)

Миф о Первом жертвователе

Общевропейский инцестуальный миф

Миф о Золотом веке

Эпоха городов (2 тыс. лет до н.э.)

Миф о Змееборце

Грозовой миф

Технократическая эпоха

Миф о новом предназначении человека

Все эти мифы, за исключением может быть последнего, в той или иной форме отражены в наших героических и волшебных сказках. Согласимся с Б.А. Рыбаковым, и Е.М. Мелетинским и еще многими исследователями славянского фольклора в том, что **происхождение сказки от мифа не вызывает сомнений.**

Миф – это древние кости сказки, позволяющие установить ее всемирное родство, и в нашем стремительно изменяющемся мире, именно сказка по-прежнему ведет нас мифологические глубины, где пребывают величавые образы Богов и Героев, и живет спасительное знание о сокровенной природе и назначении человека.

Величайшие мифы рождались из глубинной тревоги, вызванной не только проблемами выживания, но и духовными открытиями, и всякий раз человек совершал шаг, трогался в рост и развивал свое понимание мира. Миф примирял глобальные противоречия между Природой и растущей цивилизацией, между мечтой и реальностью, он же воспитывал бесстрашие перед ограниченностью земного бытия.

Удивительно, но у человечества никогда не было «мифологического букваря» и с самых первых шагов человек стал создавать *тексты огромной сложности и поистине вселенской вместимости.*

Древнейший миф имеет природу откровения, и самые первые реликтовые представления о мироздании оказались поистине нашей «вечной философией». Таков миф о Сотворении Мира или о Мировом Яйце.

ПЕРВЫЙ РЕБУС ЧЕЛОВЕЧЕСТВА:

У этого сказания облик мифа...

Платон

Самая первая сказка, какую рассказывают ребенку: это сказка о золотом яичке и скромной пеструшке Курочке Рябе. Во время рассказа малыша обучают простым движениям и звукам, повторяя все действия персонажей: *Так Боги-Пращуры делали и нам делать заповедали.* При этом разыгрывается что-то вроде мистерии: с плачем, ликованием, с постукиваньем по столу и значимыми действиями.

Нет сомнений, что эта самая первая обучающая сказка содержит первый урок, до сей поры не усвоенный нами.

Обратимся к народному этнографическому варианту:

А вот послушайте, что я буду баять:

Жили были Дед да Баба, и была у них Курочка Ряба. Снесла та курочка яичко: пестро остро, костяно, мудрено. Посадила яичко в осино дупёлко, в кут, под лавку.

В русских деревнях *кутом* звалось отгороженная занавеской женская половина дома рядом с устьем печи, именно в куту русские старообрядцы держали иконы. Доныне *Кудами* (КулО) – зовутся деревянные храмы у народов Поволжья, сохранивших языческую веру. От корня *куд* родилось русское слово *кулесник*.

В общеизвестном варианте сказок яйцо названо золотым.

Яйцо – самый известный символ начала начал, настолько древний, что невозможно установить, у кого из народов-первенцев он появился раньше. Попробуем сложить все гимны и песнопения, посвящённые Мировому Яйцу, и у нас получится впечатляющая оратория:

Даждь Бог сотворил нам Яйцо – Вселенную, в которой свет звёзд нам сияет. И в той бездне повесил Даждьбог землю нашу, дабы она удержана была. И это души пращуров суть, и они светят звёздами нам из Ирия, – написано на первой дощечке «Велесовой Книги».

Оно постепенно разрастается, как круги на воде: это огромное Яйцо первоэлементов, покоящееся на водах и наделённое первичной материей. . . – Так описывают индийские Вишну Пураны картину зарождения мира.

Из яйца из нижней части вышла Мать Земля Сырая, – продолжают финские сказители.

И вот из яйца появился Эрос сладострастный.

Он явился в сверкании крыл золотых, легконогому ветру подобен, – добавляет эллин Аристофан.

Египтяне описывали Солнце, как золотое яйцо, снесённое праматерью гусыней.

На санскрите яйцо зовется *коло*, так же называют русские поморы Полярную звезду, не отсюда ли удивительное описание северных звёзд у И.Бунина: *Как есть с яйцо лебяжье!* О величии и древности «мирового яйца» говорит и одно из санскритских имён Брахмы – Коло Ханса, иначе Яйцо Лебедя.

В традиции гностиков известен столь же древний и глубокий символ: *философское яйцо*.

Яйцо, обвитое змеей означало девственную душу философа в объятиях безмолвной Мудрости.

Чтобы получить золото, надо иметь золото – лукаво замечали алхимики Средневековья. Издревле Золото символизирует свет духовного солнца, таков *Золотой век*, эпитеты *золотое сердце* или *золотая душа*.

Заметим, что «золото» для славян – понятие не материальное и означает скорее «духовную драгоценность». «Слово – серебро, молчание – золото», «Мал золотник, да дорог», – все эти «золотые речения» – суть явные иносказания. Золотник в народном обережном языке – не монета, а женская матка, в этом же языке эпитет «золотой» заменяет роковое слово «последний». Несколькo презрительное отношение к золоту, в значении «богатство» выражено в устаревшем слове «золотарь».

В славянской традиции «яйца были неотъемлемой частью весенних аграрно-магических обрядов, начиная от праздника «Красной горки» и кончая пахотой и севом... Космологический смысл композиции писанок говорит о том, что яйцо, предназначенное для ритуала, должно было изображать Мир в целом со всеми его земными и небесными разделами» (Б.А.Рыбаков).

Изготовление писанок относится к волховским искусствам древности. Узоры на них некогда были столь же сакральны, как вышивки на рушниках-убрусах. Яйцо для изготовления волшебной писанки непременно должно быть живым, то есть теплым, взятым из-под несушки. После росписи и вошения этот образ Лада и Мира подвешивали на нити в красном углу, ставили в чашу с зерном или помещали на божницу.

Яйцо – образ творческого развертывания пространства и времени, «растворив яйцо», сказочный герой достает золотые сапожки и платье для суженой. Но возможно и движение вспять, своеобразное схлопывание, так в сказке «Марья Моревна» три царства – Медное, Серебряное и Золотое сворачиваются в яйцо и катятся за героем:

*Я скатаю Родину в яйцо
и оставляю чуждые пределы,
и уйду за вечное кольцо,
где никто в лицо не мечет стрелы.
Раскатаю родину свою,
разбужу ее приветным словом
и легко и звонко запою,
ибо все на свете станет новым ... (Ю.Кузнецов)*

Из славянского мифа о Мировом яйце следует одна важная особенность традиционной картины мира: *«Земле есть желчь яйцю, яко же посреди: небо же и воздух – белта и чръпка яйцю»* – сказано в древне-русском духовном сборнике. Черепки представляются небесной и земной твердью, между ними – пространство жизни и чудотворения.

Звезды – это свет снаружи тверди, свет Божественного мира (*«Много в небе дыр – да не выскочить, крепко дух сидит в белых косточках...»*). Сквозь отверстия-звезды в небесном пологе в наш мир приходят души: *Звезда упала человек родился!*

Мировое пространство (Золотое яйцо) *самозамкнуто* и непроницаемо, что и является залогом сохранения в нем Жизни. *Мир во мне, и я в нем.* – кратко и емко выразил Иван Бунин формулу человеческого макрокосма; того самого Золотого яйца. Если мир-яйцо замкнут, то и Боги-помощники и спорители, от которых зависит удача и урожай, пребывают не снаружи небесного свода, *а внутри* него – *с человеком!** От того славянские Боги, а позднее народные святые-скорпомощники так близки к смертным, просты и человечны, они помогают в ремеслах и разделяют с ними и бытовые заботы и превратности северного климата.

Как утверждают загадочные «Халдейские оракулы»: *Девственное Яйцо, Золотой Зародыш, или Яйцо Вселенной постоянно пребывает под надёжной защитой Созидательной мудрости.* Эти божества истока, зиждители мира не имеют имен. Созидательная мудрость в русских сказках представлена Делом и Бабой.

Этнографический материал показывает, что древнейшими божествами славян являлись Дед (Дидо, Род) и Баба (Рожаница). В мифах Творения (с одним из них мы сейчас и имеем дело), действующими лицами являются, как правило, Боги, Предки или легендарные герои. Боги в русских сказках никогда не выступают под своими именами, но их присутствие всегда ощутимо.

Однако в сказке происходит далеко не рядовое событие: безо всякой видимых причин Дед и Баба теряют свой духовный дар бережения и начинают стучать по Мировому яйцу: и согласно нашей модели мира* стучат они не снаружи, а изнутри!

Дед бил-бил – не разбил...

В этот момент рассказчик постукивает по столу для наглядности. Постукивание по столу – вещь отнюдь не безобидная. Народная магия запрещает стучать по столу: *Не буди лихо, пока оно тихо*. Ритмичный стук до сих пор используют в похоронном обряде.

Точно так же, на уровне символов человечество ныне хоронит само себя. Забивая сваи в тело Матери-Земли, и роя глубокие шахты, мы с неразумностью детей просимся обратно: «*С тоской стучимся мы назад...*» – говоря словами М. Волошина.

На славянских похоронах удары снаружи домовины зеркально повторяют постукивания младенца изнутри утробы. Позднее это ритуальное действие слилось с забиванием гвоздей в гробовую крышку. Через обратный стук, включая ритм зачатия, новорожденная душа просится обратно в мир.

Стук по яйцу может означать нарушение заповедей и священных табу самими людьми. Необратимая порча в сознании героев произошла в ту минуту, когда Дед и Баба, (люди-боги) изменили свой божественный взгляд на Мир.

Баба била-била – не разбила...

Целокупность яйца, целомудрие, богосотворенность – это защита от порчи и условие сохранения в нём жизни, но «посвящённые» не успевают предотвратить рокового крушения.

*Мышка-то бежала, хвостиком-то и ввернула,
Яичко и приломила!*

В этом месте рассказчик изображает пальцем хвостик мыши. Судя по этому извилистому движению, первоначально имелась в виду змея, не лишне заметить, что змеи и ужи откладывают яйца. Так в украинской сказке именно Змея сумела собрать разбитое яйцо и склеить его своей слюной!

Возможно, что замена Змеи на Мышку, произошла в конце неолита, При подсечном методе обработки почвы, когда огром-

ные массивы леса выжигались под пашню, поэтому Мышка и стала символом гибели прежнего Лесного уклада, и необратимого нарушения первоначальной целостности природы.

Мышка существо – хтоническое, подземное, связанное с Луной и тьмой. Согласно христианскому апокрифу, именно мышь, прогрызла дыру в Ноевом Ковчеге.

На «языке сновидений» мышь – означает порчу, коварное вторжение в нечто запретное и даже интимное. Отсюда, по мнению Зигмунда Фрейда и происходит известная женская *мышебоязнь*.

Интересное наблюдение оставил нам Дамаскин Студит: у мышей *егда есть луна скудна суть, и чревца их скудны, егда же полна есть луна, отолстевают чревца их.*

В этом своеобразном уравнении соответствие между мышью и луной – полное. Возможно, что противостояние Луны-мышы и Золотого Солнечного Яйца происходит на астрономическом уровне, как это бывает при солнечных затмениях. Именно Луна способна вызывать на земле гигантские приливы. Недаром в эпосе многих народов лунные метаморфозы вызывают волну катастроф.

Едва мышка «приломила» золотое яйцо, на земле «бысть мрак и трус велик», и народная сказка сберегла для нас картину этого светопреставления:

Об этом яичке дед стал плакать, бабка рыдать, верей хохотать. Курицы летать, ворота скрипеть, сор под порогом закурился. Двери побутусились, тын рассыпался, верх на избе зашатался...

В славянской нумерологии числом Луны и числом перехода на новый уровень является девятка. Она же трактуется, как число Смерти. «Мышка» и сама похожа на девятку, особенно если ее изображают «на пальцах». Но насчёт «числа перехода» мы не ошиблись.

«*Море синее всколыбалось, и прошла по нему волна от края и до края, и не стало земного Рая...*» – Могут добавить современные сказители.

Замечательна в этом смысле концовка южно-уральского варианта сказки:

Старик плачет, старуха рыдает, в печи пылает, верх на избе шатается, девочка-внучка с горя на косе повесилась, просвирия услышала, просвирики изломала и побросала, дьячок побегал колокола перебил, батюшка побегал, да все книги изорвал.

Вся картина – это полное завершение христианского цикла, со всеми приметам «Конца Света».

Золотой век рассыпается на осколки, а утраченный рай обрачивается к человеку терниями и волчцами. Первый урок преподан в наглядных и ярких картинах планетарной катастрофы.

Так состояние космоса, его устойчивость-неустойчивость коррелируется с духовно-нравственным состоянием человека. Человек способен влиять на состояние и судьбу Мира своими мыслями и поступками. Воистину Дед и Баба попутали Божий дар с яичницей, и не так проста, оказывается, эта бытовая поговорка.

Но мировая катастрофа всегда несёт в себе великий искупительный смысл, жизнь развивается рывками, порождая новые эволюционные формы. Крушение прежнего мира – не просто наказание за ошибки, или игра слепого рока, но и жертвенная закладка остова будущего:

А курочка им говорит:

– Дед, не плач, баба, не рыдай! Снесу вам ещё яичко:

Пестро, остро, костяно, мудроно. Яичко не золотое – простое...

Разбитое или украденное яйцо означает полное окончание прежнего цикла, и решительное наступление нового. Скорлупа неведения лопнула, и человек, выходит в духовный космос, который ему предстоит обжить, точнее обожить.

Мир Земной живёт по божественным законам, он окутан в космический Дух, но при этом он хрупок и зависим от воли Человека, но даже разбитый и разрушенный по его вине, он способен к самовосстановлению, но уже без его участия. Так самая первая сказка говорит нам о всеединстве мира, учит планетарной ответственности, она же даёт первое представление о космических циклах и пробуждает генетическую память.

Так что было в начале? Курица или Яйцо?

Возможно и такое ведическое толкование: Яйцо – мифический золотой век, когда *ничего не происходит*, но кто-то должен первым запустить вселенский метроном и пробудить Будущее. В Ведах говорится, что сам Творец Брама разбил яйцо и тем основал цепь вселенских событий, так всякий завершённый цикл обозначается «разбитым яйцом»: **Яйцо нельзя собрать заново – в прошлое нельзя вернуться.**

Как беседовать об этой сказке с нашими детьми? Здесь мы можем дать простор нашей фантазии и поговорить с ребенком о том, чтобы было, если бы яйцо разбить не удалось. Ответ окажется прост – не было бы и самой сказки! И даже если наш мир родился в результате божественной ошибки, эту ошибку следует признать даром Провидения!

Объяснив на простом примере изначальные представления людей о мире-яйце, мы можем смело двигаться «в сторону Рая» и поговорить с ребенком о том, как мог выглядеть мир-яичко, восстановленный сообразно нашим лучшим о нем представлениям.

Можно рассказать о переносном значении эпитета «золотой» – «Золотая душа», «Золотое сердце» и «золотой раз», упомянув о народном тайноведении, где слово «последний» означает абсолютный конец и считается зловещим на уровне примет и его стараются заменить на слово «золотой». Работу со сказкой можно завершить уроком рисования с развитием мифологического видения ребенка.

Итак, у нас есть сказки, целиком состоящие из «чистого мифа»! Чистый миф на языке этнографов и культурологов – это миф о Творении мира, о происхождении всего сущего, о зарождении Вселенной. Образ Вселенной в сказках всегда закодирован. Мироздание может быть конём или конским черепом, что вполне в соответствии с Нильсом Бором, вовсе не исключает представления о нём, как о бобовом стебле, великане, Змее, зеркале, золотом ларце – всего не перечислишь... (Ю. Стефанов)

Вспомним и другую сказку столь же планетарно-эсхатологического содержания как и «Курочка-Ряба»: Все мы сзызмальства

знаем стремительную и забавную побасенку «Терем-теремок» (первоначально – «Череп-терем», «Кобылья голова»), но многие ли из нас догадываются, что эта потешка с трагическим в сущности финалом есть ничто иное, как отголосок космогонических мотивов Упанишад, где Вселенная мыслится жертвенным конём: небо – его хребет, звёзды – кости, страны света – бока, ветер – дыхание, трава и деревья – шерстинки на шкуре.

Подобно древнейшему мифу, сказка «Теремок» начисто лишена благодушия. **Кобылий череп с живыми обитателями – вместительце пестрой и беспокойной жизни. Под ним не сразу угадывается остов прежнего мира**, цикличной вселенной, всякий раз возникающей по прежним лекалам. Некоторое время жизни мышья суета развится на костях титанов, но жизнерадостный эгоизм обитателей теремка плещет через край и *подобное притягивает подобное...* Косматый Демон в образе медведя разрушает маленькую уютную обитель, только потому, что не может поместиться внутри. Медведь-Всех-Давишь производит полное завершение и свертыванье цикла, независимо от воли обитателей этого теплого и такого надежного мирка.

А как развивались бы события сказки, если бы в тесных стенах **нашлось бы место и для Медведя?** Тогда наша сказка получила бы иное – вечное звучание!

На этой идее можно построить обучающую беседу с детьми. Восстановление смысла сказки приведет к открытию новых сюжетных ходов, вплоть до построения «всем миром» домика для «космического бродяги» и полной отмены эсхатологического конца сказки.

Однако надо понимать, что и Медведь и Кобыла, чей череп стал островом спасения, являют собою внешние силы, одно лишь мысленное касание к ним возвращает нас к первоосновам мира и неизмеримо повышает ценность каждого мгновения Жизни.

Время шло, сменялись эпохи, рождая свои сказания и мифы, многие из них благополучно забыты, но есть и такие, которые, можно смело назвать работающими, то есть воздействующими на нас сегодня и сейчас. **Работающий миф всегда обращен к духу**

народа и к священным основам его жизни, и как показывает история, миф не менее важен для бытия народа, чем хлеб и железо.

Работающий миф внушает нам новые яркие мысли и высокие чувства, дает надежду и побуждает жить более осмысленной и духовной жизнью, он объединяет людей и продлевает эту связь во времени.

Мифологический ключ позволяет различить родственные связи между сказками. Довольно часто эти связи распознаются через особые сказочные ключи. Один из этих ключей – *образы Богов и Богинь*, сокрытые в сказках.

Русские сказки – неисчерпаемый кладезь всего того, что человек должен знать о мире и о себе, и среди великого множества сказок есть такие, которые раскрывают глубины родовой памяти каждого из нас и как «яблочко на золотом блюде» отражают наш вечный духовный лик. Это подобие принято называть *вечным образом, первообразом или архетипом*.

Архетипы – наследие древнейших времен, наш своеобразный духовный геном. Он ведет нас к истоку, в Вещий лес Мифов и Снов. В архетипе кристаллизуется представление о назначении человека, и о его соответствии некоему духовному Прообразу, включая самый широкий нравственный диапазон.

Архетип раскрывает всю правду о человеке, поэтому злодей злодействует злодейски, а само совершенство совершенствуется в совершенстве.

Мифологические ключи напрямую связаны с архетипами: так если в сказке есть героини трех возрастов – то это *сказка о Трехдальной Богине*. В сказке могут присутствовать не только *три возраста женщин*, но и *три её символических цвета: красный, белый, черный*.

Другой сквозной признак (архетип): *если в сказке главная героиня куда-то идет, кого-то спасает и, износив три пары железных башмаков, выводит любимого из царства Смерти*, то это сказка о Великой Богине времен неолита.

Волшебный сон сказочного персонажа, его необычное зачатие или чудесное рождение – явные признаки Божества, а это значит, что мы имеем дело с древнейшим мифом.

Восточно-славянская волшебная сказка является хранилищем перемешанных между собою отголосков архаичных мифов и фрагментов богатырского эпоса, однако неумолимое время распорядилось так, что у нас есть множество сказок, есть даже некая мифология, но нет мифов.

Причины этого нужно искать в историческом пути славян. Так Б. А. Рыбаков был уверен, что славянская мифология складывается на последнем этапе существования первобытнообщинного строя. На язык абсолютных дат это можно перевести, как энеолит и бронзовый век. Предшествующие им прото-мифы охотников каменного века и ранние неолитические матрические мифы порождены особым пониманием; осколки их тоже встречаются в сказках.

А наш следующий смысловой пласт – **Календарный** и у нас есть множество сказок с описанием времен года и календарной обрядности наших предков. В сказках нашел приют и утерянный «славянский зодиак».

Календарный смысл сказки – это отражение эпизодов солнечного кологода, отсюда его теснейшая связь с образами славянской мифологии и целым пластом народных загадок. Например: «голубой платок, красный колобок по небу катится...» И хотя у загадки ответ: «солнышко», мы в корне не согласны, что в сказке «Колобок» речь идет именно о Солнце и только о нем. В нашей корневой народной культуре солнце никогда не было «булочкой», так же как и «блинчиком».

Иногда в съеденном колобке видят Луну. По всей видимости, это тоже ошибка: Если бы сказочные звери откусывали от колобка по кусочку, то сказочник непременно сказал бы об этом, как в некоем апокрифе: «...Волкодлаци луну съедоша», однако наш неутомимый весельчак исчезает в пасти у Лисы целиком и сразу!

Поэтому мы должны сразу отказаться от того, чтобы считать Колобка солнцем, луной, или земным шариком. Попробуем остановиться на календарном значении этого образа.

«РЫЦАРЬ» КОЛОБОК

*То не тучи над долиной и не холод.
Замесила Матерь Божья колоб.
С. Есенин.*

Первый ключик к любой сказке – имя главного героя, но довольно часто оно таинственно и необъяснимо. Вот и Колобок по своему загадочное имя. Первое, что приходит на ум – Круглобок, навеянное архаичным словом коло – «круг». Если продолжить поиск родственных созвучий, то рядом с Колобоком окажется латинское слово «глобус», оно происходит от менее известного, но более древнего «глобула» – «шар». Следующий ряд родственных имен будет представлен названием зимнего праздника Коляды.

Примечательно, что в средневековой Германии колядным божеством был вовсе не Санта Клаус и не Святой Никола, а *Кнехт Клюбес*, буквально *Рыцарь Колобок* (А.Бейли «*Потерянный язык символов*»).

Согласно священному народному календарю, ежегодное обновление мира происходит на Коляду вместе с рождением молодого Солнца (Коло), и самым древним символом зимнего солнцеворота будет не елка и не *дары волхвов*, а «новогоднее (святочное) полено» и топор-колун, разбивающий на лучины *колоду* года.

Есть и другие указания на то, что перед нами именно «Зимняя сказка». Так «Колобок» начинается с неординарного события: у бабы закончилась мука и для заветного печения её наскребают по сусекам, так что наш новорождённый Колобок – в прямом смысле *поскрёбышек*.

В крестьянской общине вопросы выживания решались сообща и заранее. Так посреди зимы, сразу после Коляды или вместе с нею, устраивали смотр оставшихся до весны продуктов. В народном календаре сохранились особые «хлебные вехи», это Аксинья Полузимница, Полухлебница: *Полузимница пополам, да неравно делить зиму*. После Коляды наступало самое тяжелое время, и взрослые в игровой форме объясняли детям смысл неприкосновенного хлебного запаса и значение взаимной помощи. Но суровый практицизм не рождает сказки!

Сказка «Колобок» сохраняет сам дух Колядной мистерии, где Заяц, Волк, Лиса и Медведь – не только маски предков, но и лики зимних и весенних месяцев.

Поэтому попробуем поискать сказочным образам не астрологическое, а календарное объяснение.

Заяц связан с сеченем-январем. В этом месяце начиналась охота на зимнего зайца-беляка.

В Ипатьевской летописи есть упоминание о литовском «заячем боге» Дивериксе: если заяц выбегал из леса, то охотники не въезжали в лес *«не смеше и розгы (ветки) уломити»*.

В русской свадебной традиции заяц – это сообразительный и ловкий символ весёлой похоти. Именно с зайцем связано множество озорных песенок, частушек и присловий: к примеру, на белорусской свадьбе жениху подносили зайца с озорным напутствием: «Дарую зайца, чтоб стояли яйца». «Зайчика» закликали в молодёжных играх и хороводах, его скрыто-эротический образ покровительствовал сватовству и «вечёркам».

В славянском фольклоре заяц занимает особое место. Этот зверь табуирован, его нельзя употреблять в пищу, нельзя поминать, плавая по воде, *не то водяной подымет бурю...* (Народные русские сказки А.Н.Афанасьева). В тульских деревнях зайца не употребляют в пищу: «труса не едим».

«Как мы помним, заяц является обязательным персонажем сказок о кощеевой смерти: быстроногий заяц – первое живое существо, внутрь которого вложена смерть Кощея Бессмертного. Если найдут остров в океане, если обнаружат дуб, а в его дупле сундук, то из сундука должен стремглав выскочить заяц, унося в себе Кощею смерть и тем спасая Кощея. Во многих сказках логика нарушается и в утробе зайца оказывается утка, а в утке – Кощеева смерть. Вполне возможно, что дополнительный поиск (утка-яйцо) и связан с фино-угорским субстратом... (карельская «Калевала» и мордовские народные мифы)» – пишет Б.Рыбаков.

Тем не менее, Заяц – навный, сумеречный, лунный символ, и его время – самое тёмное в годовом круге.

Кошей, Велес Коший и возможно Хорс хтонический, олицетворяющий зимнее Солнце и Солнце Мертвых покровительствовал зайцам и зимней заячьей охоте.

Распрощавшись с Зайцем Колобок поет свою удалую песенку Волку.

Лютедь – Февраль когда-то звался «волчьим месяцем». Одно из табуированных имён волка – Лютьий. Под вой февральских ветров по лесам кружат волчьи свадьбы. По народным поверьям у волков есть и свои «волчьи святки», когда бирюки сбиваются в стаи для зимней охоты. В народной поэзии волк – символ стужи:

*Волк-тот на море овчинник;
Много он овчин придирает,
Ай и шубы на плечах не выдает,
Велику себи стужу принимает.*

Но час волка кончается, и он передает свое главенство Медведю. Март – месяц пробуждения медведей от зимней спячки. В конце марта, сразу после дня весеннего равноденствия на Руси справляли Комоедицу. Участники обряда одевали вывернутые тулупы и медвежьи шкуры и в плясках подражали просыпающемуся медведю.

*Медведь-от был кождедёрник;
Много он кож продираёт,
Сапогов на ногах не выдает ...*

Связь «медведя-кожедёрника» и сапога очевидна: След задней медвежьей лапы похож на след босой человеческой ступни, а любое сходство – сакрально, оно устанавливает тонкие волшебные связи, объединяет объекты подобия и делает их магическими по-братимами.

Хозяин леса, медведь, просыпается ранней весной, в голодное и холодное время, когда заветный солнечный колобок стремглав летит сквозь время навстречу весне, и поймать его не удаётся.

Мишка-корчин, пришел корчить, при берлоге валень, – так без прежнего почтения потешаются в народе над косматым увальнем.

Первый по настоящему вешний месяц у нас на Руси – апрель-берзозол. Его символом в сказке становится Лиса при беседе краса.

*А лисица молода молодица;
Долог хвост – и не наступит,
Заделает вину – она не скажёт...*

Вешнее солнышко похоже на рыжую пушистую лисицу, да и в сказках лиса сюжетно связана с солнцем, с цветом его лучей и первым вешним теплом и весенней (масленичной) обрядностью: Лисица – *масляна губица, дивна красавица, малинов цвет.*

В сказке «Лиса-Повитуха» хитрованка выводит на солнцепёк простофилю Медведя, чтобы у него на животе «мед вытопился». В сказке «Волк и Лиса» в довершение всех козней Лисавета забирается в дом, где бабы собрались печь блины, она опрокидывает на голову квашню с тестом и неспроста: только *рыжей куме* позволено почать неприкосновенный хлебный запас.

В сказке «Лиса и Заяц» обаятельная хищница пробует обманом занять заячью избушку, но Петушок с косою на плечах (возможный символ месяца-июня с его первым сенокосом) изгоняет плутовку из ее теремка.

Но вернемся к нашему Колобку. В месяц шалых вод и первого рыжего солнца угроза голода окончательно отступала, на припёках появлялась первая зелень – шавель, дикий лук и чеснок, в эту пору остатний запас радостно съедался.

Когда календарная мистерия утасла, воспоминания о ней стали сказкой о хлебном шарике с непонятным концом. Наивная песенка-похвальба румяного Колобка утратила всякий смысл, но благодаря календарной расшифровке всё становится на свои места, и мы можем ответить на вопрос, который часто задают дети: ***во имя чего гибнет главный герой сказки – жизнерадостный Колобок?***

Довольно часто сказочный сюжет включает в себя фрагменты обрядовых мистерий или рассказывает о последствиях от нару-

шенного обряда (сказки о нарушении запретов), и наш *следующий* ключ к смыслу сказки – *обрядовый*.

Попробуем прочитать сказку «Колобок» как обрядовое происшествие.

Известно, что самый первый испеченный в праздник хлеб наши предки не ели! Хозяйка еще горячим клала его на окошко – «честным душам на помин!», отсюда и особое «духовое оконце». Теплый хлеб – самая чистая и правильная треба. Предки в образе зверей могли быть и ряжеными-колядовщиками, что имели право разжиться даже поминальными хлебами, ведь именно эта пестрая и шумная ватага представляла собою Предков, бродящих по белу свету в поисках тепла и пищи.

Теплый живой хлеб, «пускающий дух» – попадает напрямиком в мир предков – животных.

Обрядовый пласт сказок – наиболее загадочный, особенно если сказка имеет связь с мистерией, а сама мистерия утрачена. Пример тому – многие народные песни: если в деревнях пели «Стрелу» – то в скором времени непременно начинался дождь. Содержание песни нам понятно, но подлинный – магический смысл ее исполнения остается тайным.

Есть ли общее у обряда и сказки? Оказывается, есть и немало! Обряд и сказка говорят на одном языке, назовем его образно-символическим, и весь его строй направлен на передачу этнических, культурных и сакральных кодов.

Например сказка «Конек-горбунок» полностью... входит в коммуникативное ядро русского народа, а потому не может быть хоть как-то понятна иноязычным читателем и не вызывает у него никакого интереса.

«Конек Горбунок», если не принимать во внимание его волшебных природных персонажей, – даже не сказка в привычном ее понимании, а почти полный набор кодов социальной коммуникации. Большинство из них – вполне открыты и фольклорны. Но некоторые – например, в описании путешествия Ивана-ду-

рака на небо и его общения с матерью Царь-девицы, луной, которая вполне по-мужски именуется Месяцем Месяцовичем и выступает заодно, как мать солнца, – аналогов фольклоре, судя по всему не имеют и являются своего рода тайнописью, которую только предстоит расшифровать...» (В.Винников)

Другое сходство обряда и сказки – священная жизнь в родовой традиции. Д.К.Зелинин упоминает о дошедших до наших дней запретах о рассказывании сказок «впустую». А.К. Байбурин пишет: «если сказки связаны с архаичным ритуалом, следует ожидать, что они... одно из средств фиксации, хранения и переработки информации в рамках устно передаваемой традиции. То есть можно ожидать даже, что посредством таких текстов «общество выделяло ядерные фрагменты памяти (наиболее ценный с точки зрения общества опыт) и осуществляло особый контроль над их сохранностью с помощью ритуала».

Обряды и сказки – суть священные тексты (вербальные и невербальные), в силу этого они имеют несколько уровней понимания, и никогда не исчерпываются до конца.

И обряд и сказка обладают общим полем смысла и общей сакральной географией. Семантика сказочных объектов совпадает с обрядовым толкованием и даже больше того полностью отражается в геомантии (священном устройении) славянских капищ. Таковы: Калинов мост, Река Сморолина, Мировое Древо (дуб до небес), Мировая Гора (хрустальная гора), Вещий Огонь-Судия, Живая и Мертвая вода и многое другое.

И сказка и обряд до конца не понятны обыденному сознанию, ведь они обращены к «вечной душе» человека, и в меньшей степени к его «преходящему уму» и рассудку.

И обряд и сказка вызывают глубокие переживания и высветляют земные и небесные пути души. Так сюжеты многих сказок сохранили детали инициатических действий, а иногда и весь обряд целиком.

Исследователи нпцД. Гаврилов и С. Ермаков обращают внимание на наличие обязательных повторов в сказке, что по их мнению, восходит к ритуальным (обрядовым) текстам славянского язычества:

«Одни повторы призваны оказать воздействие на слушателя, способствовать, говоря современным языком, его вхождению в особые состояния сознания. Другие обращаются в большей степени к сознанию, но говорят с ним посредством мифологических образов... И тот и другой прием широко используются в ритуальных и нарративных текстах и в настоящее время».

Авторы делают вывод, что повторяющиеся элементы в сказках, как и сами, они берут начало именно в ритуале.

Сказка могла быть описанием обряда или сопутствовать ему, и если значение народной песни находится далеко за пределами ее сюжета и традиции исполнения, то и сказка может восполнять обряд в том или ином его шаге, служить основой обрядовой мистерии комментировать и даже объяснять обряд.

Пример такой обрядовой сказки «Сестрица-Аленушка и Братец Иванушка».

По сути своей эта сказка – Купальская мистерия, а ее сюжет восходит к общеиндоевропейскому *инцестуальному мифу*. Миф говорил о запретном браке кровных родственников и неизбежном наказании за содеянное. Происхождение это мифа хранит память о родовых табу палеолита, когда в охотничьих сообществах стали возникать и складываться социальные механизмы дуально-родового брака. Но чтобы лучше понять все происходящее в сказке, надо обратиться к сквозным образам Купальского обряда.

Купальский обряд – это, прежде всего, погружение человека в первородную стихию, бывшую до начала времен. Вот как описывает схожий с ним праздник Мирче Элиаде:

«...Древо жизни воздвигается посреди деревни и все обитатели её возвращаются в пракосмическую эпоху. Все законы и запреты поэтому отменяются и аннулируются, так как Мира больше не существует, и в ожидании нового сотворения всё общество существует вокруг божества или точнее внутри первозданной космической целостности.

Во время этого сакрального периода общество достигает целостности одновременно космической, божественно, социальной и сексуальной. И даже оргии – не что иное, как акт повиновения божественному повелению, и каждый, кто в них участвует, обретает божество в самом себе».

В «купе» – означает «вместе», «во едино», купальское соединение человека с Космическим Огнём стирало грани между запретным и дозволенным и временно попирало узаконенные нормы поведения и устоявшиеся формы брака. Таковы «Битва за березку», экстатические «похороны Костромы и Ярилы» с буйным разрыванием чучела и утоплением его в воде, с парными прыжками через костер, с поцелуйными играми и ночным купанием. Церковные прещения (запреты) сообщают о кумлени в Купальскую ночь кровных родственников, отсюда и народное вето: кум с кумой не кумятся!

Остановимся на обширной выдержке из работы Э. Фромма «Искусство любить»: *«Пока оргастические обряды являются обычной практикой в племени, они не вызывают беспокойства или чувства вины. Такие действия правильны и даже добродетельны, потому что разделяются всеми, их одобряют и даже требуют целители или жрецы, поэтому нет причин чувствовать вину ли стыд. Дело обстоит совсем иначе, если такое же решение избирает представитель другой культуры, где это не принято... Использование сексуально-оргастического решения в некотором роде более естественная и нормальная форма преодоления отчуждения, частично расширяющая проблему изоляции... Все формы оргастического единения имеют три характеристики: они отличаются силой и даже жестокостью; они целиком подчиняют себе рассудок и тело; они преходящи и периодичны. Полной их противоположностью является такая форма единения... единение основанное на подчинении группе, её обычаям, практике и верованиям».*

КУПАЛИНКА, КУПАЛИНКА, ТЕМНАЯ НОЧКА...

Архаичный фольклор совершенно откровенен: «Покумились на Купалу брат с сестрой, от этого и родился цветок Иван да Марья» или «Соблазнила сестра брата на грех, да от его руки и погибла. На том месте вырос цветик – Иван-да-Марья...»

Сохранившиеся Купальские песни рассказывают о «пропавшей ночью девушке-сестре» и о горьких её слезах поутру. Но нельзя забывать что на Купалу играется именно **символическая свадьба, свадьба** Огня и Воды: купальских божеств Костромы и Купалы (Ярилы). Символическая в силу того, что в эту ночь случается не только их свадьба, но и смерть и похороны. Эта драматическая судьба – крайнее выражение всепоглощающей страсти, в которую погружена летняя Природа.

Наша сказка идет по следам древнейшего мифа о божественной любви Огня и Воды. Согласно ему Алёнушка уходит в воду, а братцу Иванушке грозит неминуемая смерть в горячем огне. Очистительная сила огня и искупительная сила воды должна смыть с них некую вину, а это важная деталь для понимания сути купальской трагедии.

«Миф, повествующий о любви брата и сестры, Купалы и Костромы, и о принятии ими добровольной смерти: Купалы – в огне, Костромы – в воде, отражает древние космогонические представления об изначальном единстве женского и мужского начал в Божестве...» – пишет М.Б. Новиков-Новгородцев.

Значит ли это, что **герои** нашей сказки-мистерии – **не люди!** По всей видимости – да! Они – первозданные стихии и их **божественный брак на Купалу выше всяких запретов**. В некотором смысле он и есть подтверждение их особой природы.

Попробуем развить обрядовое понимание отдельных образов сказки: Что означают следы животных на тропе? Почему из них нельзя пить? Лошадь, корова и коза никак не могут быть причислены к «нечистым» животным, с чьим следом нельзя соприкасаться, все они близкие помощники человека и несут идею плодородия, но именно в их следах стоит обратная вода – сказочное средство для превращения.

Вероятно, в изначальном варианте сказки имело место ритуальное благое **оборотничество** – превращение Иванушки в трех священных животных с целью совершения купальского брака. Ведь его настойчивая жажда – иносказательное отражение телесного желания. *«Ты предо мной есть лютый Огонь, я пред тобой есть сильная Вода, и если разгорится на меня твое лютое сердце, то я залью его своею сильной водою...»* – сказано в древнейшем на Руси женском любовном заговоре, и если Иванушке удалось утолить свою жажду, значит «купальский брак» состоялся.

Сказка избегает натурализма, теме не менее, она уверенно идет по следу древней мистерии, где присутствовало узаконенное оборотничество, мистический, запретный для смертных брак и ритуальное очищение – смерть в Огне и уход в Воду, ведь Купальский венок означает необратимый переход, перелом судьбы, каким в народной культуре донныне почитаются смерть и свадьба. У славян отмечен так же наиболее загадочный и архаичный обычай украшения купальским венком не только людей, но коз, коров и коней.

Древнейшие Ведические тексты (Упанишады) повествуют о **Творении Мира посредством волшебного превращения Первобожеств в разных животных**: *«В начале эта вселенная была Душой (Атман) в обличии Пуруши. Этот Пуруша осмотрелся вокруг себя и не увидел ничего. Он желал другого. Сам он походил на мужчину и женщину, заключивших друг друга в объятия. Он распался надвое и муж с женой родились из него. Он соединился с ней и родилось человечество. Она обратилась в корову, он обратился в быка и соединился с нею. Она стала кобылицей, он стал конем... Так он создал все пары животных, вплоть до муравьев»* (Упанишады, Бр.1,4.).

Нет сомнения, что правильная интеграция животного и человеческого способствует рождению божественного, духовно-целостного и счастливого существа. Подобное понимание в глубокой древности было всеобщим. В неолите с его парадоксальными культами плодородия жрец и жрица совершали священный брак в масках быка и коровы (храмовые культуры Месопотамии и Египта).

Короли Ирландии при своей инаугурации вступали в ритуальный брак с белой кобылицей, после кобылицу приносили в жертву и поедали на «свадебном пиру».

В мифах Древней Греции сам Зевс навещает возлюбленных женщин в облики быка. Белоснежный бык искушает царицу Пасифаю жену Миноса, отчего на свет появляется ужасающий Минотавр. Зачатие от быка и рождение от коровы означало символическую связь с божествами древнего мира.

Сложная семантика этих обрядов сводится к утверждению всеобщего плодородия, включая священный брак Богов. Ночь Купальского перелома – наилучшее время для его осуществления

По поверьям в купальскую ночь цветёт папоротник, Перунов цвет, и люди идут искать *цветы огненные на груди Матери-Земли*. Всё живое источает тайное или явное свечение, особенно цветы и листья в период их наибольшей плодоносной силы, но созерцать их – удел ведающих и видящих.

Мистерия купальской ночи соотносима с храмовыми посвящениями Древней Греции, где, согласно Апулею, человек, посвящённый в культ Персефоны, приобретал способность видеть *полуночное солнце* как бы сквозь землю и ощущать особый тайный свет, разлитый даже в абсолютной тьме: а так же *зреть сквозь плоть и ее временные завесы*.

Рассмотрим еще один аспект Купальской сказки...

НОЧЬ НАКАНУНЕ ИВАНА КУПАЛА

Как безумный, ухватился он за нож, и безвинная кровь брызнула ему в очи...

Все пошло кругом в голове его!

Н.В.Гоголь «Вечер накануне Ивана Купала»

В глубокой древности ритуальное принесение в жертву оленя, лани или козленка сопутствовало календарным обрядам. Высвободить кроткую и в то же время стремительную энергию животного означало поддержать тонкое равновесие между мирами и упрочить связь с богами-покровителями.

Календарные заклятия животных практиковались у западных славян до XX века. В Чехии в Иванов день, что соответствовало на Руси Купальскому празднику, с церковной крыши сбрасывали черного козла, увенчанного цветами и лентами. По мнению этнографов, эта жестокая мистерия означала свержение древнего рогатого божества, Великого Пана дикой Природы.

(В сороковые годы прошлого века в Купальскую ночь был сброшен (свержен) в пролет лестницы Московского Университета белорусский поэт Янка Купала, мистериальная подоплека этого убийства пока не получила огласки).

...И Агнец заклан от начала мира..., созвучны с этим и тексты Упанишад, где Вселенная возникает из тела жертвенного Коня, прежде бывшего самим Брахмой. Скандинавский великан Имир и индийский первочеловек Пуруша: «гигант из тумана», китайский герой Пань-Гу пожертвовали собою и стали плотью Мира, как того требовали жестокие обстоятельства. В охотничьих союзах древности такой посланец, выбирался по жребию или из добровольцев. *Боги берут лучшее*, и избранник верил в свою скорую встречу с Богами, и в своё грядущее возрождение в плоти Рода.

В свете этого убеждения кровь ребенка, как части своего существа, была величайшей из жертв и совершалась в полном соответствии с Родовым законом. На этот же Родовой закон опирался герой Н.В. Гоголя Тарас Бульба с его знаменитым: *Я тебя породил, я тебя и убью!*

В библейской книге «Бытие» есть рассказ о жертвенном приношении Авраама. Из любви и почтения к Богу Авраам кладет на жертвенный камень единственного и горячо любимого сына, но по воле Бога отрок Исаак был заменен *белым агнцем*, запутавшимся в кустах.

Нет сомнений, что этот библейский эпизод отражает переход от великой жертвы к «заместительной», символом этого перехода стало превращение мальчика в жертвенное животное. В русской сказке мальчик превращается в козленочка, сохраняя при этом душу и разум человека.

Атмосферу и настроение близкой драмы передает и старинная Купальская песня:

*... За той рекой за быстрою,
Леса стоят дремучие,
Во тех лесах огни горят,
Огни горят великие,
Вокруг огней скамьи стоят,
Скамьи стоят дубовые,
На тех скамьях добры молодцы
Добры молодцы, красны девицы
Поют они песни Купалушке
Посредине их старик сидит
Он точит, точит свой булатный нож...*

Грозному пению вторит жалобный плач козленочка. *Огни горят горячие, Котлы кипят кипучие, Ножи точат булатные, Хотят меня зарезати.*

Но истинный смысл этой трагедии, буквально «козлиной песни» угадывается при сопоставлении с песенным фольклором.

В Малороссии на Купалу пели о том, как ночью ведьма поймала юношу, ушедшего искать коня, схватила и *в капусту рубила*, потом *в горшочке варила* и созывала на пир разбойников – *татей*, разумеется, юношу звали Ваней.

Память древнейшего купальского жертвоприношения сохранили и славянские обрядовые песни: «Пошел Ваня по Коникам рано», «Разлилась, растекалась речка быстрая...» и многие другие.

Наша сказка повторяет купальскую мистерию, не пропуская ни одного значимого действия, включая обрядовые Заклички у воды, которые должны были пробудить девицу, отданную боже-ству реки.

– *Сестрица моя, Аленушка, выплынь, выплынь на бережок...* – закликает Козленочек юную утопленницу.

И девушка отвечает ему!

Оказывается, у ритуального утопления есть таинственные свойства Посвящения! Исследователь А.Рыбин (Нижний Новгород) рассказывает об обряде *водоположения* у мордовских колдуний. В *Купальскую ночь* девушка, ищущая посвящения в это ремесло, ложится в реку и пребывает там до рассвета. После такого «сна на дне реки», девушка становится «знающей». Перед посвящением девушки в воду ложиться более опытная женщина, она чутко «слушает воду» и в дальнейшем руководит обрядом.

В русской сказке злая Ведьма, утопив законную жену, вошаряется в тереме, да так ловко, что даже любящий муж не замечает подмены. Видимо, речь идёт не о семейной драме, а всего лишь о календарной смене богинь в пантеоне. В конце сказки Ведьму привязывают к лошадиному хвосту и разметывают по полю. Так даже закоренелое Зло призвано, в конечном счете, служить Добру. Разрывание и разбрасывание обрядовых кукол – важный прием земледельческой магии, отраженный в обрядах Купальского цикла.

Сказка заканчивается возвращением Аленушки («Лады») и ритуальным наказанием Ведьмы («Марены»), но лишь для того, чтобы вновь и вновь повторялся «танец» двух Богинь перед Солнечным супругом.

Нет сомнений, что перед нами не столько сказка, сколько древняя кошуна, некогда пояснявшая обряд и увязывающая воедино все его части.

Скажем два слова и об *обрядово – магическом понимании* сказочных образов. Внимание исследователей обращает «стук да гром» с которым скачет на свадебный пир «лягушонка в короб-

чонке» в сказке «Царевна-Лягушка». Может быть сия волшебница – дочь Перуна-Громовика из «Грозового мифа»? Разгадка сокрыта в русской свадебной обрядности. Таковы свадебные величальные песни:

*Не дубовые столы пошаталисе
Не борчатые скатёрки зашумели
Не пшеничные ковриги сокатилисе
Не полужены братины соплеталисе
Не серебряны подносы забренцели...
То собирается на брачный пир невеста.*

Все эти преувеличения, составляющие аграрно-магическую суть свадебной поэзии, переключались и в сказку.

Из этого можно сделать вывод, что в изначальном варианте сказки Лягушка ехала не на очередной пир, а на свою свадьбу с Иваном Царевичем, что обостряет и романтизирует сказочный сюжет в духе «Руслана и Людмилы» А. Пушкина, где невеста была унесена неизвестным вихрем прямиком из брачного покоя.

Так в наших руках снова оказался ключик для восстановления утраченного смысла сказки, назовем его мистериальным или инициатическим...

Мистериальный или инициатический смысл сказки состоит в описании обрядов и инициаций, чаще всего возрастных, реже волховских или шаманских. Обладая семантическими ключами к этим сказкам, мы можем оживить виденье этих мистерий, и перенять драгоценный духовный опыт наших пращуров.

Сказки – наследие целиком языческое, а языческий период истории – время кристаллизации ярких духовных образов и героических архетипов. Поэтому в наших сказках есть мудрые девы, идущие по ступеням посвящения и юноши-герои, в поисках любви, есть вещицы старцы и всесильные младенцы. За пестротой ликов и характеров сквозит прелвечная тайна народной души: неунывающей, по-детски наивной и мудрой, как Природа. В наших сказках эта тайна доверена Ивану-Дураку.

Горе если муж Григорий, хоть бы болван, да Иван! – говорят в народе. Благодаря своему имени Иван-Дурак олицетворяет собою «народ Иванов» и нашу особую этническую философию.

КОРАБЛЬ ДУРАКОВ

*Свить сенный воз мудрее, чем создать
«Войну и мир» иль Шиллера балладу...*

Н.Клюев

«Люди делятся на героев, то есть дураков, и подлецов, то есть умных», – некогда заметил Максим Горький.

Героизм Дурака кроется в отрицании очевидного, точно за мирскими соблазнами и миражами ему светит иная, его собственная правда, иные законы и мораль, и потому *дуракам, закон не писан!* Дурак раз за разом лезет в бутылку или бесстрашно штурмует высоту, а после плюет на все законы со взятой вершины, в том числе и на известную поговорку: *умный в гору не пойдет...* Пути-дороги умных лежат в плоскости *пошлого опыта*, метко названного Пушкиным умом *глупцов*, дурак же преодолевает границы здравого смысла и отрицает любой диктат ума.

В сказках упорное сопротивление уму, да и просто здравому смыслу заканчивается победой Дурака, другое дело – жизнь. Здесь Дураку не раз намнут бока: *Учить дурака, да жаль кулака.*

А еще на дураках воду возят...

Что и говорить – занятие непочетное, больше подходящее для водовозной клячи, доживающей последние дни на общественно-полезных работах. А что за *вода* в бочке у Дурака?

Вода на языке страны сновидений означает знание, или *речь*, полную сакрального смысла.

Образ воды, как чистейшей истины есть и в древнейших текстах: *Пролетя, как дождь учение мое, как роса речь моя, как мелкий дождь на зелень, как ливень на траву,* – говорит пророк Моисей, его имя означает «Сын Воды».

В сказках вода бывает Живой или Мертвой. *Мертвая вода* – срашивает части мертвого тела, придает им видимую целост-

ность, но не более того. В доступном переложении Мертвая вода – это догма, омертвелое косное учение, которое оставляет сухими наше сердце и ум. Мертвая вода – это схема, «скелет», соединяющий воедино части некоего умозрения-концепции.

Живая вода – это подлинный опыт, это то, что мы глубоко прочувствовали и добыли сами, извлекли из гуши обыденности, обнаружили по тайным признакам, раскопали, очистили от песка и только тогда напились из горсти. Нет сомнений, что Сказочные Дураки заняты добычей Живой воды – истинного знания о мире, и даже больше того, они пребывают в стихии *воды* – как в материнских плодных водах.

Магический *режим воды* используется современными эзотериками для расширения границ восприятия. Мистики определяют его как *мир интуиции и сновидений*. В духовной алхимии практику сознательного растворения интеллекта называют *диссолюцией*. В психиатрии это состояние определяется диагнозом «наведенная шизофрения» или «добровольное помешательство», по-украински оно звучит как *божеволие*.

В этом столкновении с миром иррационального рушатся все прежние табу, исчезают ориентиры и растворяются сами границы личности. Это *благое помешательство* Дон-Кихота Ламанчского, *безумство храбрых*, или экстатический *полет над гнездом Кукушки*.

Сказочные Дураки чувствует себя в мире сновидений как *рыбка* в воде, захваченные потоком новых образов и пьянящей свободой. *Пьяный проспится, дурак – никогда*, – сурово замечает пословица, но дураку и впрямь трудно проспать, ведь он спит всегда, сросшийся единой пуповиной с душой Мира, омытый и укачанный океаном бессознательного, а его очам открываются чудные картины, преображающие реальность в мистирию.

Чудаки и Дураки украшают мир: они добры, откровенны, честны, бесстрашны, доверчивы, независимы и духовно прозорливы. В силу этого сказочный «Джокер» побивает все прочие масти. На Руси существовало и другое слово, идентичное понятию «дурак» – «благой», или «блаженный».

Блаженный это тот, кто смирил гордыню разума, отверг все притязания мира и надел вериги добровольного юродства. В православии подвиг юродства – это полноценная духовная практика, позволяющая явить миру изначально простоту. Для юродивых нет ничего грязного, запретного или низменного, их поведение отрицает всякие нормы и в этой предвечной свободе сквозит божественный свет.

Дураки, как и юродивые, освобождены от моральных ограничений и со всей чувственным легкомыслием предаются всем наслаждениям земли, открывая экстаз в каждом проявлении жизни, ощущая божественность во всем.

О том, что Дурь наших сказочных дураков сродни инициатической практике говорит и само слово Дурак. Современная народная этимология находит в нем «солнечный корень» и ликует: наш-то Дурак, оказывается, «солнечный человек»!

Не станем возражать, хотя данное «откровение» разрывает напополам аж два древних корня, из которых и состоит слово Дурак. Смысловый стержень ДУР отражен в праязыке, как корневая морфема ДВР, в ней сокрыта идея вращения, верчения или круга. Отсюда и слово двор, и глагол врать – буквально изворачиваться, и даже слово врач, но не потому, что эскулапы часто ошибаются.

Врачевание в древности было шаманской практикой – сродни «вертимому плясанию», вращению на месте, после которого волхователь «лежал оцеп», но чаще несвязно пророчествовал. Не случайно именно «врачей», мы встречаем в записках неизвестного араба-путешественника, посетившего северные земли в X веке. Словом «врач» автор обозначает неких жрецов, согласно тексту, не только исцеляющих болящих, но и приносящих человеческие жертвы.

Другая часть корня ак это усеченный предлог аки, со значением как, словно, подобно сему. То есть дурак – это подражатель, глумец, либо человек сознательно все делающий «не так». Это «не так» имело и глубокий обрядовый и сакральный смысл: «Оделся не так, обулся не так, заехал в ухаб – не выедет никак» Это о покойнике.

Обратный порядок обрядовых действий, таких как вывернутые шубы или неправильно одетая обувь, связаны с обережной магией, и обозначают принадлежность к иному миру, так деревянная сваха, собираясь к родителям невесты, обувалась в разные ботинки и старалась войти в избу спиной.

В английском языке слово *дурак* звучит, как *fool*. Оно близко к значению *полюй, пустой*, попросту *глупец* (foolish). Наши дураки вовсе не глупы и уж тем более не пусты. Их придурь и кобенье добровольны, их чудачества имеют мистериальную природу, как и круговой пляс-верчение врача-шамана.

Жизнь любого из сказочных Дураков представляет собою затейливую шифровку. К примеру, их любимое занятие – орать песни, не слезая с печи и отлынивать от любой работы. Емеля из сказки по «Щучьему веленью» долго кобенится перед царским воеводой, а после на теплой лежанке катит во дворец – свататься. Все мечты сказочного ленивца сбываются: полные ведра бегут домой, бревна рассыпаются на дрова, пельмени сами прыгают ему в рот, а Царевна-Краса без памяти влюбляется в заспанную ряху.

Казалось бы сказка полностью отрицает не только нравственный закон, но и самую простую мораль. В чем тут дело?

Обратимся к народной речи: у коренных сибиряков есть загадочное выражение *ехать на небо тайгой*, оно означает отойти в лучший мир. По всей видимости, Дурак, едущий на печи, совершает шаманское путешествие в Навь, видит сон, не покидая нагретой лежанки, и Царевна представляет собою не земное царство, а волшебную жену из мира духов.

Беленая Печь, бел-горюч камень наших сказаний – это средоточие жизненного тепла, и древнейший домашний алтарь. Из всех братьев именно Иван ближе всех к алтарю Древней Матери, в народном понимании печь еще и Роженица: в тайнодействии стихий она рождает хлеб Жизни.

Изба – святилище земли с запечной тайною и раем... Иван-Дурак вечно пребывает в запечном раю. Райское состояние души – ключ к его волшебным возможностям. Пришла пора

заглянуть и в родословную нашего героя; Иван – третий сын в досточтимом семействе: у отца он младшенький, и по всей видимости самый любимый.

В сказке «Сивка-Бурка» отец передает Ивану родовой дар – дар волхованья. Нашим предкам был хорошо известен магический закон: *разделенная сила – это потерянная сила*, поэтому суть этого знания сохранялось в течение жизни одним человеком, оно передавалось самому достойному, и никогда не открывалось обычным людям.

Другая, дурацкая на первый взгляд, черта Иванушки – ночная «кошачья» жизнь. Даже обычную дневную работу царского стремянного Иванушка из сказки «Конек-Горбунок» ухитряется делать по ночам при свете Жаро-Птицева пера. Дело в том, что Иван – прирожденный шаман, и как всякий шаман – он Человек Ночи. Волховское и шаманское призвание Ивана прикрито дурью, как ветхой рогожкой, а под ним – тайный свет. Перо Жар-Птицы Иван хранит перо под шапкой – ближе к темечку-колодору. должно быть, чтобы получить *просветление*.

– *Со светом по свету!* – так приветствовали друг друга владимирские офени – торговцы коробейники. Их особый язык назывался – Феней, это слово родственно греческому слову *фаини*, обозначающему «сияние», «свет». В своём кругу таинственный язык именовался так же «огнём, светом или маяком».

Эта магическая работа со словом заключалась в разделении его на части и соединении этих фрагментов по определённом образцу. Это «расчленение» освобождало тайный свет, плазму слова, заключённую под его «тёмной» оболочкой.

Бытовал и особый строй тайного народного языка: *Сидит Тихо, говорит Лихо: Тихо, погляди в окно – нейдет ли кто?*

Идет кортя, ведет вортю. Бери чилим, полезай в Адам, в Адаме есть ли душа?

Смысл речения примерно таков: Идут сноха и свекровь. Бери жбан, полезай в погреб, есть ли там пиво?

Владение этой волшебной *энigmой* позволяло выражать открытые истины, не нарушая общего строя языка, используя игру созвучий и смыслов, как это донныне используется в частушечной традиции. Настоящая частушка – это живая словесная игра, и тем более виртуозная, чем глубже знание сакрального русского языка. При этом и слушающий и поющий должны обладать всей полнотой понимания и глубинным знанием народной речи, чтобы оценить остроумный перевёртыш.

Со временем язык офеней просочился на тюремное дно, и превратился в блатной жаргон – воровскую и бандитскую феню. Но именно это явления В.И. Даль сравнивал с музыкой. Музыка – это поток созвучий и образов, чувственная информация, обращённая к подсознанию.

И в конце концов Путь Дурака приводит Иванушку ко дворцу и царскому венцу. Царский венец в системе сакральных кодов означает полную духовно-магическую реализацию. Дурацкий колпак преобразуется в царский пурпур и золото, а запечный замарашка – учиняется писанным красавцем. Но без помощи тайных союзников такое превращение совершить невозможно, поэтому сказочные Дураки с самых первых страниц пребывают в особых отношениях с миром Духов и с «тотемными» животными-Предками.

Дуракам открыт волшебный язык общения с Природой в наших сказках назван Птичьим или Звериным.

ТАЙНА ЗВЕРИНОГО ЯЗЫКА

Как Лафонтен...
шутками и звериным языком говорил правду!
А.Суворов

В апокрифах говорится, что дар понимания «языка птиц» был открыт Царю Соломону. Название арабского трактата «Мантук ат-Тайр» – переводится, как «Язык птиц».

«Язык птиц», «Царский язык» или «Птичье молоко» – это особая форма передачи специальной инициатической информации, к птицам собственно отношения не имеющая.

Согласно В.Б. Микушевичу, нет разных языков, мы лишь осознаём различные части единого языка. Слова и значения связаны друг с другом через семантическую плазму, через единый духовный «мицелий», поэтому случайных созвучий не бывает!

Попробуем убедиться в этом на простом примере. Построим небольшой этимологический ряд: *кобь-кобыла-каббала-кавалер* и найдем семантическую (смысловую) связь между этими словами.

Известно, что в общеевропейской Традиции сохранилось воспоминание о фонетической кабале, своеобразном «кобыльем языке». Это был кастово-закрытый язык, язык аристократического сословия «всадников-кавалеров». На остроумной «разговорной кабале» пробуют общаться, метящие в аристократы, герои А. Дюма. Но это лишь отблески некогда роскошного цветения этого «тайного древа», так как основы и способы применения «фонетической кабалы» давно преданы забвению. Но у благородного языка «всадников-кавалеров» остался дикий побег – арго* – язык социального дна. Приведем интересную цитату из мифического труда алхимика Фулканелли:

«Арго – одна из производных форм Языка Птиц, праязыка, основы всех других, языка философов и дипломатов... В Средневековье его определяли, как Весёлую Науку, Язык Богов, Напиток Богов, Дивную бутылку. Традиция утверждает, что на этом языке люди говорили до сооружения Вавилонской башни...»

Фонетическую или разговорную кабалу по созвучию иногда путают с «иудейской каббалой», однако при схожем значении – название мистического учения каббалы, происходит от еврейского слова *gabbalah*, что означает «предание», а название разговорной кабалы – от латинского *caballis* – кобыла, но любое сходство слов, разумеется, не случайно.

* «Арго – одна из производных форм Языка Птиц, праязыка, основы всех других, языка философов и дипломатов... В Средневековье его определяли, как Весёлую Науку, Язык Богов, Напиток Богов, Дивную бутылку. Традиция утверждает, что на этом языке люди говорили до сооружения Вавилонской башни...»

«Кобылий язык» использовался узким кругом посвященных для строго определённых целей. Из этой идеи подчёркнутой замкнутости, проистекает один из негативных образов тайного языка – отражённый в глаголе «кобениться» – «дурить, выкрутасничать». Кобенятся врачи, вещающие на латыни в присутствии пациента, кобенятся, точнее, изгаляются политологи, вещающие с экранов свою «тарабаршину».

Заметим, что архаичное слова *къбь* может немало поведать о сказочных дураках и об их неповторимой жизненной задаче.

Что имя твоё и что ти кобь? – вопрошает Лаврентьевская летопись. В словарях напротив слова «кобь» мы читаем: *«Звание, занятие, промысел. Кобник – гадатель, знахарь»*.

Надёжные и авторитетные исследователи-слависты, такие как В.И. Даль и А.С. Фамицын прочно называли кобью гадание по полёту птиц.

Сохранившиеся названия древнерусских книг: «Кобник», «Голубиная книга» и загадочный «Воронограй» тоже на первый взгляд говорят «о птичках», однако это не так:

На собственно «птичий» характер «Коби» указывает только название хищной птицы, – кобчика самого маленького из соколов.

...Паче всего почитай крылатую птицу, ибо птица – образ души... – эта народная мудрость указывает нам ещё один ключик к коби – знаменитый «птичий язык», как язык духовных и крылатых существ хорошо известным в мировой традиции.

Но само понятие *кобь* оказывается шире любых представлений о магии или гадании. Летописи сохранили описание коби, как некоего волховского действия.

Скомонд бо бе волхв и кобник нарочит, – гласит Ипатьевская летопись.

Однако, если судить по словарям, несколько столетий шло накопление отрицательного смысла этого слова-понятия, вплоть до «кобь – мерзость, обман», отсюда: *прикобила ко себе добра молодца... Или: По диаволью наущенью кобь сию держат...* (Лаврентьевская летопись).

Казалось бы, всё ясно: речь идёт о черной магии и некоем леденящем душу гипнозе, однако следующее значение слова *Кобь*, обнаруженное нами,

Остатки волшебной речи звучат в названии инструмента кобза. На Руси был известен и плащ-кобеняк, он был сделан из лохматой шкуры, и закрывал лицо и голову. По всей видимости он использовался в магических обрядах *окруты* и в ряжениях на Коляду и Святки.

Со времени крещения Руси кобь таилась под разными масками. Жизнь русских юродивых – «блаженных похабов», отчасти соотносима с практиками коби: их странные и часто оскорбительные слова, жесты и поступки несли закодированное послание.

Судя по отзывам летописцев, кобью владела и святая Феврония Муромская: с княжеским посланником она общается при помощи загадок: утверждая, что её родители *ушли плакать взаймы*, а брат *сквозь ноги на Смерть глядит*. Разгадка проста: её отец и мать плачут на похоронах. Через ноги на смерть смотрит человек, сидящий высоко на дереве: во время разговора брат мудрой девы, взобравшись на высоту, брал из дупла дикий мед.

Именно этот особый язык, в том числе и невербальный, в сказках и быличках выдается за некую «дурь» наших «дураков» и дурочек». Да что сказки: еще у Фонвизина в сатирической пьесе «Бригадир» есть авторская ремарка: *Сын его в дезабилъе, кобеняся, пьет чай*.

До семнадцатого века знатоками и носителями древних практик и особого языка были скоморохи. В семнадцатом веке, при Алексее Тишайшем христианство пошло в решительное наступление на пышные сорняки язычества. Первыми пострадали те не в меру «весёлые люди». Скоморохи были преданы анафеме за то, что «...влекли к себе гусями, свирелями... смехами, пустыми лжами, *кобью*, волшбой и клеветой, татьбой, разбоем и блудом. *«Тако деющие достойны смерти!»* Похоже, что три последних пункта обвинений пришиты белыми нитками.

Сакральные коды действуют на том же уровне, и они хорошо понятны на уровне интуиции, особенно поэтической.

Итак, мы определили загадочную волховскую кобь, как систему передачи тайной информации, как *особый волховской язык, система тайных смыслов и образов, позволяющих достигать более высоких уровней мышления, и выражать сокрытые истины, не меняя обычного строя речи*, при этом нельзя отвергать и возможность *гипнотического воздействия на слушателей*.

Возможно, что Кобь, как волховской дар – удел избранных, но сам Велесов Ключ – язык общения на более высоком уровне выражения, чем обычная бытовая речь, он доступен всякому человеку, идущему путём Посвящения, это язык волшебных возможностей, данный нам для постижения тайны Природы и общения со всем живым в Мироздании. *Язык мой стал звериным или птичьим... Уста молчат!* – писал об этой невыразимой тайне В.Ходасевич.

Этот язык понимают животные, ему подчиняются стихии, и в этом смысле он – подлинный язык естества и *наречие нашей души*.

ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ СКАЗКИ: ВОЛК И СЕМЕРО КОЗЛЯТ

*Мифология – это история, облаченная в одежду, сотканную из чудес.
Евгемер III в.до н.э.*

У нас есть множество сказок, сохранивших символические образы смены эпох и память самых острых и волнующих общество событий. Такова сказка «Волк и семеро козлят», эта сказка – настоящая народная опера, сказка-мистерия, где под масками животных выступают не просто люди, а жреческое сословие начала железного века.

Мудрая Коза – кормилица и хранительница домашнего очага, образ избыточной материнской млечности: сама Мать-Сыра-Земля жертвенно окропляется её молоком! Эта важная деталь хранит память о древнем культе принесения даров Матери Земле: *Где Коза ходит, там жито родит*. В сказке эти дары воздаёт рогатая жрица. Да-да, Жрица! Довольно часто в русских сказках под

масками говорящих зверей скрываются люди: возможно древние волхвы, ведущие мистерию.

Чудесная избушка Козы, полная тепла и изобилия, стоит под сенью дремучего леса. Лес в наших сказках не только объект сакральной географии, но и временная веха ведь и слово *древность*, берёт начало от *дерев* Материнской Дубравы. Но лесная идиллия уже на исходе! В двери избушки стучится **Волк – тотемный зверь мужского союза.**

В сказочных шифрах волк или собака – это воплощенная интуиция и природные силы не просто покоренные человеком, но связанные с ним древней мужской клятвой верности. Связь собаки или волка с вооруженным мужчиной-Охотником, союз Волка и Кузнеца, Солдата и Собаки, Ивана Царевича и Серого Волка – отражает тотемную связь мужского жречества с этими животными. В сказке у волка есть могущественный союзник – Кузнец. Явление кузнеца – важнейшая временная веха в сказке!

В европейском фольклоре кузнец прочно ассоциируется с нечистой силой, так как его власть над стихией огня и особенно способность к магическому преобразению металлов недвусмысленно наделяла его репутацией колдуна. Во многих английских сказках дьявола напрямую называют «Чёрным кузнецом», «хромым кузнецом».

Биографию сказочного Кузнеца отчасти проясняет греческий Гефест. С самого рождения этот «железный хромец» отторгнут Великой Женственностью. Мать Гефеста – Афина сбрасывает его с Олимпа. Афродита – открыто изменяет ему с воякой Аресом, и Гефест кует золотую сеть, чтобы прилюдно изобличить любовников, чем навлекает на себя презрение олимпийцев и град насмешек. Чтобы навсегда уйти из-под власти женственности, он мастерит себе золотых служанок. Кузница Гефеста находится внутри действующего вулкана, там он оттачивает свой дар и отдает нерастраченный любовный пыл – ковке металла.

Славянские мифы более милостивы к Богу-ваятелю. Любая кузня, любой горн – это уже капище Сварога... Именно Сварог начал железный век и научил людей пользоваться железными орудиями...

(Д. Гаврилов, А. Наговицын).

У славян Сварог – небесный кузнец, могучий Повелитель огня и металла. Он сковал небесный свод и безвозвратно разделил небо и землю.

«Коварным» наши предки называли искусного коваля, но это искусство представлялось им несколько зловещим, так и сказочный Кузнец не различает Добра и Зла. Он кует Ведьме железный зуб, чтобы та сумела перегрызть волшебный дуб. Он перековал Волку горло и коварное зло запело святым материнским голосом.

В сказке «Волк и семеро козлят» звон кузнечного молота обозначает наступление Железного Века и гибель прежнего «лесного» уклада». Изобретение железных изделий перевело отношения человека и леса на новый уровень. Немецкие археологи установили, что для выплавки одного килограмма железа необходима одна тонна дубовой древесины – священного дерева славян, германцев и других европейских народов.

«А железо проклято от века... Истинная культура – это жертвенник Земли, – через столетия скажет крестьянский поэт Николай Клюев. – Колосья и гроздь винограда – жертва Авеля за освобождение мира от Власти Железа»...

Теперь обратимся к календарному прочтению сказки: Её сюжет соответствует годовым циклам возрождения – Коляде и Зимнему солнцевороту. Серый Волк (лютый холод) проглатывает Козлят – теплые месяцы и этим останавливает извечное течение Времени.

Этот мотив является базовым для эпоса северных народов: В скандинавских легендах волк Фенрир глотает Солнце, после этого очистившийся мир возрождается заново. Так всякая смерть становится предвестником рождения. В русской сказке говорится о козленочке, *схоронившемся в печке*. Печь символически замешает материнское лоно и «пещеру года». Этот последний Козленочек доносит до Матери горькую весть, и Вешняя Коза вступает в бой с Лютым зверем Зимы.

Напомним, что в сказке Коза назначает священные испытания – *ордали* и приводит хищника на суд Справедливости: *Пришли*

они в лес, а в лесу была яма, а в яме огонь горел. Огонь, горящий в пещере или в яме – это солнце в нижней стоянке, находящееся ниже уровня горизонта. Коза призывает его побеждающую силу и возвращает козлят «живёхонькими и здоровёхонькими». Не лишне вспомнить, что Огонь – древнейший союзник женщин.

Но остается некая недосказанность, на которую опять-таки обращают внимание дети. Почему именно мать Коза спасает козлят и где их отец Козел?

По всей видимости, именно Волк, как главный мужской персонаж сказки, и есть этот заплутавший супруг: Козел в волчьей шкуре, и к детям его влекут вовсе не гастрономические интересы, а совсем иные – зов продолжения рода...

Он пришел повидаться с козлятами, спеть им песню, и унести их в своем теплом чреве от нерадивой матери, оставившей голодных детей под замком и без присмотра. Он даже глотает их бережно – не жуя. Волки умеют быть нежными! Вспомним, что любое сказочное проглатывание согласно В. Пропшу означает инициацию!

Но не только... Символическое имение во чреве с последующими родами некогда входило в обряд **кувады**. Этот обряд известен в патриархальных обществах и означает не только активное участие мужчины в родах, но и обязательное принятие на себя заботы о потомстве. Нет сомнения, что этот обряд родился в переходную эпоху наследования и определения родства по материнской или отцовской линии.

Матрические отношения в семье и обществе пошатнулись в конце неолита, на границе Железного века. Память о неизбежной гендерной войне сохранилась в сказке об упрямой рогатой животине – Козе. Напомним, что именно с козы началось одомашнивание парнокопытных около семи тысяч лет назад.

Это время называют Золотым веком Женщины. Парадокс, но именно в неолите ей приходилось трудиться, буквально, не покладая рук. Судите сами: все основные виды работ: мотыжное

земледелие, уборка урожая, создание запасов, уход за детьми и домашними животными, изготовление одежды, приготовление пищи, и ее распределение были сугубо женскими занятиями. Гончарное дело, ткачество, а нередко и *примитивная выплавка металлов* тоже были в руках женщин. Женщины были свободны в выборе возлюбленных и имущественно защищены больше мужчин. Само собою, что счет родства и наследования велся по материнской линии. Мужчине: мужу и брату женщины-хозяйки, оставалось самые тяжелые труды, охота и защита поселений.

Но *керамический век*, как иногда называют неолит, разлетелся на осколки под ударами кузнечного молота. В конце неолита был выкован первый плуг и запряжен первый вол. Используя эти усовершенствования, люди стали получать больше зерна и продуктов, излишек положил конец наивному равенству «женского царства». Теперь жизнь сообщества зависела от мужчины-пахаря, к нему перешел и порядок наследования имущества и узаконенный порядок отцовства.

Проглатывание, как образ мужской беременности, становится понятным именно через «исторические корни сказки». Оно означало полное принятие потомства в лоно отцовского рода, и символическое отстранение женщины даже от такой деликатной роли, как зачатие и рождение ребенка.

Другой примечательный образ проглатывания есть и сказке «Красная Шапочка» Шарля Перро, которую можно столь же уверенно назвать сказкой *женского возмездия*.

СКАЗКИ ВОЗМЕДИЯ

Бабы сказки – вражьи пляски...

Начнем с того, что Красная шапочка – это сказка о трех ликах Великой Богини: в ней есть три возраста женской жизни и три символических цвета: «*Мать подарила ей Красную шапочку... Красная Шапочка настолько шла к её черным волосам и белой коже, что все знакомые стали звать её «Красная Шапочка».*

Это невинное сообщение содержит ясное указание на то, что перед нами не только юное создание в кокетливом беретике, а *потомственная ведьма*, ведь ее головной убор говорит об уже состоявшейся ведовской инициации (такова и рогатая кика Матушки Козы).

В Западной Европе Красная Шапочка издавна была признаком человека, искушенного в сверхъестественных познаниях и практиках. Ношение головного убора красного цвета было знаком овладения магическими способностями, знаком избранничества и «ереси».

Согласно традиционным ирландским сказкам, собранным в середине 19 века Патриком Кеннеди, ведьмы Альбиона использовали красные шапки для полетов. Заклинание для полета было таким:

*Силой тысячелистника, руты
И моей красной шапки,
Спеши в Англию!*

Красный колпак несомненно связан с галлюциногенными грибами *Amanita Muscaria*, в просторечии мухоморами, о шаманском использовании этих грибов нам хорошо известно.

Красная Шапочка – это юная колдунья. Да и Волк – не волк вовсе, а скорее возрастной мужской архетип. Как верно заметил Фрейд – это «мужчина в поиске», хитрый, коварный и похотливый, облизывающийся сразу и на пирожки (деликатный символ лона) и на бутылочку вина и на горшочек маслица (девственность) и на саму аппетитную Красную Шапочку.

В сказке Шарля Перро, написанной в 1769 году, используется мотив, который Эрих Фромм в «Забытом языке» рассматривает как символ первых месячных. Но волк из сказки Перро еще не знает, с кем связался, так же как и глупый Волк из сказки про семерых козлят.

Обе сказки дышат глубокой враждебностью к мужчине и откровенным глумлением и над его «несовершенной физиологией», и над его претензией на *имение во чреве*. В русской сказке «беременность» волка испытывается огнем. В сказке «Красная

шапочка» охотники разрезают брюхо Волка и оттуда «выпрыгивают» бабушка и внучка, не успевшие даже как следует испугаться. В наиболее «жестком» варианте сказки братьев Grimm девочка недрогнувшей рукой набивает распоротое брюхо волка придорожными камнями: *Действие равно противодействию*. Разумеется, такой решительной барышне, как Красная Шапочка, всякий блудный Волк, заманивающий невинную девушку в прямиком в бабушкину постель, представляется «неполноценным существом» и заслуживает жестокого возмездия. Согласно древнейшим уложениям о наказаниях оно совершается тем же самым способом, каким было осуществлено сие гнусное преступление.

УРОКИ КРАСНОЙ ШАПОЧКИ (Только для женщин!)

Тело красавицы разное для трех существ этого мира: для влюбленного оно подобно цветущему саду, для пса оно – лакомые кости, а для монаха – падаль, и чем скорее мы согласимся с этим буддийским изречением, тем скорее избежим опасностей на нашей тропинке. Эта опасность кроется в том, что мы, женщины, редко оцениваем себя по достоинству. Но этому можно научиться.

Итак, когда мы *полны* в самом лучшем и духовном смысле этого слова, когда в наших руках лакомая корзиночка девичьего счастья и вино вдохновения, а на голове яркая красная шапочка – мы становимся желанной дичью для первого попавшегося хищника. Когда мы начинаем светиться любовью, здоровьем, успехом вокруг нас начинают кружить «голодные волки».

И они по-своему правы: «А зачем она одела Красную Шапочку?» искренне недоумевает такой «пойманный волк». Добрые присяжные могут принять сторону «зубастого» и оправдать его, потому что именно он – жертва коварной и чересчур раскованной Красной Шапочки, точнее, ее кокетства и обаяния. К тому же девочка сама рассказывает и даже показывает, где живет ее *бабулечка*.

Сказка учит женской осторожности и еще раз напоминает о самом дорогом – о Мудрости.

Бабушка в этой сказке – это мудрость и опыт, но этот «незаменимый опыт» лежит на старческом одре и больше не может защитить свою чересчур резвую внучку. Тем не менее, женскую мудрость, даже едва живую, хищник должен уничтожить, ведь бабушка с первого взгляда отличит волка от домашней собаки.

Но в народном варианте сказки, которую с удовольствием пересказывали во французских деревнях, есть неподдающаяся осмыслению деталь: Волк успевает приготовить из бабушки кушанье и напиток, и накормить ими девочку. Но плоть и кровь мудрости без живой ведающей души – бессильны, и девочка ложится с волком в еще теплую «бабушкину постель».

Бабушкина постель, точнее ложе – отдельный важный образ. Это места сна и зачатия, любовных утех и болезни, грез и путешествий, это ладья под кружевными парусами, белые облака, книга сна, воспоминание о рае и дощатая ладья последнего перехода.

Кровати наших бабушек были частью домашнего женского святилища – отсюда подзоры, украшенные древнейшими вышивками, кружевом, образами Рожаниц и силуэтом великой Богини. На кровати нельзя было сидеть – только лежать. Героиня Виля Липатова Анна Лукьяненко («И это все о нем») создала из постели целое поле жизни: на постели она спала, ела, пила чай, читала, мечтала, грезила, молилась, скучала, плакала, писала письма, смотрела телевизор, ждала любимого мужчину и предавалась любви.

Образ такого женского ложа пришел из глубокой древности: первоначально из травы, листьев, цветов и шкур, потом из камня, дерева или железных завитков... Кровать с дюжиной перин и драгоценным вышитым бельем была традиционным приданым невесты. Ложем мог стать плат или плащ, расстеленный по земле, поэтому, женщина у которой на плечах широкий цветистый плат всегда воспринималась, как *желанная*: подсознательно мужчина видел в платке и шали – готовое любовное ложе.

Итак, наша неопытная Красная Шапочка очутилась в объятиях Волка, одевшего «Бабушкин чепец». Крик о помощи, на который случайно прибегают вооруженные охотники – это явная

уступка эпохе Гуманизма. В мире священной дикости такую глупую и неосторожную девочку ожидало только одно – «назидательная смерть»

Действительно в народном «жестком» варианте сказки волк безвозвратно съедает девочку, совершившую столько грубых ошибок, и женская родословная красавицы прерывается на веки вечные. У гуманных сказочников позапрошлого века появляется дровосек или охотник с ружьем, явно «человек из будущего»; если учесть, что все происшедшее относится к *позднему неолиту* с его первыми гендерными войнами между мужским и женским жречеством.

Краткий вывод таков: исчезнувшая «цивилизация женщин» умела создавать свои сказки: сказки справедливости и сказки возмездия, отмеченные абсолютной жестокостью, бесстрашием и презрением к мужчине.

Хотим мы этого или не хотим, но этот духовный геном вписан в нашу кровь, а значит, может быть разбужен, и мы не раз покажем остро заточенные рожки, чтобы сохранить самое дорогое: своих детищ, свою женскую свободу и самостоятельность. А что же мужчины? Они возьмут реванш в следующей сказке...

Завершение этого поединка мы найдем в сказке Андерсена «Огниво», там brave Солдат, явившийся прямоиком с войны, обманом обезглавил Старую Ведьму и завладел её Волшебным огнем. В сказке не осуждается его вполне бесчестный поступок, ведь речь идет о передаче духовной власти! Раз такое случилось, значит, время пришло, и даже древние Боги на его стороне. Пройдя этапы посвящения, обозначенные подземельем и подвалами с медью, серебром и золотом, Солдат становится *сказочно* богат, и в дальнейшем волшебные Собаки Древней Матери приносят ему прекрасную принцессу, не боясь охранительного креста, нарисованного мелом на двери!

СКАЗКИ О НАРУШЕНИИ ЗАПРЕТОВ

Сказки о нарушении запретов тесно связаны обрядовой стороной сказки, но довольно часто бывает, что обряд уже забыт, запрет растаял, а сказка полнокровно живет в традиции, однако ее мораль и урок остаются за гранью нашего понимания: такова сказка «Солнце Месяц и Ворон Воронович».

Согласно общеизвестному сюжету, некий старичок пошел ночью в амбар за мукой (крупкой), но рассыпал ее на обратном пути, в других вариантах ее развеял Ветер. Старик хочет, во что бы то ни стало вернуть потерю и для сбора муки созывает помощников: Солнце, Месяца и Ворона Вороновича, за помощь старик обещает им в жены своих дочерей: этот обмен выдает в нем «сведущего», «доку», или языческого жреца, пребывающего в особых отношениях с миром Природных Богов.

Язычник – это тот, кто породнил свою душу со стихиями. Благополучно сосватав дочерей, старик едет в гости к новой родне. Он пытается подражать «сиятельным зятьям», в результате чего блины прокисают на его плечи, а ведь на темечке у Солнышка они не успевали румяниться. Видимо «свет души» у старого обавника почти погас, но о причинах этого он даже не догадывается. После гостевания у средней дочери старик пробует светить перстом в дырочку, как это делал Ясен Месяц. Здесь старик-чудодей терпит новый провал: в темной бане жена обварилась кипятком, и ему бы угомониться, но нет... Усевшись на шестке рядом с Вороном, он ночью падает с настеста и убивается насмерть, в некоторых вариантах сказок вместе с крылатым вещуном. И поделом: всяк сверчок знай свой шесток! «А при чем тут обряд и в чем урок?» – спросит читатель.

Давайте вернемся в начало сказки, чтобы еще раз убедиться, что Старик сознательно нарушил древнейший обряд благодарения, согласно которому, земледелец жертвовал Ветру первую чашку муки (крупы) после помола, помня о том, что ветер приводил на поле дождевые облака и разгонял тучи, а после помогал с помолом, вращая мельничные жернова.

Ветер – не только внук СтриБога, но и само дыхание ПервоБожества. «Отданное на Ветер» – малая жертва за его участие в земных

делах, но Старик сломал вековую заповедь-обряд, за что и заплатился жизнью, хотя вначале вроде бы и приобрел... Без обрядового понимания, без памяти о древней Гребе, сказка теряет всякий смысл: именно такой она и представлена в нашей нынешней культуре.

Астрологический смысл практически потерян в русских сказках и не в последнюю очередь из-за запретов на изучение заветных звездных наук. Звездочеты и звездознатцы воистину рисковали жизнью, ибо «богомерзостен перед богом тот, кто учит геометрию, а се грехи душевные: любить астрономию и эллинские книги...»

Тем не менее «Звездный текст» открывается, когда люди вилят в сказках солнечные и лунные затмения, а в героях – космические эпохи или зодиак. Так лисица в сказке «Колобок» становится кометой Тифон, угрожающей Земле (Колобку) один раз в несколько столетий, а веренища зверей превращается в обладателей Чертогов: Чертогов Лисицы, Чертогов Волка...

Многие сказки содержат **наставления по духовному целительству**.

Так в каждой сказке есть Живая и Мертвая Вода – мертвая вода способна исцелять наши чувства, сращивать кости, залечивать следы ран и ударов, а живая – дарить жизнь нашему душевному существу. Сказки в которых высохла Мертвая вода – пусты, а те в которых нет Живой – бесполезны. (Подробнее см. «Путь к себе» в третьей части этой книги)

Некоторые сказки сохранили описания знахарских и шаманских практик, секреты исцелений и рассказы о духах-посредниках и проводниках.

Сказки о том, как мужик или солдат обманом загнал Смерть (злыдней, злую бабу) в мешок (под землю) и тем избавился о них, содержат намек на известную практику изгнания духа болезни в безопасные для человека места. О выкупе души из царства мертвых рассказывает сказка «Гуси-Лебеди», этот духовный выкуп (зеркало, гребень) девочка бросает за спину. О волшебных свойствах Живы – живой воды напоминает сказка «Иван Царевич», где рассеченные части тела героя вновь срастаются и обретают жизнь.

Обычно секрет исцеления (царя или царской дочери) открывают герою духи или иные волшебные существа. Отсюда можно сделать важный вывод, что семена болезней и причины исцелений пребывают в ином – духовном мире. Должно быть поэтому в сказках мы часто встречаем духов-посредников между Явью и Навью. Такова Лисичка в сказке «Кузьма Скоробогатый» и Змеиного царя дочь в сказке «Волшебное кольцо», Ворон в сказке «Иван Царевич». Ворон – это сама вещая Природа, мудрость и интуиция, и одновременно земное существо – наиболее близкий собрат человека. В сказке «Конек-Горбунок», лошадка разговаривает по-человечьи, но вполне возможна и обратная связь; это кобник-Иван понимает язык животных, и ему одному внятны тонкие знаки, которые подаёт волшебный мир.

В русских сказках волшебные звери, или Духи-помощники сами ищут дружбы с «охотниками», иногда нарочито досаждают, иногда дают себя подстрелить, иногда сами заплывают в ведра с водой. Отпущенные на волю, они оставляют заговоры-пароли «для срочного вызова», дарят чудесных спутников или волшебные предметы. Они явно имеют «свой интерес» и хотят участвовать в земных делах, но помогают вполне бескорыстно.

Однако, даже в сказках не бывает бесплатного сыра, и обращаясь за помощью к духам, надо заранее узнать цену вопроса. Об этом предупреждают и сказки. Так некий царь отправился в поход, в чужом краю он захотел испить водицы, да не удержался и упал в колодезь. За свое вызволение он пообещал отдать Подземному Царю *то, чего не знает сам*. Впоследствии, незадачливый Царь должен был отправить своего сына-первенца в мрачные чертоги Подземного владыки.

Но то Царь... Дуракам духовный мир помогает вполне бескорыстно, на правах родства. Эта дружба пронизана дыханием чуда и блеском фантазии, и в самых опасных играх с потусторонним народная душа всегда остается на стороне добра и света.

Завершая разговор о волшебных помощниках, надо заметить, что в сказках они уже основательно приручены человеком или

живут вблизи него: это мудрый ворон, горлица-голубка, воробей или мышка. Исключение составляет только сказка «Козьма Скоробогатый», как две капли воды похожая на французскую сказку «Кот в сапогах», разве что Козьме помогает разбогатеть рыжая лисичка.

Сказка «Кот в сапогах» дошла до нас в пересказе Шарля Перро, а ключи к её подлинному смыслу стоит поискать в фольклоре средневековой Франции. Обладая ими, мы можем открыть и выпустить на свет тайну еще одной хорошо известной сказки.

КОТ В САБО

*Смотрю на тающую глыбу
На отблеск розовых зарниц,
А умный кот мой ловит рыбу
И в сеть заманивает птиц.*
Н.Гумилев

Портрет Маркиза-де-Карабаса в ранней молодости несомненно украсил бы галерею сказочных Дураков и неудачников: вместо важных крестьянских средств производства осла и мельницы он получает довольно сомнительное наследство – кота.

Однако все не так просто: во времена *блаженного средневековья* мельников упорно подозревали в колдовстве. Работать на мельнице и управлять прихотливыми ветрами или договариваться с водяным, вращающим мельничное колесо, мог только сильный и умелый колдун. В услужении у такого колдуна всегда находился неисчислимый сонм мелких бесов.

Одно из табуированных имен *нечистого* переводится с старофранцузского как *Кот в сабо*. Постукиванье деревянных подошв действительно напоминает звук копыт, но почему именно Кот? Возможно потому, что коты ведут ночную жизнь. После наступления темноты духовный мир особенно активен, в полночь так и вовсе не следует показывать носа за дверь.

В сказке кот довольно стар и годится разве что на шапку. Снова намек! Во французских поверьях, не холощенный кот

старше одиннадцати лет становится демонической тварью: намного умнее своего хозяина.

Таинственный мир призрачных созданий, о чьих свойствах люди могут только догадываться, населен невообразимых количеством существ самого разного обличья. Среди прочих духов. Злокозненных или доброжелательных к человеку известен и Матагот, – писал знаток европейской мистики и легендарный «чернокнижник» Клод Сеньель.

Название *матагот* происходит – от слова *matou* – то есть матерый, нехолощенный кот. Не к этому ли легендарному bestiарию обращался и Михаил Булгаков, когда выпустил из жерла камина черного, как ночь кота Бегемота? Имя Бегемот, известно по библейской книге Еноха, имя этого чревного беса, оказалось наиболее созвучно имени магической твари в образе «древнего и неприкосновенного животного».

Матагот! Вот, кто сидел в мешке у младшего сына мельника, когда он навсегда покидал родительский кров!

Мельница и осел достались старшим братьям, но юноша явно не в накладе. Он готов отдать коту даже свое последнее имущество – сапоги: поступок дурацкий с точки зрения обыденной логики, но мудрый в перспективе. В дальнейшем умный кот не покладая лап работает на хозяина, ведь он – дух помощник, ободренный хорошим подарком.

В сказках Хозяина и магического Проводника связывает нежная дружба. При этом сказочные герои обязаны слушаться своих покровителей, оставляя, однако, право последнего выбора за собою.

Обратимся к сказке «Конек-Горбунок»: примечательно, что в самом начале совместных приключений Конёк-Горбунок кратко советует Иванушке не брать пера, оберегая его от соблазна случайного обладания таинством природы, ибо «много, много не покоя принесёт оно с собою», он, наделенный вещей душой, заранее знает, что любое желание, любые оковы обладания ведут лишь к огорчению и страданию.

Не «взяв пера», Иванушка ещё может вернуться назад, к теплой

печке, но как всякий герой, он отвергает «покой» и пускается в опасные приключения. Сердечный друг всегда рядом, он мягко руководит и наставляет Иванушку на верный путь. Так поддерживая постоянный контакт с голосом своего сердца, мы можем превратить ошибки в грядущие победы. В этом случае даже ложная тропа может быть необходимым учебным шагом на нашем пути!

Согласно магическому закону, часть сохраняет все свойства целого, и в сказочном мире перо жар-птицы обязательно притянет и саму Птицу.

Не надеясь до конца исчерпать волшебные ключи, отметим, так же **философский уровень** Вель, согласно Платону, «...Если какой-либо вопрос не вписывается в рамки философского диалога, приходится довольствоваться правдоподобной сказкой...»

Весьма интересна в философском смысле и наша следующая сказка:

ВОЙНА ГРИБОВ

*...И прямо раздувается от гордости.
А на самом деле он не человек, он гриб!
А.Экзюпери «Маленький принц»*

По всей видимости герой сказки Антуана Де Сент-Экзюпери встретился с мыслящим грибом. «Я мыслю, следовательно, я существую» – провозгласил Рене Декарт. Человек мыслит словами, Бог – делами, – учит народная мудрость. Как бы то ни было, но нашим единственным источником мыслей всегда и везде будет наше неповторимое «я».

Но что оно такое, это бесценное «я»? Согласно общеизвестной максиме «Аз есмь Бог», наше личное «я» – это голографическое отражение божества, и эта искра божественного – единственное неизменное в нас, что после освобождения уходит к своему источнику. Философы, в отличие от мистиков, утверждают, что наше маленькое «я» – всего лишь неуловимый момент индивидуации коллективного духовного поля (души народа), где я –

лишь часть целого и без целого – ничто.

Наше «я» возникает из этого целого на краткий срок, чтобы вскоре снова раствориться в духовном безначалии.

Но есть нечто, что противостоит немедленному растворению нашей драгоценной личности во всеобщем ноосферном поле. Это наша мысль, точнее её сила! *Одно и то же – мышление и то, о чем мысль!* – писал античный философ Парменид (VI в. до н.э.) Греческая философия даже выработала понятие «плоть мышления», то есть вплотную приблизилась к единству мысли и материи. Так мы способны намыслить некий буторок в коллективном бессознательном, обозначиться «шляпкой», вытянуть «ножку» и взрастить духовное «тело».

Со стороны это похоже на грибницу – мицелий, только у грибов эта питающая система – внизу, а у нас, предположительно – сверху.

Гриб – создание удивительное, в царстве Флоры он наиболее подобен человеку, у него есть ножка, башмачок-пуант, тело, шляпка, есть сезоны любви и плодоношения, и своя только ему присущая среда обитания. Грибы живут семейками и родами, они беззвучно колонизируют пространство, но и у них случаются войны с другими лесными племенами.

Любое подобие – сакрально, должно быть, поэтому Гриб – пребывает под защитой древних табу. У некоторых славянских и угро-финских народов все грибы считаются «несъедобными».

У грибов, как и у людей есть свое родовое поле – грибница. Грибница рождает потрясающие явление – волны грибов, и гигантские круги на местности, («ведьмины круги»), у грибов есть незримый командный пункт и абсолютная групповая солидарность, партийность и самоотверженная дисциплина. Может быть именно за тайную, но энергичную жизнь невзрачные, но многочисленные грибы когда-то были прозваны «поганками», то есть «язычниками», а ныне вполне могли быть переименованы в «коммуняк» или по иным признакам партийности.

Создавать такое мощное поверхностное движение под силу только резоме. Резома – это «разум грибов»: подземная часть рас-

тений-сетевеков, таких, как, например облепиха или сныть. Срезанный стебель или сорванный гриб не влияет на обширную жизнь резомы, она продолжает расти и плодоносить. Так *простые, а тем более (простейшие) существа лучше слышат веления Бога.*

У нас есть целая сказка о жизни грибов, приводящая к глубочайшим умозаключениям. Сегодня, человек, как «мыслящий гриб» из этой сказки готов оторваться от корней, от привычных задач роста и размножения и идти войной на «ягоды» или «грибы» из соседнего леса.

В пересказе В.И. Даля это кончается поучительно: *А на ту пору пришла с коробом в лес тетка Варвара – широкие карманы.*

Увидала грибную силу, ахнула, присела и ну грибы с подряд брать да в кузов класть. Набрала его полным полнешенько, – насили до дома донесла, а дома разобрала грибки по родам да по званию: волнушки – в кадушки, опенки – в бочонки, сморчки – в бурачки, груздки – в кузовки, а наибольший гриб-боровик попал под вязку, его пронизали, высушили да продали...

Вероятнее всего Варвара пришла не с кузовом, а с косой. Ведь это о них, о грибах, говорится: «хоть косой коси», Да и воинственные грибы – это и не грибы вовсе, а – мы, человеки...

Духовное поле нашего рода-племени, Душа народа, наша небесная грибница – залог нашего «видового бессмертия». Любая Сказка, даже такая простенькая и одноактная, как «Война грибов» – *раскрывает совокупный опыт предков и бытия нашей родовой души.*

Питающие корни этой родовой души уходят в небо.

Художник Игорь Ожиганов «Хорс И»

Часть вторая КРУГ МИЛЫ

НАЙТИ СВОЙ МИФ!

Мифы мертвы, они пережиток», – считают однодневки-исследователи, имеющие дело с мертвым словом. Поэт так не думает. Разве не миф – толстовский дуб из «Войны и мира»?

Ю. Кузнецов

Всем нам хорошо знакома сказка Андерсена «Снежная Королева». Её зачин, «Зеркало Тrolля», представляет собою самостоятельную новеллу. Напомним ее: Злой Тrolль захотел исказить божественный мир и посмеяться над самим Создателем, для чего создал кривое Зеркало. Злое стекло разлетелось на тысячи осколков, эти острые брызги попали людям в глаза и люди утратили верный взгляд на Любовь, Красоту и на самих себя.

В зеркале отражалось Небо и лик Бога, то есть великий Миф. Миф – это вечный духовный мир в зеркале нашего ума. Собрать разбитый ум без некоторой внутренней работы невозможно. Именно этим и занят мальчик Кай в ледяном дворце Снежной Королевы, но у него ничего не получается, потому что его рассудок потерял связи с реальностью, с повседневными нуждами и чувствами. Мир вокруг него становится все суше и рациональнее. Однако не рационализм и логика, объективность и трезвый расчет делают нас счастливыми, а наше бытие – полноценным. Так чудесная любящая Герда рассыпает ледяную головоломку и возвращает Кая в мир естества и счастья: к изначальному целомудрию мира.

Наше бессознательное и наш личный миф, а отнюдь не рассудок и логика, решают, кого нам любить и чем заниматься, чтобы быть абсолютно счастливыми.

Миф – это огромный материк сказок и снов, смутные тени, воспоминания, представления, образы, иррациональные желания, страхи и предпочтения, а так же запреты и разрешения.

Эту материнскую землю невозможно повредить или опорочить, но можно разрушить мосты, соединяющие нас с нашей священной памятью, «разбить зеркало мифа» и исказить наши представления о самих себе, о нашей истории и судьбе.

Тем не менее, каждый из нас хранит самоцветную грань единого мифа. Этот личный сокровенный миф был вручен нам при рождении, а может быть и при зачатии, а может быть еще раньше – за гранью нашего повествования... Осознать свой миф и собрать его «честное зеркало» означает оживить то, что увяло, наполнить пустое русло, выйти в путь на рассвете и вызвать к жизни самую заветную мечту, на время забыв о жизненной задаче.

Наш личный миф отличается от жизненной задачи, которую всегда диктует общество, и довольно часто человек вынужден всю жизнь искать свой миф, свою сказку, свой священный остров Буян – то место в духовном мире, где его интеллект и чувства сливаются воедино, где он испытывает глубочайшее духовное блаженство и радость.

Обретая глубину мифологического измерения собственной психики, человеку проще отыскать и увидеть свой вечный образ, познать и проявить свое истинное существование и наполнить жизнь счастьем и священным смыслом.

Но кроме врожденного первообраза, вечного образа (архетипа) есть возрастные воплощения Богов в каждом из нас. Только познав, и приняв их, человек может в полную силу проявить свою истинную природу, и получить виденье глубочайших перспектив собственного развития, включая Космос и Вселенную.

Славянские Боги – это вечные Силы Вселенной, проецирующие себя на всех уровнях бытия – от величайших космических циклов до земного и солнечного кологода, от жизни целого народа до потаенных глубин нашего внутреннего «я».

Духовный путь человека (рок) проходит через две фазы. В первой он развивает в себе различные качества сознания, которые могут быть соотнесены с соответствующими Божественными ликами. На второй он идет за пределы всех качеств, развивая и постигая свою истинную духовную Природу ...

Бытие Богов отражено в Мифах, а бытие мифа продолжилось в сказке, поэтому мы будем рассматривать русские сказки как живую, востребованную часть древнейшего славянского мифа.

Множество мифов кануло в Лету, но есть такие, которые можно смело назвать «работающими», то есть воздействующими на нашу жизнь здесь и сейчас. **Работающий миф всегда обращен к духу народа, к священным основам его бытия. Именно он дает нам уверенность и силы жить полной, яркой и насыщенной жизнью.**

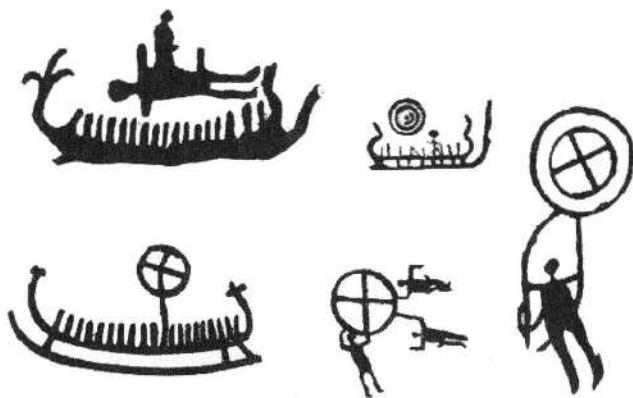
Первыми среди работающих мифов можно назвать Миф о нашем кровном родстве с Богами и Солнечный героический миф. Его исток теряется в толщах времен, откуда движется и плывет к нам таинственная солнечная ладья. Её изображение обнаружено на скалах Закавказья, в Южной Швеции, в Карелии и на берегах многих сибирских рек, вплоть до Амура, а самые известные образы запечатлены на фресках Египта, что свидетельствует о миграции мифологического мотива на огромных пространствах Евразии.

Изображение Митры, древнейший образ Героя

Былое грядет, и чтобы будущее состоялось, нам предстоит возродить изначальный солнечный героизм и совершить Поход за Силой, вынуть из-под спуда, сияющий меч кладенец, и вернуть его **в этот забывший о подвигах мир**. Герои всегда возвра-

шаются, только иногда слишком поздно. Об этом стихотворение Марины Струковой «Последний Герой».

Солнечная ладья - Карелия

Мальчик горько и грозно смеется
Хочет верить сквозь роковый ритм,
Что для подвигов место найдется
И найдется пространство для битв.
Все вверх дном и на кухне туманно,
Как всегда от дымка анаши,
Улыбаются шлюхи с экрана,
И политики лгут от души
Он потерян для белого света
Но зачем-то вечерней порой
Снова, снова включает кассету
С давней песней «Последний герой»
Сердце в пьяной истерике бьется
Шепчет и лезвиям бритв
Что для подвигов место найдется
И найдется пространство для битв...
...Но уже ничего не случится
Мальчик спит на подушке сырой
И успела кассета разбиться

С давней песней «Последний герой»
Для других над дорогою вьется
Птица-Русь выше робких молитв
И для подвигов место найдется
И найдется пространство для битв...

...В ЛЕДЯНОЙ ВОДЕ БОЛЬШЕ ОГНЯ!

Вынем же меч-кладенец
Дар благосклонных наяд,
Чтоб обрести, наконец
Неувядающий сад!
Н.Гумилев

Все индо-европейские народы в древности были носителями героического мифа: таковы древние **германцы, греки-ахейцы и дорические племена, кельты, персы, осетины, таджики, скифы, сарматы и славяне.**

Однако наш изначальный мужской героический миф претерпел значительные изменения, а его солнечный пафос сдвинулся в сторону сумерек, память о героической солнечной экспансии осталась разве что в летописях:

...Ведь в неожиданных набегах славяне особенно сильны. Поэтому даже в самое последнее время этот разбойничий обычай у них настолько возобладал, что пренебрегая совершенно выгодами земледелия, они всегда готовы совершать нападения на море, возлагая свою единственную надежду и все богатство на корабли.

Но и в строительстве домов они не проявляют усердия и сооружают скорее хижинки из прутьев, лишь по необходимости принимая меры против бурь и дождей. Всякий же раз, когда раздастся гром войны, они прячут все обмолоченное зерно, а так же золото и серебро, и всякие ценности в ямы, а жен и детей скрывают в укрепленных местах, или по крайней мере в лесах. Так что врагу для разграбления не остается ничего кроме хижин, утрату которых они легко переносят.

«Славянские хроники» Гельмонда

Они же (поморские славяне – А.В.), тем не менее, предпочли войну, не мир, ставя дорогую свободу превыше тягот. Ибо ведь таков этот род людей, грубый, терпеливый в лишениях, привыкший к самой скудной пище, и то, что для наших (саксов) обычно бывает тяжелым бременем, славяне считают неким наслаждением. В самом деле прошло много дней, пока они сражались с переменным успехом – ради славы и за власть великую и обширную, а эти – ради свободы, против угрозы наихудшего рабства.

«Деяния саксов» Видукинд Корвейский

...Другой остров расположен напротив вильцев. Им владеют ране – храбрейшее славянское племя. Без их решения не положено ничего предпринимать в общественных делах, так как их бояться из-за их близких отношений с богами или скорее с демонами, которым они поклоняются с большим почтением, чем прочие.

«Деяния священников Гамбургской церкви» Адам Бременский

Если говорить о нас, русских, славянах, и шире – северянах-бореалах, то наш героический миф имеет абсолютный **полярный исток**.

Северная Традиция, выкованная в испытаниях льдами и снегами Европы ледникового периода, изначально была традицией длительного противостояния исключительно неблагоприятным условиям. Это требовало опоры на собственные силы, и при необходимости самоотверженно отдать жизнь за семью и товарищей, призывая на помощь те сверхчеловеческие силы, которые дремлют в глубине каждого из нас. Чтобы быть в состоянии свершить подвиг воли, требовалось суровое обучение самоконтролю... (Н.Пенник)

Северный героизм – это неугасимый огонь жизни, и в нашем суровом климате искра Жизненного огня разгорается жарче от необходимости постоянной боевой готовности, непрестанной битвы, и ежедневного противостояния могучим силам Природы.

Север выбирает сильных, сила обретается в испытаниях, в кресеньи внутреннего огня, в закалке, подобной закалке стали: в жаркой бане, в ледяном снегу. Эта тяга к взаимоисключающим крайностям отчасти определяет и сам характер русского человека.

Мы – зеркало нашей дикой и божественной природы и вряд ли можем быть другими. Отсюда и наш родовой идеал, и героический императив: *сильный дух и сильное тело.* Герой – (Н)его* у эллинов, означает совершенный человек, человек, рожденный от Божества, полубог.

Примечательно, что в английском языке слово «герой» совпадает с понятием character, отсюда – один шаг до героических казаков-характерников. Русское соответствие слову герой – подвижник, удалец, богатырь, витязь, украинское – звитяжець.

Героизм имеет солнечную жертвенную природу и герой в нашем понимании – это светоносец, подобный Данко: в славянской традиции этот образец высокой жертвенности и альтруизма явлен в Дажьбоге. «Поэтому «должен был сложиться и существовать законченный годовой цикл мифов о Солнце-Дажьбоге, его небесных браках и о тех тяжких испытаниях, которые обрушивались на него в зимнюю пору, когда великий животворящий бог обращался в «бел-горюч камешек», об опасностях небесной дороги, где солнцу приходилось пробиваться сквозь заставы толкучие и «сражаться со змеями великими», пожиравшими его плоть».

Все это требует признать, что древнерусский фольклор, дошедший до нас в виде былин, сказок, закличек, загадок, попевок, заговоров и заклинаний, когда-то существовал, как календарная мифо-поэтическая система, имевшая четкий годовой цикл. В христианскую эпоху эта система была разрушена, как языческая; церковь заменила народный мифо-поэтический календарь на христианский, православный, что и послужило главной причиной забвения прежних богов-героев и их замены на христианские суррогаты» (А.В.Ткачев)

ПОЛЮС – РОДИНА СВЕТА

Север – родина изначального солнечного откровения, именно здесь в высоких широтах нам был дан самый первый и наглядный урок, здесь в сознании человека впервые утвердился светоносный образ Божества,

здесь родился грандиозный европейский миф о «смерти Солнца», о его борьбе с Мраком и Холодом, о Победе и новом Рождении.

В точке зимнего солнцеворота осеннее движение солнца вниз, к центру земли, в царство Смерти и Тьмы резко меняется на противоположное – на весеннее восхождение и взлет. Это понимание стало важнейшей вехой северного героического мифа. В тот момент, когда солнце казалось бы исчезало, оно собственно и рождалось в юной, свежей, очищенной форме. Это самый парадоксальный момент цикла сочетал в себе противоположности: мрак, зимнее отчуждение, холод, ужас и одновременно новое зачатие, добрую весть, прирастание Света, залог грядущей Весны.

Весною Солнце приходит как герой-спаситель мира. В светлую половину года, до Купальского перелома, Солнечный витязь совершает свой поход на север. Каждое новое утро он делает шаг к северу и с каждым шагом набирает силу. Сразу после Купалы Солнце начинает обратное движение к югу, пока не исчезнет в пещере зимнего солнцеворота в своей крайней южной точке.

Солнечный год стал общей мерой между макрокосмом и микрокосмом, мерилом вещей и моделью, служащей для организации существования: времени, пространства, социальных отношений, искусства, культуры, религии (А.Дугин)

Северный полярный год породил и особую мужественную героику: героику Пути и Преодоления.

ПЕРВЫЙ ПОСЛЕ БОГА

Не вызывает сомнений, что первым небесным учителем человечества стало Солнце, а его дневной и годовой путь – выражением всеобщего пульса мироздания, от глобальных космических периодов до таких довольно относительных и фрагментарных явлений, таких как человеческая жизнь.

Еще в глубокой древности, глядя на ежедневное и ежегодное возвращение Солнца из царства тьмы, человек стал искать возможности побывать по ту сторону зримого мира и вернуться обратно.

Именно этот комплекс идей отражают древнейшие палеолитические пещерные храмы. Внутрь такого святилища вел небезопасный подземный ход, выражающий зримую географию шаманского путешествия. Там в свете факелов перед искателем представляли фантастические силуэты иного мира: божественные животные, духи и сцены небесных охот.

Палеолит (древнекаменный век) длился сотни тысячелетий и закончился около десяти тысяч лет назад.

Человек той поры обладал неисчерпаемыми жизненными силами, он умел выстаивать под натиском стихий и переживать времена оледенений и катаклизмов. Он пребывал в постоянном поединке с губительными силами Природы, в том числе и в поединке магическом. Выстоять в нем было дано немногим, но, те, кому это все-таки удавалось, ощущали ответственность за всю общность и задействовали все свои способности на благо рода.

Эпоха единой души и единой судьбы породила особый тип героизма, и первым героем человечества был отнюдь не Воин, а Шаман. Именно он, художник, поэт, провидец, духовный вождь и герой-первопроходец стал защитником Жизни, ее воителем и первооткрывателем мифических пространств.

Не вызывает сомнений, что миф о герое, первым добывшем благо для людей возник под влиянием шаманских путешествий, охоты и ритуалов, проводившихся в святилищах, подобных пещерам Ласко и Альтамира.

Мифы о путешествии героя известны всем народам. Герой осознает, то ему или людям его племени чего-то не хватает, и оно больше не может жить по-прежнему. Старые идеалы утратили смысл, и обветшали. И герой уходит навстречу опасным приключениям.

Он сражается с чудовищами, взбирается на неприступные горные вершины, блуждает в темных лесах. В это время его старое «я» умирает и герой обретает новое знание и опыт, с которым возвращается к своему народу.

В древнейшем родовом обществе шаман – это **сверхличность, способная выстраивать духовную вертикаль и без остатка жертвовать собою ради блага всех.**

«Борьба солнца с мраком и холодом, и более поздняя борьба героя с чудовищами – несомненный отголосок космоизации хаоса.

В то же время его приключения и испытания, трудные задачи, которые он выполняет, напоминают ритуал инициации и вообще переходные обряды. Эти обряды служат в том числе и делу трансформации психологического хаоса – в социальный космос.

Смена хаоса и космоса, смерти и жизни – это судьба героическая: космическая, социальная и индивидуальная». (К. Армстронг)

Именно шаман, провидец и художник первым вышел на бой с всепоглощающим Временем-Хроносом.

Наскальные изображения божественных животных и людей стали первым вызовом человека всемогущему Времени. В психологии глубин **Время и Смерть синонимы, отмеченные одинаковой неумолимостью, закономерностью своего прихода и всепроникающим воздействием:** *Время чреват Смертью, а в Смерти исчезает даже Время.*

Самые первые мифы родились от столкновения души со Смертью, точнее с духовной составляющей этого необратимого перехода. Так возник самый ранний миф человечества – неандертальский миф о Вечном возвращении.

Осознав свою неизбежную смертность, древнейшие люди выработали систему представлений, позволявшую с ней примириться. Условно это миф о продолжении жизни в более тонких формах материи. Согласно этому древнейшему мифу, *мы рождаемся на смерть, а умираем на жизнь.*

Смерти нет! она – худшая из иллюзий! Этот протест против власти Времени, против конечности земного бытия и составляет главный героический императив всего духовного творчества Человека.

Удивительно, но сказки сохранили память о первом порыве человека к запредельному: Путешествия героев наших сказок – это отголоски шаманских переживаний. Сказки, где есть полет

Герой

на небеса и падение в глубины Земли, передвижение по воздуху и дружба с волшебными животными, несомненно, восходят к шаманским практикам отдаленных эпох.

Некоторые герои палеолитических мифов сохранились в позднейших мифологических и сказочных сюжетах. К примеру, образ древнегреческого Геракла – явный пережиток эпохи охотников. Он носит звериную шкуру, и как пещерный человек, вооружен палицей. Он шаман и великий охотник, он спускается в подземный мир, разыскивает **плоды бессмертия** и возносится в мир Богов, на Олимп.

У духовного путешествия есть своя неотъемлемая логика, так, чтобы подняться к небесам, иногда надо спуститься в глубины земли, точно так новой жизни должна предшествовать смерть в одном из миров...

Малая смерть шамана могла быть частью обряда перехода, и как всякий обряд она нуждалась в особых атрибутах. Одним из таких атрибутов мог быть экстатический напиток, подобный some древних индо-ариев.

Обратимся к книге С.Н. Зайцева «Ивангелие от Ивы», посвященной исследованию духовной эволюции человека. Древом экстатических состояний и источником откровения для ранних людей автор считает иву, другое её название верба, ракитник. Это неприхотливое дерево-кустарник первым заселило мезолитические пространства и с

Кощей- Время

разных сторон было опробовано человеком. Благодаря горькому вяжущему напитку из ее плодов и ветвей наши предки впервые познали духовный мир и вынесли оттуда трансцендентные знания. Однако принятие экстатических снадобий было сопряжено с громадным риском, с тяжелой болезнью души, с необратимым безумием и нередко со смертью. Духовный мир распахнул врата перед отважными исследователями, но плата за знание была слишком высока...

Древнейшие боги-шаманы: Велес и Один, культурные герои подобные Гераклу, Кухулину, Вейнямяйнену, Садко, сказочному Ивану Быковичу были первооткрывателями духовных стезей и в некотором смысле зачинателями героического мифа.

В славянских мифах к образу такого героя ближе всего Дажьбог и его сказочный двойник Иван Царевич, победитель бессмертного Кошея.

В наших сказках Царь Кошей похищает Юность и Красоту и прячет её в чертогах Смерти, в тереме из костей. Все вместе: яркая аллегория всевластного Времени, стирающего розовый румянец со щек и обнажающего улыбку всепобедного тления.

Так кто же этот невидимый враг пожиратель этносов и разрушитель культур? Что же за неотвратимое нечто, более мощное, не-

желли угроза войны и стихийных бедствий? На это ответил не историк а поэт: «О, что нам делать с ужасом , который был бегом Времени когда-то наречен?» Попробуем ответить на этот последний вопрос, хотя исчерпывающим ответ быть не может. (Л.Н.Гумилев).

ПРЕОДОЛЕНИЕ ВРЕМЕНИ

Отец мой Небесный, Время!
Безумен Твой часослов...

Отношение коллективного бессознательного (Души народа) к Смерти определяется наличием активного мифа ее Преодоления. Неизменными остаются только два архетипа, два главнейших мифа*, два типа реакции на смерть «в определенном режиме воображения»: Дневной героический солнечный миф, собственно мужской; и ночной: мистический, причудливый, лунный – женский.

Парадокс, но для героического мужского мифа Противостояния Смерти-Времени, характерны прежде всего образы необратимости: стрела, летящая в неведомую цель, солнечный луч, бросок копья, полет на ковче-самолете, прыжок в высоту на волшебном коне, выстрел, взрыв, запуск ракеты, эякуляция...

Сказки, где есть полет и падение, где герой поднимается на небеса: где есть прыжок к вершине башни или царского терема, восхождение по девичьим косам (солнечным лучам), подъем на хрустальную гору, или на мировое древо – это сказки героического солнечного цикла «с билетом в один конец». Таковы «Ковчер-самолет», «Жерновцы и волшебная меленка», «Сивка-Бурка».

Мужской путь – это жестокое и непримиримое противостояние Смерти-Времени, от личного до космического: безнадежный и в силу этого героический протест против власти Кощера – Хроноса и фатальной конечности земного бытия. Герой сопротивляется необратимому течению Леты, реки Времени...и побеждает! Он преодолевает земную обусловленность и соединяется с Вечностью.

СКУПОЙ РЫЦАРЬ – ЛИК ВРЕМЕНИ

*Мудр хозяин, почти бесплотен.
Лет ему за несколько сотен...*

В мифах индоевропейцев Время всегда представлено мужским, Отцовским началом.

«На острие стрелы хранится душа Брахмы» – сказано в одной из книг индийских Вед. Согласно «Махабхарате» Брахма, родился из космического яйца, плавающего в водах первоизданного океана. Брама – отец всего, в том числе и Времени. Он разбудил его *силой мысли*, разделив половинки космического яйца, и тем основал цепь вселенских событий. В русских сказках жизнь Кошея пребывает на острие иглы, заключенной в яйцо. Все вместе – чудом сохранившаяся память ведического мифа, где *старейшее божество, согласно логике перемен, переосмыслено, как злейший враг всего нового и молодого*.

В общеевропейских мифах бинарная оппозиция старого и нового обозначена через родственные связи.

Так римский Сатурн пожирал собственных детей, пока один из его тайно спасенных отпрысков – Юпитер не лишил его возможности их зачинать. Юпитер (Кронос) свергает отца. Титаны, заключенные в глубинах Тартара, получают свободу, и на землю приходит Золотой век. В ознаменование победы Кронос утверждает точные временные циклы... и этим предрекает неизбежное окончание Золотого века и своего правления...

В дальнейшем, дабы избежать печальной участи Сатурна, Кронос так же глотает все свои порождения, доколе тайно спасенный Зевс не свергает его.

Древнейшему отцу-зачинателю Крону (Кроносу) поклонялся античный *охлос* (земледельцы и ремесленники). Кронос (Время) определял ритмы плодоношения, строки посева и жатвы. Аристократическая элита городов-полисов утвердила культ его сына и победителя – Зевса, олимпийского вседержителя, согласно мифу, оскопившего своего отца, и занятого в основном пирами,

наказанием провинившихся, «дворцовыми интригами» и зачатием новых детей. Орудие Крона – серп (коса), орудие Зевса – небесное электричество, гром и молния.

В наших сказках Иван Царевич разбивает Кощеево яйцо и ломает иглу Времени, что может служить символом ритуальной кастрации прежней династии. Убить само всемогущее Время нельзя, но можно силой преодолеть его власть. Для этого нужно лишить его оружия – стрелки часов, копья или иглы, как это происходит в античных мифах.

В древности Кроноса-Сатурна представляли в виде скелета с косою, ведь именно он установил границы, которые не дозволено переходить никому: ни человеку, ни Природе. В средневековых фигурных часах этот лик Времени был явлен скелетом с косою. Костлявый жнец появлялся ровно в полночь, за несколько мгновений до рождения нового дня.

«Недаром Гесиод нарисовал Хроноса (Время) в образе старика с косою, той самой, которой он оскотил своего отца Урана и которой он лишился, когда его сын Зевс (энергия) заточил его в подземелье. Но Время все-таки идет и борьба с его уничтожающей силой – подвиг общечеловеческого значения».
(А.Н. Гумилев)

Кронос имеет свои прообразы во многих культурах. Так Кошей Бессмертный представляет собой не только «неумолимого пожирателя», но и один из положительных аспектов жестокого и неумолимого Времени. Наш Скупой Рыцарь – важное звено в цепи Жизни-Смерти-Жизни, необходимая ступень вселенского порядка.

В сказках Царь Костей выступает, как грозное, но упорядочивающее начало. Он Хранитель и Консерватор, нижний полюс мужской инициации, в алхимии представленный, как Свинец. В тени этого таинственного образа даже формула «Время – Деньги» обретает иной закодированный смысл. Примечательно, что вся Римская казна хранилась в храме Времени, в храме Сатурна. Туда же торжественно помещали трофейное оружие: мечи и копья.

Однако скопленное в Кошечьих сундуках богатство изначально мертво, вынута из кругооборота жизни, в переносном значении – это прошлое – золотой песок прожитых минут и яхонты минувших впечатлений. В силу этого сказочный скупец владеет Кошным царством, наиболее мрачной и зловещей частью Нави, где скитаются потерянные для света души.

В героических мифах мы часто находим тему перемен и смены поколений; последнее тесно связано с инициацией, так как этим обрядом руководят представители старшего поколения. К такому сохранившемуся до наших дней обряду-инициации можно отнести и похищение невесты на свадьбе.

Вспомним, что в сказках Царь-Кошей домогается любви красавицы. Кошей – дословно старый, и не просто старый, а «мифически древний», «ветхий деньми» (отсюда кошуна – «былое, миф» и кости-коши – «старое отжившее»)

В круге полярного года Кошей противостоит солнечному герою, и неизбежно уступает силе нарождающихся солнечных лучей. Календарная битва происходит вначале февраля и совпадает со славянским праздником Громницы (Имболк Западной Европы). Бой завершается на Масленицу, взятием Снежного городка. В Средневековой Европе ему соответствует разрушение лабиринта, где силы Тьмы скрывают Светоносную Деву (Люцию). Ледяные скрепы и оковы зимнего Кошечьего царства, кажутся вечными, но и они рушатся под натиском тепла, и силы Жизни получают свободу.

Остановимся на том, что Кошей – это то, что мы не можем или не хотим принять во Времени, остальное – это то, перед чем мы молчаливо смиряемся.

Царственный лик всемогущего Времени наиболее полно освещен Е. Мартыновой: *Только Время, царствуя, может объединить всех. Время – хранитель, Время учит, со Временем мудрееешь, Время рассудит, Время покажет, Время стирает обиды, Время лечит, Время торопит, Время не ждет. Время остановилось, Время бежит, течет, тянется, летит, Время потеряно. Время задуматься, Время перерождает, воскрешает. Время собирать камни – Время разбрасывать*

камни. *Время сказать правду, Время работает на нас! Время царствует! Время всевластно! Время – родник Вселенной, первоисточник первопричин образов и магических сил. **Время – Отец всего!***

В наших сказках есть еще один образ Времени это горящий Калинов Мост. Так пылающее в очаге дерево возвращает нам солнце, и мы наслаждаемся этим теплом и светом: дарами прошлого. И если Кошей это устрашающий, негативный аспект Смерти-Времени, то Калинов мост это духовный образ Времени, горящая грань бытия, рассекающая жизнь на прошлое и будущее, это место встречи миров, узкое лезвие, где происходит финальный поединок и последнее отдавание долга.

РОЖДЕНИЕ ВИТЯЗЯ

Глубинное понимание героизма связано с самой первой тайной человека – с тайной его появления на Земле. Наше видовое и индивидуальное развитие носит одновременно кризисный и творческий характер. Оно связано с целым кругом проявлений, среди них: абсолютная духовная воля, напряжение всех сил и возможностей и безрассудное стремление к цели. Потеря прежнего состояния становится жертвенным актом, травматическим преодолением, героически прорывом.

Отчасти этой весьма условной схеме соответствует само рождение человека: *когда роженичный заклятый пузырь мечом разрубает дитя богатырь* (Н.Клюев).

«Неизбежная героика» нашего рождения коренится в преодолении рока «неприродности» человека.

Наше появление на планете обусловлено двумя десятками космических констант, а наше рождение на свет – несколькими биологическими парадоксами. Например, тазовые кости у «человека прямоходящего» физиологически сужены в результате обретения вертикальной походки, что делает прохождение плода через тазовые сочленения матери весьма проблематичным, и это при том, что объем мозга у новорожденного, благодаря которому древнейший человек мог претендовать на звание *homo sapiens*, неизме-

римо вырос. Но Природа – за нас! Она нашла гениальное решение этой, казалось бы «неприродной» задачи. В момент преодоления родового канала черепные пластины младенца сдвигаются, благодаря мягкому, пластичному теменному «родничку», головка новорожденного вытягивается, сохраняя изначальный объем.

Итак, рождаясь на свет, мы совершаем свой первый рискованный подвиг, свой первый «выход в открытый космос». В дальнейшем нам предстоит не много ни мало «восхождение на небеса», ведь наше видовое свойство – прямохождение.

Рефлекс прямохождения физиологи (школа Бехтерева) называют *постуральным* – благодаря ему ребенок первого года жизни уверенно встает на ножки. По мнению психологов, этот врожденный рефлекс уже переводит человека в экстремальный, героический режим «полета на небеса», со всеми сопутствующими ему явлениями: головокружением, страхом падения, временным поражением и победой, когда ребенок упрямо встает на ножки и делает новый шаг!

Позвоночник – *ось героического мира*, его символы: дерево, меч, башня, столб, змея, вставшая на собственный хвост, и огонь – единственная стихия по-мужски устремленная вверх. Любой поклон, сгибание, простираание земле – означает символический отказ; умаление героики, а любое восхождение – утверждение героя. В сказках ему соответствует путешествие на Золотом Орле или Стартим-Птице, на летучем корабле, ковре-самолете, прыжок на Сивке-Бурке, восхождение по бобовому стеблю или по стволу могучего древа.

Но наш героический путь начинается задолго до рождения: в звездный миг притяжения и зачатия, когда душа впервые входит в алые лабиринты плоти.

ЗАЧАТИЕ – ПЕРВЫЙ ЛУЧ РОДА

*Вырос я до зрелости, внук Купальской ночи.
Сутемень колдовная счастье мне пророчит
С. Есенин*

В наших сказках любое необычное зачатие, рождение и рост несли на себе печать божественности. Нет сомнений, что момент зачатия героя должен полностью противостоять обыденности и «скучному совокуплению».

Зачатие и рождение – святыни Рода, поэтому народный опыт учитывал своеобразный алгоритм пространства и времени: от времени года и обстановки, вплоть до особых примет и обрядовых действий, обеспечивающих «верное зачатие». Из особых примет можно назвать обычай отца семейства вешать (бросать на крюк) шапку справа или слева от входной двери (вправо – мальчик, влево – девочка), или обычай занавешивать иконы во время супружеской близости.

А.Д.Чижевский в книге «Космический пульс жизни» говорит о воздействии сезонных и климатических факторов на душевную и биологическую жизнь человека. Опираясь на статистику, он сопоставляет распределение человеческих рождений по временам года и по широтам, и отмечает *«закономерность в распределения количества рождений, а следовательно и зачатий»*, он же указывает на наличие *«мощного физиологического влияния солнца на биологические процессы, благодаря которому максимум зачатия у человека приходится на весну, а именно падает на конец апреля»*.

Другим волшебным временем для зарождения новой жизни слыла в народе Купальская ночь.

В нашей родовой памяти осталась память о звездном материнском молении на приход души, о зачатии на свежей весенней пашне, или в копне душистых купальских трав, а то и на муравьиной куче. По мнению знахарей Русского Севера это гарантировало рождение шустрого и бойкого мальчонки.

В глубокой древности могло существовать и ритуальное зачатие на пращурских курганах и могилах героев. Именно такое

культовое зачатие было «категорически рекомендовано» «магами» из института «Наследие Предков». Совет касался служащих элитных частей СС.

О храмовом зачатии, иначе *зачатии от Богов*, повествуют рассказы историков античности. «Детьми Богов» считались выдающиеся личности древности: Орфей, Аполлоний Тианский, Александр Македонский, Гермес Трисмегист. (Сакральный обряд храмового зачатия раскрывает подлинный смысл пребывания будущей «богородицы Марии» при Иерусалимском храме).

Следы этой таинственной практики сохранились и в примечательном эпизоде из жития протопopa Аввакума, когда разгневанный протопоп прогнал из церкви мужика и бабу, вознамерившихся ночью сотворить *блуд перед иконами*. Сообразуясь с обстоятельствами дела, можно уверенно сказать, что это была бездетная пара, надеявшаяся зачать перед алтарем по Божьей милости.

Но наиболее древние славянские мифы не связывали зачатие ребенка с супружеской близостью. Люди были уверены, что посев жизни совершается самим Великим Родом: «...*Род седя на воздухе мечет на землю груды, и в том рождаются дети...*». Из летописей известно о дожде из вевериц – молодых белок и оленьцов (оленят), «после чего они расходятся по всей земле».

Это древнейший миф о посеве жизни Единым обозначил все многообразие представлений о глубинном родстве всего живого и о нашем кровном рождении от Богов. «... *Всем бо есть Творец – бог, а не Род!*» – писали суровые монахи-летописцы, но люди жили не по писаному.

Сказочный мотив «чудесное зачатие» подтверждает идею всепроникающей жизни, так Богатырша Усоньша (спящая) зачинает во сне от поцелуя юного богатыря, безымянная царица – от съеденной рыбы, а царица – от заговора-молитвы. В другой сказке в ребенка превращается кончик материнского пальца, отрубленный при заготовке капусты: ведь именно в капусте находят детей! Деревенский капустник, молодежная вечерка под лихие удары сечек частенько становился «первым вилокм свадебного кочана».

Второй – более глубокий пласт этой сказки: «кровное» жертвенное материнство, так всякая женщина создает ребенка из своего тела – мяса: из плоти и крови, ведь плоть и кровь два родника жизненной силы.

Плотью на тайном языке староверов звалось мужское семя. *«Кстати сказать, счастливый ребенок, уродившийся со схожими помесными чертами и свойствами отца и матери, балованное чадушко», на богатом архангельском языке называется «сумясок» – две полосы мяса, согласная и обещающая много хорошего помесь двоякой природы, благодатная и удачная смесь».* (С.В.Максимов «Куль хлеба»).

Если при зачатии что-то получилось « не так», то рождались недотыкомки, бесталанные, *ни рыба, ни мясо*, межеумки.

От осины не родятся апельсины, говорят в народе, та же мысль у алхимиков средневековья звучит так: *Чтобы получить золото, надо иметь золото*. Поэтому замес новой жизни и самый миг зачатия уже включают в себя и Божий промысел, и долю, и судьбу, и счастливый жребий и рок. Потому в столбочке от хлопочка выводится будущий крестьянин, а от искры-кременицы рождается Кремешок – Богатырь: *На небе пламень – на земле камень!*

МЫ С ТОБОЙ ОДНОЙ КРОВИ...

Разумная и естественная интеграция животного в нас – есть предварительное условие рождения целостного существа.

Другой важнейший мотив волшебного рождения героя – Кровная связь с Животными. Животное происхождение героя в народной сказке – абсолютно волшебное. Кровная связь с Животными, как с Божествами прежнего мира, наделяет его магической силой и ведет к победе.

В сказках эти богатыри, как и античные герои, в чьих жилах течет божественная кровь, непобедимы для детей человеческих.

Два наиглавнейших архетипа действуют в наших героических сказках, отражая две стези, неразделимые в традиционном обществе – это путь воина и путь землепашца: Перуна и Велеса.

В сказках *Велесычи* наделены яркими чертами священных животных-прародителей. Таковы Иван Сучич, богатырь Медведко, Иван Корович, Сученко и многие другие. «Роду я старого мать моя корова» – говорит Иван Коровий сын (и святочный Полазник).

В северной сказке происходит иное диво: там «бык (родил) Ивана Быковича: рассказчику была важна именно патриархальная передача отцовства от Быка – вероятно, самого Велеса.

В народной традиции медведи и волки охраняли корни родового древа и даже ведали полом будущего ребенка.

Узнавали его посредством особого гадания:

«... Хлеб в руке царицы Анастасии был вымочен в анисовой водке. Гадание было опасным, но верным: нужно было с руки покормить ручного медведя. Если зверь заревет и встанет на дыбы – будет девочка, а если заурчит и уйдет – мальчик. Добрый час прилучился перед самой Пасхой, в чистый четверг, когда дворня пекла куличи, а мамки мыли и убирали избы и царскую опочивальню. Государыня потихоньку спустилась с черного крыльца, и скорой поступью сошла на конюший двор. За конюшим двором был царский зверинец с множеством клеток и загонов.

Царь Иван любил медвежью потеху и на охотном дворе всегда жили медведи и волки, барсы, львы и даже два слона, доставленные в царский зверинец из Тебриза. Медведь, бурый большак, вытянулся пластом на дощатом полу клетки. Зачуяв съестное, лесной воевода встал, и, мотая головой, заковылял к кованым прутьям решетки.

Дрожая всем телом, Анастасия протянула зверю раскрытую ладонь. Едва тронул хлеб, медведь с ревом встал на дыбки и вдруг упав на дощатый помост, уткнул морду в лапы. Из глаз медведя покатались крупные слезы». (А.Веста «Яблоко молчания»)

Свадьба, зачатие новой жизни и роды долгое время были тем нерушимым материком, о который вдребезги разбивались чаяния

«новой веры». Так, согласно древнейшей традиции, всякой настоящей свадьбе сопутствовал «волк».

Волки – это род-двойник, отражение человека в зеркале Природы, божественный спутник, брат и покровитель древнего охотника. Безусловная сила и некая идеальность этого образа берет исток в верованиях палеолита, когда волчья удача, добычливость и верность, товарищество и забота о потомстве ставили волка выше людей, не обладающих всей полнотой волчьих достоинств. Отсюда целый ряд славянских волчьих имен: Волк, Вук, Вовко и другие.

В свете героического мифа Волк: это захват, экспансия, алчность, храбрость, злобность к врагам, отчаянная смелость, недюжинный ум и охотничья удача, взаимовыручка в сплоченной стае, то есть вся воинская харизма, как она есть.

В русских деревнях в обычае было приглашать на свадьбу вежлива (в дальнейшем это слово трансформировалось в «выжлеца»), дословно «матерого волка», именно так звали колдуна в его собой свадебной роли.

Вежливец должен был почуять происки колдуна-сопротивника и предупредить его. В его обязанности входило оберечь и беспрепятственно провести свадебный поезд. И напротив, зловредный колдун мог весь свадебный поезд мог обернуть волками.

Волшебный волк охраняет девичество невесты в повести-быличке «Князь-Волк». Интересен в этом смысле и заговор примака из Прионежья: *Иду я, зверь лапист и горд, горластый волк зубастый... Я емь волк, а ты есть овца моя...*

Все эти наблюдения говорят об особом статусе волка в свадебной и детородной обрядности. По преданию, *царь Иван Грозный был зачат на волчьих шкурах от лютого волхования*. О близости волчьего и царского культа говорит и сохранившийся трон Ивана Грозного в Успенском соборе Московского кремля: в его изножии изображены четыре усмиренных волка.

Тотемный зверь сопутствует и юности сказочного Ивана Царевича (Дажь-Бога), но об этом чуть позже.

ВЛАСТЬ ВЕНЦЕНОСНЫХ МЛАДЕНЦЕВ

*Родился я с песнями в травном одеяле
Зори меня вешие радугой свивали
С.Есенин*

Итак, первый поворот коло Судьбы состоялся, ребенок появился на свет! Уже первые минуты жизни несли печать инициации, так пуповину мальчику – перерубали на топорище, длина оставленной пуповины определяла длину «яра уда» у будущего мужчины. Эта мерка не должна была быть слишком большой, «чтобы он не вырос развратником», ни слишком маленькой, чтобы дитяtko было удатое! Топорище отца также могло служить и необходимой меркой для пуповины сына, ведь топор всегда делался «под руку», в этом случае размер топорища равнялся длине от локтя до запястья или чуть больше.

Пуповина – суть запас жизненных сил, не в последнюю очередь отмеряемых ее длиной, эта мера несла так же и символическую нагрузку.

Например, у марийцев пуповину отмеряли до темечка новорожденного. Темя – это *небо* в системе человеческого микрокосма. То есть пуповина соединяла человека с миром богов и служила прообразом «духовного кровотока», который будет соединять человека с небом в течение всей жизни.

В сказках указан и признак **Царского рождения**: *Ручки по локоть в красном золоте, по колено ноги в чистом серебре*. Золото и серебро – не драгоценные металлы, а символы духовной благодати. Ноги до колен в народном целительстве – это предки, чьи дни памяти *идут по Луне*, их цветом будет серебро.

Ручки ярого злата это – потомки, грядущий Золотой век. Всякий новорожденный – это драгоценное звено в Золотой Цепи Рода. В сказках эти волшебные признаки указывают на солнечное происхождение царского младенца. Такое дитя *растет не по дням, а по часам*, как новорожденное солнышко – Коляда.

Само собою, что солнечный младенец от рождения наделен золотой «коронай мудрости». В народе говорят: *дитя, а рассуж-*

дает, как старик! В собрании северных сказок Н.Е. Ончукова есть удивительная сказка «Детский царь», в ней говорится о царстве справедливости, построенном детьми.

Младенчество наших предков проходило под знаком раннего определения стези: так колыбелькой новорожденного в северных поморских селениях раскачивали там резко, что ребенок едва не выпадал. По мнению родителей это приучало будущего морехода к качке.

Появление *первых молочных зубов* знаменовалось дарением ложки. Серебряной ложкой простукивали первый зубок, деревянную – вручали как оберег.

Заметим, что ложка в поминальных обрядах олицетворяет предка, и ребенка сразу учили правильно класть ложку: опрокидывать ее «хлебалом» вниз не полагалось, чтобы предки в земле не перевернулись. Пользование такой ложкой означало кормление пращуров, поэтому ее наделяли особыми магическими знаками, как о том писал Н. Клюев: *и с крестиками ложки, в чьей резьбе заклятия живут...* Пользование такой ложкой – это *неосознанный ритуал кормления предков*.

В год ребенку делали первую застрижку, волоски сжигали, тем самым воссоединяли ребенка с родовым огнем, в три года мальчика из княжьего рода или воинского сословия сажали на коня и вручали меч.

Тем не менее, ребенок – дитя долгое время считался условно бесполом и общим домашним одеянием для мальчиков и девочек была длинная рубашка и поясок.

КРЕПИ СУДЬБЫ

Расскажем еще об одной важной этнической традиции – это обычаи пеленания. Строгое пеленание солдатиком отмечено только *у восточных славян, у сербов – правую ручку новорожденного мальчика оставляли свободной*. Строгое пеленание было первым шагом формирования не только тела, но и духа. Так после правки и лажения повитуха тщательно выпрямляла ножки ребенка, ручки прижимала к телу и закручивала ребенка в тугой кокон-свивальник. Никаких вольностей не предполагали.

лось, только строгость и жесткая фиксация. По всей видимости, такой прием отнимал у ребенка свободу самовыражения, но приучал к режиму и инициировал развитие «не в ширь, а в глубь». Свивальник обвязывали родовым поясом.

Здорового и крепкого малыша крестить старались попозже: *без креста ребенок быстрее растет*, слабого и хворого – сразу, чтобы он не умер некрещеным. Ребенка пеленали на время сна до года, пеленкой служила рубаха отца.

По всей видимости новорожденное дитя представлялось нашим предкам «недопеченным», «слишком мягким» для его дальнейшей жизненной задачи, и его нужно было крепить до обретения твердости. Это мифологическое понимание встречается у индоевропейцев. Так В «Рамаяне» божественная Сита говорит: *Ты сгустил меня, как молоко и как сыр вылил меня...* «Ради ты мне сына, як белаго сыра», – звучит та же мысль у южных славян.

Этот же мифологический мотив отражен в идеальных представлениях о младенце, как о Живой Воде, которую нужно должным образом оберегать (по сообщению Л. Суярко), например, финны (как и лопари) не знали пеленания и переняли его у славян вместе с названием «крепше» – «крепить», то есть формировать ребенка особым образом.

Вполне возможно, что жесткое пеленание не учитывает современного мифа о появлении «нового человека».

... Речь идет о человеке, который обладает иными возможностями, как наблюдения и понимания мира, так и творческого мышления и самоорганизации.

В связи с этим и общественные концепции, опирающиеся на тип классической гуманистики, требуют трансформации и дополнения, так как они не учитывают новый тип человека.

При этом речь идет не о жестких структурах, а о структурах динамических, отражающих большую степень свобод ... отражающих взаимную координацию нового «целостного» мышления с уже достигнутым технологическим уровнем.

(По работам Б.Кригер)

Однако ограничение в свободе самовыражения необходимо до той поры, пока люди (как и дети) не научатся предвидеть последствия своих поступков, и не сделают добровольный шаг к осознанному самоограничению.

Итак, рождение нашего солнечного героя состоялось, оно открывает мужской героический солнечный путь. В круте года это сказка «Терешечка», она рассказывает о появлении на свет маленького, да удаленького младенца – Божича-Коляды (*А бывает Коляда накануне Рождества...*)

Коляда – это время зимнего солнцеворота, когда мир застывает на зыбкой грани бытия-небытия, когда Боги и Предки сами идут к людям в одеждах колядовщиков, и к золотой колыбели Солнца сходятся Рожаницы...

В эту самую темную и холодную пору года решается участь нашего светила и самой земной жизни. Об этом рассказывает сказка «Терешечка» (вариант «Лутонюшка»). В сказочное далеко мы будем двигаться *семимильными сказочными шагами*, и первым шагом мужского героического пути будет возраст *от 0 до 7 лет*.

СОЛНЕЧНОЕ ДИТЯ: ПРОБУЖДЕНИЕ

Колядный вечер, вьюжный и каленый...

Н.Клюев

Рождение чудесного младенца солнечного Коляды, приходится на Солнцеворот. Солнцеворот это целый период с ночи Карачуна (21-22 декабря) до православного Рождества (7 января). Рождество посредине зимы – это древний полярный ритм, совпадающий с прибавлением света. В это время не просыпаясь от зимнего сна рожают в берлогах медведицы, а в крестьянских хлевах телятся коровы и ярки. В мире людей вешние свадьбы и масленичные поцелуи в санях приносят свои плоды: в зыбках-колыбельках дышит новая жизнь.

«Коляда для славян – величайший праздник... Завершающий темную половину года, знаменующий рождение Солнца Богов. Эта точка нижняя переломная грань года и самый «темный час»

перед рассветом». Две недели следующих за ней празднеств – постепенное восстановление солнечного творящего начала, в котором соединяется дух людей и таинственная мощь обитателей Мира Мертвых...

Приходят они ... вестниками животворной силы, которая обеспечит живущих благом и удачей на весь солнечный год. Облик их при всем том остается страшен и чужевиден, а поступки не всегда понятны. Дух праздника, сердцевина его смысла – обновление. Ни один другой праздник настолько не проникнут духом отмирания устаревшего начала и зарождения нечто совершенно нового». (М. Максимов, М.Грашина)

Сказка «Терешечка» – это колядный миф зимнего солнцеворота, а ее герой – само юное Солнышко, Золотое дитя, свет любви и надежды в каждом из нас, это *внутренний младенец*, который нуждается в спасении!

Был у заурени... Младенца в себе возбуждал! – писал в своем личном дневнике Н.Клюев. **«Пробуждение младенца»** – это возвращение к детской нежности и невинности, к ослепительным краскам мира и к самым первым сказкам.

Появление Терешечки на свет по-своему примечательно: *«вот сделали они колодочку, завернули в пеленочку»*. Колодочка, да еще завернутая в пеленочку это «Бадняк»; рождественское полено, главный герой ночной мистерии Коляды. Если Бадняк – огромное дубовое бревно, сгорающее в домашнем очаге – символизирует уходящую силу старого года, проходящую через огонь, чтобы возродиться, – то Божич не может быть ничем иным, как юной силой нового года. Это Бог-дитя едва народившийся и пока не умеющий противостоять силам зла и холода.

Дубовый Бадняк – это мост, ступень, шест или древо, по которому светлые Боги перейдут на землю в будущей половине года. Он же берет на себя обязанности посланца к богам, поэтому Бадняку придают сходство с живым существом: ему «отверзают уста», обвязывают лентами и материей, кормят и поят, после чего кладут в огонь.

«Дуб символизировал солнечного Бога старой религии. Смысл Колядных обрядов – **наведение моста** для Весны, облегчение пути новорожденному солнцу, это праздник единения людей вокруг домашнего очага, ночь в которую не должен погаснуть священный огонь, чтобы наутро могло взойти новое солнце. Пока горит в печи огромная дубовая колода – бадняк, балканские славяне поднимали чару: За старого бадняка, за молодого Божича!». (М. Васильев, М.Грашина)

Колодочка в сказке исчезает неведомо куда, видимо до конца стораец в новогоднем очаге, а «вместо колодочки стал расти у них мальчик Терешечка – настоящая ягодка!»! В этом зачине снова ощутимо **дыхание древнего мифа!**

Через краду огненную уходили в небо умершие, но, видимо в народных представлениях был возможен был и обратный путь: **возвращение, точнее приход души через пламя родового очага.**

Терешечка быстро растет и с наступлением весны уже плавает в лодочке (мотив Солнечной Ладьи) и ловит рыбку, должно быть тоже волшебную. Он меняет рубашечку и поясок (картины неба). Он побеждает Ведьму (Зиму, Марену) и ее дочь Аленку (Луну). В конце сказке Терешечка победно взбирается на ствол мирового дуба, открывая свою истинную солнечную Природу. Он поднимается все выше и выше по Древу года. Этот медленный и неуклонный подъем означает прирост солнечной силы, и пробуждение Природы.

Еже есть прево посажденъ (то есть дуб), от вьсего же кореніе» (славянские тексты). Напрасно безумствует злая Ведьма Чувилиха и грызет священное древо своим железным зубом: погубить юного Божича она не в силах. Этот момент разгула темных сил – тоже часть обряда Коляды.

«В то же время это праздник Ряженных, буйства навьих сил и окруты. Это сама «Жизнь в Смерти», подтверждением чему служат вождение Козы и подблюдные песни на смерть». (Н.Велецкая).

Солнечного младенца спасают лебеди. Весною лебеди летят на север и несут на крыльях Солнце, это образное отражение астрономических реалий. Ведь точка восхода от Коляды до Купалы ежедневно смещается к северу.

Вся сказка – это «осколок героического солнечного мифа», обетование победы тепла и света над холодом и тьмой.

Героический солнечный путь, единожды начавшись, выстраивается в непрерывную золотую цепь побед и испытаний. Герой приходит в мир златокудрым солнечным младенцем. Злая старуха Зима и ее уродливая дочь повержены, бессилен их приспешник Мороз-Кузнец (возможный образ Черного Ковалея: Чернобога).

Золотое дитя возвращается в день своего помина: старички уже напекли поминальных блинов: в традиции помянуть и накормить предков означает привлечь их внимание к земной жизни и получить действенную помощь, а само ритуальное печение блинов указывает на Масленицу.

Масленица означает прибавление и возмужание Солнца и наш следующий рассказ будет посвящен возрасту *от 7 до 14 лет*.

МЫШКА, МЫШКА, ВОЗЬМИ ЗУБИК МОЛОЧНЫЙ, ДАЙ КОСТЯНОЙ!

В семь лет завершался первый жизненный круг, и вместе со сменой молочных зубов приходило время первых испытаний (период от семи до четырнадцати лет). «Белые камешки» на лесной тропе в сказке «Мальчик-с-пальчик» торопят время первого возрастного посвящения.

Белые камешки – это зубы, естественные кристаллы, поддерживающие связь с предковым миром, поэтому их ритуально возвращали (жертвовали) туда, откуда они пришли. Зубы полагалось непременно зарыть в землю и позвать Мышку: отменного грызуна. Возможно, что Мышке предшествовала Змея: природное Божество, связанное с плодородием и ростом. Так же ритуально возвращали Земле все ее благие дары, дабы не иссякла ее благодатная мощь.

В народе говорили: *До первого зуба силен колдун*, так сила обретенная с новыми постоянными зубами должна сопутствовать человеку до конца его жизни, она обреталась в испытании-инициации.

Инициация всегда предполагает преодоление, разрыв уровней и даже смерть прежней личности, поэтому настоящее посвящение всегда содержит риск для жизни и характера. Другим назначением инициации было закрепление уже обретенных качеств – мужества, смелости, отваги, психической выносливости.

Однако сюжеты многих сказок этого цикла рассказывают о нарушении священных запретов, так Мальчик-с-Пальчик в сказке Ш. Перро заменил белые камешки-зубы на хлебные крошки. Этим он нарушил древний порядок и, как следствие: не нашёл *дорогу домой*.

В древних охотничьих сообществах семилетнего мальчика впервые надолго уводили из круга женщин. Это первое посещение Вещего Леса с опытными наставниками определяло его дальнейшую судьбу. Здесь «неофит узнавал самые священные мифы своего племени» и даже больше того – становился их главным действующим лицом.

В сказке первого семилетнего цикла мальчик Терешечка проходит смертельно опасные испытания, которые устраивают ему **женщины!** В матрилинейных отношениях палеолита отрыв мальчика от матери, и шире от «мира Матерей» мог быть оформлен, как нападение на него злых «фурий». Ими вполне могли быть мужчины *переодетые женщинами*. Доброе, теплое материнское оборачивалось своей пугающей демонической стороной, и мальчик навсегда покидал «женский мир» и переходил в «мужской круг» с иными ценностями и жизненными задачами.

В сказке мальчик уверенно побеждает злобную старуху и её дочку-людоедку в мистериальном пространстве Вещего леса. Так обозначался его безвозвратный отрыв от «материнской юбки».

Детские психологи считают такой отчасти травматический шаг совершенно необходимым. Если он не состоялся вовремя, то в душе мальчика могут произойти необратимые изменения. Обратимся к народной саге книге С.В. Максимова «Куль хлеба»:

Ребенка, а потом и взрослого парня, сохраняющего в чертах лица и характера нежную женственность, с девичьими хватками, называют «девуля» и «раздевулье»; парень застенчив, на всякое слово краснеет, стыдится того, чего мужчинам не следует, равнодушен к девкам и с ребятами не сходится... Если и возрастет раздевулье в большого мужчину и даже женится, он все-таки останется «бабьяком, бабеней»

... Несостоявшееся половое воспитание девушки выглядело так: Другая женщина его не только заткнет за пояс, но и перехвастает. Она говорит мужским грубым голосом и хватками кажется богатырем. Ей бы кнут в руки да лошадь. Рукавиц с руки не снимает, любить обувать мужские сапоги и надевать мужичью шапку: это – «размужичье».

Таких смелых и грубых баб много в Коле, но зато там про себя делают и отличие: все-де бабы, как люди, а незамужние, вышедшие из лет, «залетные», как говорят в Поморье, грубеют, утрачивают женские свойства, и размужичиваются, усваивая все мужские привычки и приемы, и даже предпочитают всегда одеваться мужчинами... Точно так же и размужичье до крайнего возраста на старости – «мужлан и бородуля», потому что у иных и борода обозначается и на губах усы пробиваются с юношеских лет, чтобы уже все знали и видели.

Второй семилетний цикл жизни подходил к концу, и после четырнадцати лет наступало время отроческих и юношеских посвящений. В доисторическом обществе каждый мужчина был охотником, в историческое время – воином. Первую взрослую одежду юноши и девушки получали только после пройденных испытаний.

Наш следующий рассказ именно о них. Он охватывает период с 14 лет до 21 года. Этому возрасту покровительствует юный Дажьдбог в образе Ивана Царевича и его верный друг и наставник Серый Волк.

БРАТ МОЙ ВОЛК

Расти меня, собачья стая,
Мою порвавшая семью,
Я юный волк, я это знаю –
Единственный в своем краю. ...
М. Струкова

Переходный возраст подростков наступает на грани двенадцати-четырнадцати лет. В это время мальчику жизненно важно доказать свое право на мужество, даже если для этого нужно «сменить кожу», сделать то, что от него не ждут, «показать клыки», «смотреть волком», нужно скинуться, отрастить хвост, одичать и даже напрочь уйти из дома:

Его снова ждет Вещий Лес: роща посвящений или каменные джунгли, его ждут жестокие бури подросткового возраста и «внутренние чудовища», но Солнечный путь продолжается, потому что рано или поздно юный мужчина перерастает верхушки самых высоких деревьев и восходит как рассветное солнце, над дебрями своих поисков и заблуждений.

Волков бояться – в лес не ходить, и символом этого возрастного и календарного периода будет волк, а также связанный с ним древнейший миф. Этот миф сполна объясняет одну из загадок знаменитой Сунгирской стоянки эпохи мезолита, открытой вблизи города Владимира.

Сунгирцы охотились на мамонтов, диких лошадей, оленей и пещерных львов. В захоронении оказалось двое детей подростков: мальчик и девочка. Их одежды были в некогда искусно украшены, изобиловали костяными бусинами и магическими деталями. У мальчика-сунгирца археологи обнаружили загадочный «хвост», точнее его основу из бусин.

Некогда они были нашиты на длинное меховое основание. Археологи пришли к выводу, что это «волчий хвост» – память пройденной инициации и свидетельство божественного происхождения от Зверя-Прародителя.

Волки – род двойник, связанный с человеком давними узами соперничества. Абсолютную древность «волчьего культа» подтверждает и русская сказка «Иван Царевич и Серый волк». Сказка сберегла древнейшую канву юношеских посвящений, эти посвящения проходят под руководством опытного наставника воина и охотника – Волка. Он решительно подавляет «эго» своего воспитуемого (съедает коня), а после уверенно ведет юношу по стезе опасностей и приключений. Возможно именно таким суровым «дядькой» был варяжский воин Асмуд – воспитатель юного князя Святослава: *Едва закончилась пора младенчества, Святослава передали воспитателю «кормильцу», суровому варягу Асмуду из числа доверенных и мудрых воевод.* Асмуд оставался при князе до конца своей жизни.

Появление такого наставника в судьбе юноши знаменует ломку характера, армейскую муштру, и жесткие испытания, конфликты и победы, мальчишеские драки, которые открывают путь мужания и перехода на следующие ступени.

О воинских посвящениях древности известно не так много: после наступления четырнадцати лет юношей уводили в одиноко стоящий Лесной Дом. Воинская подготовка в те времена была связана не только с овладением боевыми искусствами, но и с приобщением к духу мифического животного-прародителя. Этот предок чаще всего был наследием более древнего *охотничьего союза*.

Известно что последний товарищеский ужин в юнкерских училищах назывался «собакой», в эту ночь в казарме происходили *неразглашаемые таинства* Волчьего Пути.

В сказочных шифрах волк, медведь, позднее собака – это воплощенная интуиция и природные силы, не просто покоренные человеком, но связанные с ним древней клятвой верности и любви.

Связь собаки или волка с вооруженным мужчиной-Охотником, союз Волка и Кузнеца, Солдата и Собаки, Ивана Царевича и Серого Волка – отражает тотемную связь древнейшего мужского жречества с этими существами.

ВОЛК-ОБОРОТЕНЬ или ОБОРИ ТЕНЬ

Слышать я вас не могу, Не подступайте ко мне!

Волком бы лечь на снегу!

Дыбом бы шерсть на спине!

(В.Ходасевич)

В наших сказках у главного героя есть два животных хранителя, два мудрых посланника Вешего Леса: Волк и Медведь. В глубокой древности воинская харизма выражалась в жестокости, мощи и удаче, свойственной этим животным. Для усиления связи с тотемным зверем применялись особые практики. Среди них – феномен оборотничества и обычай употребления вражеской крови.

В дальнейшем тонкая связь с тотемным зверем поддерживалась при помощи магии. Иногда магическому двойнику давали выпить воду, которой омывали раны «хозяина». Кормление животного-проводника своей кровью и плотью запечатлено и в сказках: так путешествуя на Орле (Стратим-Птице) Иван-Царевич кормит его кусками собственного мяса. В дальнейшем волшебный проводник возвращал съеденное, то есть наделял хозяина «удвоенной силой».

Кормление летящих грифонов изображено на знаменитом барельефе Дмитровского собора в городе Владимире, известном, как «Вознесение Дажьбога», и наш сказочный витязь повторяет путь и судьбу Дажьбога.

Однако то, что в поздние века стало изобретательностью героя, первоначально могло означать космический жертвенный акт. Так, согласно апокрифам, голодным грифонам чтобы взлететь, надо было почуять мясо, и тогда герой (согласно позднему сказанию Александр Македонский) насадил на пики двух львят и поместил их впереди грифонов, после чего колесница с царем, сыном Солнца поднялась в небо.

За этим объяснением ясно просвечивает другой миф: солнечный герой, Царь и Светочь мира манит грифонов частями своей живой плоти, возможно, жертвует обеими ногами, но потом волшебные птицы возвращают «жертву».

Итак, воину необходима теснейшая связь со своей внутренней природой. На обретение и укрепление этой связи были направлены традиции воинов-волков, широко известных в Европе. В «Книге чудес Ирландии» тринадцатого столетия говорится: *«есть среди народа кельтов некоторые люди, к которым от их предков приходит чудесная сила, ибо благодаря некоему дьявольскому искусству они могут по своей воле придавать себе обличье волков с хищными острыми зубами»*.

«Героическая артуровская традиция в литературе и немецкие и скандинавские саги свидетельствуют, что существуют два основных вида воинских култов – волка и медведя, и менее распространенный, но царственный культ дикого кабана, – пишет Н. Пенник в своей книге «Практическая магия в Северной традиции», – Наиболее известными скандинавскими воинами были Berserkers и Ulfhednar.

«Они... бросались в бой без кольчуги. Ярились, как бешеные псы или волки. Кусали свои щиты, и были сильными. Как медведи или быки. Они убивали людей. И ни огонь, ни железо не причиняли им вреда.

Такие воины назывались берсерками...» – повествует скандинавская «Сага об Инглингах» в переводе М.И. Стеблин-Каменского.

Изначально «идти в берсерки» означало идти в бой одетым в «рубаху» из медвежьей шкуры. «Рубаха» из медвежьей шкуры – символ, позволявший берсеркеру обратиться к медвежьей мощи, и той сверхчеловеческой силе, что проявляется в классических боевых искусствах.

Берсеркер обретал медвежью мощь при инициации. «Сага о Хрольвиге Метателе Колец» сообщает нам о том, что будущему берсеркеру в ходе испытаний надлежало «убить» подобие зверя, воздвигнутое в королевской зале, а затем «испить» его крови, тогда сила зверя соединялась с силой воина. Пластины на одном из шлемов шведских викингов изображали это событие.

Берсеркерам приписывали способность к оборотничеству. Это могло быть прямым или опосредованным воздействием на восприятие других людей или вне телесным опытом. Ясно, что берсеркер был практиком специализированной формы шаманского боевого искусства.

На Руси после тотального прореживания летописей остались лишь отдельные упоминания от традиции, несомненно носивший всеобщий европейский характер: Таков князь-оборотень Волх Всеславич в «Слове о полку Игореве».

Некогда на Руси бытовала книга «Чаровник», возглавлявшая список Отреченных (запретных) книг. Текст его не сохранился, но по преданию он состоял из 12 глав, с указаниями, как покидать своё тело во время сна и превращаться в различных животных и птиц.

Вот описание загадочной книги: *«Чаровник. В них же суть 12 главизн, стихи двююнадесятъ опрометных лиц, звериних и птичьих, се же есть первое: тело свое хранит мертво и летает орлом и ястребом и вороном и дятлом и совою и рыщут рысию и медведем...»*

По всей видимости эта чародейная книга избежала византийского влияния и отражала русскую, сходную с шаманизмом практику. От прозвища оборотня «опрометное лицо» произошло выражение бежать опрометью – то есть очень быстро, стремглав, как скачут волки или ... оборотни.

Скандинавские берсерки и кельтские фении, сербские псоглавцы, и славянские воины, избравшие Волка своим атаманом, а так же опричники Ивана Грозного с собачьей головой, притороченной к седлу – все это легендарное воинство черпало образы и символы из древнейшего *бестиария* – из темной демонической силы зверя, и его природной, а значит и божественной гармонии.

В круте года волк олицетворяет утрюмую ночь, суровую зиму и февральские волчьи свадьбы: Так называемые Волчьи Святки приходятся на самое морозное и голодное время – Велесовы дни в конце февраля. *Отдавая коня волку – сказочный Иван Царевич совершает символический переход в суровое и темное время года*, где так важны волчье чутье, удача волка и умение выживать в стае.

Но если мы внимательно посмотрим на славянский календарь, то увидим, что этот период от Водокреса до Велесья (конец января, начало февраля) с его Волчьей символикой это самая первая весна: ***Весна Света – юность солнечного Даждьбога.***

СКАЗКА В КРУГЕ ГОДА: ИВАН ЦАРЕВИЧ И ДАЖДЬБОГ

Сказки, где герой, наделенный изначально духовной полнотой, предстает в осиротелом, убывающем облике скрывают в себе пронзительный свет, глубокий посвятительский смысл и древнейший календарный миф. Таков путь сказочного Ивана Царевича, отражающий кресный путь солнца.

Календарный солнечный миф рассказывает о пути избранного существа, первоначально Бога-Света, потом юного воина из знатного рода, позднее Царевича, либо иного героя наделенного необычным рождением, и в силу этого причастного к тайне мироздания. Ивана-Царевича принято отождествлять с молодым Даждьбогом.

Даждьбог наделяет молодого мужчину золотым венцом мудрости. Открывая в себе свойства этого бога, человек учится отдавать, жертвовать, дарить без возврата, так же щедро и полно, как щедро и безоглядно, льются на землю солнечные лучи. Высокие устремления Даждьбога могут проявляться в просветительских поступках, в самоотдаче на всех уровнях.

Ипатьевская летопись повествует о боге «именем Солнце, его, же нарицают Дажбог. Солнце же царь... еже есть Дажбог». С именем этого божества связывали щедрые блага, которые дарованы всем людям свыше – солнечные свет и тепло.

Г.А. Глинка в книге «Древняя религия Славян» так описывает Дажбога: «Сие божество было так же благородное, податель всяких благ земных, богатства, счастья и благополучия. Жертвовали ему только усердными молитвами и испрошением у него милости; ибо благотворение не требует ничего кроме прощения и признательности».

Б. Рыбаков приводит севернорусскую вышивку, на которой изображен всадник. «Всадник необычен: голова его дана в виде косо поставленного квадрата, заполненного крестами и солнцеобразной фигурой с восемью лучами. Руки его воздеты к небу».

Ученый считает, что это Дажьбог и пишет, что в русских вышивках такой сюжет редкость. Но в декоративно-прикладном искусстве обских утров всадник с поднятыми к небесам руками является типичнейшим образом. Это Мир-Сусне-Хум («За миром наблюдающий человек»), национальный герой, который, *подобно Дажьбогу, есть Бог-Сын.*

Наиболее вероятным изображением Дажбога является мотив «восхождения» Солнца на конях, грифонах, львах или птицах. Львы в колеснице Дажьбога облагорожены близостью богоносного возницы и усмирены его крепкой рукой и благой волей. Эта **способность повелевать без насилия** – одно из главных свойств мужчины, идущего путем Дажьбога.

РУСЫ – ВНУКИ ДАЖЬБОГА

Вера в кровное Родство с Богами – это больше чем вера, **это таинственное, теплое приходящее из глубин, ощущение наполняет нас живой, искренней верой и любовью.** Она исключает страх и отвергает грубый обмен. Мы, дети и внуки родных Богов живем в потоке их творческой любви.

О кровном происхождении славяно-русов от Богов ярко свидетельствует летописное наследие. В «Слове о полку Игореве», Баян, соловей Старого времени назван внуком Велесовым, а князь Олег Гориславович наречен «Дажьбожким внуком». *«Въстала обида в силах Дажьбожса внука, вступила девою на землю Трояню, всплескала лебедиными крылы на синем море у Дону: плещучи, упуди жирня времена». «Тогда при жизнь Дажьбожса внука Олзе Гориславличи сеяшеться и растяшеть усобицами, погибашеть, в княжих крамолах веци човекомь скратишась».*

Ряд исследователей высказывали сомнение о том что в «Слове» все русичи: смерды и простые кмети, наречены внуками богов. Значимое мнение по этому поводу высказал А.А.Потебня: *«Что до сомнительности того, чтобы смерд, хотя бы и как собирательное лицо был назван внуком солнца, то мы видим, что в величальных песнях и единичные лица, как хозяин и его семья, не только представ-*

ляются князьями... но и возводятся в божество, что конечно теперь певцами не сознается».

Верный и осторожный вывод касательно всеобщего родства русов-славян с Дажьбогом сделали В.В.Иванов и В.Н.Топоров: «На основании двух упоминаний Дажьбога в «Слове о полку Игореве» можно было бы сделать вывод о существовании у этого бога функции родоначальника или покровителя по отношению к коллективу, границы которого не удастся определить, хотя и очевидно, что речь идет о русских».

«Зато Игорь и другие русские князья как Дажьбоговы внуки – один из ведущих тропов «слова» на всем его протяжении, а Солнце-Дажьбог выступает, как одно из главных действующих лиц поэмы и как источник полярной символики, пронизывающей Слово» пишет А.В.Ткачев.

В круге года Дажьбог – это солнечный богатырь, освобождающий из зимнего плена трепетную Деву-Жизнь.

В апреле-марте Свет Дажьбогов заново озаряет мир, но его подвиги начинаются значительно раньше – вскоре после Коляды, когда юный, но полный решимости освободитель выходит на бой с силами полярной Ночи.

На Водокрес (19 января) Мать-Земля являет нам Живую и Мертвую воду. Эти две воды – часть древнейшего (календарного) мифа о пути Дажьбога, та Живая вода в русских сказках целит раны Ивана-Царевича – эпического двойника Дажьбога.

В этот период года в Дажьбоге проявлен идеальный юноша, духовная сила раннего растущего солнца, без страха и упрека отдающего миру свою солнечную кровь.

Далее в славянском календаре наступает период Громниц, это февральская *весна света* и первых вешних ветров, иногда приносящих зимнюю грозу. Светлая Дева, возникающая, казалось бы из зимнего снега запечатлена в западно-европейских легендах и даже канонизирована как святая Лючия (светоносная) и святая Бригитта. В древности в этот период года зажигались новые огни.

Мифы о Деве, сокрытой среди снегов и нуждающейся в освобождении. Сохранилась в весенней обрядности кельтов и неко-

торых народов Европы. Освобождение девы из ледяного лабиринта (хрустального гроба) есть и в сказке о Мертвой Царевне и семи богатырях А. Пушкина. Обрядовой памятью такого освобождения будет взятие снежного городка на Масленицу.

Иван Царевич и королевич Елисей, – это безусые юноши, идущие на свет первой любви. *С 14 до 21 года длится период Пробуждения, когда человек впервые осознает свою жизненную стезю и делает решающие шаги.*

Итак, сказки о ранней юности посвящены Царевичу, чье русское имя Иван делает его особенно близким и родным. Другая сказка Царского пути «Детский царь» рассказывает о том, как одноименный герой создал среди детей царство справедливости. Воистину: *Будьте, как дети! Дети-звездочки!*

Но дети-звезды часто гаснут, с появлением первых признаков пола: усов и бороды. Бурный рост и созревание поглощают духовный свет и довольно часто ребенок, еще недавно подававший великие надежды, переходит в стан обыкновенных и даже более того грубо-заземленных детей-подростков.

Видимо воспитатели древности, дядьки-волки, волхвы и друиды, были озадачены тем, как успеть зажечь духовный свет, свет Дажьбожий, до того как появится первая растительность на лице. На это и были направлены все испытания и инициации Царского пути. До выхода на распустье и обнаружения каменной скрижали, у Ивана-Царевича ещё есть выбор, отправляться ли в полный опасности путь, или остаться тем, что он есть.

Глубоко задумавшись, наш герой вступает в долину Поиска. Его ведет внутренний голос и неясное ему самому стремление. На этом этапе жизненно важен изначальный умственный багаж и качества духа. Именно они позволяют герою пройти долину Поиска и достичь камня Разделения.

КАМЕНЬ РОКА

В сером безбрежии русского поля, где синь-горюч камень, ковыль трава и ракитов куст, чарым сном спит Иван Царевич. В шумучих ковылях теряется дикий шлях. С Непрядвы и Смородины доносится лебединые гомоны и всплески. Далеко-далеко за нитью багровой зарницы скоком-походом мчится серый волк, несет воду Живую и Мертвую, но демоны ширяют в дымных воздухах и а курганное воронье треплет шибанками, клюет пададь человечину, то белую руку со золотым кольцом, то косицу с жарким волосом молодецким. За синим бором на ровном месте, как хлеб на ска-терти, идет побоище смертное, правый бой с самим Издолицем.

И зигзица прокуковала тридцать готов судины. Пора вставать прекрасному на резвы ноги, да заломил враг отступную дань – не много ни мало душу из белой груди. Мается маятой смертной в Коцеевом терему царевна: чья возьмет. Теплится воск в малой келье на бору. Истекает смоль-душа...

Н.Клюев

Иван Царевич – человек Пути, мужественно следующий Року, пробиваясь сквозь земные тернии, он осваивает свои внутренние глубины и покоряет духовные вершины, «стяжая бесценное сокровище в сердце своем». Сердце, как перекрестие дорог совпадает с мистическим сердцем мира – камнем Алатырем. *Сердце мое – бел-горюч камень* – говорится в славянских заговорах. Не отсюда ли и тяжкий «камень – на сердце», если что-то ненароком смешается в судьбе человека.

Обратимся к древнейшим представлениям о человеке: Русский историк XIX века А.П. Шапов приводит текст старинной русской книги: «Богословцы реша, яко человек есть второй мир мал: есть бо небо и земля, и яже на небеси, и яже на земли, видимая и невидимая

– от пупа до главы часть яко небо, и паки от пупа дольная его часть яко земля, ибо земля имеет силу рождательную и прохождение вод; тако и в сей нижней части человека сия суть. Паки же в горней части его, яко на небеси светила солнце и луна, гром, ветер, лице и в человеке, и во главе, очи и глас и дыхание и мгновение ока, яко молния скорошественно, наипаче же всех уд, вся видяй, видимая и невидимая и обдержа яко горстию, скорошественен, проходя невозбранно Небо и Землю...».

Согласно этой карте человеческого микрокосма Сердце-Алатырь принадлежит «горнему миру» – это обитель совести, и тонкий духовный навигатор. В ведическом учении этому центру соответствует чakra *Анахата*.

В сказках камень Алатырь означает глубинное распустье, это место где человеческое сопрягается с космическим, а прошлое – с будущим, где столбовая дорога судьбы переходит в ветвистые тропки Вешего леса. Здесь происходит и встреча героя с духовным проводником – Волком. Заклание коня означает расставание с зовом животной природой, ведь герою предстоит восходящий путь: от дольной части к горней и здесь ему нужен другой проводник – Волк, возможно крылатый, либо обладающий возможностью преодолевать границы Яви и Нави.

Камень на развилке путей зовется камнем разделения или камнем Судьбы. Это точка окончательного выбора пути: по Духу или по Плоти. Две руки человека: десница и шуйца – два направления сказочного поиска по горизонтали определяют широту полотна жизни, но есть и третий путь – путь восхождения в царские чертоги – чертоги Разума и Воли.

Б.Ю. Татищев назвал Камень Алатырь – «древнейшей инструкцией по технике безопасности»: «Кто пойдет от столба сего прямо – тот будет голоден и холоден (в поздних вариантах женатым быть). Кто пойдет в правую сторону, будет жив и здрав, а конь мертв. А кто пойдет в левую сторону – сам убит будет, а конь жив».

Попробуем сопоставить эти явные иносказания с перспективами витязя на распустье.

Двигаться **прямо** – означает не менять рутинного бытия, при этом быть в голоде и холоде: Достаточно очевидно, что такой человек будет холоден чувственно и эмоционально, то есть лишен энергетики Любви и Сострадания. И при этом голоден сенсорно, то есть из-за отсутствия полноценного внутреннего духовного Бытия, такой человек будет жаждать внешних развлечений и приключений. Это путь зияющей пустоты и духовной деградации.

Налево пойти: сам убит будет, а конь жив.

Конь – это биологическая мощь, страстная, ещё не преобразённая натура, естественные стремления и желания человека. Всадник – Душа и Дух вилят цель и направляют коня. Стихийный, чревный человек не умеет отделить коня от всадника: себя от своих желаний и хаотичных рывков в стороны. Отсюда суровое предупреждение: *...И кони-страсти пожрут своих седоков...*

«Кто направит своего коня *«в сторону экстатического бешенства энергий «Анахаты»* – пишет Б.Ю.Татишев, – *«сам убит будет»*, то есть лишится своего высшего духовного «Я». «А конь», (иначе говоря низшее подсознательное Я человека) останется *«жив»*.

Другой, духовный аспект «левого» выбора это путь «одиночной инициации» с риском попасть в плен узкого животного эгоизма, либо в нисходящий поток «творчества во имя свое», без проблеска высшей цели.

Надпись на сказочном распутье – *направо пойти – коня потерять* этнографы соотносят с ритуальным заклинанием коня перед началом юношеских испытаний, мистики с символическим умерщвлением животной природы и глубочайшей аскезе.

Белый Конь – один из древнейших архетипов. В мифах и легендах белоснежный скакун соединяет миры Богов и Людей, служит вестником и проводником по мирам.

Мифологический язык широко использовался старообрядцами, впоследствии сектантами. Так у русской секты скопцов Белым Конём звалась Великая Печать: особый тип добровольного увечья, он предполагал не только полную кастрацию, но и удаление грудных сосцов.

Итак, сказочный конь – это *страсти, их нужно либо закласть, либо заклясть*... Однако «*ничто великое в мире не совершалось без страстей*» (Галилео Галилей). Сила одинаково питает и грубое насилие, и звериную жажду и тёмные инстинкты и самые добрые побуждения на осуществление которых нужна земная мощь. И подавив свои природные силы и чувственные порывы, в том числе и благородные, человек, зачастую, теряет творческий импульс, и из всадника-победителя сам становится «ведомым».

Одни из вариантов сказочного пути: «Самому умереть» – обозначает путь через Долину Смерти к духовному полюсу, где умирает всякое земное желание, и душа обращается в чистый свет. Однако туда Ивану Царевичу еще рановато, и хорошенько поразмыслив, он «жертвует конем».

После того, как выбор сделан «*откуда ни возьмись, выскочил Серый Волк, царевича не тронул, а коня заел*»...

Как всякий опытный наставник, Волк решительно избавляет юношу от прежних привязанностей и исчерпанных возможностей (съедает коня). Отныне Дикий зверь будет сам возить Ивана-Царевича. С этой минуты юный витязь находится под покровительством своего Тотемного зверя, без него все начинание обречено на провал, как это происходит с его братьями, у которых нет такого мудрого помощника и защитника.

МЕЧ РАЗДЕЛЕНИЯ

*И плавал между нами меч,
Как меж Изольдой и Тристаном
Н. Заболоцкий*

Иван-Царевич – безупречный герой, он честен и *пря́м, как солнечный свет*. В ходе испытаний он должен проявить послушание и благородную сдержанность, но в сохранившихся вариантах сказки Царевич поступает согласно обычной человеческой логике: совсем не так, как советует ему мудрый волк, и тем навлекает на себя всё новые испытания.

Кажется, что это незрелость воли и обычное мальчишество, на самом деле так проявляется способность к самостоятельному выбору решений.

Для начала Иван Царевич должен украсть золотые яблоки, а потом так же тайно заполучить и Жар-птицу, однако Нравственный закон рода требует честности и чистоты намерений, он же сурово порицает всякое хищение. Должно быть поэтому взять тайком волшебные дары не получается: в ночной тишине звенят туго натянутые струны, возможно недремлющий *голос совести*. Струны и звон колокольчиков будят *стражу*. Стража – внешние силы, ведущие нас к новой ступени осознания. Стража блокирует тайное намерение на уровне поступка. Неопытного вора ловят и тащат для разбирательства. Но *отрицательный результат – тоже результат*: Руки царевича не осквернились воровством.

Сказочные испытания – отголоски реальных. Среди них – созерцание «спящей» девицы, которую нельзя «будить». Это испытание запечатлено в легенде о рыцаре Тристане и Королеве Изольде, в Библии оно названо *Тобиасова ночь*.

Образ рокового меча (топора или кинжала), разделяющего влюбленных, возник еще в глубокой древности. Античные мифы рассказывают о том, что некогда сам Зевс рассек две половинки единого существа, обрекая их на вечный поиск друг друга.

Ночь Целомудрия, проведенная в объятиях Девы, продемонстрировала полную власть над страстями и духовную зрелость юношей. Иван Царевич разбудил красавицу поцелуем, что свидетельствует о его вступлении в круг женихов и об окончательном выборе невесты.

Поцелуй в традиции – символ благочестивой клятвы: *Еду из вашего града вон, да не будет на вас моего целования, а вашего на мне!* (Первая Псковская летопись XVв.)

Поцелуем будит уснувшую мертвым сном девицу королевич Елисей в сказке Пушкина «О мертвой царевне...» и в «Спящей красавице», пересказе братьев Grimm. Возможно, что именно этот оживляющий поцелуй – утраченная часть мифа о солнечном Дажьбоге, возвращающего к жизни заколдованную Деву-Жизнь.

Становление юного мужчины в традиционном обществе проходило через все стадии воспитания, и наши пращуры знали об инициатическом значении первой юношеской, неразделенной любви, в народе её называют «сухой». Этот *золотой шип в сердце* пробуждал *целebную боль* и открывал перед юношей необозримые глубины чувств: страдания и восхищения.

Вступив в долину Любви, Иван-Царевич учится «видеть сердцем» и жить в лучах своего чувства. Сказочные витязи Иван-Царевич и королевич Елисей в сказке Пушкина – паладины любви. Они чисты и неопытны, но исполнены страстной веры в свой идеал. Но чтобы по-настоящему полюбить и познать женщину, юный мужчина должен был понять двойственную природу своего чувства, и двойственную природу самой Женщины: животную и божественную, дарящую жизнь и низводящую в чертоги Смерти.

Путь к свету лежит через все пороги тьмы, и шаги «пограничного опыта» неизбежно приводят Ивана Царевича в Страну Матерей, к жрице забытых богов – Бабе-Яге, традиционно олишетьворяющей Смерть, но смерть причудливую, чувственно-мистериальную, с ней можно поиграть, поговорить по душам, сотрапезничать, попариться в бане и даже сразиться в любовном поединке.

Навязчивый страх смерти психологи связывают с глубинным страхом перед женщиной, столь же непостижимой и иррациональной, как приход и уход души из мира. Без понимания и принятия этой скрытой стороны женской природы искатель останавливается в своем духовном развитии и «застревает» между уровнями инициации: между небом посвященного и потолком обычного человека.

Обрядовое гостевание юноши у Жрицы забытых богов, из тех, что *берут естеством, а не колдовством*; их диалог, *баня в полночь*, завершаются таинственной победой молодого героя. Баба-Яга открывает ему все тайны и дороги загробного царства, дает путеводный клубок, коня или направляет к своей сестре. Её готовность содействовать герою продиктована глубокой женской симпатией и признанием его мужской зрелости.

Согласно общеизвестному сюжету, герой просит избушку-домовину перевернуться: «Мать Тревелика, повернись ко мне ликом!», либо «Встань ко мне передом, к лесу задом».

Этот *ритуальный диалог* призван запутать «госпожу Смерть» и обозначить «перевернутый» обратный характер действия, свойственный погребальным ритуалам и поминальной обрядности.

Первая реплика Бабы-Яги – это своеобразный ответ на пароль: «Фу-фу! Русским духом пахнет!».

Похоже, что смрад, окружающий избушку с подгнившими черепами и костями не тревожит её хозяйку: *мертвые не пахнут*, а вот запах живого человека разительно отличается он от местной атмосферы. Эта игра в перевёртыши совершенна необходима рассказчику, чтобы объяснить, куда попал герой.

Не будем забывать, что мужской солнечный путь – это громовая поступь патриархата, с небольшими отступлениями в сторону особых духовных обретений и избранных практик, заимствованных из Женского Пути. Так первый шаг солнечного пути – это победа над Введьмой и её дочерью в сказке «Терешечка», где обманутая ведьма съедает дочку и остается изнывать в бессильной ярости. В следующей возрастной ступени следует новая «победа над женщиной-Смертью», и этой победе соответствует военно-любовная лексика: *пленить, захватить, покорить, завалить, поймать, овладеть...*

Архаичные, подлинно народные варианты сказок, напрямую говорят о любовной связи юноши и лесной отшельницы. Баба-Яга без лишних слов валит юношу «на лежанку». Да и сам Иван-Царевич ведет себя довольно игриво:

Не накормивши гостя, выпрашиваешь, не выпаривши в баньке за стол сажает... Ведь согласно сценарию инициации он добровольно пришел к Бабе-Яге, чтобы *положить на обе лопатки* саму Госпожу Смерть и эта победа открывает перед ним вереницу новых путей и волшебных возможностей.

У хорошо известного нам Ивана Царевича есть загадочный двойник Иван Гоудинович (Иван Горденович). «*Отчество этого*

богатыря, осмелившегося посягнуть на невесту самого царища Кошеища, очень трудно перевести каким-либо точным термином, — пишет Б.Рыбаков. — Древнерусское слово «година» означает час, отрезок времени, эпоху; множественное число «годины» применялось к определению судьбы и годичных сезонов. В «слове о полку Игореве» печальное время определятся, как «невеселая година», а «годины» понимаются в смысле хорошего, естественного хода жизни: княжеские усобицы «на ниче ся години обратиша».

Если допустимо оставаться на позиции сопоставления с античным мифом об Аиде и Персефоне, то с Иваном Годиновичем может быть сопоставлен только Геракл, так как один лишь Геракл вступал в бой с Аидом и ранил его стрелой. Одиссей видел в подземном царстве тень Геракла — «держал он лук напряженный со стрелой тугой на тетиве». О победе Геракла над Аидом говорится и в Илиаде. Есть особые варианты былины, где Иван Годинович двенадцать лет служит у чужого царя, что исследователь осторожно сопоставляет с подневольной службой Геракла у царя Эврисфея».

В былине об Иване Годиновиче смерть Кошея от стрелы «Небесного Бога», упавшей с неба в результате произнесенного заговора-заклятия, дополняет мужской героический путь с неожиданной стороны: когда Иван Годинович, привязанный у сырого дуба, обездвиженный и бессильный вызывает к жизни магическое слово:

Уж ты батюшка, мой тугой лук,
Уж ты матушка, калена стрела,
Не пади-ко стрела ты ни на воду
Не пади-ко стрела ты ни на гору
Не пади-ко стрела ты ни в сырой дуб
Не стрели сизых малых голубов
Обвернись ты стрела в груди татарский
В татарский груди во царский...
...Высоко-то стрела да подымалася
Да назадъ-то стрела не ворочалася
Так эта стрела взад обратилася

Пала ему в буйну голову
Облился он кровью горячею
Пришла тут Кощею горькая смерть...

Сказочное оружие Ивана Царевича: лук и стрелы: «Лук – что царь, стрелы что посланнички». Дажьдбоговы посланники, солнечные стрелы, вершат на земле дела правды. Волшебные заклятия Ивана Гоудиновича заставляют вспомнить о тех священных временах, когда цари обладали не только даром правления и заступления, но и мощным неодолимым волшебством, а так же способностью повелевать ветрами, внуками Стрибога, чьим символом была стрела.

РАССЕЧЕННЫЙ БОГ

Мы редко задумываемся над последним и самым жестоким испытанием Ивана Царевича – его рассечением на части, которое совершают в сказке его завистливые братья. Злодеи делят тело Ивана-Царевича на двенадцать частей, разбрасывают по полю, либо закатывают в бочку и пускают по морю. Средневековый способ казни внушает нам почти мистический ужас и хотя в сказке события обратимы: Живая и Мертвая вода возвращают Ивана Царевича к жизни, тем не менее, дети целиком и полностью отождествляющие себя с героями сказки, нередко проецируют на себя этот кровавый сюжет. Это чувство сопереживания герою, психологи называют мистическим соучастием. В чем ее смысл этой вопиющей жесткости? – спрашивают взрослые и можно ли обойтись без «шокирующих подробностей»?

Оказывается нельзя! Именно разделение тела на части и последующее возвращение к жизни – это не только непреложное свидетельство божественности героя, но и прямое обращение к древнейшему календарному мифу, оно гарантирует благое потрясение и предлагает *вкусить опыт бессмертия*.

В календарных мифах потеря героя, символизирующего производительные силы природы, урожай, природное и обще-

ственное благо, всегда временная; его смерть представляет необходимую стадию перед воскресением и желаемым расцветом природы.

Таков поиск откровения Одином на древе Иггдрасиль. В классической форме эти календарные мифы выступают в средиземноморских странах и на Ближнем Востоке. Таковы мифы о Думузи в шумеро-аккадской мифологии, об Осирисе в Египте, об Аттисе и Адонисе в древней Греции, о Ваале у западных семитов и т. д. Уход и возвращение героя или его смерть и воскресение гарантируют космический порядок и жатву.

Душа мистерий древнего мира – жертвенный путь Божества, выражающего всю полноту человеческого идеала. Путь мистерий – это путь чувственного познания Бога, ибо знание о Богах позволяет нам познать и свою собственную природу: умереть и воскреснуть, собрать обрубки и, омыв их слезами прощения, обрести сияющую целостность!

В начале сказки Иван Царевич представляет собою священное единство; полярный год. Сюжет о его смерти и жертвенном непротивлении наделяет сказку глубоким искупительным содержанием. Иван Царевич не может сопротивляться старшим братьям, его предельное благородство не позволяет поднять руку на кровного родственника.

Сказочники находили другой сюжетное объяснение: в момент казни герой чаще всего спит (богатырский сон одолев его), его личная воля подавлена, в момент убийства его кровь (солнечный свет) изливается на землю. Несомненно, мы имеем дело с самым парадоксальным моментом солнечного цикла (возможно Купальским переломом), и временная пассивность Ивана Царевича (Дажьбога) переходит в духовный прорыв.

Возможно в древнейших посвящениях «Царского пути» избранного юношу проводили «через смерть», где давали ему видение разрывающих душу и тело страстей (старшие братья обычно олицетворяют эти темные стороны души). После чего руководители посвящения, заново «собирали» человека, как это

отчасти отражено в стихотворении Пушкина «Пророк» и в шаманской практике «разборки» сознания. Эта новая сборка в большинстве мифов описывается как «иная» или «неполная», так миф закреплял «необратимость перемен».

В северных сказках есть примечательный сюжет об исцелении «Царевна в гробу», по своей экспрессии близкий к повести Н. Гоголя «Вий». «Дайте мне к дедушке сходить, спросить» всякий раз просит юноша царевну-вампира, и мудрый дедушка помогает ему превозмочь оборотня: «Дедушко «раздернул ей пополам. В животе у нее было гадовей, легух, жижликов полно. Дедушка все в животе промыл, переполоскал и сrostил по-старому... И отдал все имущество он деду... и стал жить-поживать и теперь живет».

Сказка – это пограничный инициатический опыт, где добро и зло могут меняться местами, причем зло в конечном счете вынуждено служить добру.

Добро и Зло, как части единой дуальности, рождают напряжение, давление обстоятельств и поток событий. Об этом встречном движении в народе говорят: *Не было бы счастья, да несчастье помогло*.

После христианизации Руси жертвенный образ Даждьбога заменил Христос, «Свет» и «Царь небесный», не только принявший муки за людей, но и осуществивший при жизни мистерию причастия «своим телом и кровью». Христос имел «солнечное число» апостолов и древнейший солярный (свастичный) символ – крест равноденствий и солнцестояний.

Рассмотрим еще один аспект отсечения, с которым взаимодействуют духовные целители и психологи, оперирующие аспектами бессознательного.

Жертвенный отказ (отсечение) – это возрастной архетип, состояние, через которое волей неволей прошли все мы без исключения. Отсеченные части тела – это стороны души и качества характера, это привязанности и влечения, это связи с людьми, которые мы вынужденно оборвали, отвергли, обрубили.

У большинства мужчин психологическое расчленение происходит в первой половине жизни; в возрасте искателя – Ивана

Царевича, когда они совершают над собою то, что сделали злобные братья с героем сказки, или то, что древнегреческий антигерой Прокруст делал с путниками, идушими из Метара в Афины. Этот ревнитель всеобщего равенства отсекал все, что выходит «за рамки». Эти рамки можно назвать общественным приятием, традицией, культурными клише, на личном уровне – это внешнее насилие над личностью и невозможность развивать иные стороны своего божественного потенциала.

Воссоединение с отсеченными частями духовной плоти составляет важную часть практики психоанализа. А как это происходит в сказке? На помощь рассеченному Ивану Царевичу бежит Волк, летит Ворон. *Человек уже не может помочь себе сам. Ему нужно войти в свой внутренний мир, в лабиринты боли, в давно забытое прошлое, найти покалеченные члены, омыть их и вернуть себе.* Ему необходима помощь божественного проводника по мирам: Велеса и его верных помощников Волка или Ворона.

ВЕДАЕТ ВОРОН ВОДУ ЖИВУЮ И МЕРТВУЮ

*И вороны-волки несутся за ним: Вся Вечная Слава!
Ю. Кузнецов*

Ворон – птица, причастная к оборотничеству и колдовству, не злая и не добрая: себе на уме. В мифах северных народов ворон – трикстер, герой-пересмешник, соперник светлых богов. Однако, современные исследователи духовной традиции видят в Вороне – преобразующий аспект нашей души. Ворон поглощает мертвое, отжившее, он целит и убивает, способствуя вечному кругообороту жизни.

В царстве подсознания Ворон – связной и проводник в подземных горизонтах памяти. Его крылья способны преодолевать пространства иных миров, подниматься на небо и опускаться до нижнего Пекельного царства. Так Ворон приносит головню из самого пекла в солдатской сказке про волшебное дерево. Он же уносит девушек в иномирье (Солнце, Месяц и Ворон Воронович). В русской

сказке про Арапулку из беломорского собрания Д.М.Балашова Ворон Воронович Клекот Клекотович, он же Семигородович утащил царевну Елену, то есть речь идет не о привычном нам Вороне, а о мифической птице, подобной авестийскому Сенмурву или персидскому Симургу, свободно носившей в когтях целого быка.

В народной поэзии Ворон живет триста лет и по утрам просыпается раньше других диких птиц, потому, что видит рассвет за триста верст.

У Ворона крепкий – железный или алмазный клюв. В народном фольклоре Ворон либо роковой вестник, либо дружественный проводник: *Вдруг прилетает Ворон Воронович, был он светел, как ясный день, а увидал Ивана Царевича – и сделался мрачней темной ночи.* Питаясь падалью, Ворон, тем не менее, знает путь на волшебную золотую гору, и ведает Живую и Мертвую воду.

Мертвая и Живая вода – принадлежат к заветному преданию, к священной картине мира славян. Подобно Мировому Древу, Молочной реке, Золотому яйцу, эти образы обладают множеством корневых уровней-смыслов. Мы можем лишь предположить, что в философском смысле Мертвая и Живая вода олицетворяют два противоположных потока: Прошлое и Будущее, Светлое и Темное, ледяное и теплое. В календарном мифе это зимние и вешние воды, которые иногда называют «горящими».

Живая вода – это бегущая, подвижная влага быстрых рек, талая вода ручьев и родников, а так же небесные дожди и роса. Мертвая – это «стоячая» вода, либо «зачарованная, заговоренная», опасная для человека и животного, ее было запрещено пить или поить животных (*Не пей, братец, козленочком станешь!*) Живая вода приходила с божьих небес (Сказка «Снегурочка») и после вольно бежала по руслу рек и ручьев, вбирая свет солнца: мертвую, стылую доставали из глубоких заклятых колодцев – это была вода Предков – вода мудрости и забвения. *У мертвых зубы не болят и раны не кровят* – такая вода слыла целующей. В сказке Мертвая вода унимала кровь Ивана Царевича, и соединяла воедино части разрубленного тела, возвращала в Прошлое. Живая

вода – Жива наделяла способностью двигаться, мыслить, говорить и давала силы Будущего.

Мертвая вода сращивает части мертвого тела, придает им видимую целостность, но не более того. В доступном переложении Мертвая вода – это концепция, догма, которые оставляет сухими наше сердце и ум. *Живая вода* – это подлинный опыт, это то, что мы глубоко прочувствовали и добыли сами, извлекли из гуши обыденности, обнаружили по тайным признакам, раскопали, очистили от песка и напились из горсти.

Мертвая и Живая вода это Закон и Благодать, это разум и чувство, это множество понятий, относящихся к области тонкого различения.

Посвящения Царского пути были неизбежно связаны с Живой и Мертвой водой, отсюда мифологический мотив единого источника Жизни и Смерти в царском саду.

Сакральная власть Царя над мирозданием осуществлялась через умение хранить равновесие противоположных начал, в умении вершить и заключать.

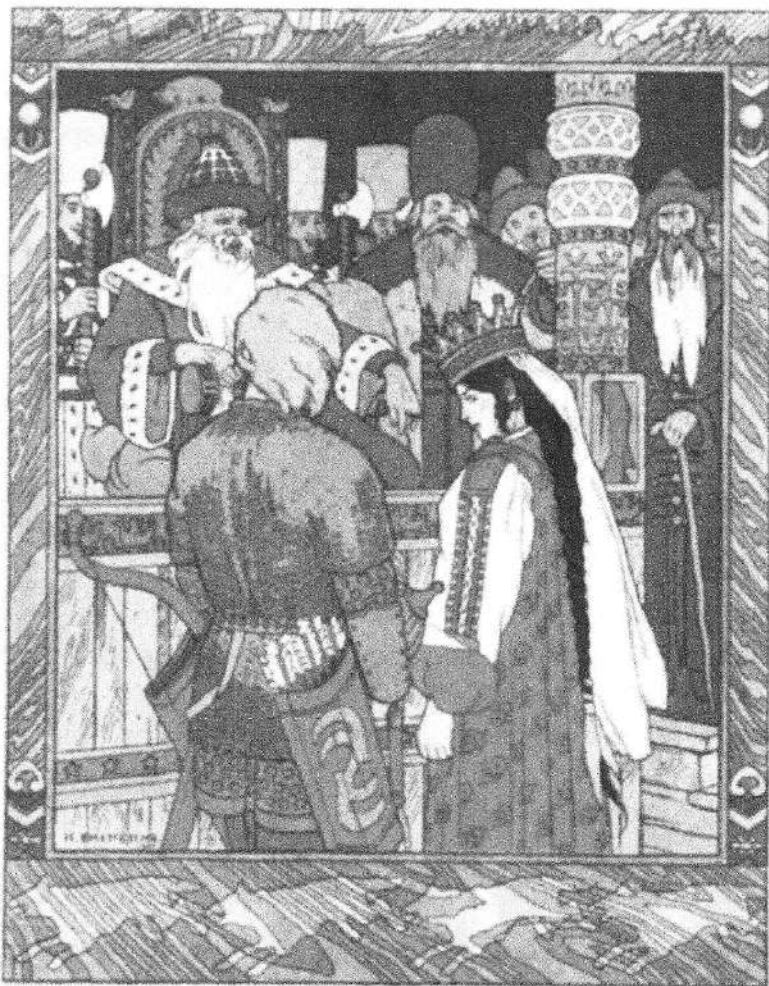
Попробуем взглянуть на Ивана Царевича из глубин сакральной истории, чтобы лучше понять сказителей древности, наделивших этот персонаж столь яркой и трагической судьбой.

«КРОНОВЫ ЖЕРТВЫ» ИЛИ ЦЕНА ЦАРСТВА

*Жить, когда подобает жить,
и умереть, когда подобает умереть!*

Древнейшие династические правила наследования приговаривали всех отпрысков царского рода, кроме одного – будущего царя, к роли добровольной жертвы, и над сказочным Иваном-Царевичем так же тяготеет некий рок – добровольный уход, изгнание, аскеза, лишения и мученичество.

Смерть царского отпрыска от руки своего отца (легендарная или настоящая) отмечается многими историографами, как явление необъяснимое вне сакральной истории, согласно ей насле-

Царская свадьба

дование царской власти таило в себе проклятие, «каинову печать», и все древнейшие земные цари были прямыми потомками Каина, основавшего первый на земле город-царство. В этом смысле даже царская корона создает образ искусственной ограниченности: стен града, и в дальнейшем преобразуется в «мученический венец».

Нередко ценою царствования становились *Кроновы жертвы*. В истории архетип Кроноса, отца богов, представлен величайшими

правителями, положившим на алтарь власти собственных детей. В священной истории «Кроносами» оказались Константин Великий, Иоанн Грозный, император Петр I, и даже Иосиф Сталин с его знаменитым: «Я солдата на маршала не меняю!».

О древнейшем отцовском жертвоприношении сказано в Библии. «...И поят сына своего первенца его же воцари вместо себе и вознесе его во всесожжение на стене» (4.Цар. 3, 26-27). Так царь Моавита принес в жертву своего сына во время войны с израильтянами. Далее повествуется, что враг отступил в священном ужасе.

Подобные жертвоприношения собственных детей практиковались в ассиро-вавилонской среде.

«Жертва собственных детей по представлениям жертвователей (финикийцев, иудеев, моавитян, включая жителей Карфагена) приносилась не только на официальном уровне, но и частным порядком и по представлениям жертвователей вовсе не была актом нечеловеческой жестокости, как полагали сторонние наблюдатели, но героическим поступком во имя собственного рода или общества, ради его благополучия и процветания». (И.Ш. Шифман «Древняя Финикия»)

В христианское время жертвенный путь царевича или царевны, оказавшимися «лишними», обозначался стезей монашества, что являлось заменой принудительному безбрачию, заточению или иному ритуальному устранению. Но видимо был еще один путь: отказавшись от всех титулов, уйти в добровольное изгнание, шагнуть навстречу неизвестности и приключениям, где крышей дома становился ракивов куст, а верным другом – серый волк.

Серый волк – суровый наставник, на время испытаний он получает право повелевать Иваном Царевичем. Он рысуч и охоч и способен наделить воспитанника своей силой, опытом и воинской удачей. Он вынуждает героя выйти в путь, оставляя позади обломки иллюзий. Этот путь дарит герою понимание истинной природы своей любви и через страдания ведет к новому обретению.

В конце сказки Ивана Царевича ждет свадьба. Царская свадьба в сказках – это не столько по-земному счастливый брак, или *всему делу венец*, сколько обретение собственной Души – потаённой возлюбленной внутри самого себя. Неларом красавице в русских сказках сопутствует эпитет «Душа». (В античной философии эту ипостась называли *Анима*).

В сказках первая свадьба оказывается ненастоящей (профаническая). Это соединение заведомо неравных. Она закрепляет страстное стремление восстановить потерянное единство и одновременно невозможность достичь его в земном мире. Отсюда необходимость – поиска, закаливания в горниле и обретения силы, после чего следует подлинная «золотая» или духовная свадьба.

О такой свадьбе рассказывает старинная свадебная песня *Вьюн над водой*, где совершается конечный *выбор по плоти или по духу*.

Согласно сюжету юноша отказывается от символов богатства и власти: *Это – не мое...*, и принимает только любимую: *Это вот мое...* Предмет его выбора – не земная, чувственная любовь, а тяга к духовной полноте, к воссоединению с мечтой. Для земной свадьбы и долгой жизни нужны и полные сундуки с приданым и добрый конь, для духовной достаточно обрести внутренний идеал и различать голос своей души.

Иван Царевич – воистину идеальный герой и целомудренный возлюбленный, может быть даже слишком идеальный... Он – рыцарь без страха и упрёка, и его обожание сродни религиозному экстазу. Он паладин любви, неопытный, но беззаветно верящий своему чувству юноша. Этимология слова «юноша» напрямую связана с возрастом «одиначества»: лат. *ипо* – «один».

Сказки и испытания этого возраста направлены на преодоление этого состояния. По всей видимости, в сказке совершается сватовство, скрепленное поцелуем, но на пути к настоящей свадьбе герою предстоит повзрослеть и последовательно раскрыть в себе *качества других солнечных Богов*. С некоторой долей условности этот период в жизни мужчины кончается с появлением первой настоящей бо-

роды. Наш следующий герой открывает в себе неиссякаемый источник любовной силы и тяги к приключениям.

С 21 до 28 лет наступает время ярой мужской силы и жажды любовных подвигов. Этому периоду в жизни мужчины покровительствует Ярила в образе Жениха.

ЯРИЛА-ЯРИЛА, ЯВИ СВОЮ СИЛУ!

*Идет удалый бог, Ярило молодец,
И снежный саван рвет по всей Руси широкой!
Идет могучий бог, враг смерти тусклоокой,
Ярило жизни царь и властелин сердец!
Из мака алого сплетен его венец,
В руках – зеленой ржи трепещет сноп высокий;
Глаза как жар горят, румянцем пышут щеки.
Идет веселый Бог, цветов и жатв отец!
Везде вокруг него деревья зеленеют
Пред ним бегут и пенятся ручьи,
И хором вслед за ним рокочут сальвы.
Идет он, светлый бог! – И села хорошеют!
И весь лазурный день – лишь смех да песни там.
А темной ночью уста все льнут к устам!*
П.Д. Бутурлин

В апреле ярый солнечный бог Ярила замещает и заслоняет собою бесплотный свет юного Дажьбога, чье время февраль и март (весна Света).

В круге года буйство талых вод и появление первых майских цветов, время первых робких поцелуев солнца сменяется бурным цветением и ростом, пахотой и севом, а так же всеобщим праздником Любви.

Календарно Ярила близок к более позднему ритуально-мифологическому образу Божественного воина Юрия-Егория-Георгия. Святой Георгий открывает приход весны, подобно Яровиту у балтийских славян, и хотя русский народ напрямую сблизил Ярилу с солнцем (*Ярила встала на востоке*), сам дух Ярилы и его неукротимая сила оставались на земле до времени колошения злаков.

Что Ярило? – Колесо солнечное зажег!

Что Ярило? – Колосом взошел!

Что Ярило? – Рососою на Землю пал!

В древнейшей ипостаси Ярила — это ярая оплодотворяющая сила и неразрывная связь с предковым миром. В силу этого ему принадлежит особая роль в весенней сельскохозяйственной обрядности.

В народных обрядах-мистериях Ярила демонстрирует свою теснейшую связь с тайным плодородием мира мертвых, точнее с его тайным плодородием – в его левой руке череп, а в правой – зеленые колосья. В традиционных народных действиях он выезжал на белом или рыжем коне, либо его выносили на специальном, высоко поднятом помосте. Его обрядовые речения: *Кость в землю опустите, коней на Травы отпустите!*

Череп и колосья неразрывно связаны идеей жертвы, положенной в бытие этого мира. Согласно древнейшему языческому мировоззрению *миры живых и мертвых* были теснейшим образом связаны через земледельческие культы и обряды поминовения:

*Я пил из черепа отца
За правду на земле,
За сказку русского лица,
За верный путь во мгле,
Вставали солнце и луна
И чокались со мной
И повторял я имена,
Забывшие Землей...
(Ю.Кузнецов)*

По сравнению с «книжным», хорошо известным по летописям и манускриптам, утонченным идеальным Дажьдбогом, Ярила – простонародный удалец, и наиболее близкий к нему сказочный герой – это Иван-Третьяк в сказке «Сивка-Бурка»: *Брат меньшей, на сметках большой.*

Иван три ночи проводит на могиле отца, общаясь с ним, как с живым. *Благой мертвец* трижды выходит из могилы и на проща-

ние дарит сыну чудесного коня Сивку-Бурку: Один волосок у него серебряный, другой золотой.

Сивка под горку, бурка на горку! – это народное речение на Коляду свидетельствует, что Сивка-Бурка – не только солнечный конь, но и само солнце, преодолевшее перелом долгих зимних ночей.

Усмирение Коня означает подчиненные человеку природные сил и страсти. Взнуздав «Сивку-Бурку желания», Иван-Третьяк достигает верхнего окна терема, надо полагать «небесного», как это непременно должно быть в мифе.

Обладание волшебным конем означает избранность героя, в наших сказках им владеет младший сын, нарушая тем самым право традиционного наследования, в чем тут дело? Возможно, мы снова имеем дело с мифом. Но с каким? Сказку-миф о младшем сыне мог сложить и тысячелетиями пересказывать только народ-младший сын. Этот миф утверждал его право на первородство. Историк Раевский обнаружил истоки этого мотива в легендах скифов.

Геродот писал, что скифы считали себя молодым народом, а значит, миф о младшем сыне подпитывал их убеждение в своем особом праведном пути в этом мире. Нет сомнения, что скифы, их культура и язык участвовали в этногенезе славянских племен полян, их культуры и языка. Вполне возможно, что цикл сказок с условным названием «Сивка-бурка» – скифского происхождения. Династия скифского Колоксай – Царя Солнца-Даждьбога продолжилась в наследниках Великой Скифии и дала право киевским князьям зваться внуками Даждьбога. При этом властным правом был наделен только младший сын царя Солнца – Колоксай.

Что касается лошади, то обычно в русских сказках отец дарит младшему сыну коня трехцветной окраски. Однако сохранился ряд сказок, в которых прямо говорится, что отец первоначально предназначал старшему сыну-жрецу сивого (белого) коня, среднему – земляпашу – бурого, а младшему – воину каурого (серо-рыже-красного). Иначе каждый должен был получить коня, присвоенного его варне цвета и вместе с ним долю магической силы, завещанной отцом. Но старшие братья пренебрегли своим наследством, и все оно досталось

младшему. При этом конь, предназначенный младшему брату, был несравненно лучше других!

Белый конь жреца и коричневый конь труженика не могут допрыгнуть до окошка терема, где ждет царица и только красный конь воина победоносно решает эту задачу. Получив трех коней, младший сын – воин сосредотачивает в своих руках все отцовское наследство: его духовную и действительную части. Три коня сливаются в одного – Сивку-Бурку, так герой сказки получает моральное право властвовать над обществом. Младшая варна становится старшей и устанавливается новая иерархия качеств: «воин-жрец-труженик». Существование именно такой системы находит подтверждение во многих мифологиях разных народов.

В сказке «Сивка-Бурка» конь совершает прыжок-полет, а всадник успевает подарить левице поцелуй, или снять с руки колечко. Это безграничное стремление к цели составляет самую суть героического пути. Однако чувственный эротический опыт Ярилы, его первородная страсть, не способны к духовной сублимации, и сам Ярила Вешний – сезонное божество, дух роста и безудержного цветения, поэтому именно он отчасти отвечает за «весенние кризисы» о которых писал В.А. Чижевский в своей книге «Космический пульс жизни». Эти периоды выражаются в увеличении любовного пыла, однако когда «проявление моторной активности растет, деятельность интеллектуальной сферы –падает».

Ярила щедро наделен мужской зачинающей силой, в силу этого его атрибуты – грубо фаллические, его энергии – дионисийские, буйные, экстатические.

Подвиг Ярилы – это героическое оплодотворение: подвиг зачатия новой жизни, без надежды взглянуть в глаза своим потомкам. Это слепота безрассудной страсти, столь любезная романистам всех веков, это бабочка, летящая на огонь, и все степени риска ради любви!

Героизм Ярилы – это обнаженная героика пола, это любовная ярь и неудержимая жажда слияния. Однако порождая новую жизнь, Ярила не умеет рассчитывать свои силы, поэтому ближе к середине лета, его порыв сходит на нет, а сам он расточается в летней Природе.

Парадоксы этого образа – Любовь (свадьба) и Смерть в один день (как это происходит в Купальском обряде).

Ярило – это первозданный мужчина. Воистину «в мужской душе обитает некое существо – не изведавший ран мужчины, который верит в добро, который не сомневается в жизни, который не только мудр, но и не боится смерти... Это юный дух, который продолжает любить, несмотря на раны и гонения, потому что это для него своеобразное самоисцеление, самоврачевание...». (К.Эстесс)

Сниженный образ Ярилы (Ярила в образе Жениха) – это классический герой-любовник, подобный былинному Чуриле Пленковичу:

Смотрючись на красоту Чурилову
Старицы по кельям опакишь бегут
Смотрючись на красоту Чуриловы
Молодые бабы в голенище...
Смотрючись на красоту Чурилову
Красные девки очелья дерут...

Подобны Яриле и другие герои-любовники: фольклорный Хотен Блудович, опричник Кирибеевич из «Песни о купце Калашникове» М.Ю. Лермонтова и отчасти простонародный Балда, чьи любовные приключения в поповском семействе стали темой «заветных сказок».

«Зачин былины о Хотене Блудовиче связан со сватовством на пиру у киевского князя. Сватовство ведет его мать, но получает грубый отказ у матери невесты прекрасной Чайны (Почайны). «Разгорелось у Хотенушки ретиво сердце, закипела у Хотенушки кровь горячая...» Рассерженный жених разбивает ворота и терем, избивает княжью силу и насильно берет замуж прекрасную Чайну.

В облике Хотена Блудовича былина сохранила черты, рудиментарно связывающие его с Хорсом Благодатным –пахарем

и кормильцем Микулой Селяниновичем. Хотена Блудовича в стане невесты поносят как деревенщину, чья жизнь зависит от Земли:

*А отец-то у него был Блудище
А сын-то уродился уродище,
А уродище родилось, куря подслепое
На кой же день зерна грянет же
На тот же день куря сыт живет...*

Что касается системы говорящих имен, очевидно присущей былинному ономастикону, то сам масштаб ее развития исключает неосознанно – случайный характер ее ... возникновения. Те, кто подбирал имена и прозвища действующих лиц, прекрасно понимал семантику и заботился о соответствии этих имен-прозвищ основным функциям языческих богов – прототипов былинных и сказочных героев». (А.В. Ткачев)

Куря-Петух постыдное прозвище Хотена и по-видимому птичий тотем любвеобильного Ярилы. (Сказочное прозвище Кошья – Трипетович, хозяин Трипетого царства означает три запевки Петуха, после которых темное и зловещее божество теряет силу и уступает солнечному герою).

В каждом возрасте свои представления о счастье и достоинстве, так проходит совсем немного времени и неумная страсть одряхлевшего Ярилы становится смешна и позорна. Природа вынашивает плоды, и в ней больше нет места любовным безумствам, и тогда обессиленный и умирающий Ярила, в образе старца, предается позорной, шутовской смерти теми же самыми людьми, которым он совсем недавно так беззаветно служил.

Его хоронят со смехом и нескромными шутками, его разрывают на части и разбрасывают по полю, сообщая его силу хлебным колосьям, так в свой срок Божество покидает мир, и для людей это событие так же значимо, как и его приход. Приведем записки этнографов позапрошлого века:

...Костромское игрище отправлялось в воскресенье Всесвятской недели. Народ собирался на площадь после обеда. Из среды его избирался старик; на него надевали старое, поношенное платье, клали на руки гроб с чучелой Ярилы. После сего начиналось шествие из города в поле. Женщины в это время завываниями и причитываниями выражали скорбь и отчаяние; мужчины пели песни и плясали; дети бегали взад и вперед. В поле вырывали палками могилу и в гробе хоронили Ярилу с плачем и воем. Игрище оканчивалось плясками и играми. В этом обряде костромитян находим очевидное сходство с муромским обрядом Костромы. Погребение Ярилы отправлялось прежде в Калязинском уезде по дороге к Троице Нерли, близ старой сосны. Здесь ныне только осталось одно народное гулянье.

(Из записей Тамбовского края)

Далее путь «солнечных крайностей» распадется на верви: одной покровительствует сверх-воинственный Перун, а другой –светоносный Купало, увенчанный цветами вдохновения, чей апофеоз приходится на летний солнцеворот.

Эти два пути условно сопоставимы с набором высоты и солнечной силы, с достижением поставленной цели. В жизни мужчины это возраст 28 -35 лет

БОГ-ЛУЧНИК

«Веселый и прекрасный бог Купало, одетый в легкую одежду и держащий в руках цветы и полевые плоды; на голове имеющий венок из цветов купальницы, бог лета полевых плодов и летних цветов, Купало. Он почитается третьим по Перуне и вторым по Велесе, ибо по скотоводстве земные плоды всего более служат к содержанию и продовольствию человеческой жизни, и оставляют ее обилие и богатство»

(Г.А. Глинка

«Древняя религия славян» 1804 г.)

Купало, как и античный Аполлон – бог лучник со стрелой, устремленной в солнечный зенит, бьющий без промаха. Он обладает ясным холодным рассудком, прозревающим истину. Он воплощает сияние абсолютного разума и власть над страстями.

Время Купалы это в некотором смысле середина жизненного пути. **Высота, взятая в героическом рывке, становится обретенным уровнем и ступенью для новых достижений.**

Мужчина в апогее солнечного героического пути может сосредоточиться на интеллектуальных победах, на обретении невиданного доселе мастерства или на овладении неким искусством. Он может обнаружить в себе солнечного бога Купало и создать Царство воли и ума.

Высокое солнце Купалы позволяет видеть вещи и земной мир с высоты зенита, в резкой игре светотени. Купало – это незакатное солнце, выжигающее все тенистое, влажное, тайное, женское. Это луч разума, путь расчета и рассудка, это создание всеобъемлющих концепций в мире Логоса. Этот особый тип мышления отчасти поясняет старинная финская легенда:

Задумал Царь-Волшебник построить город на болоте, но все его начинания бесследно уходило в зыбучие топи. Тогда царь-волшебник построил город на небесах, силою мысли он создал его, а после просто опустил с небес на землю. Так возник город Петербург.

Как Бог, архетип и мужчина – Купало сияет. Он солнце в апофеозе летней силы, выжигающее даже тень сомнения или неуверенности в себе. Парадоксы этого образа – любовь к четкому, строгому, ясному и определенному, стремление к предельному совершенству, и крайняя самоуверенность. Слабость этого архетипа кроется в недостатке живого чувства, отстраненности, эмоциональной холодности. *Солнце на лето, зима на мороз*: холод и свет сочетаются не только в нашем календаре, но и в сердце самого Купалы.

Из-за явной не проработанности образа Купало в известных нам источниках, дополним его античным двойником: Аполлоном. Тем более, что бог-лучник и покровитель искусств имеет северное и даже полярное происхождение.

«В Аполлоне есть нечто от иного далекого мира – некое качество, видимо обусловленное его связью с таинственной страной гипербореев, – пишет исследователь мифов В.Ф. Отто. – Когда при рождении сына Зевс подарил ему запряженную лебедями колесницу, Аполлон отправился на ней не в Дельфы, а к гиперборейам, у которых пробыл целый год. Впоследствии он ежегодно на некоторое время удалялся в эту «благословенную страну света».

«Рациональный Аполлон делил Дельфийский храм с экстатическим богом Дионисом. Дионису принадлежали три зимних месяца, Аполлону – все остальное время. Эти два Бога составляют полную противоположность друг другу. Аполлон рассудочен, он мыслит линейно и любит ясность. Как бог солнца он смотрит на вещи с некоторой дистанции, то есть объективно. Это олицетворение функций левого полушария мозга... Дионис же иррациональный эмоциональный телесный бог. Он субъективен. Хорошо если в психике мужчины присутствуют они оба...» – дополняет наше повествование Д.Ш. Болен.

Отношения с женщинами у ярких представителей Перуна и Купало складываются трудно. Оба эти персонажа связаны с

Огнем и Водой, с ливнем и молнией, с противоборствующими началами: *Ум сердцем не в ладу*, – говорят о таком человеке .

Однако все недостатки архетипа Купало – суть продолжение его выдающихся достоинств. Мужчина-образец не умеет проигрывать и в «точке крайнего напряжения» возникает кризис, грозящий нашему лучнику «лопнувшей тетивой», поэтому если напряжение мышечных связок, нервов или сердечных струн становится невыносимым – мужчина должен позволить себе «оттянуться», сойти с дистанции, уступить без боя. Его внутренняя тетива расслабляется и вскоре опять готова послать стрелу в солнечный зенит.

Сказочный лучник Иван Царевич из сказки о «Царевне-Лягушке» казалось бы намеренно ломает путь безупречного мужчины, и совершая Путь солнца, спускается в чертоги более древних божеств: Бабы-Яги и Кошеля Бессмертного. Он идет за неоценимым практическим опытом, которым часто пренебрегает мужчина-образец и восполняет изначальную отстраненность и само возвышенность Купало.

ГРОМОВЫЙ ПЕРУНЕ! СЕДАЙ ВО СЛАВЕ!

*И спичкой одною гремит коробок
Один в поле воин! Един в небе Бог!*

Через месяц после Купалы наступают грозовые Перуновы дни. Природа проходит через полосу летних бурь и ливней. В раскатах грома наши пращурам слышалось бряцание небесного оружия, в реве бури – звуки военных рогов. В блеске молний угадывались искры от ударов мечей. Бурная гроза ассоциировалась с битвой, и видимо, неспроста в русском языке родилось выражение: «зажечь пламя войны» или «метать перуны» – испускать молнии, гневаться. Богом Грозы и Битвы у наших предков был Перун. Вот как говорят о нем рукописные источники:

«Перконас, си есть Перун, бяше у них старейший бог, создан на подобие человеце, ему же в руках бяше камень, многоценный аки огонь: ему же огонь неугасающий с дубового древа непрестанно паляху...»

В «Слове о полку Игореве» приближение вражеских ратей сравнивается с черными грозowymi тучами: «Черные тучи с моря идут, хотят прикрыть четыре солнца, а в них трепещут синие молнии. Быть грому великому! Идти дождю со стрелами с Дона великого! Ту ся копием приламати, ту ся саблями потручяти о шеломаы половецкыя!»

Под властью Перуна пребывает июль – макушка лета, с праздником первого снопа, покоса и жатвы – это время, нуждающееся в особом небесном управлении: *Не иди дождь, где жнут, а иди, где ждут! Не иди где косят, а иди, где просят...* Поэтому «Перун есть мног...» то есть велик и многообразен: он же обладатель противоречивых свойств и качеств. Перун единственный славянский бог: созидатель и разрушитель в одном лице!

Для мирного земледельца Перун – небесный управитель, подалец влаги, Бог Громовик, что «ходит во тучах и точит хляби на жито».

Для воина Перун – образец воинской доблести, небесный ратай и даже сама военная гроза.

На первый взгляд между жатвой, как битвой за урожай и воинским духом Перуна (его дни конец июля – начало августа) нет прямой связи, поэтому чтобы заглянуть внутрь «Грозового мифа», нам надо погрузиться в глубины истории, или обратиться к своей родовой памяти. Все мы на большую долю – потомки тех давних земледельцев, что возводили укрепленные городища на границе леса и степи, леса и поля. Это пограничное состояние нуждалось в защите, поэтому городище окружали рвом и островерхим тыном. За стеной-засекой в амбарах и погребах, в корчагах, корзинах и мешках из грубой ткани хранилось драгоценное зерно и собранный урожай. Так повелось: урожай собран – жди набега.

Чужаки налетают внезапно и в короткой, жаркой стычке пробуют сломать оборону защитников, и тогда жизнь Рода зависит не только от Солнца, Дождя и Ветра но и от Богов дарующих правую победу, воодушевляющих на битву!

Так первый сноп торопил время смотра воинских сил и посвящения юных воинов. Оно проходило у дуба-Прево, священного дерева Перуна.

Дуб – хранитель славянского рода и символ победы над Временем. Зимний дуб не сбрасывает листья, и стоит до весны, одетый в броню летней силы, пока новый молодой лист не вытолкнет старые обрывки, обветшалые на зимних ветрах.

Дубовая колода – отправленная в огненную реку или спущенная вниз по течению становилась погребальной ладьей воина, а дубовые ветви в очаге на зимний солнцеворот – залогом будущей жизни.

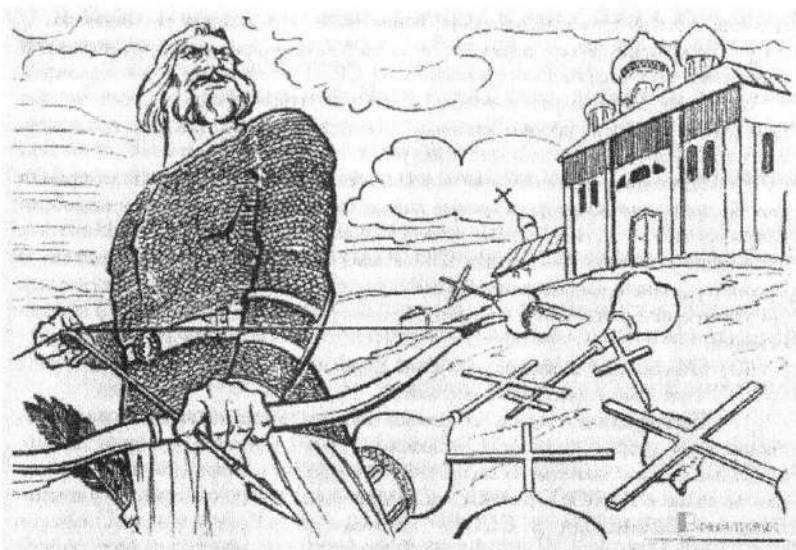
ГРОЗОВОЙ ПУТЬ ИЛБИ МУРОМЦА

*Не ищу я путь об одном конце
А ищу я шар об одном кольце
Я в него упрусь изо всей ноги
За кольцо схвачусь изо всей руки
Мать-Вселенную поверну вверх дном,
А потом засну богатырским сном
Ю. Кузнецов*

Мужчина, идущий путем Солнца, может совмещать многие оттенки этого героического образа, он может открыть в себе Перуна (Ареса): безрассудного воина, безжалостного к врагам, прямолинейного и твердого. Это мужчина прямого действия: его девиз: *Гром и молния!* Воинская кристаллизация, по образу Перуна это солнце и огонь в их карающем аспекте. Отсюда выражение «Метать Перуны» – разить молнией.

Пробужденный архетип Перуна являет нам воинствующего защитника Правды с разящей молнией в деснице. Его слабость – не самодостаточность. Он нуждается во враге, иначе его способностям просто негде проявиться, однако у Перуна были и не менее важные «мирные» задачи.

Весенний Перун разбивает замки, отпирает золотым ключом-молнией облачные горы и творит земное плодородие. В мае он

Илья Муромец

открывает светлое небо, а осенью тем же ключом-молнией запирает небо на всю долгую зиму.

Так солнце весной воскрешает природу к жизни, поздней осенью погружает ее в смертельный сон. Зимой Перун сам засыпает непробудным сном (умирает). На зиму он как бы совсем скрывается. Очарованный, заклятый, полоненный враждебными демонами, он вместе со своим победоносным воинством спит до весны в облачных горах и замках. В сказаниях «Вед» пробужденный весной Индра (индийский аналог Перуна) разрушает своими огненными стрелами семь городов демона зимы и выводит из-за крепких затворов стада небесных коров, несущих благодатное молоко – дождь.

В наших сказках и эпосе волшебный сон – признак божества. Волшебный сон сближает Перуна и богатыря Илью Муромца. Будущий богатырь неподвижен от рождения, его «ножки нехожале» не хотят носить его. Илья лежит у тесового окошечка, и только смотрит на белый свет, убогого «сиденя» трижды выкликают калики переходящие. Нет сомнений, что *перед нами древнейшая мистерия*. Калики – это волхвы приходящее к Перуну, под

окошечко его небесного терема, они проливают воду и тем открывают небесные кладези, они подымают «нехожалого» богатыря и ставят его на грозовой воинский путь.

В более изначальных культовых версиях этот обряд проводили женщины и девы. Солнечный год являл людям ежегодный миф: в зимнее время небесный Бог, позднее солнечный супруг или Громовик исчезал из мира, и его нужно было возвращать, оживлять, будить.

В глубокой древности это пробуждение совершала жрица. Б.Рыбаков пишет о русальном танце, который в позднейшие времена двоеверия исполнялся знатнейшими женщинами и состоял в разбрызгивании воды посредством длинных рукавов или из ковшей, как о том говорится в сказке «Царевна-Лягушка». Позднее этот мифологический эпизод солнечного сельскохозяйственного года стал сюжетом многих сказок. Давняя память этого обряда – женские Заклички Весны и русальский танец, запечатленный на древнерусском браслете.

Обряд Закликания Весны был призван не столько позвать птиц, сколько пробудить спящего небесного Бога, указав ему, что пришла вешняя пора. Громкие голоса должны были не только достичь неба, но и разбудить «мужчину в мужчине».

В былине после «побудки» богатырь встает, испивает ковш Живой воды и чует «силушку великую». Восстав от тридцатилетнего сидения-сна, Илья-Перунюшко седлает солнечного коня Бурюшку (Летнее Солнце). *Конь богатырский, точно сокол летит, с горы на гору перескакивает. С холма н холм, перемахивает, реки, озера и темный лес промеж ног пуцает, хвостом поля устилает, и выбивает копытами колодцы.*

В народном русском эпосе у Перуна у других сказочных героев и даже у мифических Змеев и Китовраса есть богатырская палица. Палица – первое оружие, знак первобытной власти и прообраз царского скипетра, жреческого и судейского жезла. Палицей был вооружен греческий Геракл.

Птица Перуна – Сокол: быстро набирающая высоту, зоркая, подобная молнии, следовательно, и сказка, посвященная Перуну,

это «Финист ясный сокол». В сказке говорится о том, что ненаглядная красавица потеряла своего милого. Пустилась она странствовать и после долгих поисков нашла его в союзе с безобразной женщиной. Похитительница наводит на богатыря непробудный сон. Столь необычный зачарованный сон – несомненный признак Божества. В мифологических сказаниях славян оба эти понятия – смерть и сон – служили знаком зимы.

Сказка о спящем витязе известна всем индоевропейским народам, а смысл ее заключается в следующем: в печальный период выюг и морозов бог-Громовик Перун покидает красавицу Живу, земную Природу, и вступает в союз с колдуньей Зимой, которая усыпляет его и не снимает с него своих чар, пока не появится Жива-Весна (схожий мотив странствия Психеи в поисках потерянного супруга Эроса есть и в античных преданиях, восходящим к общеиндоевропейским календарным мифам).

Настенька, героиня сказки «Финист Ясный сокол» покупает у колдуньи право провести с мужем три ночи, в течение которых пробует разбудить его, напоминая о себе трогательными причитаниями. Золотые и серебряные диковинки служат своеобразными эмблемами Весны, и только теплые слезы возлюбленной Настеньки (Живы, Природы, Девы-Весны) пробуждают спящего витязя.

Намеки на древнейший миф о сокрытом, «спящем» божестве сохранились и в сказке «Аленький цветочек». Чудище безобразное, заклятое злой Ведьмой, живет на затерянном острове в краю вечного лета. Это ясный намек на заоблачные выси, где зачарованный Бог пребывает до священного мига осуществившейся Любви, истинный облик солнечного юноши скрыт под мохнатой шкурой зимних туч. Аленький цветок – символ Купальской ночи и расцветшей Перуницы-папоротника. Он поднимает заклятыеклады (потаенные желания) и исполняет мечты о счастье.

Волшебный сон Перуна имеет и *социально-психологическое* измерение: так мужчина, чьей жизнью управляет этот сверхвоинственный бог, категорически не способен вписаться в обыденную гражданскую жизнь. И тогда перед прирожденным воителем от-

крывается два выхода: или Перун, находящийся в нем, крепко и надежно заснет, или мужчина навсегда покинет мирную жизнь ради постоянной «боевой готовности» и службы «в горячих точках».

Здоровое мужское сознание всегда отождествляет себя с идеей защиты жизни, с добычей жизненного потенциала (эликсира бессмертия, молодильных яблок), с его захватом и удержанием, и со спасением самой сверщенности – Жизни. В наиболее *общем понимании отождествление себя с ценностями дает возможность их защитить.*

Поэтому засыпает только атакующий Перун-Воитель, для которого жизнь – есть борьба в самом прямом и бескомпромиссном смысле. В любом случае вынужденный сон души прервется, если грянет гром, или будет объявлена мобилизация, если появится потребность в защите и крепкой руке. *Этот спящий воин есть в каждом из нас!*

ПАРАДОКСЫ ОБРАЗА или ПЛЯСКИ ПРОКОНСУЛА

*Конечно Александр Македонский –
герой, но зачем же стулья ломать?
Н.В.Гоголь*

Для архетипа Перуна характерна враждебность к творческому хаосу, однако мужчина-Перун дорого платит за свою победу. Добываясь четкого «армейского порядка», он решительно разрушает все не вполне понятное, неопределенное, он ревнив и подозрителен, в быту он все «раскладывает по полочкам», «дрессирует» детей и третирует домашних ради их же блага. Так, укрепляя себя, он расчленяет окружающий мир.

Слабая сторона Перуновой воинственности – невозможность верно различать цели. Так былинный Илья Муромец стреляет по церковным маковкам, они для него не более – чем удобные мишени. В мифологической битве с Велесом Перун раз за разом промахивается, а его змеевидный соперник оказывается хитрее и проворнее.

Не удивительно, что столь яркие представители Перуна фатально разделены с женственной, тонко чувствующей частью своей души (Анимой), поэтому им сложно общаться с детьми и находить нежные слова для любимых. «Я старый солдат и не знаю слов любви...» – самое большое, на что способен «влюбленный Перун», ему не дается образное мышление, понимание искусств и поэзии.

В некотором смысле он просыпается только тогда, когда женский голос зовет его на помощь. Поэтому в сказках мужественный воин всегда борется за красавицу, за воссоединение с Душевностью.

Эта потребность мужчины во внутренней женщине столетиями заглушалась строгими патриархальными порядками. Вспомним как бесстрашный атаман Стенька Разин: не боящийся «ни бога, ни черта», бросает в Волгу полюбившуюся красавицу, из боязни «обабиться». Для него достаточно случайной насмешки: «Только ночь с ней проякшался – сам наутро бабой стал»

В исторической жизни мужского сообщества нередко случались периоды, когда мужчины переходили к полному и категоричному отказу от всякого женского влияния. Начало им положили древнейшее мужское занятие – охота, окруженная священными запретами и строжайшей аскезой. Женщина не имела права даже готовить пищу, чтобы не передать через нее нечто запретное, специфически женское, и тогда мужчинам готовил пищу знахарь или шаман, так возникла одна из древнейших мужских профессий – повар.

Для Перуна с его воинской харизмой опасность представляет абсолютизация мужских ценностей, в этом сокрыта и причина его личной трагедии. Согласно апокрифическому мифу, Велес-Змей похитил у Перуна жену – златокудрую Ладу, иногда говорят, что она сама покинула сурового воина ради вдохновенного провидца и музыканта.

О трагической судьбе богатыря Дуная и поляницы Настасьи рассказывает одноименная былина. Богатырь Дунай, на хмельном пиру похвалятся меткостью в стрельбе из лука. Соперницей

Дуная выступила его любимая жена Настасья. В поединке хмельной Дунай совершил промах и убил беременную Настасью, после чего заколол себя собственным мечем. Из честных кровей богатырской четы зарождается великая славянская река Дунай.

Фатальная разделенность мужчины-Перуна с психоэмоциональной сферой, точнее ее сознательное подавление составляют особенность этого типа, весьма тонко отраженную в славянском эпосе.

Мужественный Перун представляет собою первозданный тип охотника и воина. Абсолютное владение телом и чувство ритма было частью воинской подготовки. Так северный викинг или арабский витязь непременно знали наизусть свод древних стихов и умели слагать песни. В этом же смысл легендарных танцев римского проконсула.

Перед выходом войска в поход проконсул был обязан станцевать воинственный танец, зажигающий сердца. Ему помогали весталки, одетые в костюмы воинов. Обязательные балы и мазурка в военных училищах напоминают нам о воине-танцоре. Мужчине-Перуну необходимо учиться беззаботному веселью и гибкости своего вечного соперника – Велеса, его обаянию, и не в последнюю очередь его умению «говорить телом» и «змеиной пластике» танца, всему тому, что Б. Шоу называл *вертикальным выражением горизонтального желания*.

Воинственные плясы казаков и кавказских горцев открывают в мужчине-воине *второй разум* – разум тела, когда *раскованный, то есть сбросивший цепи первозданный мужчина* исполняет танец миров, танец созидания и разрушения. Этот выброс сил высвобождает ум и позволяет воссоединить части личности.

Так античный бог войны Арес-Марс был прирожденным танцором, но о воинственном плясе славянского Перуна нам ничего не известно. Согласно народной версии, он только ездил по небу на колеснице. Прочно заслоненный Ильей Пророком во времена двоеверия, Бог Колесничий снова был ритуально обездвижен (вспомним богатыря Илью Муромца, чьи *ножки нехожалые* запечатлены в эпосе). Известно, что у кумира Перуна в Киеве были

«железные ноги» (А. Кайсаров). Это замечание отчасти объясняет и то, почему *ногам громовика* уделено столь неоправданно много внимания. Ноги – необходимая опора в мире Яви, обозначение крепкой связи с Родом и символ свободы.

Путь Перуна прям, как лезвие меча: сначала победить своего внутреннего врага и только потом – внешнее чудовище. Согласно нашим сказкам эта самая важная встреча – встреча с самим собою, происходит на Калиновом мосту, там же проходит и решающая битва, где внешняя победа далеко не так важна, как внутренняя.

КАЛИНОВ МОСТ: ВСТРЕЧА С САМИМ СОБОЮ

Все люди должны пройти сквозь эту реку и для праведных она покажется парным молоком. А нечестивым будет казаться, что они идут во плоти через расплавленный металл...
Бундахишн, 3 тыс. лет до н.э.

Чародейные русские сказки похожи на тонкий Калинов мост, перекинутый через бездну, и не всякому дано одолеть путь из Яви в Навь и вернуться обратно с новым опытом и волшебными знаниями.

Калинов мост, горящая кромка вечности – один из главных образов Героического солнечного Пути. Четыре раза в год в дни солнцестояний и равноденствий наши предки проходили через огонь. Прыжок через костер означал «огненный переход», приобщение к пламенному миру Богов и очищение ради грядущего.

У сказочной реки, через которую перекинут Калинов мост много названий: Смородина, Забыть, Потудань, Молочная речка Кисельные берега, которая иногда понимается как Млечный путь. Река Смородина – часть древнейшего мифа о Сотворении Мира, в ее названии сразу два корня – *mog* (*mǫǵi) – смерть и *god* – рождение. На память приходит Единая река Жизни, подобная священной Ганге ведической Индии. Во многих традиционных культурах мертвых было принято перевозить через водную преграду, на другой берег или остров, а то и отпускать вниз по реке.

Множественность уровня понимания указывает на древность образа и его глубокие корни в традиции. Возможное толкование названия Смородина: наделенная резким запахом и не обязательно тяжелым, но именно запах будет ключевым для понимания сути мифа. Согласно славянским поверьям запах живых непереносим для мертвых и наоборот («Фу-Фу русским духом пахнет!»).

Образ Калинова моста восходит ко всеобщему индо-европейскому наследию. Русальские и Купальские песни говорят о том,

что через «тонку жердочку» дано перейти не всем, но наиболее полно этот образ отражен в авестийской мифологии: это Чинват – мост душ, мост Огненного Суда, пролегающий над горящей пропастью. Под грешником он становится узким, как лезвие бритвы, а перед праведником раскидывается надежная переправа шириной в девять копий и стрел.

Поздний зороастрийский миф говорит о том, что на мосту Чинват человека встречает его собственный двойник и Великая Богиня, на этот раз олищетворяющая Смерть, с которой ему предстоит обречься. Именно ей предназначены огромные погребальные венки, которые во множестве плели для обряда похорон.

«Калиновый мост» присутствует в фольклорных текстах очень разного характера. В одной колядке к хозяину по Калиновому мосту из-за Дуная приходят гости, а в другой колядке сам хозяин идет черед Дунай по Калиновому мосту, где его встречают ангелы и уносят в рай. Калинов мост, как явствует из северных плачей – место долгожданной встречи родни и умершего, когда ему бывает дозволено посетить живых. В сказке по Калиновому мосту спасаются Василий Королевич с Марьей Ягинишной, тогда как баба-Яга, преследующая беглецов, остается на том берегу.

Почему же мост «калиновый»? Можно принять во внимание мнение Б.А. Рыбакова, который усматривает поразительную нелогичность: «мост, по которому должно пройти массивное чудовище, изготовлен из калины, мелкого и крайне непрочного кустарника, абсолютно непригодного для каких-либо построек. Ветками калины можно было только прикрыть, забросать что-либо, но не строить из них.

Однако невозможно согласиться с выводами ученого, что калиновый мост попал в славянский фольклор из эпохи конца ледникового периода, когда охотники на мамонтов маскировали ловчие ямы ветками калины» (Б.А. Рыбаков «Язычество древних славян М. 1994 с.129-130).

Неужели охотники на мамонтов целеустремленно отбирали калиновые ветви, отбрасывая ветви других кустарников и деревьев?

По-видимому, калина как таковая *Viburnum*? Тут изначально не при чем. Калиновый мост нельзя не поставить в связь с царем Калином и его Калиновым царством...

Касательно этимологии самого имени Калин, то она, как представляется восходит к эпитету кали, который в санскрите означал черный, а в мифологическом плане тождественен смерти в всем ее мифопоэтическим металеписам – как-то «зима», «море», «змея» «время». Богиня Кали в индуизме олицетворяет вечность, смерть и разрушение, а в древнеиндийском эпосе «Гариванза» черный Калий – царь змеев и змеиного царства» (по А.В.Ткачеву)

Но у нас есть и свое собственное предположение о названии сказочного моста.

Калина в славянской традиции – девичье дерево, и одновременно дерево невозвратного перехода, коим почитались в народе и смерть и свадьба, об этом том свидетельствуют сохранившиеся песни: «Я калинушку ломала, край дороги клала...», «Ой да ты, Калинушка-размалинушка...», «Ой, цветет калина в поле у ручья...», видимо поединок на Калиновом мосту предшествует свадьбе героя или его переходу в возрастную группу воинов.

На Калиновом мосту герой русской сказки борется со Змеем. Это Иван Крестьянский сын, в других вариантах Коровий сын, и через свое рождение он крепко накрепко связан с более древним миром и с Рогатыми Богами этого мира – Макошью и Велесом.

В северной Усть-Цилемской сказке «Иван Быкович» описан примечательный поединок. Сначала герои; могучий Старик и молодой Быкович «правдались» – «скакали на конях, старик победил». В другой сказке этому периоду испытаний соответствует образ другого грозного Старца.

Двух старших братьев героя он сажает в подвал и вырезает из спины ремни. Далее происходят древнейшие ордалии: герои должны «перейти через жердочку над горящей ямой». «Ты шол с невестой дорогой, можот блуд сотворил, перейди через яму, тогда я тебе вину прощу» – говорит коварный старик, задумав нелобное. Но «Иван Быкович жердь перевернул, старик в яму на уголья пал».

Нет сомнения, что это отдаленный образ погребальной крады для старого воина, вождя.

В традиции «пройти через Смерть» означало испытать крайние состояния, отсюда особое внимание смертельным испытаниям во всех религиях древнего мира и в инициатических обрядах. Путь к бессмертию начинается с правильного понимания и реализации этого величайшего принципа: *умри до того как умрешь*. Отсюда и загадка: *«Кому смерть не страшна? Мертвецу»*.

В финале сказки Иван Быкович высвобождает братьев и женится на девице. Совершенно ясно, что на Калиновом мосту происходит дуэль между старым вождем и молодым претендентом.

«Возможно такой поединок имел место в реальности. В героических мифах, как и в космогонических, мы находим тему перемен, смену поколений; очень часто последнее тесно связано с инициацией, так как этим обрядом руководят представители старшего поколения. Наряду с инициацией существовал другой вид ритуала – дуэль между старым вождем и молодым, который должен его заменить. Этот обряд этот ярко описан Фрэзером» – отмечают Ермаков и Гаврилов, они же отмечают «негероическое» поведение главного героя.

Действительно в Усть-Цилемской сказке Иван Быкович коварно переворачивает жердь, в другой сказке он и вовсе «по-женски» засыпает глаза змея песком, действует «напуском», добивает лежачего, выкликает на помощь братьев и они скопом наваливаются на Чудо-Юдо, в то время как, по смыслу сказки, должен происходить поединок. Причина видится в том, что аристократическая доблесть высшего сословия была чужда рассказчикам. Миф попал в крестьянскую среду, где хитрое «партизанское» поведение казалось единственно возможным и правильным.

Так же на примере сказочных поединков мы можем проследить разницу этнической, точнее «ландшафтной психологии».

ЛЕС и СТЕПЬ В СУДЬБЕ ГЕРОЯ

Совершенно очевидно, что устоявшийся образ мыслей и поведения человека, его внешность и особенности психики,

Скифы-воины

то есть его *этнический портрет (архетип)*, находятся в непосредственной зависимости от природного ландшафта, который является своеобразным ваятелем национального (и сказочного) характера.

Сказка – зеркало этнической психологии не всегда лестное, но всегда правдивое. Так в нашем сказочном фольклоре можно различить следы двух типов древнейшей ментальности, условно их можно назвать «поляне» и «древляне».

«Древляне» – пребывают в своем «дремучем сумрачном лесу», даже если живут в городе, сохраняя только им присущие оттенки и стиль мышления. Это извилистый, замысловатый, «окольный» путь, умышленно избегающий логики, ясности, определенности, ведь «в лесу» невозможно двигаться по прямой и самый короткий путь – «тот, который знаешь».

Прокладывать новые тропы «человек леса» не любит, превыше всего ценит «старое», «традиционное».

В лесу он лишен дальнего зрения и видения отдаленных перспектив, но его выручает острый слух и напряженная интуиция.

Человек леса начисто лишен азарта, ведь чтобы успешно охотиться иногда достаточно затаится и ждать, оставаясь невидимым.

Лес – атлас интуитивных догадок и терпеливого распутывания извилистых следов.

Принимать открытый бой лесные жители не любят. Ведь гораздо легче уйти от прямого столкновения, спрятаться, пустить стрелу из укрытия, заманить врага в болото или в волчью яму, подпилить Калинов мост или перевернуть жердь с балансирующим врагом. Доблесть поединщика лесному жителю не свойственна и не понятна.

Он, безусловно, храбрый охотник, но избегает прямого риска, развивая охотничью сноровку, используя знание повадок зверя. Он самодостаточен, ведь в лесу все есть, поэтому главное собрать побольше, донести до дома и сохранить, поэтому стратегия лесовика – долгосрочная оборона. Он рукодельник, все может сделать сам из того, что есть под рукой.

Пространство степи или моря формирует человека активного в атаке, напористого, яркого, это тип лучника, всадника, викинга, идеального воина-поединщика. В степи и на море есть прекрасный обзор и абсолютная ясность, здесь все решает скорость передвижения и скорость мысли, которую сравнивают с полетом стрелы. Но степь и бурное море неохотно отдает свои богатства, поэтому их детям нужны азарт и удача, решительность и инициатива, чтобы добыть себе все необходимое. Захват и овладение – вот стратегия «степняка». Запасы нигде хранить и вся его жизнь – это непрерывная погоня. Этот подвижный тип «природной личности» одинаково проявляет себя в любых социальных условиях.

Так в «национальной физиономии» многих народов прослеживаются две философии: степная (морская) и лесная. Для русских это воинственная варяжская Русь и славяне-земледельцы, а так же их небесные водители: напористый Перун и уклончивый Велес. В нашей традиционной культуре таким этническим маркером будут Землянка и Терем. Землянка – материнское чрево Земли, где даже зимой теплится жизнь. Землянку можно по-

строить «голыми руками», поэтому этот тип жилья создавали народы максимально близкие к Природе: угро-финны, лопари, славяне-дреговичи. Дом – это дым, в том числе выходящий из-под крыши землянки, словно из-под земли. Наземная часть жилища у русских зовется изба (сруб). Наиболее надежная этимология слова изба связана с белорусским «стуб» – столб, с германским stuba – «бревенчатый дом», «штабель», близка к этому корню и итальянское stua – «баня», «теплый дом», и болгарская «сътая» – жилье, комната.

Издревле красивому деревянному строению на Руси соответствует слово «терем». Терем – более трудоемкое строение, чем изба, и для его создания нужны железные инструменты. По своему образу терем – это сторожевая башня, княжеский и воинский оплот и абсолютно героический символ.

Несомненно, что каждому образу бытия соответствовал свой героический миф. Особо примечателен в этом смысле Нартский эпос, наследником этого эпоса этнографы называют народ алан.

Аланский культурный круг распространился до середины центральной Русской равнины. Это был огромный осетинский мир, который в значительной степени повлиял и на русский эпос, особенно на богатырский, и на русские сказки, предания и легенды. Там, где в русской мифологии мы видим яркий диурнический дуализм, отчетливые героические элементы, описания богатырей и их непокорного буйного нрава, вполне различимо кочевое арийское, и скорее всего аланское влияние. Осетины – это в каком-то смысле ключ к дешифровке диурнических вкраплений в русское преимущественно ночное бессознательное. Это чрезвычайно ценно, поскольку в русском народе наблюдается безусловный дефицит деурна.

По этой же причине так ценно для русского социума казачество... (А Дугин)

Но в нашей сказке сражаются не этнические архетипы, тем более не степняки и жители лесов, хотя так соблазнительно срав-

нить Змея с иноплеменный нашествием, а реку Смородину с Калиновым мостом обозначить, как «пограничную», пылающую за-секу на его пути, а божественные и возрастные архетипы.

«Неоспоримо, что по ту сторону реки стоят владыки мира Мертвых (прежнего мира) Змеи и их прародители» уверен А.Платов. Владыкой мира Мертвых славяне считали Велеса.

Одна из его древнейших ипостасей: Змей, Бык или Медведь. Так мы вправе предположить, что сказочный герой, Иван Крестьянский сын (молодой Велесыч), встречается с одним из древнейших ликов Велеса, и на «мосту разделения» сражаются разные возрастные лики одного и того же Божества.

НЕБЕСНЫЙ ОТЕЦ

Зрелые боги вершины лета: Перун и солнечный Купало с наибольшей полнотой воплощают архетип Небесного Отца, подобного Зевсу: грозного, отстраненного громовержца, благородного тирана, и жестокого отца-управителя, чей образ внушает восторг и ужас – два крайних чувства человеческой природы.

Небесный отец – это *отец нации*, а не отдельных сыновей и дочерей. Небесный отец – самодостаточный отец, недостаток взаимопонимания с ребенком, он с успехом возмещает железной дисциплиной. Патриархальное мировоззрение подавляет женское начало настолько глубоко, что при необходимости, бог-мужчина: античный Зевс, сам рождает из своей головы уже взрослую дочь Афину, облаченную в золотые доспехи, а из его бедра на свет появляется сын Дионис. Солнечное, интеллектуальное отцовство вполне удовлетворяет Небесного отца и он способен стать прекрасным учителем и отцом даже для целых наций.

Палящее Солнце и летние грозы еще не скоро убавят свой темперамент. Период плодоносной любви и лада у нашего солнечного героя пока еще впереди.

Но деурнические вихри лета стихают, яростный апогей остается позади, и в жизни мужчины наступает момент, когда он говорит себе, что *хочет любви и покоя больше чем завоеваний и новых побед*.

Испытания «макушки лета» счастливо пройдены, и перед нашим героем открывается Путь Царственного Солнца, его венчает золотая корона Августа. Свет разума зримо озаряет главу Царя Солнца, и на рубеже сорока лет наступает время первого итога: *В сорок лет ума нет и не будет... Именно ум, точнее «свет разума» будет главным трофеем мужчины в битве жизни.*

ЦАРЬ-СОЛНЦЕ в ЗЕНИТЕ СЛАВЫ

«Кажется, что воистину существует некий природный огонь, который временами зримо окружает голову человека, а также что и от всей особы человеческой порой может исходить огонь природный, но не как пламя, что ввысь устремляется, но скорее, как искры, вокруг нее рассеиваемые; более того.

Что некоторые особы вдруг начинают излучать вспышки света, хотя свет сей им самим не присущ, но связан скорее с одеждами их. Или с жезлом или с копьем в руках их...» (Папа Бенедикт XIV кардинал Ламбертини).

Наш следующий период охватывает жизнь мужчины с 35 до 42 лет и это воистину царственный возраст. Солнце жизни минует зенит и наступает период зрелого Дажьбога – мудрейшего правителя, любящего мужа и отца.

После отшумевших гроз и небесных битв начала лета, его царство окружено крепкой стеной, его трон непоколебим, его летний дворец полон радости и детских голосов, а его казна до краев засыпана солнечным золотом.

Царство Солнца – это и широкое поле общественной деятельности и профессиональные достижения, и любимая семья, и обширное земельное угодье и крошечный дачный участок, и маленький аквариум и цветочный сад на балконе, любимая собака, и любой уголок мира, где происходит реализация этого благородного архетипа.

В сербском фольклоре Царь-Солнце восседает на златотканом пурпуровом престоле, а подле него стоят две левы – Зоря Утренняя и Зоря Вечерняя, рядом с ним Семь судей – планеты и семь

вестников, летающих по свету в образе хвостатых звёзд: «Тут же и дядя его – лысый Месяц».

Но как само солнце, Царь подчиняется ходу Времени, ему необходимо глубокое понимание Времени и постоянное осмысление воли Космоса, поэтому **качества истинного лидера включают смирение и покорность единому космическому закону.**

Правитель с такими качествами полон огромного сострадания, которое позволит ему жертвовать собой ради блага всех.

КОРОНА АВГУСТА

Эпоха городов, наступившая задолго до «тяжкого средневековья», подняла героическое сознание на новую высоту. В эту эпоху *доблесть и честь, верность и достоинство, патриотизм и клятва* обрели почти религиозное значение.

В эпоху городов и ранних государств героический миф получил новую подпитку: *вавилоняне, египтяне, евреи, индусы, жители Ирана и Персии. Греки и римляне, так же как тевтоны и другие еще на ранней стадии развития* начали прославлять своих героев, мифических правителей и царей, основателей религий, династий, империй или городов, одним словом *всех национальных героев, во множестве поэтических сказаний и легенд*, – писал исследователь героического мифа Отто Ранк.

Мифы и сказки говорят о том, что главная задача царя – это поддержание духовной связи с небесами.

Настоящий царь обладает предвидением и глубоким различием, он же умеет *жертвовать частью ради сохранения целого*, и в этом смысле особенно поучительна история царя Миноса.

Напомним, что царь Крита должен был принести в жертву Зевсу прекраснейшего белого быка, но заменил обещанное животное другим, обыкновенным, за что был незамедлительно наказан Богами. Зевс разжег в его жене Пасифае страсть к волшебному быку, в результате этой запретной любви на свет появился чудовишный Минотавр, которого мастер Дедал заключил в свой знаменитый лабиринт.

Царь Берендей

Истинный царь не только осуществляет власть над «грубыми элементами мироздания» и живет в созвучии с внутренним голосом, как Царь-священник и коронованный жрец, он пребывает в состоянии священного трепета перед тайнами Божьего Промысла и неустанно славит благое Провидение, как царь-созидатель он непрерывно укрепляет стены своего царства и наполняет их земным великолепием.

Преображающий свет внутренней ясности наполняет все уровни его сущности, его царство благоденствует, урожай созревает, плоды

становятся видимыми... Это время обретения равновесия и отеческого авторитета, и хотя Мужчина-Царь по-прежнему лидер, инициатор и творец, наступает короткое время «почивания на лаврах».

ЦАРСКИЙ САД

*Царь-от живет в Селе
Как мужик на своей земле...*

Достигая духовного возраста Царя, мужчина обращает свой взор на Землю, как любящий супруг, он стремится «оплодотворить и украсить» ее. Но это еще не все, ведь обладая магическим видением, царь волшебник творит свое тайное волхование над вверенной ему землей.

Царь из сказки «Смерть» спешит коснуться заветных деревьев своего сада: «Пойду еще в сады, прощусь» и, простившись, умирает. У другого царя: Царя-Змея тоже есть свой сад, но этот сад подземный, в нем бьют родники с Живой и Мертвой водой, и фрукты из этого сада манят искателей, готовых рисковать жизнью ради обладания ими.

Обратимся к истории: Садово-парковое искусство, как часть «царского деланья» практиковалось повсеместно, где возникали империи и монархии.

Создание земного рая, перенесение священного ландшафта с эмпиреев на почву, Статуи Богов, скульптурные и ландшафтные аллегории убеждали подданных во всевластии царя.

У римлян царь-авгур вершил государственные дела, сидя на троне, созданном из живого растущего дерева, корнями уходящего в землю.

Образ царя, «яко древа посреди земли», сохранила библейская книга пророка Даниила «... и высота его досязаше до небес, и величина его до конец земли все, листовие его прекрасно и плод его мног... Образ посеченного корня, как загубленного царства мы находим у царя Давида (Пс. 51)

«Задумал как-то царь превратить голую равнину в цветущий луг – рассказывают византийские хроники времен Константина IX – и его желание сразу было исполнено. Откуда-то привезли и посадили деревья с плодами. Покрыли равнину пластами земли, которую взяли в рощах и в горах. А Константин еще огорчился, что на деревьях, появившихся по мановению руки, не стрекочут цикады и рошу не оглашают соловьи. Он приложил все старания и вскоре мог наслаждаться разногласным пением». – сообщает византийский автор.

Языческий культ земного плодородия был не чужд и Алексею Михайловичу Романову. Он «выписывал немецких деревьев по сажени, послы привозили в качестве подарка царю «семян всяких, которые часть, на Москве взойдут из земли, черенки с корнем, из Астрахани были доставлены целые виноградные арбузные сады с возами земли».

«Садовнику немцу Индрику царь предлагает совершить дело наитайнейшее» -привить на «яблоне все плоды, какие у Бога есть...» « Была у Алексея Михайловича наитайнейшая яблоня: Дикарка. Росшая за ригой. И на этой яблоне никому о том не сказывая, не только сам прививал побеги всяческих деревьев – тополь, березу. Вербу, дуб, осину, но засовывал в надрезы зерна пшеницы, ячменя, проса, мака, желая вырастить плоды познания добра и зла и повелевать не только людям, но и природе» (Е.Щедрина «Царское счастье»).

Быть царем означало «одолевать силой преоборения времена года и по воле своей творить чудеса». В этом можно увидеть и более древнюю, почти стертую память о царе-маге, который мог повелевать ветрами и погодой и вести свою державу к земному изобилию без насилия и войн.

Итак, интерес царей к садоводству – был далеко не праздный, он был способом сакральной связи и миропорядка. К этому пониманию близка и символика царских молодильных яблоч (Подробнее см. «Клык Власти»). Яблоня – царское древо. «Яко яблонь

посреде дерев лесных, тако брат мой посреди сынов» – говорит премудрый Соломон о царском достоинстве.

Таким образом, средневековый государь, занимающийся саловодством и даже тайными практиками, являл пример не праздного времяпрепровождения, а попечения о государственном строительстве.

Доныне в старинной усадебной архитектуре сохраняются следы «царского мифа»: мостик через ров, отделяющий священное пространство от обывенного мира, парковая роша или «лес предков»: так согласно сообщению Н. Манаенковой (г. Минск) в родовой дубраве графов Ралзивилов, ветви деревьев были заплетены в венок. Особо чтимое дерево, родник или колодец были всеобщими знаками усадеб: от крестьянского подворья с его вековой липой у деловской криницы, до великокняжеского поместья, где пруды и гроты, вазоны, колонны и зеркальные шары свидетельствовали о тайном договоре хозяина и Духов этого места. И даже более того: с высоты птичьего полета они складывались в значимые рисунки, родовые символы и мифологические фигуры.

Особый след в культуре оставила *«Царская Простота»*: долгое время к царям было принято обращаться на «ты».

В царском возрасте складываются все условия для счастливого брака. Царица – чувственная эмоциональная сфера мужчины, достигает расцвета и совершенства, в геральдическом искусстве и в изобразительной традиции Слава властителя явлена в женском образе.

От их союза рождается Царское дитя: *ножки по колено светлого серебра, ручки по локоть ярого золота.*

ЦАРСКАЯ НАУКА

Заметим, что *сказка никогда не была забавой*, и Сказка как необходимая ступень воспитания *венценосного младенца* заслуживает особого внимания. Так при дворе российских государей издревле существовал особый придворный чин сказочника. Мы знаем о последней царской сказочнице Варваре Уструговой, чье «живое слово открывало заветные двери». *«Собой была хороша Северная красавица в архангельском сарафане в скатной поднизи на голове: Пир по чину правит..., нраву строгого, на язык остра».*

Сегодня напоминание человеку о его царском достоинстве – может вызывать разве что саркастическую улыбку у самого «Царя Природы» или подозрение в «тайном монархизме», тем не менее, именно Царь – наместник и сотворец Бога на Земле – в традиционном сознании имел абсолютно положительные коннотации.

В цари и царицы выходят герои и героини большинства сказок. Их золотой венец – это совершенство Духа и реализация всех лучших помыслов о Человеке.

Но бывают жизненные ситуации, когда солнечной харизмы царя оказывается недостаточно, и ему необходимо призвать на помощь силу другого архетипа. По всей видимости, солнечному культу предшествовало иное осознание божественности.

Древнейший божественный и царский образ – это образ Змея, первого супруга Матери-Земли. Он пребывает в глубинах подземного царства, соотносимых с глубинами нашего подсознания. Он всесилен и именно он является вторым: «ночным» царем и тайным супругом. Об этом сказка «Звериное молоко».

ЦАРСКАЯ ОХОТА

Ты царь, живи один!

А.Пушкин

В родо-племенных сообществах в качестве магического средства для достижения генетического превосходства применялась ритуальная охота на тотемное животное, которая предвляла, а иногда и заменяла военное сражение.

Е.Щедрина

Военно-магические свойства традиции Царской охоты основаны на связи военного искусства и родоплеменных обычаев с нравом и повадками тотемного или священного зверя. Соколиные и псовые охоты, травли и облавы на медведей и волков со сложными охотничье-магическими ритуалами используются до настоящего времени, как средство поддержания боевого духа, укрепления военной харизмы в профессиональной среде и не только...

В военное время древние ритуалы военной и охотничьей магии активизируют в человеке генетически унаследованные психо-соматические механизмы агрессивного поведения хищных животных, подавленные мирным развитием общества.

Сказка «Звериное молоко» продолжает тему древнейшего мифа Европы, условно названного Грозовым. Его суть – противостояние богов-антагонистов, бога Неба и бога Земли.

Сказка начинается с интриги: *к неверной княгинюшке хаживал Змей Змеевич, скинувшись добрым молодцем. А супруг ее, князь-княжевич Иван Королевич, по обычаю царскому занимался охотой и уж охота была, правду сказать, не нашим чета! Не только собаки, да ястреба, да сокола верой-правдой ему служили, но и лисицы, зайцы, и всякие звери, и птицы свою дань приносили; чем богаты были, тем ему и служили: лисица – хитростью, заяц прыткостью, орел крылом, ворон клевом.*

Солнечное Божество Яви и Света предстает в окружении всей благодарной земной Природы. Словом, князь-княжевич Иван Королевич со своею охотою был неодолим, страшен даже самому Змею Змеевичу, а он ли не был горазд на все, да нет!

ДЕРЖАВА ЗМЕЯ

И был их род старше людского и мудрость змеиная была велика...

Откуда же явился Змей Змеевич, искусный обавник и соблазнитель? Оказывается он еще «допотопный персонаж» сказок и сказаний.

Рукописное: «Сказание о Вавилонском царстве» о первом после потопа городе-государстве относится к XV веку. При основании города-царства вокруг него был сооружен вал в виде глиняного змея, охранявшего границы. Согласно «Сказанию...» на всех вещах в городе были особые змеиные знаки – «печати».

Когда один из посланцев царя случайно разбудил чудовище, охватившее город кольцом, *«воссташа на змеи чешуя, аки волны морския... и свистну змей, они де от страха быша аки мертвые...».*

Почитал могущесвтенных предков-змеев и Новгород-Словенск. Змеепоклонники древнего Новгорода держали дома, в ка-

Царь-Змей

честве пенатов неких крупных ящериц или змей, согласно запискам путешествующих арабов они называли своих питомцев «животами» (geviot).

Благодатный Змей — наследие неолитической мифологии, долговременная память о могучем первопредке, олицетворении перевозданных сил Природы. Целые династии земных владык и правителей вели свое происхождение... от Змея. Таковы «ленивые» короли франков Меровинги Длинноволосые, греческие базилевсы (змеи-василиски), и легендарный полоцкий князь Волх Всеславич.

Встреча со Змеем всегда сопровождала закладку нового города. Летописи сохранили рассказ о встрече князя Юрия Долгорукого с многоглавым чудовищем. Было это на месте будущей Московии.

В христианские времена убить змея-гада на месте будущего храма означало сокрушить остатки язычества, ведь хозяевами и первыми царями на священных холмах повсеместно были змеи — драконы.

Каждая эпоха порождала свои мифы, обогатившие нас многими волшебными образами. Так важнейший общецивилизационный Миф о Змееборце мог родиться только в земледельческом обществе

с его напряженным трудом на земле, с насилием над первозданным миром лесов и суровой борьбой со стихиями.

Отголоски этого понимания сегодня звучат как «битва за урожай» С кем битва? Кто извечный враг земледельца? Потрясенные духи леса, духи деревьев, сожженных под расчистку поля, и Боги дикой Природы, коих переставали чествовать горожане: здесь миф не только отражает конфликт, но и ищет пути к примирению.

ЖЕНА ПОСЛУШАЛА ЗМЕЯ...

В каждом яблоке дремлет змей!

Магические представления о силе Земли, о ее непостижимых тайнах и сокрытой в ней жизни отразились в образе Великого Змея, разумного дракона, священной особы подземного мира. Змей любовно близок к Земле. В сказке «Царская охота» он так же олицетворяет силы подсознания, и то, чего не хватает Царевичу, как Небесному супругу, чтобы стать желанным мужем и возлюбленным женщины-Души.

Древнейший миф о борьбе небесного и подземного бога отразился в предании о том, как удалой небесный пастух умыкнул у Перуна его жену Ладу, но разве можно украсть женщину без ее согласия? Поэтому красавица, олицетворяющая жизнь, проводит полгода в летнем царстве Перуна, а полгода – в зимней пещере Велеса, наслаждаясь ладом Велесовых песен и звуками свирели.

Змей – образ извечной тяги женщины к запретному, потустороннему, ускользающему из сферы рационального рассудка.

Возможно, что любовь к Змею – переложение жреческого служения сказочной Княгини, немислимого при небесном патриархате. Не потому ли библейское предание о грехопадении, так похожее на пересказ древнейшего обще цивилизационного мифа о связи Женщины-Ведуньи (отсюда ее тяга к запретному плоду познания) и ее союзника Змея.

Этот же миф запечатлел память о несостоятельности «первого мужчины», глиняного Адама: сначала безвольного потакающего

женщине, а потом откровенной струсившего перед лицом вопрошающего Божества.

В древнерусских источниках есть множество магических и откровенно языческих советов женщинам по снисканию супружеского благорасположения их мужей. Одна из самых необычных рекомендаций предписывает женщине задушить в межножии живую щуку, после чего приготовить ее на огне и подать мужу на серебряном блюде.

Несомненно, что внутри этого женского обряда проглядывает миф о богах соперниках, а саму «мистерию с рыбой» можно назвать «мифом отречения». Щука в этом обряде символизирует грозного Змея, задушенного «силою женских лядвий», и принесенного в жертву Небесному супругу, он означает полный отказ женщины от запретной любви. На уровне симпатической магии такое тайнодействие способствовало укреплению влечения к определенной женщине, где сила ее чар превосходила силу мужского сопротивления этим чарам.

ИЗГНАНИЕ БОГИНИ

«Больше же всего через жен бесовские волхования бывают, ибо искони бес женщину прельстил, она же мужчину, потому и в наши дни много волхвуют женщины чародейством, и травою и иными бесовскими кознями»
(«Повесть временных лет» 1071г.)

Миф о сотворении Мира и людей из ничего, при помощи елиного Слова или мысли, целиком и полностью принадлежит патриархальному сознанию, однако изначальный сюжет этого сотворения – Рождение.

Этот древнейший всеобщий сюжет имеет яркие параллели с мифами сибирских и фино-угорских народов и народов Крайнего севера. Однако в большинстве мифов и сказаний отмечен двойственный образ Богини Жизнедательницы.

Н.В.Полосьмак и Е.В.Шумакова пишут «Изначальная амбивалентность женского существа была обусловлена скорее всего физио-

логическими особенностями женщины, которая не только воспроизводила жизнь, но и определенные моменты, по представлениям многих народов связаны с миром мертвых и с Преисподней».

Отражением этой амбивалентности стала полуверхняя, полунижняя семантика Великой Богини, запечатленная в мифе о ее незаконной интимной связи с властелином Нижнего мира.

Вогульская Богиня-прародительница Калтащ, будучи законной женой светлого бога Нуми-Торума вступила в любовный союз с богом нижнего мира Куль-тором и родила от него шестерых детей. Светлый бог сбросил изменницу с небес на землю, пролетая между небом и землей Калтащ родила седьмого «незаконного» сына Мир-Сусне-Хума, ставшего посредником между земным и небесным миром.

В целом версия Библии совпадает с мифом о двух демиургах, об их споре и тайной борьбе. Змей – соперник светлого Бога прекрасно чувствует себя посреди рая на древе (мировом), хотя согласно древнейшим мифам должен находится у его корней. Предмет древнейшего соперничества Богов – женщина равных с ними достоинств.

Но так как во всей библейской вселенной не нашлось места для женского божества, то жертвой обмана и соблазнения пала первая женщина Ева.

Но у нее была своя тайная предшественница, так согласно апокрифам первой женой Адама стала демоническая Лилит (Существо из предыдущего мира женской свободы и равенства). Ева – была призвана стать идеальной патриархальной женой, если бы не козни Бога-соперника. Но для того, чтобы превращение коварной Горгоны в невинную Андромеду, а inferнальницы Лилит в простоватую и наивную Еву состоялось, нужно было унижить земную женщину-Богиню – сковать по рукам и ногам, как Андромеду и, как Еву лишить самостоятельного бытия – создать из ребрышка Адама.

С той поры, согласно библейской версии, Женщина несет в себе семя лжи, проклятие грехопадения и скверный способ преемства по образу и подобию бессловесных животных. Но если бы была унижена только Ева!

Искушение Г. Доре

Слабость и предательство «глиняного» Адама, его безволие, невозможность отвечать за свои поступки, и трусливые попытки спрятаться за женщину – несут вечное оскорбление мужскому началу, кастрацию всего героического... Но это героическое, «протестное» начало таки проникло в мужскую природу. От кого? Сие тайна, ведь согласно апокрифам первый сын Евы, как и в урало-сибирских мифах и сказаниях родился от нижнего соперника Небесного Бога: в славянском пантеоне это Велес-Змей.

ПЕРВЕНЦЫ ЗЕМЛИ

Уважительное отношение к Змею – признак корневой народной культуры, ее аутентичности и удаления от библейской.

Змей – это сама всесильная Природа, он же первый супруг Матери-Сырой Земли, оттесненный небесным Богом в темные миры подсознания, в миры подземные, хтонические, но полные изобилия, где сокрыты его сокровища, дворцы, табуны и сады.

Змей-Щур всегда сказочно богат – но это плодородие царства мертвых, страны благих пращуров. Змеиный народ – хранит особый язык и свою тайну. В марийской сказке: «Не спрашивай про то, о чем нельзя спрашивать»: пастух несколько лет прожил у змеиной царицы и научился понимать язык животных.

В другой марийской сказке «Слепая любовь» теща убивает Жениха-Змея, мудрое морское божество. Похожая сказка есть у литовцев: это «Эгле – Королева ужей». В сказке великая любовь и божественный союз девушки и змея разрушены по воле слишком любящих родственников.

Сказка «Старухин змей» стоит особняком в марийском фольклоре. Ее сюжет таков: у старика и старухи родился Змей. Но змеи у простых людей не рождаются. Если змей может породить человека, то и люди тоже могут родить змея, это своеобразный мифологический перевертыш.

Старухин Змей растет не по дням, а по часам, и едва родившись, хочет жениться на дочери богатого человека. Но его отец – нищий, однако за ним постоянно ходит бык (возможно, что это Небесный Бык или священный предок, но в нашей сказке бык – еще и жертвенное животное).

Старик пробует сватать сына, но даже за попытку неравного сватовства старик платит жизнью. Сын-змея целит разрубленное тело отца, трижды обвившись вокруг мешка с его телом. Согласно древнейшим мотивам марийской мифологии этот добрый, полный любви отец – повторяет судьбу первочеловека по имени Мари.

Змей возрождает своего отца даже из пепла. Пожертвовав волшебным быком, герои сказки достают из ямы подземный табун, и дают выкуп за невесту.

Едва коснувшись девушки, Змей обращается в солнцеликого юношу, только обнаженного. Девица одевает его, а змеиную кожу прячет подальше в сундук. Далее сказка развивается согласно мотиву «Волшебный супруг».

Так, в сказках живет неповторимый народный дух, с его наивной душой и непостижимой тайной. Она проста как мир – человек – сын Земли и Неба, он ищет счастья, он свободен и ответственен одновременно и как всякое природное существо следует заветам Матери-Земли и Отца-Неба.

МОЛОКО ВОЛЧИЦЫ

Любовь Женщины и Змея хранит след космической катастрофы «грехопаления», так согласно сюжету сказки «Звериное молоко» притязания Змея на любовь Княгини и на всю полноту власти – незаконны.

Харизма власти состоит из двух разно полярных потоков: созидания и разрушения, и Царевичу предстоит поединок с разрушительной силой подсознания, олицетворенной Княгиней и Змеем. Потому в сказке «Звериное молоко» идет неухающая война: современные социологи назвали бы ее «гендерной», а на войне все средства хороши.

Княгиня сказывается больной (нестареющая женская уловка), и спасти её может только редкое снадобье – пробуждающее в ней материнские инстинкты: Молоко волчицы, медведицы и львицы. Княгиня – испорченная чувственная сфера целиком на стороне Змея. В других сказках царица-мать, похищенная Змеем, всей душой предается похитителю и даже идет против родного сына. То есть Змей – это нечто большее, чем любовник. Это область абсолютной женской свободы и самости, символ утраченной власти. Отсюда известные идеомы «Змея подколодная», «Пригреть змею

на груди», обозначающие коварную женщину – тайную супротивницу мужчины, разрушительницу его патриархальных планов.

Созвучен сюжету «Звериное молоко» и финал былины «Иван Горденович», где обманутый жених, победив соперника, вершит расправу и над Маринкой Белой Лебедью, у которой есть «мил-друг», названный в былине татаринном Васенькой Окуловичем. Былинное обличье Окуловича вполне демоническое, змеинное: «...очи его, как пивны чашища, уши его, как царские блюдища...» оно сильно напоминает Тугарина Змея, царя Кудреванка, и в конечном счете совпадает с Идолищем и Кощеищем.

*Берет-то Иван да саблю вострую,
Отсек он ей да по колен ноги:
«А и эти мне ноги-те не надобны,
Со поганым татаринном оплеталися»,
Отсек он у ей да по локоть руки:
«Да эти мне ручища не надобны,
Со поганым татаринном обнималися»,
Отсек он ей да нос с губами:
«Эти мне губища не надобны,
Со поганым татаринном целовалися»*

Сам того не сознавая, жестокий возлюбленный превращает тело бывшей возлюбленной в «торс» – подобие змеи.

Коварство Маринки, давшей Ивану слово верности под угрозой казни отца, и предательство княгини наказываются самым жестоким образом. Личные чувства изменниц в расчет не принимаются. Мужчина, не умеющий ладом и полюбовно подчинить себе «внутреннюю женщину» вынужден казнить ее в себе самом.

Насильное сватовство Ивана Горденовича (положительного героя) кончается трагедией, как и Царевич из сказки Звериное молоко» он казнит неверную жену и остается в полном одиночестве. А что бы царевичу своевременно услышать в своем тереме голос скучающей души, и поменьше времени проводить на охоте, а то и поучиться у змея волшебному таланту общения с чувственной и прихотливой княгиней? Но это была бы уже другая сказка.

Наш следующий возраст: от 42 до 49 лет: это возраст первых итогов: В сорок лет – жены нет и не будет – сурово конституирует народная мудрость. Так сразу за апофеозом мужества наступает возраст первых потерь.

КЛЫК ВЛАСТИ или МОЛОДИЛЬНЫЕ ЯБЛОКИ

У первобытных племен Меланезии есть особый символ легитимности вождя: клык власти: так в Меланезии уверены: *Когда у правителя слабеет клык власти, государство терпит урон.* Клык власти – это здоровье и потенция, это биологическое превосходство, это агрессия и напор, это злоба к врагам и сокрушительная сила.

В сказках царь – представляет собою первое поколение властителей, и согласно сюжету вскоре замешется своим сыном. Стабильность этого образа царя не дает простора для фантазии сказочников, но сама динамика власти была им хорошо понятна.

Сказки не заглядывают в то время, когда авторитет Правителя, прежде основанный на мудрости и воле, начинает выражаться в жестокости и в авторитарном давлении. Его цветущий сад засыхает, а смелое, мужественное выражение его лица превращается в маску. Он живет в страхе грядущих перемен, и пробует пресечь в зародыше всякое новое веяние. *Но он обречен: его собственное сопротивление течению Жизни рано или поздно опрокинет его земное Царство.* Такова участь самовластных тиранов прошедших эпох и тех, кто, возможно только зреет во чреве истории.

Когда преумножение власти становится невозможным, перед мужчиной, достигшим царских высот, открывается спуск вниз, будь то его карьера, семейные и любовные отношения либо, здоровье, так под угрозой оказывается его творческий потенциал, его реноме мудрейшего и сильнейшего.

Наступало время, когда клык царской власти неизбежно слабел, и у царя появлялись молодые конкуренты, иногда это были его собственные дети. Яйцо Кощеево дремлет в сердце всякого Правителя, и даже идеальное царство со временем загнивает, так *сладкая роса настоящего грозит обернуться стальными ядрами в будущем.*

При рассмотрении представлений о переселении душ, стоит обратить внимание на встречающийся во многих культурах обычай убийства царя при достижении им определенного возраста. Как описывает данный обычай Дж.Фрезер, для царя, являющегося сосредоточием божественной силы и обеспечивающего своей благодатью общественное процветание, считалось нежелательным достигнуть состояния одряхления. Царь, находясь у власти, должен был находиться в расцвете сил, ибо его благосостояние магическим образом сказывалось на благосостоянии подданных. В случае если царь старел и возникала угроза его смерти от болезни или старости, он смешался, или как следует из примеров, приведенных Дж.Фрезером, умерщвлялся.

Внешним критерием достижения старости и начала угасания жизни могли служить как причины, связанные лично с правителем (появление морщин или седых волос, увечье, ранение в бою, снижение половой активности), так и общественные причины (неурожай, стихийные бедствия, ухудшение положения в стране).

«Данный обычай был зафиксирован не только у ряда первобытных народов Азии, Африки и Океании, но и у ближайших соседей славян – пруссов: «Жители древней Пруссии считали своим верховным властителем человека, правившего ими от имени бога и носившего титул «уста бога». Когда этот властитель заболел и становился дряхлым, для него насыпали холм из веток кустарника и соломы, и если он дорожил своим добрым именем, он взбирался на него и произносил длинную проповедь, в которой призывал народ почитать богов и обещал заступиться перед ними за соплеменников. Затем он поджигал костер головней от вечного огня, горевшего перед священным дубом и исчезал в языках пламени».

Благодаря этому тексту Дж.Фрезера нам становится понятен сказочный сюжет «Молодильные яблоки» – это средство омоложения не только мечта дряхлеющего царя, но и единственное средство сохранить родителю жизнь.

Отголоски подобных поверий можно найти так же и в Скандинавии: только здесь правитель умерщвлялся не по достижению преклонного возраста, а по истечению десятилетнего срока правления.

«Обычай умерщвления властителя, как только тот обнаруживает признаки одряхления, сколь бы странным нам это не казалось, коренятся в глубоком преклонении перед ним, в стремлении сохранить в расцвете сил его божественный дух» (Н.Велецкая).

Смерть в расцвете сил была необходима и для самого властителя, ибо обеспечивала целостность его души. Такое понимание сохранилось и донныне, так по неким психологическим причинам, рассуждать о которых мы здесь не будем, родственники помещают на надгробных памятниках фотографии, изображающие умерших в расцвете сил, независимо от возраста ухода.

Урок этого сказочного возраста таков: ***если царское время исчерпано, и царское величие превращается в стагнацию, то потребуется сила других архетипов.*** В ведической традиции Индии, мужчина, выполнивший свой долг мужа и отца, мог оставить семью и подростокское потомство, чтобы уйти к лесным отшельникам *риши*, и весь остаток жизни посвятить молитвам, собирая *соль мудрости и росу откровений*.

Следующий период в жизни мужчины мы определяем ***от сорока девяти до пятидесяти шести лет.*** В этом возрасте ***сполна познав земной путь, мужчина открывает духовные горизонты. Это движение в глубину можно назвать путь Волхва.***

ПУТЬ ВОЛХВА

*Земную жизнь пройдя до половины,
Я очутился в сумрачном лесу...*

А. Блок

В годовом солнечном круге – это Осеннее равноденствие, которое ежегодно бывает в конце сентября. Над землю сгущаются осенние сумерки. Урожай давно собран, и обряды из лесов и полей переносятся в общинные избы.

В начале Зимы солнце как бы исчезает из явного мира и большую часть времени оно пребывает в таинственном движении за краем горизонта, в ином мире, где оно, по поверьям, освещает селения предков.

Этому периоду года покровительствует Велес Зимний и его союзница Марена (один из ликов Макоши). В солнечном круге это время кошего Хорса, бога подземного Солнца, Солнца Мертвых.

Вещий Боян, автор «Слове о Полку Игореве» говорит, что полоцкий князь оборотень Волх Всеславич, ночью пересекал путь «Хорсу Великому». По-видимому, Боян называет Хорсом Великим ночное Солнце: Солнце мертвых: *Из Киева, до петухов, добегал до Тмутараканя, великому Хорсу волком путь перебегал!*

Этот потусторонний свет покровительствует волшебным искусствам древности и возрасту мудрого затворничества.

Таинственный лик Хорса нам почти не известен, хотя именно Хорсу, в числе других Богов древней Руси, водрузил кумир князь Владимир.

Славянский бог Велес не был представлен в числе «княжьих» богов. Его кумир стоял ближе к воде на Подоле. Велес величайшее божество древности, один из первых Богов, осознанных людьми, и в силу этого хранящий память о целостной Душе мира.

Первый помощник людей всесилен и многолик, его священные образы – могучий медведь, грозный бык-тур и царственный Змей, поэтому в некотором смысле он Бог «природного низа», спасительных инстинктов и мудрости естества.

Художник Игорь Ожиганов «Велес»

В мире Богов Велес пребывает сразу в нескольких возрастных ипостасях. Он вечно юный бог пиров, экстатических песен и плясок с кубком сурьи в крепкой деснице, он же – величавый старец в звездных седирах. Велес помогает людям растить урожай и дарует удачу на охоте. Он покровитель обрядового пения и всех видов искусств, водец скоморохов – играцов Велесовых, ему любы озорные игры, хитрые загадки и лукавые ответы.

Он – бог явных и тайных пророчеств. Он владеет неисчислимыми кладами и дарит земное богатство, поэтому купцы чтут его своим покровителем. Ведь именно Велес учит коби – тайным знакам и языку дипломатии. Он хранитель земных и небесных путей и первый помощник путешествующих на суше и на море.

Он любит и бережет домашних животных и хранит от потравы диких зверей. Подобно греческому Пану, Велес рогат. Рога указывают на его близость к созидующим силам Земли, они же напоминают силуэт молодого нарождающегося месяца, а месяц – это уже ладья, пересекающая по ночам Млечный Путь – Молочную реку. Этот ладьей и правит Велес – страж загробного мира.

Велесова время – богатая щедрая осень и зимние месяцы, когда люди, животные и спящее зерно, остро нуждаются в защите и помощи. Принято думать, что весной Велес передает свои права своему сыну Яриле, но это заметное упрощение.

Ярило – это молодая ярая ипостась Велеса, его младость: весенние дни поминовения предков олицетворяет череп в левой руке молодого бога, сноп зеленых колосьев в правой руке – это будущий урожай и грядущий небесный посев.

В ведении Велеса пребывает Калинов мост, и те, кто воспринимает жизнь, как духовное путешествие, знакомы с Велесом – Проводником душ.

Подобно богу проводнику античному Гремесу, он *«соединяет миры мостами понимания и приносит нам весточки из царства души... Он проводник на пути самопознания, помогающий нам отыскать свои подлинные ценности и реализовать потенциал роста и обретения целостности»*.

Поскольку Велес – проводник душ является первообразом (архетипом), он присутствует в каждом из нас, и у каждого из нас есть потенциальная возможность с ним связаться, особенно когда человек задумывается на каком этапе жизненного путешествия он находится и направляется внутрь в описках ориентиров.

Велес – это голос внутренней мудрости, который звучит в нас независимо от возраста: *устами младенца глаголит Бог*.

Подобно Змею Асклепия, Велес почитается также как подалец природного здоровья. Велес целит и связывает воедино различные душевные стороны нашей личности, и ведает вечную правду о нашем пути и назначении. Волк и Ворон его помощники и связные: Ворон ведает воду живую и мертвую, он соединяет рассеченные части нашего существа. Волк: чутье и природная интуиция ведут нас в заповедный Вещий Лес, охраняют и пестуют, наделяют силою древнего волшебства. Попробуем вослед за героем сказки сказку «Иван Бесталан» пройти путем Велесовым, мы можем смело назвать его «Путь волхва».

Сказка начинается с чудесной встречи: некий Иван-Бесталан, признанный неудачник, позаботился о селовласом страннике, выпарил «дедушку» в бане и выполоскал ему рубаху и порты, чем доказал не только свою личную доброту, но и (что гораздо важнее) преданность старинным обычаям.

Обрядовое омовение, смена одежды и ритуальное кормление намекают на служение некой святыне, идолу, кумиру, земному образу Божества: «Старичок, собою ветхий, обомшелый, и земля вьелась ему в лицо; ветром нагнало»... Видно, что «дедушка» много времени проводит на дождях и ветрах, так что даже покрылся мхом. На прощание, он благодарит Ивана и объясняет, как его найти, в случае нужды. Для этого Иван должен выйти на расстань двух дорог.

При небольшом напряжении фантазии, мы можем представить себе эту развилку, образующую вилочку или литеру V первую букву в имени *Veles-Vels*. Сказочный старичок или сам Велес или его каменный кумир! Многие персонажи русских сказок со-

хранили изначальный импульс родственного им славянского Божества: Лалы, Морены, Макоши, Ярилы, Чернобога или Ящера, по всей видимости, и Мотив тайного присутствия Бога на земле очень древний. Так скандинавский бог Один, сошедший в мир людей, наказывает не признавшего его короля и награждает его сына, оказавшего ему помощь («Речи Гримнира» старшей Эдды). В сказке братьев Grimm «Белая и черная принцесса» встреча с Богом становится пробным камнем в судьбе падчерицы и её сводной сестры. В русской сказке «Морозко» к девице, свезенной в лес на неминуемую гибель, является старик в косматой шубе – зимнее божество Мороз, в другой ипостаси он Велес Коший – Проводник душ, почти совпадающий по значению с Хорсом хтоническим, старым солнцем на пороге Коляды.

Беззаветное сердечное служение древним богам ставит Ивана в особые отношения с духовным миром. Отныне он Избранный ... Проходит малое время, Иван-Бесталан делает второй шаг на своем духовном пути: он идет к камню на развилке дорог и условным знаком вызывает старичка.

Это возникновение обратной связи с Богом можно расценить как начало жреческого служения. Благодарный старец выдает за Ивана свою волшебницу-дочь Василису Премудрую. Появление чудесной жены может означать еще одну ступень посвящения – обретение помощника из мира духов. Слова «жена», «знание», «гнозис» одинаково родственны санскритскому корню *jna* – «знать», недаром сказочная жена владеет тайной Премудростью. Но чтобы овладеть Василисой, недостаточно быть «добрым малым».

Нужен особый дар, тот самый «талан», которого до времени лишен герой сказки. Через таинство брака, Иван-Бесталан должен получить частицу волшебного дара Василисы.

Это посвящение через «плоть» и через духовную свадьбу оказывается чрезвычайно важным в сказке. Передачу информации через плоть можно обозначить как своеобразную эстафету незримого огня.

В традиции существует совершенно определенное мнение, что волхв или волхвиня рождаются от избранных родов, либо полу-

чают посвящение от владеющего волховским даром человека. Обряд передачи магической силы от мужчины к женщине и наоборот признается наиболее сильным, потому что при этом «передается нечто большее, чем сила».

Но с первых шагов семейная жизнь Ивана не задалась. Молодые – явно не пара, к тому же наш герой слишком влюблен, и пока находится под каблучком у своей премудрой женоушки. Это тот начальный период в обучении мага или шамана, когда получив допуск к силе, он учится владеть собою и своими духами.

С разрешения Велеса, Бога Мудрости и Тайного знания, Иван получил ключ к «амбарам ума», но не сумел овладеть и малой его частью. Василиса бросает бесталанного муженька, прихватив с собою волшебные сокровища своего Отца – вещь книгу, зеркальце ясновиденья и самоцветное платье, сотканное из чудес живой Природы: буйных ветров, дождевых струй и солнечных радуг. Упустив жену, Иван отправляется в долгие странствия, впереди у него – опасная проверка, где на кону жизнь.

Согласно «сценарию» посвящения, судьба испытывает будущего волхва на милосердие и аскезу: жестоко страдая от голода, Иван спасает шуку и воробья, и наконец находит свою грозную женоушку.

Разлука с суженым губительна и для его «духини». Осаждаемая женихами, она жестоко безумствует в своем «магическом одиночестве»: вокруг ее дворца «не счесть колов, а на них голов». Вэ том аспекте Василиса – это Природа, а Природа, как известно, «безжалостна к дуракам (самонадеянным) и негодьям» и откликается только на истинную деятельную любовь.

Согласно условиям испытаний, Иван и Василиса играют в прятки: водит Василиса, а Иван-Бесталан и не пробует хитрить: он по-ребячьи прячется в стогу сена, игра-то детская! В первый раз Ивана находят собаки, тогда он обращается к спасенной им Щуке: Щука, Щука, вспомни Ивана! И Щука укрывает Ивана на дне морском.

«Волшебная сказка, как известно, отражает мифологические воззрения народа, и от нее, в этом отношении, легко перебрасывается мостик к персонажам известных эпосов.

В эпосе «Калевала» мы находим сюжет, связанный с тем, что один из главных героев ловит щуку. Он получает такое задание – как считается, из разряда невыполнимых, однако, совершая подвиг, с работой справляется. Главная трудность заключается в том, что эпическая щука – «собака» водится «в Туонелы потоках темных, в глубоких водах Маны», то есть в Преисподней. Она опасна, обладает страшной демонической силой.

В эпосе в борьбу с ней вступает и небесный орел. Здесь становится понятным, что происходит обычный для средневековой мифологии поединок Верха и Низа, и щука, таким образом, предстаёт в качестве символа Преисподней, в качестве образа хозяина Подземно-подводного мира... До сих пор и на Русском Севере распространён образ хозяйки реки большой щуки. Она, заметим, обитает в самом глубоком из омутов, где «нет дна» (Травкин П.Н.)

Путешествие сказочного героя в подводный мир означает погружение его в первозданные глубины, в мир интуиции и сновидений. Современные мистические школы называют эту ступень «режимом Воды» или добровольным растворением интеллекта в водах бытия, когда человек обрывает все связи с реальностью, и, оттолкнувшись от твердого берега Яви, отправляется в опасное и непредсказуемое плаванье. Там где бессилён обыденный ум и больше не работает житейская логика открывается простор для творческого безумия, для «пути дурака». Дурак избавлен от диктата ума, он обрывает связи с реальностью и полностью отказывается от своего социального статуса, от всяких уз, и правил поведения.

Разумеется, человеку, идущему путем волхва, не обязательно «юродствовать на стогнах града». Иногда достаточно сделать то, что никогда не делал прежде, стереть свой «имидж», предельно опроститься, взять на себя тяжелый и грязный труд, оказать помощь тем, кто не способен благодарить, совершить красивое безумство или... духи, ведающие посвящением такого человека, всегда подскажут, как раствориться в море людском.

Но обмануть Василису «растворением в глубинах» не удается,

она достает всевидящее зеркало и находит Ивана на дне морском. На помощь спешит воробей, вырученный Иваном из беды. Воробей в народном понимании птица малопочтенная, но в волшебной, а значит и в волховской сказке, он олицетворяет собою все Силы небесные. Когда день прибывает на воробьиный скок – приходит Весна. Воробей ближе всех диких птиц к человеческой жизни, и к амбарам Велеса, полным золотистых зерен мудрости, и ему не обязательно иметь орлиные крылья и клюв, чтобы сотворить волшебство Велесово: он превращает Ивана в зерно и склевывает.

Зерно – образ спящих сил и возможностей, полноценная практика прорастания духа называется «путь зерна», а склевывание, исчезновение с земного плана через проглатывание – один из сказочных образов принятия инициации. Всевидящее зеркало больше и не может отыскать Ивана, ведь ему доступно только видимое очами. Василиса в гневе разбивает зеркало, и берется за Книгу. Иван вновь обнаружен, и у него остается только один шанс, чтобы избежать печальной участи настырных женихов.

Согласно сказке, в ночь перед испытанием, Иван слает еще один экзамен на милосердие: чтобы спасти от расправы служанку Дарью (возможно, жрицу Макоши), он чинит платье жены – живой покров Природы. Обычная игла рвет тончайшую ткань, и немудрено: на всяком обработанном железе лежит проклятие природных Богов, живая плоть отзываются только теплу человеческих рук. Связывая заново разорванные связи и переплетая нити бытия, Иван постигает суть волшебного ткачества Макоши, окутавшей земной мир в сияние Жизни. Традиции сакральной славянской вышивки предполагают непрерывность нити (энергии Живы) для чего концы нитей дополнительно соединяют. В сказки такая «штопка» может означать пробуждение целительских способностей у ее героя.

Вы можете представить себе мужа, штопающего платье своей жены? Уникальное явление, тем более в наших сказках! Иван явно не солнечный герой, он носитель лунного, женского, ми-

стического начала.

Женщина ближе к миру духов и мужчины всегда об этом знали. Поэтому в шаманской культуре есть элемент подражания женщине, и мужчина-шаман может надеть бусы и женские подвески, платье, отрастить длинные волосы. Православные священники, будучи боролатыми, носят длинные волосы и рясы, похожие на женскую одежду, пользуются подобием передника – епитрахилью. Иван сознательно подавляет свое мужское начало, ради того чтобы вернуть себе целостность и объединиться с душой Природы. Он не только отказывается от всякого решительного действия по отношению к ней, но покорно склоняется перед ее мудростью и величием. Его любовь скромна и долготерпелива. Он идет окольным Велесовым путем и доказывает свое право на обладание всей полнотой мудрости – ее мужской и женской половинами.

Можно предположить, что Иван целит раны Природы своей плотью и кровью: «перстью земной», ведь во время этой работы его земное тело истончается настолько, что он обращается в чистый Дух, в теплое дыханье благодарного Мира. В конце сказке Дарья превращает его в облачко пара, вдыхает и дует на страницы Книги Жизни. Иван становится заглавной буквой «Животной Книги» и получает власть над её смыслом.

По всей видимости, книга написана древним руническим письмом, и Василиса не в силах отличить Ивана от других «танцующих человечков». Это умение писать телом, и вписывать свою букву в звездный текст мироздания – становится для Ивана последним испытанием на волховскую зрелость.

Недаром древнее название волхва: «кнеж» созвучно со словом «книга». Победив саму Василису Премудрую в магическом поединке, Иван становится подлинным любимцем Богов и настоящим кудесником.

Наш следующий шаг по Солнечному героическому пути переносит нас через своеобразный порог за – отметку 63.

БАТЮШКА СВАРОГ, ПЕРЕВЕДИ ЧЕРЕЗ ПОРОГ!

После шестьдесят лет мужчина вплотную приближается к возрасту Сварога – отца солнечных Богов, и входит в это новое для него состояние, совмещающее покой и силу. Он уже препоручил мир сыновьям и пребывает в счастливом бездействии, в блеске снежных седин.

Календарный период Сварога – начинается после дня осеннего равноденствия и длится до Колядных дней. Это время скупого старого солнца, когда оно по поверьям «каждый день теряет волосы» и больше не согревает Землю. Однако земной мир, как лучшее создание Сварога продолжает радовать и славить своего Творца.

Сварог – небесный Бог, и в отличие от Рода великого, он не зародил мир, а усовершенствовал его: разделил земную и небесную твердь, сковал (сварганил) небесный свод. (Древнеиндийское слово «сварга» означает «небо»).

Сохранившееся предание гласит, *«И стал Сварог в камень бити... От удара Сварожьего молота о камень родились воины белы лицом и стали на Север Богу кланяться».*

Сварог – первый кузнец, и всякая кузница – это его огненное капище. В славянском переводе хроники Иоанна Малалы (XII в) Сварог отождествляется с греческим Гефестом.

Русские сказки говорят о божественном кузнеце, который выковал плуг в сорок пудов, победил страшного черноморского змея и пропахал на нем Змиевы валы: первую в нашей истории оборонительную линию.

За образом небесного кузнеца просматривается Сварог-созидатель, научивший людей ковать оружие, владеть им и обрабатывать землю. В царствие Дажьбоба, сына Сварога, с неба упали кованые дары великого Отца: секира, чаша и клещи, по другим источникам еще и ярмо, чтобы запрягать быков.

Сварога издревле почитали богом синего неба, открытого на все четыре стороны. Некогда он был божественным предводителем степных воинов-колесничих, принесших на новую родину

суровое мужское главенство, строгий «арийский порядок» и искусство обработки металлов. Через скифов-сколотов (землепашцев) этот миф мог быть усвоен древними пахарями и вместе с волнами переселений переместиться в леса северо-запада.

Понятие «небесного отечества» тесно связано с Отцом Богов. Значение Отца-Неба, дающего плод матери-Земле, обозначилось в раннем неолите и закрепилось окончательно с изобретением плуга и упряжи для быков, с переходом хозяйственного доминирования от женщин к мужчинам.

Сварог-отец представляет изначальные творческие силы мироздания. По всей видимости именно его наши пращуры называли «бог», предполагая, что он – «главный и в силу этого единственный». Это явствует из текста знаменитого договора Игоря с греками: «...да имеемъ клятву отъ бога, в его же веруемъ, въ Перуна и въ Волоса, скотья бога...».

О существовании некоего наиглавнейшего языческого божества у славян-язычников свидетельствует и араб Ибн-Фадлан. Он рассказывает о поклонении руса-язычника столбам-кумирам, среди которых главнейшим и самым грандиозным среди кумиров был некий бог-родоначальник в окружении меньших – детей и их жен. «Помня сказанное Гельмольдом о Свароге –Святовите, что «прочие боги происходят от его крови», мы можем уверенно определить языческого господа в окружении жен, дочерей и сыновей как бога Сварога» – пишет А.В.Ткачев.

Славянский перевод византийского хрониста Иоанна Малалы зафиксировал генеалогию солнечных богов: Сварога (Феоста) и его сына Дажьдбога, поместив их в Египет. «И после него царствовал сын его именем Солнце, которого называют Дажьдбогом... Солнце-Царь сын Сварогов был сильным мужем; Услышав от кого-то о некой богатой и знатной египтянке и о не ком человеке, восхотевшем сойтись с нею, искал ее, желая захватить (на месте преступления) и не желая отца своего закон нарушить, Сварога... Он схватил ее, подверг пытке и послал водить ее по земле египетской на позор, а того прелюбодея обезглавил. И настало непорочное

жить по всей земле египетской и все восхваляли его». Отождествление династии египетских царей со Сварогом и Дажь Богом – чисто русская вставка начала XII века. Законы Сварога – это законы безраздельного солнечного патриархата и строгой семейственности.

С воцарением солнца (Дажьбога) и его брата Огня – Сварожича, Великий Отец предается покою, предоставив своим сыновьям управление Вселенной, и постоянной обителью Бога-Ваятеля становится небо – златокованая Сварга.

ЛЕСТНИЦА В НЕБО

Не силой мышц, ни проворностью и не ловкостью тела вершатся великие дела, а мудростью, авторитетом, решениями старость обыкновенно не только не лишается этой способности, но даже укрепляется в ней... Если бы качества эти не свойственны были старикам, то наши предки не назвали бы высшего совета «сенатом».

Цицерон

Помните сказку о Старичке в сером армячке в одиночку штурмующем небо? Это одна из возрастных сказок мужского героического пути и называется она «Петушок и волшебная Меленка» («Жерновцы и волшебная Меленка»).

Сказка начинается с примечательного момента: бобовое зернышко случайно скатилось в темноту подполья и пустило глубокие корни. В сказочных кодах «горох и бобы» непостижимым образом связаны с «Царством» но это «Царство» явно не от мира сего. В загадках, а значит и в коллективном бессознательном (часто именно на нём построен феномен угадывания) рассыпанный горох сравнивается с частями звёздами, а значит с мирами эмпирическими, высшими, горними...

Вспомним наивную сказку «Принцессу на горошине» или мифического «Царя-Гороха».

Не из тех ли времен пришел к нам «королевский боб» вместе с обычаем запекать в Богоявленский пирог зернышко фасоли или горошину. Кому подаётся заветный кусок, тот весь год будет «королём». Бобовое зернышко прочит царство и Иванушке-Дурачку. («Конек-Горбунок»).

Отправляя его в ночной дозор, отец обещает *дать гороха и бобов*. Боб – один из волховских шифров и довольно древний, если судить по его всепроникающему влиянию в мировом фольклоре. Вернемся же к нашему бобовому зернышку... Любое зерно есть образ безграничных спящих сил: *во всяком зерне дремлет Бог...* – говорили в древности. Прорастание духовного зерна, изначально заложенного в человеческом существе, называют инициацией или посвящением.

Сказка катит чередом, час за часом день за днем и вскоре юному бобовому ростку становится тесно среди подгнившего старья и черепков. Так плодородное поле нашего спящего сознания долгое время отдыхает «под черным паром», пока мы сами не приступим к сознательной работе или Добрый Случай не разбудит «бобовое зернышко», дремлющее в нем.

Росток приподнимает половицу и тянется к свету тонким полупрозрачным стеблем. Старичок вынужден принять решение: Как быть? Нужна ли ему эта новая, неудобная реальность, грубо ломающая привычный порядок вещей?

«Человек – это то, что нужно преодолеть» – говорил жестокий философ Ницше, и *посвящение* иначе *инициация* – это преодоление, и даже смерть естественного человека; *игрушки хаотичных стремлений и разрушительных страстей*. На первых порах эти изменения носят обратимый характер, так для *всякого земноводного ещё возможен путь обратно – в океан сна*.

Мы можем жить как прежде, не замечая этой рвущейся к свету новизны или попробовать сломать едва народившийся стебелек. Однако наш сказочный старичок готов к встрече с чудом! *Духовной жаждою томим*, он и хватает топор и решительно *рубит* пол в собственном доме.

Он крошит еще вполне крепкие половицы, чтобы выпустить наружу то, что властно взывает к жизни! Отныне из открытого «подполья» будет сильно сквозить, но ради обретения туманных высот мы зачастую жертвуем теплом своего насиженного гнездышка и устоявшимся образом мыслей

Рост внутреннего зерна торопит разложение и гибель его прежних оболочек: мнимую смерть. «Аще зерно не умрёт, то будет одно, а ежели умрёт, то принесёт много плода...» – это аксиома жертвенности имеет прямое отношение к героическому пути.

Стихотворение Пушкина «Пророк» полностью посвящено этой ступени: так некий Дух, принявший на себя роль *мэтра инициации*, рассекает грудь будущего пророка огненным мечом и меняет его внутреннее и духовное устройство по своему – Божественному плану.

Ободренный росток последовательно взламывает все преграды на своем пути к свету, и вскоре вовсе *сносит крышу* с ветхой лачуги. Этот травматический рывок сравним разве что с муками рождения, или с выходом в открытый космос. Из «теменного отверстия» внутрь нашей «избушки» низвергаются потоки света и решительно выжигают последние следы тления, свежий ветер выметает щепки, а наша инициатическая пуговина получает новый приток сил.

Но вот космическая вертикаль настолько окрепла, что мы можем совершить то, о чем прежде и мечтать не смели. Обхватив её руками и ногами, мы упорно преодолеваем силы земного притяжения и вместе со старичком взбираемся прямым на седьмое небо.

Все живое обязано восходить! Повинуясь этому закону, прорастают зерна и раскрываются цветы, и Мир сбрасывает кожу под розгами истории, а человек поднимает голову и смотрит в небо.

Медленное, но неуклонное движение сказочного героя символизирует подъем проснувшейся силы по гибкому стеблю – позвоночнику. На эту первичную ось нанизаны семь небес нашего духа.

Семь одежек и все без застежек...? – лукаво вопрошает народная загадка. Отгадка проста – капуста, но не простая, а та самая

в которой *находят детей*. В свете нашей расшифровки листы и кочерыжка это лепестки наших тонких тел, нанизанные на мировую вертикаль, именно к ним в первую очередь прикрепляется духовный зародыш.

Сказочный старичок, не спеша проходит сквозь разноцветные слои, и достигает седьмого неба. Это стадия белых одежд, точнее безупречной белизны облаков.

Высокая цель достигнута, искатель получает волшебные дары: Золотую Меленку, творящую сущее из пустоты, и Петушка – бдительного внутреннего стражника и защитника, символ проснувшихся солнечных сил.

Сказка Пушкина о Золотом Петушке начинается с обретения такого помощника. Но есть и разница: Золотой Петушок в сказке Пушкина – символ «черной инициации»: ложного, купленного посвящения. Потому и конец царя Салтана весьма символичен: так алчный *Маг*, обуреваемый земными желаниями, бывает свержен с *Колесницы Силы* и уничтожен взбунтовавшимися духами, призванными служить ему. Салтан не сумел переплавить *свинец земных страстей в сияющее Золото Духа*, и его *духовная алхимия окончилась крахом*.

В образе царя Салтана примечательна его поздняя старческая любовь, лишаящая его последних остатков разума: *и забыл он перед ней смерть обоих сыновей... Воистину: Седина в голову – бес в ребро!*

Седина в традиции означала период священного безвременья и восхождения к заветным вершинам. «Для понимания сущности летописных свидетельств важен смысл понятия «старый», в древнерусском языке: кроме возрастного значения, оно заключало в себе понятие «почитаемый», «разумный», «опытный» (по материалам И.И. Срезневского) Старым на Руси назывался человек старше шестидесяти лет, старцем – старик из стариков.

В традиции есть образ горы, куда удаляются старики, отжившие свой земной век: «ты на гору, а тебя за ногу...» На горах хоронили самых именитых покойников и первых русских князей.

После чистой часовой смерти старик уходил на небесную Родину, в обитель Сварога, в золотую солнечную Сваргу...

Сюжет сказки «Петушок и волшебная меленка» («Петушок и Жерновцы») Путешествие на небо, результатом служит благо для людей. Такой переход совершали многие культурные герои, сюжет посещения небес отчасти напоминает и шаманское путешествие, но в нашей сказке на небо отправляется старик! Ничем не примечательный, кроме своего желания вырастить заветный стебель – мировую вертикаль. Он выращивает ее в себе самом, но наступает день и час, когда он должен покинуть этот мир ради обретения иных высот.

«Французский эзотерик Рене Генон и русский фольклорист Владимир Пропп независимо друг от друга пришли к выводу, что суть индоевропейской волшебной сказки сводится к описанию инициатического процесса и мистерии посвящения. И в ней пусть в замутненном и огрубленном виде запечатлены древнейшие обряды, с помощью которых человек может достичь «высших состояний», преодолеть свою греховную двойственность и отъединенность от животворящего источника «небесных вод». В сравнении с этим все «паранормальные» способности кажутся сущим вздором, детской забавой» – пишет Ю. Стефанов.

ДОСТОЙНЫЕ ПРОВОДЫ

В сказке старик возвращается с волшебными дарами, навсегда избавляющими его род от голода – Меленка неустанно мелет «блин да пирог».

Сказочный Петушок являет собою образ бессмертия: он *в огне не горит и в воде не тонет*, он глашатай нового солнечного дня. Но чтобы получить эти символы изобилия и вечной жизни, нужно на грани предельного возраста **явить родовой героизм**.

В сказке «Петушок и волшебная Меленка» многое указывает на обрядовую сторону *проводов на тот свет*, ведь далеко не всегда предельное долголетие было добродетелью в глазах общества. Человек, который жил слишком долго, буквально «зажился на белом свете», начинал «заедать чужой век». Ведь согласно родовому мировоззрению, личная «доля», в том числе и Время жизни отмеряны на всех поровну: *Бог не гуляет, а добро намеряет*.

В архаичном обряде словацкой *поманы*, добровольных поминок по самому себе, старые люди сами руководили обрядом своих проводов и символически умирали для своих односельчан.

О существовании в праславянскую эпоху обряда проводов на небо, известно из трудов этнографов. Осталось множество свидетельств его общеевропейского бытования. Античные авторы сообщают о ежегодном сбрасывании в Тибр людей, достигших 60 лет, в историческое время этот обычай был отменен, но из уважения к нравам предков в Тибр стали сбрасывать соломенные куклы.

«Сравнительно исторический анализ фольклорных, этнографических, средневековых письменных и археологических источников позволяет заключить... наличие этого обычая как элемент социального уклада, у древних славян в самый ранний период их истории Ритуал проводов на тот свет имел агромагическую функцию и напрямую соотносился с культом почитания предков». (Н.Велецкая).

Очень многие факты истории и этнографии указывают на то, что культу старости и родовых старейшин у славян предшество-

вал культ обожествления предков. Обожествление было прямым следствием «проводов посланников» – добровольного присоединения к Богам и Благим Пращурам.

Сразу обережемся от возможных ошибок: причиной возникновения такого ритуала были не суровые условия жизни и невозможность прокормить нетрудоспособных членов общины, а **вопросы духовного порядка.**

У славян не было понятия закладного суда или посмертного воздаяния, в Ирийский сад попадали все без исключения «чистые» благие покойники. Пакибытие представлялось безмятежным, во всем похожим на земное, но без голода и холода, старости и болезней.

Несомненно, что одним из важнейших факторов, обуславливающих психологическое восприятие смерти в том числе и добровольной и насильственно-жертвенной, являются представления о загробной жизни.

«Если этот предстоящий мир предполагается более счастливым, чем настоящий, ожидание его побуждает людей охотнее рисковать своей жизнью на войне, поддерживает обычай отправлять неизлечимо больных и престарелых в лучший мир и поощряет к самоубийству, если жизнь оказывается слишком тяжелой» (Э.Б. Тайлор «Миф и обряд»)

С.М. Толстая отмечает, что у славян «кончина понимается как «второе рождение», а сопровождающий ее обряд во многом сходен с обрядом родов». *«Иное безвестное живленьице» часто сходно с жизнью, которую человек вел прежде. Иной мир обычно предстает неким подобием земной жизни... – обобщает Л.Н. Виноградова, – там так же светит солнце, поют птицы, цветут деревья. Есть поля и луга, стоят дома, где обитают души умерших. Они живут там такими же семьями, поджидая души новых умерших родственников, занимаются привычным трудом... Вместе с тем необычность этой страны отмечена тем, что это край изобилия, несметных богатств, где стоят золотые и серебряные дворцы, растут золотые плоды, текут молочные реки».*

В древнейших славянских обрядах сохранились следы ритуала проводов и отдельные символические действия, означающие прокладывание небесного пути.

На Масленицу и Купалу традиционно устанавливали столбы – обозначающие сакральную вертикаль, дорогу к Богам. На Масленицу такой столб украшали колесом, на которое сажали мужика с пивом и баранками. На Купалу такой столб воздвигали ради огромного костра. Известно майское дерево-майский столп. Мировое древо, Древо Года...

Но если мы действительно имеем дело с ритуалом, то «для понимания функциональной направленности особый интерес представляет похоронная игра, основное действие которой инсценировка карабканья по стволу. Смысл ее раскрывается посредством сопоставления с представлениями о путях и способах достижения «инога мира», существенная роль в которых принадлежит дереву : праславянскому мировому древу» (Н.И. Толстой).

Мировое древо, простирающее ветви в небеса, могло ассоциироваться и с Млечным путем, в этом случае молочная речка в кисельных берегах и древо на могиле являют один и тот же символ перехода. Мифы помещали это древо на вершине гигантской горы в центре Вселенной.

В древней индоевропейской мифологии такой горой была мифическая Меру – центр Космоса, священная обитель богов. «С ней связывались представления о счастье, изобилии бессмертии» (В.В.Евсюков). И то и другое служит выражением одного понятия – священной оси мироздания, возвращения на север, на Полярную звезду, в Сваргу.

Благие умершие в народном понимании и были надежной защитой для живущих. По свидетельству Н. Косырева в корневом языческом мировоззрении добровольный переход к пращурам был исключительно почетен. В обществе, построенном на возрастных посвящениях, последней завершающей инициацией ста-

новился путь к Богам-родоначальникам.

Не идеализируя, обычай добровольного перехода, можно однако заметить, что *главным врагом героического мифа является миф гуманистический. Гуманистический миф сосредоточивает наше внимание на неповторимости человеческой жизни и отрицает все виды все страданий.*

Если современный человек, представляя себе обряд проводов на тот свет, сосредотачивается на ужасе самого насильственного умерщвления, то человек архаичной культуры воспринимал это событие несколько иначе. Он видел в нем некое целенаправленное действие, имеющее в конечном итоге благотворный эффект и предопределяющее достижение некоей цели, полезной для общества... приводящее в конечном итоге к процветанию рода в целом.

Соответственно, во многих случаях, человек, приносимый в жертву, рассматривался, как герой. Таков, согласно Геродоту обычай умерщвления «вестника к Богам» у гетов. Древнейшие проводы на тот свет, иначе Добровольный переход в мир Богов с целью наделить род земной благорасположением Неба и плодородием, и были *жертвою за всех*.

Это же понимание обнаруживается и в исторической основе христианского мифа. Подвиг добровольного перехода, смерть «За други своя» поднимали человека до божественных высот.

Нет сомнений, что обожествлялись в первую очередь те предки, которые прошил через обряд «проводов на тот свет». Именно они звались убоги, убожье – «те, что у Бога». Именно им уделяли достойную часть трапезы во время родовых праздников и теплый дух первых испеченных хлебов.

Все указывает на то, что звательная форма «Боже» – это поздняя каламбурная замена древнего обращения убогу – предку хранителю. У наших пращуров было присловие-заклинание с иным смыслом, и звучало оно так: На тебе, Убоже, что нам (есть) не гоже. Род собирался за столом, и большак предлагал первым вкушать трапезу тому, кто уже у Бога пребывает. Позднее под Влиянием Святого писания (Блаженны нищие духом...ибо их есть

царствие небесное) значение слова убоже стало восприниматься, как нищие, калеки, и к семнадцатому веку исказилось до прямой насмешки.

Совершенно ясно, что эта поговорка «На тебе ,Боже, что нам негоже», содержащая грубый кощунственный смысл входит в противоречие с важнейшими принципами народной этики. И само ее бытование говорит о забвении древнего языческого благочестия по отношению к предкам. (По материалам А.Т. Липатова).

Итак, с наступлением первых признаков старости, человек мог стать Вестником от земного рода в мир Богов. Обычай предписывал покидать земной мир задолго до наступления дряхлости: для женщин это был возраст сорока лет, мужчины около шестидесяти лет.

Предполагаемое восхождение пращурских душ нуждалось в опоре – дереве, стебле или стволе, отсюда традиционное использование вечнозеленых еловых ветвей в обряде похорон. На Руси еловыми ветвями был отмечен последний путь человека от дома до кладбища; согласно поверьям по этим ветвям, душа совершает свое восхождение на небеса (при этом категорически запрещается бросать цветы). В этом последнем, точнее «золотом» пути «по веткам» и состоит смысл такого выражения как «вырастить дерево» – путь на небо, и место короткого отдыха в те дни, когда душе дозволено посещать живых. О том говорят и погребальные игры карпатских горцев, такие как попытка вскарабкаться по столбу. Смысл этого подъема – помочь душе умершего взойти на небеса.

Обычай украшения новогодней елки сладостями и фруктами означает ничто иное, как поминовение, съестные дары вешаются на ветви для подкрепления предков на их пути по мировому дереву.

Не в этом ли смысл заключительной части мужской жизненной триады; *построить дом, родить сына и вырастить дерево?*

Сказочный старичок поднимается к звездным высотам, откуда приходит на Коляду младенец Божич -Терешечка. Круг Силы завершен! Так мужской солнечный героический путь одиножды начавшись, не прекращается никогда: он уводит в небо!

Художник Игорь Жиганов «Норны (Макошь, Доля и Недоля)»

Часть третья

КОЛЬЦО ВЕЛИКОЙ БОГИНИ

МЕЖ СОЛНЦЕМ И ЛУНОЙ

Звенит кровавая капель,
Господь грозит войной
Качает Ева колыбель
Меж солнцем и луной.
М.Струкова

Русское – в знаменателе женственность, – лаконично заметил философ С. Соловьев, дополним его мысль: знаменателем служит весь «женственный массив» русского языка: где тысячи важнейших духовных образов и понятий выражены через имена существительные женского рода, таковы *Земля, Родина, Мать, Жизнь и Смерть, Правда и Ложь, Красота, Мудрость и Отвага, Зима, Весна, Осень, Воля, Слава* и неисчислимое множество других «материнских имен». У славян даже Солнце некогда было женщиной и звалось «Сонца». «*Моя мати, моя мати – красна Сонца*» – поется в старинной свадебной песне. Заметим, что само слово «солнце» так и не совершило перехода к мужскому роду, а это значит, что героическая эстафета солнечного пути по-прежнему в руках русских женщин.

Россия, Русь – страна Великих Матерей, а сама русская история – это редкие периоды затишья среди войн, нашествий и революций. Именно история учила и учит русскую женщину стойко держаться под напором обстоятельств. Этот тысячелетний опыт породил и закрепил величайшее духовное свойство русской женщины – её нерасторжимую связь с Матерью Землей.

Не удивительно, что в славянском фольклоре доминируют влиятельные женские персонажи, а в сказках – сохранились женские образы, чье грозное величие проступает за иносказанием и прорастает сквозь глубочайшую архаику сюжета.

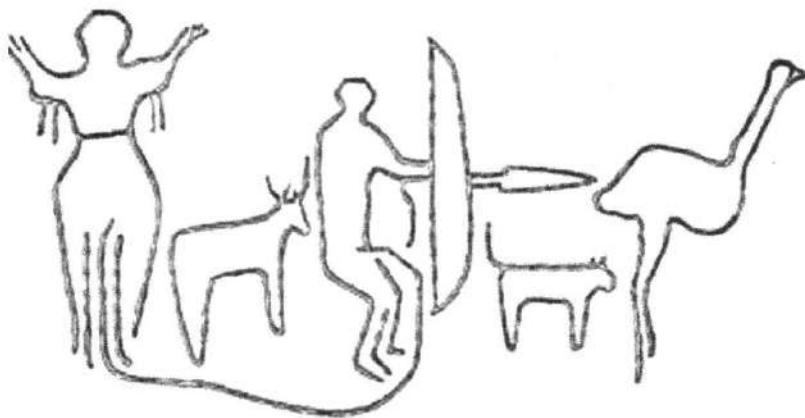
Строго говоря, женский пол главного мифологического персонажа чаще всего указывает на большую древность сюжета по отношению к мифу с центральным мужским героем, ибо матриархальные сакральные институты, предшествовали патриархальным (А. Дугин)

В мировом сказочном фольклоре существует особый пласт сказок, построенных по единой смысловой и символической матрице. Сказки, где присутствуют все **три Лица Времени**, и три символических цвета: черный, красный и белый, принято считать сказками о Великой Богине.

Мать Тревелика! Повернись ко мне ликом, – гласит древнее речение. Величайшая славянская богиня по словам А.Кайсарова звалась Триглава (Тригла).

Заметим, что именно «троичность» – сквозная идея женской жизни.

Женское сообщество древности так же состояло из трех боль-

Женщина заклинает, мужчина действует

ших групп: *Нерожавших молодых женщин и девочек, прошедших возрастные инициации; Женщин-Матерей, имеющих хотя бы одного ребенка и Старух – женщин старше сорока лет.* Эти три группы олицетворял три лика Времени и три лика великой Бо-

гини, известной нам как: *Старуха, Матерь, Дева*.

Трем возрастным ступеням соответствуют три символических цвета: и белый, красный, черный.

Образ триединой Богини присутствует в сказке о Василисе Премудрой, в сказке «Красная Шапочка», в «Сказке о мертвой царевне и семи богатырях» и в ее изначальном варианте «Белоснежка». В сказке «Белоснежка» посвящение Триединой Богине происходит в первых (закодированных) фразах, когда мать красавицы загадывает на будущего ребёнка. Королева мечтает о младенце *с кожей, белой как снег, с губами красными, как кровь, и черными, как смоль волосами*. В сказке о Василисе Премудрой мелькают черный, белый и алый всадники.

Однако, Триединая Богиня – это не только выражение возрастных архетипов, это воистину единство лучшего, что есть в женской Природе. *Если женщина, девочка или старуха открывает свою жизнь для прихода Великой Богини, то в старухе оживает девочка, а в девочке пробуждается мудрость старухи, а женщина-мать обретает силу обеих.*

Уже в глубочайшей древности женщина воспринималась как феноменальное существо, обладающее способностью активного вмешательства в мир духов и сложных взаимоотношений людей и Природы.

Женщина заклинает, мужчина действует – таковы основные сюжеты известных барельефов Лоссея, в которых, очевидно, выразилось понимание древним мастером законов магического взаимодействия человека и мира. На этот счет есть интересное высказывание В.Богораз-Тана: *«Напрасно думают, что женщина слабее мужчин в охоте. Домашнее колдовство сильнее, чем заклинания, которые произносятся в тундре... Тщетно ходит мужчина, но те что сидя у лампы, – сильны им легче подозвать любую добычу»*.

Пределная близость женщин к культово-магической сфере жизни первобытного общества объяснялась разделением труда в ту эпоху. Мужчина большую часть времени проводил на охоте, и постоянное горение костра находилось в ведении женщин, под непо-

средственным контролем родоначальницы. Она воспринималась, как хранительница Огня, в дальнейшем родового (домашнего) очага, позднее, как Мать Огня. Это способствовало формированию мифологических представлений *о материнских началах Природы*.

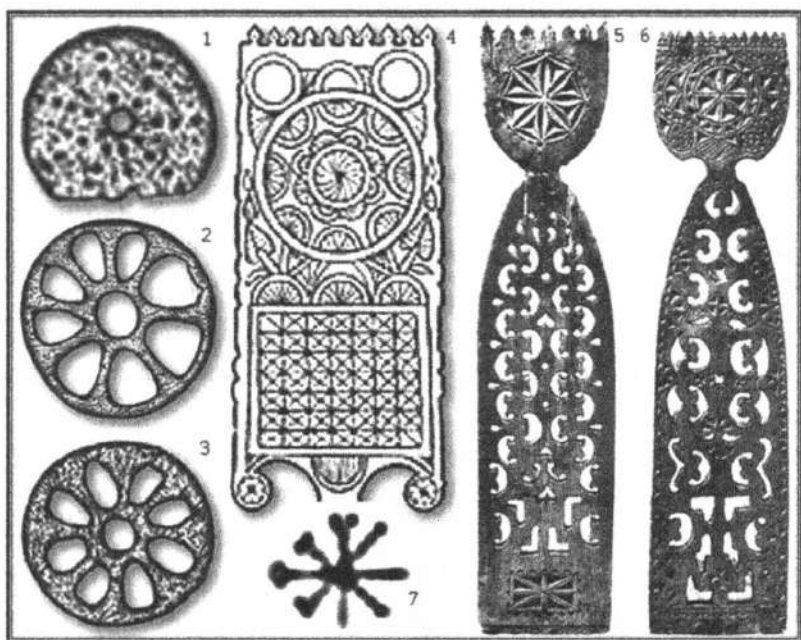
Первоначально «Матери» имели тотемический зооморфный облик. ***Органическая связь с Природой не позволяла человеку видеть свой исток в иных формах и образах.*** В мифах северных народов Мать Земля – это Олениха. Смена времен года – ее льдинка, трава и хвоя – её шерсть. У ингушан Земля постоянно рождает новые глаза, *все имеющее глаза – живое и рождено Землей, все что не имеет глаз – это сама Земля, и части ее тела.*

На юго-восточном склоне горы Зюраткуль на Южном Урале обнаружен самый большой в мире геоглиф – Лось. Возраст его – около 7 тысяч лет, что намного древнее подобных изображений в пустыне Наска в Южной Америке или египетских пирамид со знаменитыми сфинксами. Зюраткульский лось не имеет рогов – то есть в полном соответствии с материнскими культами древности – это Небесная Лосиха. Культ лосих-рожаниц отражен и в архаичных мотивах древнерусских вышивок.

ПОВИТИЕ НА ЖИЗНЬ

*«Связь неба с землей в то время воспринималась как связь матери с плодом через пуповину.
А. Степанов «Сотворение мира»*

Известно, что девочке обрезали пуповину на веретене? Зачем? Чтобы была усердной пряхой? И только? Видимо это еще не вся правда, ведь сам момент *повития на жизнь* это разворачивание древнейшего мифа, это матрическая инициация, женское колыбельное посвящение и первым ключом к нему будет предание о Женщине-Вселенной, об изначальной космической Матке. Именно это предание оказалось наиболее устойчивым в религиозных откровениях поздних эпох. И у колыбели мира по-прежнему стояли великие Рожаницы: Мать Зверей, Мать Времени,

Прялки- Бабки

Мать-Сыра-Земля и Мать Солнца.

Земной мир мыслился дочерним по отношению к миру вселенскому. Осью вращения северного неба была Полярная Звезда. Именно она считалась неподвижным пупом Вселенной, связанной с землей общим кровотоком.

Согласно древнейшему марийскому преданию «пупку Земли соответствует пуп неба – Полярная звезда. Её считали живым женским существом...» (Гольмберг Уно «Религия черемис»).

Это понимание было свойственно всем индо-европейским народам. Пуповина в традиции олицетворяла запас жизненных сил. Одной из **природных мер пуповины** будет **расстояние от пупка до темечка** ребенка. Возможно, что веретено долгое время оставалось личной **повивальной меркой матери**, такой же, как и «топорище» отца для мальчика.

В неолите с возвеличиванием Матери-Земли, ее образ уподобился женскому телу, родники стали питающими грудями, деревья и

травы – волосами, пещеры, колодцы, шахты и могильные углубления – ее возрождающим лоном. В эту истинно женскую эпоху Вселенная навсегда утратила свой зооморфный облик и стала Богиней-Матерью, дарующей новую жизнь. Веретено в ее руках означало всеобщее вечное вращение.

Прялка, веретено, гончарный круг и ручные жернова были изобретены в конце этого периода, как большинство бытовых предметов той поры они были сакрализированы и нашли свое подобие среди ближнего и дальнего космоса.

В знаменитом трактате Платона «Государство» есть описание мироздания в виде светового веретена в руках богини-пряжи Ананки (Необходимости). Вращение веретена приводило в движение звезды и планеты.

Одним из первоначальных смыслов понятия «тантра» была прялка, пряжа. Священное женское начало в тантризме получило название Шакти, супруги Шивы. *«Она сотворяет все в этой Вселенной, как подвижное, так и неподвижное. Если она благосклонна, то для людей она становится Подательницей даров и окончательного освобождения. Она – высшее знание, причина окончательного освобождения, вечная. Она так же причина пут перевоплощения. Она верховная над всеми богами»* (Девин-Махатьяма).

Память о благородной архаике есть и в наших сказках: так избушка Бабы-Яги крутится на веретенной пятке, по-видимому изображая вечное возвращение на круги своя.

В мифах народов Поволжья веретеном Великой Богини Матери названа земная ось, а её пряслицем Полярная звезда.

“Веретенное» посвящение новорожденной девочки в дочери великой Богини соединяло девочку с великой Пряхой – самой Матерью Вселенной. Пуповина ребенка объединялась с пуповиной Вселенной, ее символическим замещением было веретено.

Вместе с возрастными посвящениями девочка получала в подарок прялку – по древне-русски – бабку. Бабка являла собою образ Праматери и была украшена звездами и солнечными символами, как напоминание о космическом родстве женщины.

Чело, сердце, живот, зарод и «ноги» бабки символически соединялись с солнцем, водами, стихиями, и предковым миром. Этот зримый образ вселенной дополнялся нитями и вращающимся веретеном, когда пряжа садилась за работу.

У славян прялка могла быть и женским надмогильным знаком, во всяком случае на это указывает старинный масленичный обычай, состоявший в том, что деревенские старухи поздней ночью катались с горы на прялках, чтобы прожить еще один год. То есть прялка была спутницей не только всей жизни женщины, но и условно отмеряла сроки перехода.

ВЗГЛЯД СКВОЗЬ ВРЕМЯ

Конь вороной через прясло глядит...

Жинщина и Время

Некогда на Руси бытовало загадочное выражение: *смотреть на мир через пряслице*. Пряслице – это маленький камушек с дырочкой посередине или глиняное колечко-грузило, и то и другое использовалось в домашнем ткачестве: не давало путаться нитям.

Кажется, что сквозь маленькое отверстие много не увидишь, но это истинно *женский взгляд на мир*.

Взгляд сквозь пряслице – один из феноменов женственности, ведь боковое, перефирическое зрение у женщин развито значительно лучше, чем у мужчин: прирожденных преследователей, да и глаза у женщин расставлены значительно шире, чем у мужчин. В античной древности даже существовал такой хвалебный эпитет, как «широкоглазая», именно так переводится имя легендарной царицы Европы. Взгляд сквозь Пряслице позволяло преодолеть рассеянность и избавиться от иллюзий. Так огромная вечерняя луна над кромкой леса становится маленькой – то есть вполне обычной. Общий кругозор, конечно, сужается, зато пряслице, как подзорная труба приближает дальше и позволяет видеть его как бы вблизи. При помощи пряслица можно вить нить из лунного света и осваивать древнее женское ведовство.

ВРЕМЕН СВЯЗУЮЩАЯ НИТЬ

...Женщины через почитание Луны
склоняют и мужей к язычеству...

Среди ближнего космоса женщины обрели свою вечную союзницу – Луну. *Глядя на растущую и убывающую луну люди видели в действии еще один образец священных сил возрождения – свидетельство непреложного закона безжалостного но и милосердного, устрашающего, но и утешительного»* (М.Элиаде)

Некогда Луна научила женщин считать время, отмерять циклы цветения и увядания, и верить в вечное возвращение *на круги своя*. **Отсюда и особое женское отношение к Времени:** *всему свое Время, Время лечит, тянуть время, откладывать... вить узлы, ткать, вязать, плести – создавать и поддерживать длительность любого рода.*

Женское восприятие времени – это *нить, на которую, подобно ожерелью, вяжутся события*, это вязание «длиною в жизнь», а ныне – это женские сериалы на тысячу серий, женские романы с продолжением, и много другое, что отражает глубокую дружбу

женщины и Времени... Женщина знает, как обмануть Время, призвав на помощь женское колдовство, магию, косметику.

Женщина знает, как бросить вызов Всевластному Времени, чье тайное имя «Смерть», и обрести бессмертие в детях и внуках.

Гармоничная женская жизнь – это либо прочный союз со Временем либо свои особые отношения с ним: Это союз-соперничество, это попытка жить вне Времени и сроков, поэтому в традиции не принято спрашивать сколько женщине лет:

Сколько тебе лет?

Сколько вчера было – того нет!

Под стол ходила – «хвост» носила,

Стол переросла – коров доить пошла,

Косу отпустила в работницах служила,

Пора настала – с молодым гуляла:

Пора прошла – замуж пошла

Замужем двадцать лет жила –

Тяжко горяшко несла.

Овдовела – осиротела,

Вот тебе и весь сказ!

А когда родилась – память извелась...

В жизни этой женщины времени нет, есть непреложные этапы бытия, есть путь длиною в жизнь.

ЖЕНЩИНА И СМЕРТЬ

Верьте тете Моте – Время на ремонте!

Женщины вне возраста – Время на ремонте!

Женское отношение к Смерти-Времени это плавное занижение отрицательных качеств, «благоречие», околдовывание, усыпление дружелюбием неумолимого врага.

В сказке «Морозко» и ее варианте «Кониная голова» девушка лаской отклоняет губительно воздействие Мороза, ритуально благодарит и хвалит его. Это терпеливое приручение Смерти, нахождение в ней красоты и поэтическое заигрыванье с ней, по-

добное лирике Марии Лохвицкой: *Я хочу умереть молодой/ Не любя, не грустя ни о ком/ Золотой закатиться звездой/ Облететь неувядшим цветком/ Я хочу чтоб на камне моем/ Истомленные долгой враждой / Находили блаженство вдвоем...*

Другая чисто женская тактика – слиться со Смертью в мистическом экстазе плакальщицы, и не только проводить дорогого человека на «иное, безвестное живленьище», не только выплакать скорбь, но и воспеть красоту ухода, обнажить душу перед миром: *на миру и Смерть красна!* Чтобы подружиться со Смертью можно сплавить себя с ее ликом и «умереть заживо» – уйти от мира в монахини и обрести «бессмертие в Боге».

Можно бросить вызов Смерти и в сорок лет по-язычески собрать роскошное «смертное придание» и войти в союз с силами вечного возрождения.

Из женской обережной магии родились и феноменальные похоронные колыбельные.

«Хоть сегодня да умри... – пела русская крестьянка, раскачивая люльку. – Сделаем тебе гробок из семидесяти досок. Будем Ваню хоронить в большой колокол звонить. В лес по ягоды пойдем. К тебе, дитяtko, зайдем... Такой отпетый ребенок умирал понарошку и становился незрим для «слепой» Смерти, рыщущей по миру: *«Кому смерть не страшна? Мертвецу!».*

Отсюда и своеобразие женского героического мифа – иррационального, запутанного, похожего на игру с опасным и сильным врагом. В отличие от мифа победоносного наступательного мужского, женский миф – это подвиг разведчика в тылу врага, это *семнадцать мгновений весны*, украденных у всемогущей Марены, это сумасшедшие фиалки в новогоднюю ночь, и Время Жизни, отмерянное в поцелуях.

Женское отношение ко Времени – это железные башмаки и каменные хлеба, изглоданные в пути за любимым. Это паралокс тридцатилетней Троянской войны «за Елену Прекрасную», украденную у пылким Парисом у Ахилла, и бесследно исчезнувшую в объятиях Времени-Хроноса.

КАЛИНОВ МОСТ и СЕМАНТИКА РУШНИКА

Мужское время – линейно и героично. Его девиз: ни шагу назад! Это огненный Калинов мост, где нет места для двоих. На нем сражается герой, за его спиной – сторевшее прошлое. *По Горящему мосту нельзя шагнуть назад – в прошлое нельзя вернуться*, и задача героя не только сохранить равновесие на этом мосту, но и сбросить соперника, олицетворяющего Погибель.

Иное дело Женское время – это не мост и не стрела, летящая в один конец, это белотканый рушник, вышитый на концах узорами женской судьбы. Такая зеркальная вышивка означает, что мир земной и мир небесный взаимно отражены друг в друге, иначе говоря, «что на небе – то и на земле».

Обережная вышивка на концах рушника соединяла в кольцо «обе полы» мира, Явь и Навь в единое коло Жизни.

В том месте, где смыкаются Явь и Навь – стороны жизненного полотна, происходит важнейший переход: рождение, свадьба, или похороны.

Вышивка естественно соединяется в кольцо, поэтому для Женщины смерти нет, есть только украшенный родовыми узорами мост-переход. Орнаменты на рушниках различны по своему назначению: крестовый и «водный» орнамент предназначался для похорон, для свадьбы вышивалось «Древо Жизни».

В обряде свадьбы «встать на рушник» означает навсегда соединить свои судьбы, шагать одним путем, восходя на небеса по вышитому на рушнике Мировому древу.

Корень *рух* (*руш*, *рок*) означает движение, а сам рушник символизирует дорогу-переход и судьбу-рок. Без обережной вышивки рушник представляет собою прямой путь в иной мир: «белую дорогу». Тем не менее, любой обрядовый переход совершается только из Жизни в Жизнь. Здесь совпадает семантическое значение белотканного обрядового рушника и Калинова мосточка из прошлого в грядущее...

Рушник – в народной традиции это и оберег и жертва и самая древняя икона! Ультро-звуковая диагностика икон богородичного чина выявил, что под слоём левкаса (грунта) находятся паволоки с вышитыми на них Богинями Рожаницами.

Макошь вышивалась как Женщина-Древо, с душами-птицами на ветвях. Такой рушник, обернутый вокруг треного хлеба, представляет собою покров Природы вокруг тела Матери-Земли или годовое коло с символом урожая в центре.

Таковы древние коды, и когда мы научимся их разгадывать, то увидим, что магия наших прабабок так же сильна и предвечна, как лунный серп в небесах, а их вешнее знание и через пять тысяч лет будет таким же ценным и вечным, как женский героический миф.

ЖЕНСКИЙ ГЕРОИЧЕСКИЙ МИФ

Поскольку мать любит своих детей просто потому, что они – её дети, а не потому, что они «хорошие»... материнская любовь основана на равенстве. Все люди равны, потому что все они – дети матери – дети Матери Земли...

Э.Фрамм «Искусство любить»

Если в сказках и мифах женщина, дева или юная мать куда-то идут, кого-то ищут и спасают, или даже просто бредут без видимой цели – то мы имеем дело с древнейшим преданием о великой Богине неолита (8000-4000 г. до н.э.)

Если великая Богиня (мать, сестра, возлюбленная) движется на поиски мужчины, преодолевая на этом пути разнообразные препятствия и даже границы миров; спускается под землю и плывет по реке, совершает подвиги, являя неженскую стойкость; если она спасает, находит, пробуждает возлюбленного, оживляет его от мертвого сна своими слезами, как в сказке «Финист Ясный Сокол», или подобно Изиде собирает частицы тела своего избранника, дабы зачать от них новую жизнь, то мы вплотную

встретились с женским героическим мифом.

Однако «мифы неолита – отнюдь не пасторальная идиллия, а Богиня-Мать-Сыра земля – не кроткая утешительница, ведь земледелие ни в коей мере не было мирным созерцательным занятием. Это была непрестанная битва, отчаянная борьба с бесплодием и засухой, с голодом и яростными стихиями, которые так же представляли собою проявления священной силы.

Земледельческая революция заставила человека по-новому взглянуть в лицо Смерти, и мифы неолита несут этот трагическое понимание.

В неолитических мифах тема земледелия проникнута насилием, пища производится лишь в неустанной борьбе со священными силами смерти и разрушения. Сельскохозяйственные инструменты подобны оружию, зерно перемалывают в муку, виноград топчут ногами, колосья на току молотят цепями, лен и коноплю ломают и мнут...» (К. Армстронг)

Неолит дополнил героический миф идеей всеобъемлющей жертвы, положенной в бытие этого мира. В мифах о Богине-Земле, ее супруга (брата) или возлюбленного (сына) почти неизменно разрывают на части, расчлениают, истязают и убивают, дабы он, в конце концов, воскрес и обрел новую жизнь.

Так мужчина-бог повторял жертвенный путь Зерна, отраженный в позднейших религиозных откровениях. Не обошли его стороной и народные загадки: *Меня мнут, колесуют, бьют, полосут, конец мой огонь и зубы...*

В неолите была по-новому осознана сыновняя связь человека с Землей. Человек – дитя Земли, и принадлежит ей так же как травы, животные и деревья. Поэтому имя – Адам означает «красная глина», а homo – человек и homus – земля – далеко не случайное созвучие.

Если в древних героических мифах, сложившихся в эпоху палеолита **в опасное путешествие ради блага рода обычно уходил герой-мужчина:** шаман, охотник и воин, провидец и победитель

опасных чудовищ, то после неолитической революции мужчина в мифах зачастую оказывается беспомощным и пассивным.

Теперь по свету странствует Женщина; богиня, мать, сестра или возлюбленная: Деметера в поисках Коры-Персефоны спускается в Аид, и на землю возвращается весна. Исида собирает части тела божественного супруга Осириса и зачинает от него духовное дитя. Инанна шествует за Таммузи, Иштар – за Адонисом, Кибела – за Атисом. В античных мифах земная девушка Психея странствует в поисках божественного Эроса, чтобы восстановить первоначальный супружеский союз. Героиня русского сказания Авдотья Рязаночка совершает далекий поход и выводит русский полон из стана Батыя. Настенька, героиня сказки «Финист Ясный Сокол» и Герда из «Снежной Королевы» идут на Север, где спит, либо, утратив память, пребывает в плену у Зимы, мужское солнечное Божество – околдованный Финист Ясный сокол или златокудрый Кай, занятый ледяной головоломкой. В любом случае мы имеем дело с развернутым мифом о долгом Пути Богини и о ее любви-жертве.

Откуда в женскую сказку забрела эта песнь о долгом кочевье? Ведь в нашем представлении бродяжья жизнь была невозможна для женщины, издревле привязанной к охотничьей стоянке, к очагу, к колыбели новорожденного. Может быть, этот сюжет вырос из мифологизированного сказания о шаманском путешествии или о чудесном спасении души из Царства Мертвых?

Но если бы речь шла о шаманском путешествии, то миф не говорил бы о рождении ребенка, о пробуждении поцелуем спящего витязя, или о похоронах под чудесным деревом, принявшем душу погибшего юноши.

Память о бродяжьем прошлом пришла из древне – каменного века, именно тогда в далекие пещие походы уходили... женщины... и совершали они их... ради любви.

ЗА ТРИДЕВЯТЬ ЗЕМЕЛЬ...

У старых опытных людей есть примета, точнее наблюдение:

если женщина много двигается, быстро бегают и уверенно плавают – она непременно будет счастлива и полноценна в любви: её ноги – это живые токи земли, это стебли, питающие чрево, её сомкнутые руки – это тепло объятий и крепость бережного круга вокруг ребенка; распахнутые в стороны, они определяют ширину жизненного полотна Макоши-Судьбы.

Мифы неолита сохранили память, о том, что женщине необходимо совершить далекий и опасный переход, проявить силу и выносливость, чтобы найти любимого и зачать дитя. Конечно, сам инстинкт продолжения рода не связан с преодолением земных пространств и только в сказках свадьбе героев предшествует путешествие за тридевять земель.

Исследователи сказок связывают его с обычаем экзогамии – запрета жениться на представителях своего рода и с необходимостью выбирать пару в далеких краях. Историки же говорят о периоде дуально-родового брака между отдаленно живущими племенами. *Сюжет о странствующих царевичах и девах, ищущих любви, обращен к эпохе кочевий среднего палеолита, когда родовые сообщества первобытных охотников следовали за стадами животных.*

Эти небольшие общины неизбежно сталкивались с проблемой кровосмесительного брака, ослаблявшего сообщество, приносившего конфликты и, в конечном счете, угрожавшего его существованию. Разумеется, осознать и проанализировать столь губительные перспективы людям было не под силу, тем не менее, запреты на брак внутри общины были утверждены.

Первой под власть табу попала кровь сородича, в том числе и специфическая «женская кровь». Дальнейшее умножение культурных запретов толкало мужчин и женщин на поиски партнеров за «тридевять земель». Сообществам мужчин такие возможности лавала охота. Архаичный охотничий словарь сохранил семантику «хищной любви». Таковы слова: «охота» «гон», «поймать», «ловить», «овладеть» и многие другие.

(Биологические механизмы дуально-родового брака отчасти вскрыл Чарльз Дарвин, заметив, что самцы эскимосской ездовой лайки, веду-

щие стайный образ жизни, не проявляют большого интереса к самкам своей стаи, но активно стремятся к самкам из других стай).

Сложная и опасная охота на крупных животных требовала не только дружбы и коллективизма, но и регулярной сублимации духовных и физических сил, и новые запреты на близость внутри общины родились из охотничьих табу.

Периоды долгого воздержания перед выходом на охоту и далеких охотничьих экспедиций способствовали возникновению брачных отношений между отдаленно живущими группами мужчин и женщин. Дуально-родовой, меж-общинный брак стал важнейшим шагом в борьбе за видовое выживание человека. Сообщества, сумевшие перейти к мирной и эгалитарной форме брачных отношений, преодолели опасность вырождения и обрели важнейшие эволюционные преимущества.

Женщины не ходили на охоту, но были вынуждены отправляться в брачные экспедиции, по-видимому не столь долгие и отдаленные, тем не менее оставлявшие неизгладимые впечатления и даровавшие им самое главное – детей! Любовь, точнее то, что понимаем под любовью, еще не родилось на земле. Нечастые встречи мужчин и женщин из родов-партнеров походили на схватку, на охоту, на танец огня под ветром, на игры хищных животных: с долгим скрадыванием добычи, гонкой, схваткой, сопротивлением и победой. Любовные отношения той поры были полным растворением женского и мужского космоса друг в друге, памятью такого полного слияния в Реке Жизни остались всеобщие обряды летнего солнцеворота.

Священная память никуда не исчезает, она передается через века вопреки всему. Так обаянием священной древности веяло от рассказов прабабок о тех далеких временах, когда женщины были столь сильны и свободны, что покинув жилища и оставив детей под надзором пожилых матрон, уходили в далекий путь, навстречу мужчинам.

Археологам известны многочисленные древние куколочки, так называемые палеолитические Венеры, вырезанные из кости и

камня. Такая куколка служила опознавательным знаком рода-партнера и брачным приглашением, по некоторым версиям их изготавливали сами женщины, тщательно подчеркнув все достоинства своего пола.

Однако женщин, готовых к продолжению рода всегда было меньше, чем мужчин, и причин тому было множество: долгий период вынашивания и вскармливания ребенка, а так же сознательное «прореживание» новорожденных с целью оставить больше мальчиков-охотников. Поэтому право выбора предоставлялось женщинам. Количество куколок соответствовало числу женщин, пришедших на брачную сессию, такой подход позволял избегать конфликтов из-за неизбежного недостатка женщин.

После того, как дуально-родовые союзы распались на родовые фратрии, «матушки» вырезанные их кости, камня и дерева, стали переходить по цепи поколений, как тайные матрические реликвии. О такой куколке рассказывает сказка *«Василиса Премудрая»*, где Баба-Яга таинственно намекает, что узнала «куколку» и просит подтверждения, что она получена законным путем от представительницы ее материнской фратрии. Именно так можно понять ритуальный диалог Василисы и ее грозной наставницы.

Статуэтки из кости и камня той поры – палеолитические Венеры, изображают всю силу пола, выраженную в формах, но лица женщин – не прорисованы. Лицо, как отражение индивидуальности видимо было не столь важно до периода парования – парного брака, до обнаружения неповторимой индивидуальности партнера, до первой влюбленности, когда уникальная душа впервые становится осязаема в единственном избраннике или избраннице.

На голове у женских статуэток часто надета круглая шапочка, закрывающая лицо, или широкая маска. По всей видимости, фигурка изображала обнаженную женщину, пришедшую на «брачную сессию», и ее шапочка-маска скрывала главное – глаза! Случайно брошенный взгляд мог вызвать вспышку, хаос и разрушить с таким трудом обретенный порядок.

Память о неодолимой силе женского взгляда зафиксирована в мире

о Персее и Медузе Горгоне. Персею было запрещено смотреть на Горгону, чтобы не погибнуть. Видимо, мужчина, посмотревший в ее лицо, уже не мог поднять на нее руку, «он каменел» от восторга и изумления. Сила её взгляда была столь страшна и неодолима, что даже мертвая голова Медузы сохраняла все свойства живой «фурии».

«Видение женско – стрела суть, сим пленяюща тя в погибель» – позднее скажут святые отцы. Видимо изначально Горгона была вовсе не ужасна, а напротив «ужас, как хороша!». Медное зеркало – щит Персея – временная веха, означающая медный век, положивший конец безраздельному владычеству древнего женского божества.

Посмотрев на себя в медное отполированное зеркало, женщина обратила свою силу на себя самое, так легендарная Медуза погибла, как богиня и родилась как обыкновенная женщина со своими слабостями и комплексами.

До сих пор прямой взгляд глаза в глаза воспринимается как половой вызов. Шапочка, закрывающая лицо (ее остаток – вуалетка), долгое время сохраняла свое ритуальное значение, и во многих этнических и религиозных культурах до сего дня поддерживается обычай прикрывать лицо женщины во время супружеской близости. В мусульманской культуре женское лицо – полностью закрыто или закрыто все, что ниже глаз, и в то же время в архаичных вариантах женского костюма оголены живот и бедра.

Этот культурный парадокс – по сути, древнейший реликт дуально-ролового брака.

Видимо в интересах женщин были проведены самые первые игровые хороводы, приучающие все сообщество к терпению и обрядовому поведению. Брачная суть хороводов отражена в традиционном запрете, не допускавшем в сельский хоровод «чужого, пришлого».

Хороводные игры позволяли присмотреться и почувствовать друг друга, отвлечься от немедленной страсти, пробудить любование и человечность.

Выбором древних женщин Европы можно объяснить появление такого мужественного украшения, как борода: ведь её эво-

люционная полезность пока не доказана и в мире есть множество «безбородых» народов.

А теперь обратимся к сакральной функции одежды, к культовым причинам ее возникновения и к ее особой роли в сказках и мифах.

ВЕДЬМИН ПЕРЕДНИК: ПОКРОВ ВЕЛИКОЙ БОГИНИ

Ради женщины, ради ее заклятой юбки...

Самой первой одеждой, *олицетворявшей сакральную женскую силу и духовную власть*, был женский передник. С древнейших времен именно этот род одежды (юбка-понева или передник из двух половинок) остается своеобразным «иероглифом» женщины.

Древнейшее назначение одежды – не сохранять тепло (символическая одежда-пояс есть даже в жарком климате), а поддерживать заперт на близость внутри рода. Именно одежда была одним из вещественных «механизмов» возникновения и регулирования дуально-родового брака.

Отсюда понятна и необходимость ее ношения внутри священного пространства рода, в кругу огня и среди сородичей.

В некотором роде священные запреты и создали человека, во всяком случае, впечатляющий объем наших лобных долей – это не только центры логики и речи, но и мощные центры торможения – сексуального и пищевого, а так же подавления внутривидовой агрессии.

Так одежда стала священным покровом матрической эпохи, а женщина-мать – ее главным символом. От той далекой лесной праматери перешли в наш язык многие образы дикого рождения: «Родила, но не облизала»; «в зубах таскала», «слепой щенок и тот к матери ползет» и множество природных детских прозвищ: птенчик, зайка, рыбка.

В охотничьих сообществах женщины жили существенно дольше

мужчин-охотников. В таких условиях именно женщина, а не мужчина, часто гибнущий на охоте, становилась хранительницей памяти и заветов племени, его священных запретов и первой мифологии. Немецкие историки начала прошлого века И.Бахофен и Г.Вирт, были уверены, что патриархальной цивилизации мужчин предшествовала цивилизация женщин, а это значит, что женская мифология предшествовала божественным управителям – мужчинам.

К эпохе возникновения первой одежды и установления запретов на брак внутри рода восходит миф об Артемиде. Греческая богиня Артемиды (медведица, зверей «господыня») – это жестокая и непреклонная богиня, охраняющая ритуалы охоты. Она немолима, мстительна и сурова, и все ее мимолетные партнеры обречены на гибель.

Повторим, что главным символом той эпохи была суровая и всемогущая женщина, хранительница родового огня. К ее очагу возвращались усталые, голодные мужчины. Ради нее охотник проливал кровь зверя, а нередко и свою собственную. Ради нее в непрерывной охоте гибли самые разнообразные виды живых существ. Это трагическое мировоззрение окрасило главные мифы палеолита, при этом сам облик Великой Богини-Матери обрел все более грозные и устрашающие черты.

«Любы ей... Огненнооких рыканье львов, завыванья волчьи

Звонкие горы и лесов заросшие логи глухие...» – сообщает гомеровский гимн «К матери Богов»

Важнейшую сторону устройства первобытного общества отражает миф об Артемиде и Актеоне.

Молодой охотник Актеон случайно увидел купающуюся богиню Артемиду и возжелал ее. Разгневанная богиня превратила его в оленя, а после затравила прекрасное животное сворой его собственных собак. Заметим, что собаки были окончательно приручены и освоены для охоты в мезолите. Именно тогда европейцы научились делать теплую и прочную одежду, защищавшую от дыхания ледников.

Ключевым моментом мифа является именно *одежда* – божественный покров Богини. Без этого священного символа Актеон увидел в

Артемиде обыкновенную женщину, а этого богиня не простила!

Нарушивший табу становился изгоем, и его возвращение в род под Покров Великой Матери было возможно через *повторные роды*. Их проводила самая старшая женщина племени, она накрывала склоненную голову изгоя своим передником, допуская к лону и как бы заново рождая в мир. Это простое действие означало прощение и воссоединение с родом.

Церковная обрядность сохранила множество отголосков языческой и даже первобытно-матриархальной инициации. Так после исповеди священник накрывает голову кающегося концом епитрахили, символизируя отпущение грехов и приобщение к лону Матери-Церкви.

В сказке Андерсена «Огниво» солдат сажает собак на Вельмин передник, но, по всей видимости, не *сажает*, а накрывает их с головой! В сказках Западной Европы так же упоминается магический «Вельмин» передник, он умиряет чудовищ и меняет погоду.

Другая сторона мифа об Артемиде и Актеоне – жертвоприношение оленя, чья кроткая и стремительная энергия высвободилась... женщиной -жрицей. Именно женщина гарантировала скорое возрождение животного среди сородичей. Все эти символические жертвы совершались не ради женщины как таковой, а ради ее способности рожать новую жизнь.

«Но сама Артемиды – богиня догреческая, ее имя не семантизируется из греческих диалектов. Древнейший слой, различимый в греческой мифологии, представляет Артемиду в образе косматой медведицы – хозяйки леса и дикого животного мира. В Аттике в эпоху античности в городе Браврон существовал храм Артемиды Бравронии. Тамошние жрицы... для священного ритуального танца надевали медвежьи шкуры и назывались медведицами. (А.В.Ткачев)»

По видимому весь этот культ представлял наследие первых насельников, точнее насельниц Эллады.

В конце палеолита было полностью преодолена опасность

кровосмешения и вырождения, и возник дуально-ролевой брак сообществ-партнеров.

Однако участие мужчины в деле продолжения жизни долгое время не осознавалось сообществом. Детей давало всеобщее жизнедающее начало (Родо), а вскармливало все племя. Родство считалось по материнской линии, что дает основание называть первобытно-общинный строй матрилинейным (матриархальным). В эпоху охотников женщина не только обеспечивала непрерывность жизни племени, она была живым символом этой жизни.

На протяжении тысячелетий специфические черты психического склада женщины обуславливали совершенно особое отношение к ней. Социальная роль женщины-матери в эпоху верхнего палеолита (на ранних стадиях формирования общества людей современного типа – кроманьонцев), была исключительно высока и общественно значима.

Ученые и исследователи архетипов предполагают, что более 25 тысяч лет древнейшее население Европы исповедывало религию, основанную на культе Богини Матери.

В конце древне-каменного века человек научился строить жилища, защищать себя от холода, регулярно добывать огонь, распознавать съедобные растения и охота стала только подспорьем.

Человек умел лечить и развлекать себя в часы досуга. Миф и обряд регулировали важнейшие стороны его жизни, в том числе и вопросы рождаемости. Инициации формировали психику подрастающих поколений должным образом, люди научились создавать искусные культовые предметы и неустанно украшали себя, свое жилое и культовое пространство и бытию Рода людского в целом ничего не угрожало.

ЗОЛОТОЙ ВЕК ЖЕНЩИНЫ

«Никакого золотого века позади нас не было! Первобытный человек был совершенно подавлен трудностью существования, трудностью борьбы с природой»

В.И.Ленин

По-видимому, классик марксизма-ленинизма не был голословен в своем отрицании Золотого века и опирался на выводы тогдашней науки. Сегодня мы знаем значительно больше и можем взглянуть по-новому на золотое детство человечества.

Золотой век и райское состояние сознания человека – это прежде всего определенное равновесие, достигнутое между обществом и Природой. И на памяти человечества Золотой век возникал не однажды. Так книга Откровение говорит о *льве, мирно возлежащем рядом с ягнцем*.

Возникает естественный вопрос: неужели в райской биосфере целиком и полностью будут прекращены обменные процессы? Однако, выразительный образ из Откровения Иоанна Богослова всего лишь – тонкое наблюдение: так сытый лев спокойно отдыхает среди саванны рядом с мирными стадами парнокопытных, и резвые *агнцы* его нисколько не боятся, ведь сытый лев – ленив и не опасен.

Несомненно и то, что и страх перед человеком у животных – поздний и приобретенный: на заре истории мира людей и животных соприкасались самым естественным и тесным образом, они ходили по одним тропам и помогали друг другу в тяжелые периоды засухи или бескормицы. Так создавались пары-двойники людей и животных, связанных общей судьбой и приемами тотемической магии.

Женщина первой сделала шаг к бескровной добыче животной пищи: к одомашниванию продуктивных животных, что освободило мужчин от необходимости непрерывной охоты. Белая шерсть наших домашних питомцев и помощников донныне говорит о древнейшем духовном порыве: люди спасали в первую оче-

редь животных-альбиносов. Ученые так же отмечают необъяснимую тягу человеческих детей и детенышей животных друг к другу.

Культ животных и растений был теснейшим образом связан с культом семейного очага, а последний с почитанием предков.

Согласно теории Дж. Фрезера, само одомашнивание животных и растений «*есть дело вовсе не пользы, а религиозное, имеющее в виду культ, а не выгоду*», в результате которого животное становится «религиозным существом» с особым духовным статусом (П. Флоренский).

Начало неолита (земледельческой революции) с его выраженными матрилинейными отношениями стало возвращением Золотого века равновесия начал: мужского и женского, природного и человеческого. В раннем неолите в ареале мотыжного (женского) земледелия женская свобода была близка к абсолютной, а труд женщин – более легким и безопасным, женское участие в жизни признавалось равным мужскому, а ее способность к продолжению жизни – божественной.

Это относительно идиллическая картина позволяет сравнить этот очень отдаленный период со всеобщим Золотым веком Женщины.

РАННЕЕ ЗЕМЛЕДЕЛИЕ – ЭРА МАТЕРИ ЗЕМЛИ

Около восьми тысяч лет назад в центре русской равнины текла размеренная хозяйственная жизнь. Ранний неолит на этой территории обходился без войн и потрясений.

«Способы ведения хозяйства и добрососедские отношения, – пишет П. Н. Усанов, – установили такие условия, что позволили на протяжении беспрецедентно длительного периода времени (три тысячи лет – А.В.) жить, трудиться без войн, социальных конфликтов и экологических катастроф». Такой порядок жизни продержался до 3 тыс. н.э. Этим объясняется в некоторой степени отсутствие «европейской истории» этого периода.

«Если представить общество, которому соответствует пантеон Сбручского идола, то это оказывается обществом матриархата. Именно потому, что хозяйственная функция в этом обществе принадлежит исключительно женской богине – Моккоши, а не мужскому божеству. Мужчина при матриархате оказывается воином, охотником, первопроходцем, сказителем, мыслителем, возможно немного пахарем, но только не хозяином дома». (Н. Сперанский).

В неолите женщины были заняты мотыжным земледелием и ручной обработкой земли, убрали урожай, заготавливали и распределяли продукты. Важным женским ремеслом было гончарное производство и ткачество. Этнографам известны случаи, когда неолитического общества с успехом осваивали металлургию.

Само собою, что женщины следили за домом и растили детей, никакого матриархального гнета или унижения мужчины никогда не было и быть не могло. В лучшем случае присутствовало ярко выраженное хозяйственное и духовное равноправие женщин. Обладая свободой и силой, мужчины жили своей особой параллельной жизнью.

В поздние первобытных общинах имелись мужские дома, где устраивались собрания и проходила культовая жизнь всех мужчин рода. Мужские тайные союзы имели широкое распространение и наиболее долго сохранялись у древних греков, римлян, кельтов, и германцев.

Исключительно мужским делом было скотоводство, охота и рыболовство. Мужчине доставались более трудные работы и дела, требующие изобретательности, женщинам – кропотливые и монотонные. В неолите продолжительность жизни женщин и мужчин практически сравнялась.

Тогда же была окончательно признана роль мужчины в зачатии ребенка. Стал цениться опыт и неповторимый талант мужчины, возникла необходимость в передаче навыков ремесла. Духовное развитие мужчины шагнуло далеко вперед. Он осваивал новые ремесла, священные искусства и неустанно изобретал.

Брак в это время был парный и по-видимому совершенно добровольный. Он носил непостоянный эпизодический, нефиксированный характер, и отражал полную свободу чувств.

Соблюдение целомудрия невесты не требовалось, напротив, женщина должна была как можно раньше доказать свою способность к деторождению. Родство по-прежнему велось по материнской линии, поэтому муж, он же отец детей, долгое время был имущественно бесправен, но в качестве брата имел неограниченное влияние на жизнь семьи. Так старшим мужчиной в семье был не муж женщины, а ее брат «своя кровь», в то время как его собственные дети пребывали под кровом другой женской семьи-фратрии. Этот образ родственных связей называется *авункулат*.

Авункулат некоторое время сохранял материнский счет родства и порядок наследования, укреплял и поддерживал братско-сестринские связи внутри рода. Исследователи видят в этом исток всеобщего инцестуального мифа о любви и запретном влечении двух божественных персон: брата и сестры.

Формы брака между кузенами и близкой родней по материнской линии характерны прежде всего для неолита. Если в сказке

есть братья и сестры, если их судьбы драматически переплетаются, то почти всегда это отголоски неолитического мифа о любви и подвиге Богини-сестры. Наибольший расцвет эта группа мифов получила в очагах первичного земледелия в Египте и Месопотамии.

«БЕЗВОЛЬНЫЙ ОТЕЦ»

Одна из загадок сказки «Морозко» и некоторых других сказок – образ безвольного, абсолютно подавленного мужчины – отца доброй и хорошей девушки. Обычно он «вдовец» и злая мачеха целиком и полностью поработывает его разум и волю, так старик безропотно везет дочь на гибель в холодный лес, в избу к медведю-людоеду, а в марийской сказке «Сиротка Юкчи» – недрогнувшей рукой кладет на жертвенный камень.

В русской семейной культуре этот типаж зовется «бабин сын», «маменькин сынок», «женин муж», «подкаблучник», и всплывает на свет всякий раз, когда авторитетная женщина заслоняет собою весь эмоциональный и интеллектуальный горизонт мужчины, но тот чувствует себя вполне уютно и не выражает никакого желания наконец-то окончательно «родиться». Носители этого архетипа повсеместно встречаются во всем мировом фольклоре.

Мужчина, покорно везущий на гибель собственную дочь, несомненно, воспринимал женщину как жестокую выразительницу божественной воли. Как правило, дочек оказывалось две: однако именно «Старикову дочь» полагалось «отправить к предкам».

В русской сказке «Морозко» есть примечательная деталь: замерзающей девице внезапно становится тепло: верный признак обмирания на холоде. В сказке «Сиротка Юкчи» девушка забирается на дуб и поет песню о лучшем мире, который уже недалеко. Возможно, что обе сказки хранят отдаленную память о проводках на тот свет неких «вестников» или посланников, оказавшихся «лишними» или напротив – «лучшими».

Безразлично-подчиненное положение мужчины в семье снова связано с матрической формой определения родства и наследо-

вания. В древности слово «отец», в отличие от «бати» – кровного родителя, зачинателя по плоти, означало всего лишь «воспитателя», «кормильца».

Разумеется, мужчина стремился обеспечить наследством в первую очередь своих детей, но для этого было необходимо перейти к патриархальному семейному устроению.

ПЕРВЫЕ ВОЙНЫ

Где женщины почитаются, там Боги радуются, где женщины не почитаются – все деяния бесплодны...

Бундахшин III тыс. до н.э.

Совершенно понятно, что миролюбивая эгалитарная женская цивилизация «хлеба и ремесел» не умела себя защищать.

Считается, что женская эра закончилась, с изобретением плужной пахоты, однако все эти изменения могли быть следствием новых контактов и развития металлургии. Так появление упряжи для волов (ярма), плуга, секиры и чаши (для божественной сурьи) согласно скифской, а потом и славянской легенде были дарами Сварога – верховного божества индо-арийского происхождения.

Керамический век, как иногда называют неолит, разлетелся на осколки, когда Женский матрический миф всеобщего равенства встретился с Мужским мифом захвата и овладения. Это могло произойти между 4500 до 2400 г. до н. э., когда по Европе одна за другой прокатились волны степных «арийских» вторжений когда воинственные племена из Великой Степи и Иранского нагорья подчинили, истребили, обратили в бегство, потеснили и рассеяли автохтонные народы Европы.

Эти события отразились и в генетике европейцев, так ДНК генеалогия зафиксировала, что около 5 тысяч лет назад произошла характерная «встреча» мужских и женских генетических групп. Изначально эти группы принадлежали к разным народам. Вероятнее всего, что женщины были местные, а мужчины – пришли

издалека. Они изгнали или истребили местных мужчин и возглавили хозяйственную и религиозную жизнь.

Прежний уклад, с его лидерством женщины, с первобытным равенством и мирным земледельческим трудом был сломан.

Пришельцы принесли передовое искусство обработки металлов: железа и меди, они же привели с собою лошадей, давно истребленных в Европе. «Страшными и ужасными» названы арийские всадники в письменных памятниках Египта, и не в последнюю очередь из-за лошадей. Завоеватели не вернулись обратно в степь, они осели на завоеванных территориях. Чтобы закрепить победу, они поместили своих воинственных богов-всадников во главе местных пантеонов и основали новую теологию, базирующуюся на главенстве Бога Отца – подобного небесному Сварогу, божеству арийской Сварги.

Несомненно, что дети, родившиеся от брака местной женщины и завоевателя несли двойное различие: девочки принадлежали к роду матери, а мальчики продолжали род отца, поэтому в первую очередь отец приветствовал рождение мальчика во всем похожее на него. Доныне отцовская любовь к сыновьям строга и избирательна, ее надо заслужить, и всем известная притча о «блудном сыне» – всего лишь яркий пример перенесения матриархального мифа на «отцовскую почву».

Если прежде женственность была – материей мира, живой тканью Природы, её ликующей плотью, то ныне мужское божество воссоздавало мир как структуру, как план, как концепцию. В наиболее общем понимании героизм и воинственность, упорядоченность и насилие, рационализм и паранойя, морализм и подавление противостояли интуиции и терпению, коварству и дипломатии, миролюбию и околдовыванию.

Материнские культуры не могли противостоять власти Отцов, но никогда не сдавались полностью, поэтому наиболее понятным образом «запретной женственности» будет *образ змеи – как гибкого ползучего сопротивления.*

Конфликт хорошо вооруженного мужчины воина, условно «всадника-пришельца» и «матриархального народа-автохтона», чьим выражением был Змей (змея) отражен в древнейшем мифе о Персее и Медузе Горгоне. Образ «Георгия Победоносца» несомненно, восходит к мифическому Персею.

СТРАСТИ ПО ГОРГОНЕ

И вновь сверкнув из чаши винной
Ты поселила в сердце страх
Своей улыбкою невинной
В тяжелозмейных волосах...
А.Блок

Все мы знаем древнегреческий миф о Персее: *пользуясь отполированным до зеркального блеска медным щитом, он срубил голову волшебнице Медузе-Горгоне*. Миф описывает Горгону, как чудовищную женщину со змеями вместо волос. Тем не менее, Горгона вовсе не уродлива, но *она олицетворяете то, что мужчина патриархата, подобный Зевсу или Персею не может и не хочет принять в женщине*. Её магическая воля, её неодолимая сила, её союзники и любовники: змеи и духи моря – весь её бурный и опасный мир не вмещался в сознание победившего мужчины и этот мир было необходимо отсечь!

В мифе о медузе Горгоне, как и в сказке о борьбе Ивана Крестьянского сына со «змеиными женами» ключевым является образ змеи. Известно, что царские скифы поклонялись Змееной Богине и чтили в ней свою прародительницу. От её брачного союза с Гераклом родился Таргитай – первый скифский царь.

«Женууправляемые» сарматы и савроматы, возникшие от союза скифов и амазонок, могли восприниматься современниками как «змиевы дети», «змеиное семя» с выраженной негативной оценкой как змеи, так и «женщины».

Русская героическая сказка заканчивается уничтожением Змеиных жен: сестер и матери – старой Змеихи. Но в своей

борьбе женская часть змеиного семейства умело использует мужские слабости: в палящий зной предлагает колодец, разумеется, отравленный, в голод – яблоню с румяными плодами, а в часы отдыха – ковер для «смертного сна».

Помогает одолеть коварных «женок» божественный кузнец, по-видимому сам Сварог, защитник патриархальных ценностей.

Солнечный патриархат отменил многие женские вольности, и символически изгнал «тайного супруга Змея», он же утвердил право мужчины на первобрачность его будущей жены. Девственность невесты: «лонная печать» стала абсолютным требованием. Так *нежная кроткая, покорная Андромеда, девственница со скованными руками и ногами, с отсеченной волей, обьятая страхом и трепетом* олицетворяла собою новые патриархальные ценности.

Если восстановить утраченную логику мифа, то Персей отрубает голову Медузе Горгоне, чтобы потом жениться на Андромеде.

На языке архетипов «цепи» – это воля отца, а чудище – мужчина, с которым предстоит замужество, но вместо чудища к девице выходит прекрасный юноша и побеждает дракона девичьего Страха. Так же и Солдат в сказке Андерсена Огниво отрубает голову ведьме, чтобы потом жениться на принцессе. А ведь принцесса и ведьма, Андромеда и Горгона – суть лики единой Богини.

Мифы и сказки «эпохи отцов» говорят о прямом насилии, захвате и военной победе. Мужчина-завоеватель не может жлать, он рубит Гордиев узел, рассекает на куски колодец и яблоню, он сносит голову Ведьме, хотя, следуя настроению сказки «Огниво», имеет полную возможность уговорить волшебную старуху. Но у Мужчины больше нет времени на разговоры: « на войне, как на войне». В сказке «Царевна-Лягушка» он сжигает лягушачью шкурку и уничтожает последний уголок женской самости, тот таинственный куколь, где происходило самовынашивание женской души.

Обратимся к мифам Древней Греции, где Метила, божество женской мудрости и первая жена Зевса, оказалась проглочена своим мужем -громовержцем.

Суть мифа такова: боясь соперничества, Зевс решил предотвратить появление на свет своего будущего сына, он обманом заставил свою первую жену Метиду уменьшиться, после чего проглотил ее.

Беременность протекала в голове у Зевса, но родился не «мальчик с непобедимым сердцем, будущий царь над богами и людьми» (Гесиод), а богиня мудрости и войны – Афина. Почему отец должен был бояться появления сына-воина? Должно быть потому, что сын мог стать мстителем за поруганную мать, за насилие и жестокость.

Женщину надо было «проглотить», уничтожить морально, предоставив ей, тем не менее, возможность рожать потомство для завоевателя. Афина родилась взрослой женщиной в сверкающем облачении и с копьем в руке, да и могло ли быть иначе: громовой патриархат не желал возиться с пеленками, отец впервые замечал дочь, только тогда, когда она уже годилась либо для войны, либо для свадьбы (с героем).

Рассказ о греческом царе Агамемноне поясняет один из эпизодов Троянской войны, когда Агамемнон пожертвовал своей дочерью ради того чтобы долгожданный ветер надул «пустые» паруса, и флот смог двинуться на штурм Трои. В этом мифе Агамемнон явил крайнюю степень патриархального сознания, а Ифигения – осталась в веках символом невинной веры и дочерней доблести.

Метида, как божественная феминная мудрость, была и в самом деле поглощена патриархатом и надолго исчезла из мира.

Мифологический архетип проглатывания есть в русской сказке «Волк и семеро Козлят». Проглатывание здесь не означает инициации, а всего лишь овладение правами на потомство. Волк, как Зевс, имитирует символическую беременность, отсекающую у женщины все права на детей, особенно на мальчиков.

Матрические культы стали тайными ночными, а после и вовсе запретными, демоническими, как ночь весталок на Лысой Горе, переосмысленная как шабаш ведьм.

Дальнейшее разделение мира мужчин и женщин выражалось в обособленном развитии мужских и женских культов и в создании «тайных союзов». Иногда возникали даже разные языки, или мужчины вовсе изгонялись из жизни женщин. Пример такого крайнего подхода – воинственные амазонки.

В противоположность ручному земледелию, пашенное земледелие, подсека леса, осушение почв, стали сферой мужчины. Коснулось это и исконно женских домашних промыслов, таких как гончарство и ткачество. Переход всех основных производств в собственность мужчин повлек экономически зависимое, неравное положение женщин.

Однако в обществах дольше других практиковавших ручное земледелие долгое время сохранялся женский счет родства. В Спарте и у древних славян женщина занимала достойнейшее положение в обществе.

Судебные функции у чехов выполняла княжна Любуша, как реликт матриархата известны посадницы новгородских словен, долгое время на Руси женщина могла участвовать в ордалиях, если не было мужчины, готового за нее постоять.

Отстранение женщины от основных видов хозяйственного производства и ограничение ее жизненного круга рутинными задачами – заготовление продуктов впрок, варка пищи, обслуживание и убаживание мужчины неизбежно сказались на ее духовном развитии. Работая наравне, а иногда и больше мужчины, она рассматривалась как нахлебница и иждивенка. Тем самым она устранилась от участия в собраниях, судебных заседаниях и культовых событиях. Множество бытовых установлений – уступать дорогу мужчинам, не посещать места мужских сходок, не показываться без надобности в общественных местах, есть после мужчины, безусловно, бесчестили женщин, унижали и калечили женский характер.

Идеологически закрепляя сложившееся положение, патриархальные племена стали смотреть на женщину как на нечистое существо, которое одним своим присутствием, особенно в дни особых специфически женских состояний, оскверняет все окру-

жающее. Такое издревле табуированное понятие как *женская кровь* утратило свою священность и превратилось в признак неполноценности, природного унижения, и отверженности женщины от мира Светлых Богов. Отсюда запрет рожать в домах и роды в банях, запрет прикасаться к чтимым предметам культа в нечистые периоды (до сорока дней после родов), запрет выходить на улицу в особые женские дни.

Однако патриархат не был победой мужчин, он был их поражением, так как вместе с порабощением женщины случилось вырождение самого мужчины, который подчинил своему рациональному дискретному сознанию, ставшему самостоятельным, те сферы, которые раньше схватывались сердечной интуицией.

Женщина мстила мужчине-диктатору бестолковостью, домашним бунтом, кликушеством, проституцией, тем не менее мужчина по-прежнему нуждался в изгнанной Богине, и потому век за веком: *Пока законные кудахчут куры/ По гинекеям – женским половинам/ Спешат мыслители: Сократы, Эпикуры/ К свободным женщинам: Аспазиям и Фринам.*

Тем не менее территория женской свободы неуклонно уменьшалась, пока не сжалась до размеров «лягушачьей шкурки». . После *ломки женских небес* большинство обрядов матрической эпохи утратили ясность и необходимость в понимании большинства людей. *Тропы сновидений* были забыты, *колодцы посвящений* засыпаны мусором, а воспоминания о величии и силе древних Богов и Богинь потускнели и упали в подпол деревенской магии, рассыпавшись на бессмысленные приметы и пустые суеверия.

ГРОЗОВАЯ СВАДЬБА

«Царевна-Лягушка» – это *подлинно жреческая сказка, составленная людьми, владеющими мифологической семантикой и ключами к «коллективному бессознательному»*. И если сказка «Волк и семеро козлят» и её логическое завершение «Огниво», отражают ступени крушения патриархата, то сказка о «Царевне Лягушке» хранит память о давнем гонении на женскую сакральность и свидетельствует

о трагических противоречиях Природы и цивилизации. В системе сакральных кодов Природа всегда обозначена Женщиной, либо беззащитным женским существом – например, лягушкой:

*Эту сказку счастливую слышал
Я уже на сегодняшний лад,
Как Иванушка во поле вышел
И стрелу запустил наугад
Он пошел в направлении полета
По серебристому следу судьбы.
И попал он к лягушке в болото
За три моря от отчей избы
- Пригодиться на правое дело –
Положил он лягушку в платок
Вскрыл ей белой царское тело
И пустил электрический ток
В долгих муках она умирала
В каждой жилке стучали века
И улыбка познания играла
На счастливом лице дурака...*

В стихотворении Ю. Кузнецова ясно слышны отзвуки давней трагедии, настоящего трясения сфер, когда *Боги и бесы* менялись местами, и *кровь, тело, семя, половая любовь* окрасились тонами драмы и престали быть святынями.

«Отчего жаба в погребке живёт? Наготы своей мерзкой стыдится!» – сказано в народной быличке. В этой странной связи «наготы» и «мерзости» сокрыт один из важных ключей к пониманию подлинного смысла сказки «Царевна-лягушка».

В русской народной мифологии лягушки считались прямым потомством Адама и Евы, их многочисленными детишками, которых они постеснялись «представить Господу».

Но у мистической женственности всегда были и есть свои защитники, им одним дано прочесть сокрытые «материнские» знаки и опознать Богиню в самом униженном и презируемом облике. *Самого главного не увидишь глазами...* но Иван Царевич с

юной поспешностью хочет явить миру истинный облик своей Любви, ибо *есть только один голос, который стоит слушать – это голос собственного сердца*. Но мало в благородном порыве сжечь лягушачью шкурку: мир не готов принять обнаженной Истины и чтобы снять Кощеево заклятье Иван Царевич должен пройти *путем Красной нити*, победить всемогущую Погибель, и потеснить мрак и могильный холод Кошного Царства.

Согласно схеме годового «солнечного креста» Иван движется вслед за уходящим солнцем, во тьму и холод Кошного царства, туда, где сокрылась его любимая, на этот раз в образе *Уточки*. Осенью птицы улетают к югу, и странствия Ивана Царевича пройдут через южный полюс годового круга, и продлятся ровно половину года, до первых вешних дней, обозначенных весенним равноденствием.

Ему предстоят искания и подвиги, встреча с мудрыми помощниками, жертвы и испытания, пока не дойдёт он до Поднебесного дуба – могучего стража, стоящего на краю зримой Вселенной. В перекрестии полярного года – это мировая вертикаль с раскинутыми ветвями: *древо познания добра и зла*.

У его корней начертаны знаки, обозначающие царство Матери-Сырой-Земли. Над его солнечной вершиной парит сокол, а на срединном перекрестии ветвей, там, где прошлое смыкается с будущим, укреплен сундук с тайной.

В круге полярного года эта точка соответствует центру креста – сердцу полярного Бога-Света. Ивану Царевичу предстоит распахнуть сундук и коснуться обнаженного сердца Мира.

Согласно сказке, *тайна Смерти сокрыта в сердцевине Жизни*. Её зародыш дремлет внутри всякого живого существа: зайца или утки, он зреет даже под скорлупой яйца.

Мифы Творения рассказывают о том, что Мир был сотворен из Яйца, и он снова способен свернуться в яйцо и уснуть на веки вечные. В сказке Иван Царевич разбивает яйцо и раскрывает тайну Творения, он достает заветную Иглу и обретает разящие острие Вечности.

Пройдя крестным путем Солнца, Иван-Царевич разрушает царство холода и мрака и приводит на землю Жизнь и Весну в образе прекрасной юной женщины.

Всего за один северный год он собрал опыт различных божественных ипостасей, от жертвенной и страдающей в начале, до грозной и всепобеждающей – в конце. Во время битвы Кошеем-Карачуном в нем восстает Ярый Солнечный Бог, в апофеозе летней силы: сам Перун-Громовик.

По народному поверью, *первый весенний гром будит гадюк*: змей, лягушек и жаб и возвращает их на землю из ледяного царства зимнего сна. В народной магии и в фольклоре отчетливо прослеживается тесная связь пресмыкающихся: ужей, галюк и лягушек с грозой, молнией и громом.

В сентябре стихают последние грозы: *На Воздвиженье и змеи сдвигаются* (собираются клубками и засыпают на зиму). Так по воле природы Перун-Громовик оказывается связан с миром хладнокровных пресмыкающихся.

Этот архетип очень древен: индийское сказание о воинственном Индре, побеждающем змееподобного Вритру, сотни мифов о Змееборцах, и наш родной славянский «Грозовой миф» отражают некий давний конфликт в мире Богов... и людей.

Давний спор Перуна и Велеса отпечатались в Грозовой мифе Руси, как память извечного спора народной Души и жестокой, хорошо вооруженной Власти.

Сказка о «Царевне-Лягушке» грезит разрешением этого мифа, и в этом смысле является закодированной русской *стратогемой*.

Что происходит в сказке? Иван-Царевич, пребывающий под покровительством Перуна, открывает в лесной жительнице разум, возвышенную душу и скрытую от мира красоту. Чтобы вернуть беглянку, он идёт на добровольные жертвы. Он терпит муки голода, но дарит жизнь волшебным животным, встреченным на пути. Воинственный и неукротимый Перун примеряется в его сердце с вешим Велесом. В результате Царский путь пройден, Иван Царевич доказывает свое право на трон!

Так разрешается Грозовой миф в магической реальности сказки, оставаясь трагически незавершённым в реальности земной.

НЕБЕСНЫЕ ЖЁНЫ

Сказка, известная нам как «Царевна-лягушка» есть и в сказочном эпосе мари, составителями она названа «Дочь Богини Солнца». На первый взгляд, это общеизвестный сказочный мотив о «чудесной жене» из мира духов.

Но мари́йская сказка обладает уникальными особенностями. Героиня ее, чудесная дева в облике жабы оказывается одной из сорока дочерей Кечи Ави – Солнечной Богини, чьи дочери прилетают весной из-за моря в виде белых лебедушек.

Лебедь, утица – первичный еще палеолитический образ великой Богини-Матери. Ведь и Дух Божий, *носившийся над водою* в начале творения, первоначально был женского рода и имел образ Птицы.

Солнечная дева из сказок мари и Царевна Лебедь из русских сказок блистательно опровергают библейский миф о метафизической недостаточности женщины, о ее духовной неполноценности.

Угро-финские народы дольше других сохранили память о женской сакральности. В Государственном Историческом Музее в Москве представлен женский костюм племени мурома периода бронзового века. По обилию космических символов и кованых украшений (включая обувь) этот костюм можно назвать «шаманским убором».

Святая волшебница Феврония Муромская по всей видимости происходила из народа мурома, благодаря чему и обладала столь выдающимися магическими возможностями. Немаловажен и тот факт, что Арина Родионовна, няня Александра Пушкин, родилась в ижорском (карельском) селе Лампи, русское название Лампиево. Ныне ее родиной называют другое место, так как местечко Лампиево не сохранилось. Характерно, что многие сказки Пушкина, переданные ему няней, не имеют русских или славянских корней и вли европейским соответствий, и по всей видимости, восходят к фино-угорским сюжетам.

В карельской сказке из сборника Н.Е. Ончукова «Как мужик к солнцу ходил» Солнце явлено в образе огненной женщины с горячей грудью, сияющей сквозь прореху в платье. В корневой славянской культуре солнце тоже изначально женского рода (Сонца), в русском языке закрепился его средний род, хотя солнечные боги в классической славянской мифологии – всегда мужчины.

Солнечность женщины в культуре Мари проистекает из основного мифа о праматери народа: небесной Деве, дочери светлого бога Юмо, при этом земная жизнь создана и поддерживается жертвенной гибелью ее мужа: первого человека по имени Мари.

Воспитательное значение марийского варианта сказки о царевне Лягушке включает в себя уважение родовых ценностей и законов: так обычаи рода Невесты – святы... Царевич Кокша сжигает жабыю шкурку, чем нарушает семейную этику и родовые обычаи его невесты, состоящие в том, что она ровно год должна ходить в свадебном кафтане (подлинный марийский обычай). В поисках пропавшей жены царевич Кокша взбирается на небо по Золотой цепи – очень распространенный мифологически мотив, в общих словах определяемый, как золотая цепь Посвящения.

Златая цепь означает обретение волшебной силы и посвящения. Ведь стать достойным Небесной девы, Дочери Солнца – означает навсегда отказаться от обычного человеческого состояния, и Кокша поднимается в горный мир, в высокий терем Кече Ави Матери Солнца, и его восхождение сродни шаманскому путешествию. Сказка кончается примечательной сценой – борьбой Кокши с женой, *принявшей облик могучей медведицы, волчицы, и наконец, чудовища.*

Сокрытая в женщине первоизданная мощь, ее тяга к оборотничеству и даже лютая вражда к мужчине – заставляет искать объяснение в более древних пластах сознания.

В марийской сказке «Бабин сын» Невеста-великанша так же оказывается оборотнем, и ее надо «очистить» и покорить в магическом поединке. В этом герою помогает богатырь Илья Му-

ровин (Илья Муромец). Ему одному дано преодолеть непомерную тяжесть рук, грудей, и ног невесты-великанши.

И самая удивительная деталь, подтверждающая догадку о запредельном путешествии героя такова: когда Кокша возвращается обратно на Землю, то в его родном царстве уже прошло столько лет, что оно исчезло с лица земли. Но его небесная жена, катает по земле золотое яйцо и из него является новое царство, дворцы и города. Золотое яйцо – солнце озаряет царство мертвых и дает жизнь всему до чего касаются герои.

Зачем рассказывали эту сказку, чем она была дорога сказителям и слушателям? Видимо мыслью о потаенном величии женщины и о вечном пути мужчины-героя к пробуждению своих чувств и преобразению способностей, о его приближении к миру Богов, и о том, что только вместе в вечной тяге друг к другу, мужчина и женщина найдут пути к счастливому и справедливому будущему Земли.

Итак, высветлив исторический рок Женщины и некоторые мотивы ее личного потаенного мифа, мы можем смело обращаться к сказкам Женского героического пути. Их героини всегда в дороге, в стремлении, в сладостном трепете и в тревожном предвкушении неизвестного, и в жажде единения.

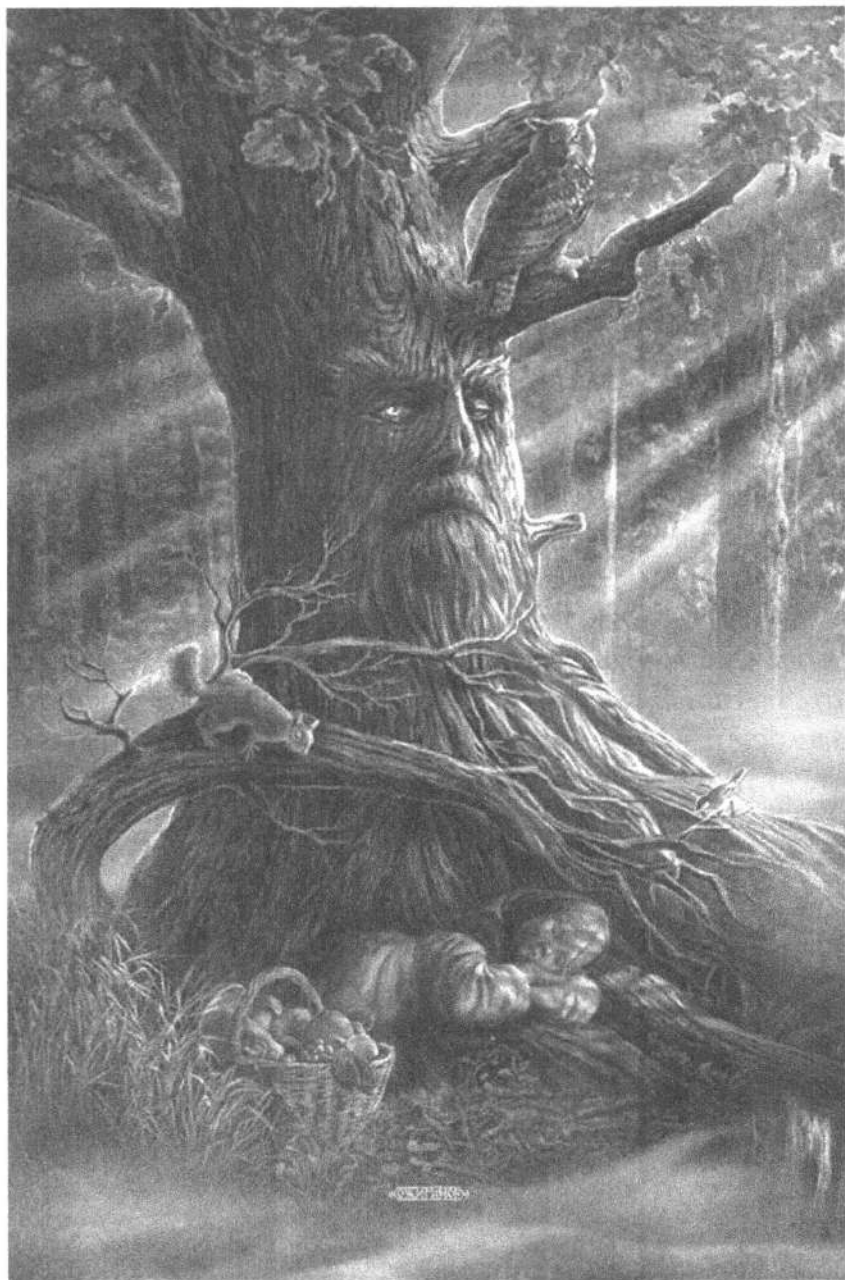
Пройдем по стопам Древней Богини, и первый шаг это Золотое дитя: *девочка до 7 лет*.

ВОЛШЕБНАЯ ИГОЛОЧКА

*Непогрешимые боги
Шли как-то раз по дороге
Знали они все на свете...
Тихо на целой планете –
Заняты боги и дети...
Р. Казакова*

До семи лет – возраст сна под материнским крылом, расцвет фантазии и воображения, игры Золотого ребенка.

В семь лет происходит первое посещение Вещего Леса – пробуждение души, и встреча с мудрым божеством из прежнего

Художник Игорь Ожиганов «Утро в лесу»

мира. Этому возрасту соответствуют сказки: «Волшебная иголочка» и «Гуси-Лебеди».

В сказке «Волшебная иголочка» девочка ломает иголочку и идет к Бабе-Яге, в обиталище самой Смерти, чтобы получить другую.

Разные народы дают разное описание Женщины-Смерти. К примеру, скандинавская Хель, Богиня подземной страны имеет «цвет труп», а германская Фрау Хольда – холодна, как остывший мертвец и зубаста, так как плоть давно сошла с её лица. Кельтская Морриган – изредка предстает в облике воительницы. Наша лесная Баба обладает выразительными, комично преувеличенными женскими формами: *титьки за спину закинула* .

Кто же такая лесная или болотная отшельница? Заметим, что традиционная обрядовая кукла, именуемая Мара, Марена, обладает вызывающе пышными формами и изображает зрелую женщину в расцвете сил.

По мнению Н.Велецкой изготовление обрядовых кукол напрямую связано с ритуалом проводов на тот свет в праславянскую эпоху. На небо отправляли отнюдь не дряхлых стариков, а людей при первых признаках наступающей старости, чтобы максимально сохранить их духовную силу и наполненность жизнью. **Заменой ритуального ухода к предкам мог быть добровольный выход из сообщества:** «малая смерть» и осуществление особых сакральных функций за его пределами, скажем уход в лесную обитель или одинокая жизнь среди болот.

Позволим себе немного пофантазировать. Девочка сломала иглу-амулет – а это значит, что в ее жизни наступил перелом, роковое событие. Теперь ей нужно получить новый оберег взамен сломанного, получить «право на жизнь»

Этим правом распоряжается Баба-Яга, Древняя Матерь, Женщина-Смерть, обладательница двустороннего каменного топорика (лабриса).

Два его полотна означают Жизнь и Смерть. Одно лезвие обрубало пуповину новорожденного, другое пресекало все недостойное, слабое, увечное, либо поколебавшее священный порядок.

Заметим, что сюжет этой сказки – наидревнейший.

В Минском краеведческом музее в экспозиции древне-каменного века белорусского Полесья выставлены костяные иглы – по всей видимости, их носили на груди как амулет. Все они сломаны. Возможно, что такой сломанный амулет означал смерть своего владельца (вспомним иглу Кошееву – суть такой же амулет).

Обратимся к тайной символике такого простого и привычного предмета, как игла. Видимо именно костяная игла или медвежий коготь стали самыми первыми в мире оберегом, а самая первая жилка-нить – образом жизни и времени. Через полую сердку иглы (сердце, глаз) тянулась нить, по этому принципу нанизались целые ожерелья. Сломанное ушко означало выпадение из общины, утрату связи, изгнание. Быть нанизанным на единую нить означало – жизнь.

А теперь нас ждет настоящее открытие: полесские иглы амулеты зовутся «Яги»! И у них, как у сказочной старухи – всего один глаз и одна нога! Согласно древней транскрипции, предложенной А.Потебней, можно обнаружить прямые связи между именем Яга (Инга) и «иглой- яглой».

Короткий рассказ о девочке, пришедшей за иглой, напоминает нам о суровых временах, когда вопросы жизни и смерти решали духовные лидеры племени. Известно, что родившихся девочек оставляли вдвое меньше, чем мальчиков. Мужчины жили меньше женщин, их смерть на охоте, в поединке с опасными животными была неизбежной, и общество нуждалось в охотниках даже больше, чем в матерях.

В первую очередь под власть табу попало рождение близнецов (двойников). Обычай умерщвления одного из близнецов, (обычно второго – более слабого), бытовал в первобытном обществе и несомненно регулировался мифологическими представлениями.

Второй близнец – «двойник» приходил из мира теней, был вестником беды, представлял угрозу и избавиться от него – было необходимо! Такое же отношение к близнецам зафиксировано в китайской «Книге Перемен» и в «Записках о поисках духов. Нет

сомнений, что миф о двойниках (космических близнецах), впоследствии о богах-соперниках возник в палеолитическую эпоху.

Героиня сказки посещает опасную грань и остается в живых, но еще много раз ей придется проходить через узкое ушко иглы, умирать и возрождаться.

«Хождение в царство мертвых – едва ли не древнейший сюжет мировой литературы, известный во всех мифологических традициях. Шумерское сказание о Гильгамеше, записанное на глиняных табличках около пяти тысяч лет назад, уже содержит новеллу о богине любви Иштар, сошедшей в мир мертвых на поиски возлюбленного.

Римский классификатор Гигин (II в.) составил отдельный перечень тех, кто в греко-римской мифологии живым возвращался из подземного царства. В него вошли шестнадцать имен, начиная с Цереры-Деметры и кончая Меркурием-Гермесом.

В русском фольклоре попадание в навь и спасение из нее составляет основу сюжетных коллизий всего корпуса волшебных сказок, а взаимоотношения с обитателями навьи образовали практически весь свод занимательных и страшных историй в виде былин, старин, быличек, сказов, и небывальщин-неслыхальщин» (А.В.Ткачев)

Следующую возрастную сказку мы обозначим периодом от 7 до 14 лет.

ДЕВОЧКА В СТРАНЕ МЕРТВЫХ

А если я безвестно кану?
А если я безвестно кану
За млечный пояс звездный дым?
Я за тебя молиться стану,
я за тебя молиться стану,
Чтоб ты вернулся невредим!

О чем рассказывает сказка «Гуси-лебеди»?

О путешествии души за грань миров и о спасении любимого из царства Мертвых, и если, внимательно приглядеться, то мы увидим, как сквозь обмелевшую Молочную реку явственно проступают «кости древних мифов».

Сказка «Гуси-Лебеди» – это яркий пример многоступенчатой эволюции древнейших мифологических форм и их органического вплетения в сказочный фольклор.

Первое, что мы обнаружим на таинственном дне этой сказки – это миф о Космических Близнецах. Близнецовый миф можно усмотреть и в том, что сестра ищет брата и без воссоединения с ним невозможно ее возвращение в мир людей. Двойники (брат и сестра) представляют собою магическое отражение друг друга и наделены особой связью.

Одного можно понять, постичь и выразить через другого. Недаром греческое слово *символ* означает «бросать вместе» и не что-нибудь, а шарики-близнецы», используемые для гадания. Отсюда и всем известная детская магия Тома Сойера: «Брат ищи брата!» – заклинает этот шалун и посылает вслед за потерянным стеклянным шариком второй.

В сказке мы встречаем и мифологические мотивы Космической погони, и Близнецовый миф древнейший запрет на вкушение пищи «на том свете».

Миф о путешествии души оставил след в сказочной культуре многих народов; его общеизвестная версия «Снежная королева» Г.Х. Андерсена и его же «Дикие лебеди». В эти х сказках сказке сестры идут искать потерянных братьев, *а если женщина куда-*

то идет... то перед нами героический миф!

В сказке «Гуси-Лебеди» девочка бежит за исчезнувшей лебединой стаей: «Гуси-лебеди давно себе дурную славу нажили, много шkodили и маленьких детей крадывали».

Почему редкой красоты птицу рассказчики связывают с дурной славой и кражей детей? В мифах народов Земли лебеди связаны с Севером, Солнцем, и с божественным зачатием. Но была у лебедя еще две загадочные черты, несомненно связанные с особым нальным статусом лебедя в славянской мифологии.

Первая – легенда о лебединой верности, сделавшая лебедя священным символом супружества (женское имя Лыбель – упоминается в древне-русских сказаниях). Согласно этой легенде лебедь, потерявший пару, складывает крылья и падает с высоты и разбивается насмерть.

Другая легенда включена «Славянский бестиарий», изданный О. Беловой:

«Лебедь есть птица морская долгими ногами и белыми крыльы. Имать же обычаи и провидит смерть свою, и егда уведает яко имать умерети три дни прежде день и ночь поет сладко, и тако поя издыхает и сим образом... яко радуется о смерти своей, и тако поя и радуясь умирает».

Лебедь – птица вешая, и в народных легендах – птица безвозвратного перехода, отсюда известный древнерусский обычай подавать на свадебном пиру лебедя, украшенного перьями, заметим, что в ветхозаветной книге «Левит» – лебедь одна из двадцати птиц, мясо которых запрещено употреблять в пищу.

Гусь – птица попроще, но с близкими к лебедю повадками и периодом перелета. У древнейших индоевропейцев названия этих птиц полностью совпадали: гусь – hans (нем.), Hansa – лебедь (санскр.), и husel – жертва на старо-английском.

Девочка в сказке «Гуси-лебеди» идет искать брата, которого унесли на крыльях белые птицы, поиски ведут за реку, по всей видимости, в заповедный край Предков, в Страну Мертвых.

Кровная связь сестры и брата, а главное: их взаимная любовь необыкновенно важны для сюжетной пружины сказки.

Волшебство перехода, как любой магический акт может состояться только при волевом и эмоциональном напряжении активной стороны, а для этого между героями должна быть теснейшая кровная или любовная связь.

Куда, в какую сторону света унесли маленького Братца Иванушку Гуси-Лебеди? В мифах древних лебеди были тесно связаны с Солнцем и с Севером. Весною они несли к полюсу колесницу Аполлона Гиперборейского, а осенью возвращались к югу.

С прилетом птиц совпадал весенний праздник Благовещения, в циклах плодородия он соответствовал весеннему зачатию с рождением на Коляду.

Согласно мужскому героическому мифу маленький солнечный младенец (Коляда) нуждается в защите и спасении. В сказке «Терешечка» лебеди несут мальчика вверх, к спасительному северу, а лебеди-похитители тащат братца вниз, к демоническому югу.

С крайней южной точки горизонта начинается медленное и неуклонное шествие солнца к северу, его возвращение. (*Солнце на лето: Зима на мороз*). Север в традиции представлялся страной немеркнувшего света, юг – царством тьмы, зимней пещерой года, где происходит временная смерть, рождение и обновление солнца.

Реконструируя «сакральную географию сказки» мы можем представить, что девочка идет к югу, за улетевшей осенней стаей в таинственную сумрачную страну, за Молочную реку.

В представлении палео-европейцев земля была окружена великой рекой – Океаном. Она окружала Землю, подобно Млечному пути, опоясывающему небо. В нее впадали все другие реки. Все они вели в иномирье, а в их низовьях располагалась «страна предков». Вниз по реке, согласно обычаю водного погребения, отправляли своих умерших соседи славян; племена мурома и меря. Отправляясь к устью реки, человек символически порывал связи с миром живых, он шел к Пращурам. В этом случае рыбы и водяные звери представляли собою существ «преж-

него мира». Не поэтому ли темное божество Керемет, соперник Светлого Демиурга, назывался так же и Бобровым богом.

По-видимому «Страна мертвых», земли предков оказались отделены рекой во времена, больших переселений народов (II – III тыс. до н. э). Они остались «за семью реками, за семью долами» в недостижимом краю.

У славян таинственная река названа Молочной. Молочный и ржаной кисель был поминальной едой на тризне. Но Молочная река – это не только река Смерти, но и река Жизни! Сгустившееся молоко рождает твердь: сыр и творог: *Роди ты мне сына, как белого сыра*, – поется в старинной песне.

Молоко – это гармония земных и небесных потоков, звездный ствол Вселенной – Млечный Путь (по-гречески «галактика») это путь души во Вселенной. В наших сказках погружение героя в котел с молоком означает его преобразование и пройденную инициацию.

На берегу реки девочка встречает горячую печь с румяным пирожком внутри и яблоню с наливными плодами. Значит, мы были правы и на дворе – осень, урожай созрел и почти собран.

Яблоня, Печка и сама Молочная река ласково предлагают девочке отведать их даров, и возникает знаковый ритуальный диалог. Девочка явно капризничает, не слишком вежливо объясняя, что трапеза ее недостойна. Но согласно логике сказки она не должна так поступать, ведь она рискует навсегда потерять брата! Значит дело в другом...

На самом деле девочка проявляет глубокое ведовское знание о том, куда она попала и что происходит. Почему она отказывается есть? Потому что она прекрасно осведомлена о духовных свойствах предложенной пищи.

Согласно бытующим представлениям съесть что-либо в Царстве Мертвых означало стать «своей» и остаться там навсегда. Похищенная Персефона проглотила всего лишь одно зернышко граната и навеки осталась пленницей царя Гадеса.

Девочка-проводник решительно демонстрирует знание правил безопасности в общении с иномиром.

В другой русской сказке герой Иван Царевич требует пищи у бабы Яги, попарившись в бане и проведя ночь в объятиях хозяйки, он идет дальше «в путь без возврата». В чем суть такого разного поведения героев? Дело в том, что Иван Царевич настаивает на том, что он живой человек из плоти и крови. А девочка утверждает обратное!

Потребление пищи, как и дыхание – свойство живых: живым на тот берег нельзя, и предложение пищи – это еще и испытание соблазнами, до которых падок ребенок.

Яблоко, хлеб, молоко были частью древнейшего мифа, где в центре было проверка души: испытание на земные влечения и привязанности. Полная свобода от них открывала дорогу по ту сторону. Девочка проявляет полное владение своими желаниями и получает возможность попасть на тот берег.

Безусловное воздержание от пищи могло быть частью древних инициатических практик при испытании подростков во всех традициях мира.

БУДЬТЕ КАК ДЕТИ!

*Сказки и мифы оставили нам четкую карту знаний
и практик прошлого и путь,
которым нужно следовать в настоящем.
К.П.Эстес*

Девочка из сказки «Гуси-Лебеди» имеет прообразы во многих культурах и это не удивительно: *Ежели не будете как дети, не войдете в Царствие Небесное!* Но евангельская метафора подразумевает не столько детскую чистоту, наивность и мягкость, сколько другое коренное свойство ребенка: **Дети не боятся смерти** и не отличают ее от обычного сна. Так дети до шестилетнего возраста могут спокойно играть рядом с почившей бабушкой.

Эвенкийское сказание о девочке Хелалаи, отчасти повторяет сюжет сказки «Гуси-лебеди». Поэтическое воображение эвенков, расселившихся к западу от Енисея и к северу от Ангары, до самых при-

полярных тундр создало миф во многом похожий на русскую сказку.

Хеладаи плавает на льдине по мифической звездной реке Эндекит. Её начинает уносить в низовья «в мир мертвых», но главная Десятибубенная Шаманка, живущая на берегу, спасает ее. Лед предлагает Хеладаи вернуться к нему, соблазняя ее разными важными в хозяйстве эвенков предметами: *«Хеладаи, Хеладаи, оглянись вниз, камень для растирания красок виднеется!» «Не стану оглядываться черепа людские кажутся!»* – слышит он в ответ. Лед предлагает девочке точила, кожемялки, скребки для обработки шкур. Огнива и чашки – все, что должна иметь женщина, живущая в стане охотников. Однако Хеладаи не поддается; *«Не стану оглядываться – это кости мертвецов!»*.

Заметим, что у Хеладаи и девочки из русской сказки есть еще одна «сказочная сестра». Это Герда из сказки Андерсена «Снежная Королева». Путешествие Герды в поисках Кая содержит основные черты *мифа перехода*. Герда отдает свои башмачки божеству Реки, как выкуп за возлюбленного Кая, не надеясь увидеть его живым, она просит отдать хотя бы его тело.

Башмачки плывут за ее лодкой, а Река уносит ее все дальше вниз по течению, в страну забвения, в Нижние Земли. Молочная река, река Потудань или Забыть-река, как подземный Стикс и Эридан и безымянная Река из сказки Андерсена обозначают границы потустороннего, «тот свет».

Некая волшебная старушка ловит клюкой лодку Герды, и предлагает пожить в ее доме, где сошлись в красочном хороволе все времена года.

Герда отказывается от предложенных ей соблазнов и тогда фея достает волшебный гребень, начинает расчесывать волосы Герды, и девочка забывает кто она, и куда плывет. Поистине наша память источник бесконечных мук, освободившись от них, Герда живет в чудесном домике, в саду вечного лета, пока говорящие цветы не напоминают ей о Каяе.

Волшебный гребень – часть мифа о великой Богине. Он преграждает путь в виде внезапно выросшего леса, он же отнимает

память и вместе с нею охоту куда-то илти. Магическая связь памяти и волос, волос и леса, леса и памяти – понятнейшие коды, заключенные в таком небольшом женском предмете, как костяной или деревянный *гребешок*.

В обеих сказках сохранился сюжет космической погони Великой Богини Жизни и Смерти за ребенком. За северным оленем Герды и Кая гонится Снежная королева, за Алenuшкой несутся Гуси-лебеди, а в других вариантах – сама Баба-Яга.

Девочка бросает гребень, подаренный ей союзницей-мышкой – и на пути Старой Волшебницы вырастает дремучий бор. Бросает зеркало – разливается озеро. Предметы, данные мышкой – довольно часто вкладывались в женские погребения и представляли собою ритуальный выкуп – дар Владычице мира Мертвых. В сказке эти предметы способны расти – до полного соответствия великой Богине (Матери Земле – Прародительнице сущего).

В мифологии зароастрийцев умершему предстояла свальба с Богиней, которая представлялась столь величественной и грандиозной, что для нее плели огромные венки, названные в современной культуре похоронными, а на деле предназначенные Владычице всего сущего и потустороннего.

На обратном пути героиня русской сказки, уносящая от погони маленького братца, вкушает молоко, плоды и хлеб.

Но кто испек аппетитный каравай и выходил наливные яблочки? Никто! Эти волшебные предметы существуют вне пространства и времени. Это скорее мир платоновских эйдосов: вечных идей: печь – полыхающий алтарь, где приносится огненная треба, яблоня – космическое древо, на его ветвях зреют гроздья миров. Молочная речка в кисельных берегах проецируется как Млечный Путь.

В русской сказке: яблоня – древо цветения женской души, символ замужества и зачатия, печь – теплое материнство, роды. Поев плодов и пирогов, девочка не только вкушает грядущее, но и символически рождается заново в тот момент, когда покидает устье печи.

Брат и Сестра залезают в печь и прикрываются заслонкой, то

есть «перепекаются», перерождаются, принимают полное очищение и новую судьбу. Сказка полна приемов женского ведовства, и прочитывается не только как опасное и увлекательное путешествие, но и как древнейшие пособие по переходу в сопредельные миры. А если это так, то нам необходимо прочесть и пояснение к этому «пособию».

Итак, на обратном пути девочка ест, предложенные яства. Возможно, что согласно обратной логике *иномирья*, вкусив «пищу перехода» она становится невидимой для тех, кто ее преследует. А может быть ей жизненно важно показать свое отличие от всего потустороннего, *навного*, ведь её инициация совершилась и опасные свойства людей и предметов меняются на противоположные.

Так в сказке Андерсена Герду и Кая встречает «добрая» маленькая разбойница, и все что сулило тревогу и опасность раскрывает дружественные объятия.

Но на более глубоком смысле, вкушая заветные плоды на том берегу, девочка вкушает смерть! *Элизиум*, где навсегда осталась неосторожная Персефона означает, *страна яблок*... Таков и *Аваллон* древних кельтов и *сады Гесперид*. Вспомним об еще одном ярком инициатическом моменте сказки: Ивашечка на дворе у Бабы-Яги играет золотыми яблочками!

ЗВЕЗДА ВЕЛИКОЙ БОГИНИ

*О древние смыслы, о тайные знаки
Зачем это яблоко светит во мраке
Разрежь поперек – откроешь к нем знак,
Идущий по свету из мрака во мрак...
Ю.Кузнецов*

Яблоко – плод славянской богини Макоши, в его сердцевине сокрыта пятиконечная звезда из семян, маленький образ её ладони.

Яблоко в сказках – это и жизнь и смерть, вечная молодость и погибель, а так же зачатие, свадьба и роды. «В ряде славянских языков слова «блона», «блана» («Детское место», «невызревшее зерно» и др.) служат для придания оттенка детства, молодости.

Слова «оболонь», «оболочка» и «плод», «плодное место» – отражают течение женских родов.

В символическом плане «играть золотыми яблочками» означает «находится вне времени», прикоснуться к началам мира.

Мальчику дозволено играть, но нельзя пробовать эти «золотые яблочки! В этом случае похищение мальчика у Бабы-Яги означает не только его возвращение в мир людей, но и полноценное новое рождение в этом мире.

«В литовской сказке яблоня преграждала путь преследовавшей детей Лауме, *«распустив ветви и раскинув их на десять верст вокруг себя»*. Интересен портрет этой Лауме – ведьмы, которая жила в старой, крытой папоротником избушке: *«одним плечом она прислонилась к одной стене избы, другим к другой. Левой рукой весь стол покрыла, а нижняя губа до самого пола отвисла. Лауме – литовская версия Бабы Яги»* – пишет Б. Баландинский.

Однако у ведьмы-лауме есть и свой зеркальный близнец – это златовласая богиня Лайма: *«Лайма выплывает в лодке золотой... И малютку вскоре унесет за море, унесет за море к дремным островам»* – поется в колыбельной песне.

Другая говорящая деталь: У старой Лауме – огромная ладонь, которой она накрывает стол. «Стол – Божья ладонь» – говорят в русских семьях. Ладонь – древнейший символ Великой Богини: изображения архаичного женского божества с несоразмерно большими ладонями есть на вышивках и на северных камнях-писаницах. Можно отметить так же семантическое подобие детской дремы в литовской песенке и смертного сна в русских «погребальных» колыбельных, имевших обережное значение.

Так мы вплотную подошли к важному выводу: **Мир народной души абсолютно един**: злобная косматая Лауме и золотокошая добрая Лайма, Баба-Яга и великая Богиня жизнедательница – одно и то же лицо, а вороватые Гуси-Лебеди – это те самые аисты или белые озерные птицы, которые несут на крыльях или в клюве новорожденных детей!

В сказке «Гуси-лебеди» дети уходят из страны теней, но теперь девочке знаком вкус молока Великой Богини, которого не дано вкушать смертным и «вкус плода, в котором заключены тайны жизни и смерти. Поскольку плод главный образ циклов цветения, роста созревания и убыли, то когда при посвящении человек его съедает, в душе его начинают идти часы, которые задают ритм Жизни-Смерти-Жизни и впредь боем сообщать, когда пора дать умереть одному и приступить к рождению другого» (К.П.Эстесс).

Царевна в сказке Пушкина пробует отравленное яблоко, несущее смерть не только ей, но и верному охраннику – псу Соколко. Точно так засыпает и Белоснежка, отведав коварный дар. Адам и Ева, вкусив плод познания Добра и Зла (Жизни и Смерти), так же теряют дар вечной жизни. *То участь всех все сущее умрёт и сквозь природу в вечность перейдет* (У.Шекспир).

«Чадца, принесите мне хлеба, и вместе с ним съем я смерть свою» – Такое же значение имеет вкушение хлеба в обряде болгарской поманы, поминок по самому себе, где хлеб назван «Плодородящей смертью».

Если мы раскрыли шаманский миф о путешествии, то девочке, спасшей братца уже никогда не вернуться к простым и милым радостям бытия. Её путь пророчицы и вещуньи и еще много раз проведет ее через молочную реку и обратно, выкупая Родовы души у Навых Богов, или провожая их настолько далеко, насколько это возможно любящему и ведающему сердцу.

Если перед нами осколок потерянного солнечного мифа о спасении Золотого солнечного младенца, то **девочка – это юная Богиня идущая на Север, в царство Тьмы**. Возраст этой пары и их братские-сестринские отношения – гарантия божественной чистоты.

Вход в страну мертвых стерегут лебеди, подобные лебедям Туанеллы. Божественная сестра спасает солнечного брата, либо божество вешней растительности. Так, Деметра возвращает на землю свою дочь Персефону. Безутешная Инанна оплакивая возлюбленного вызывает к жизни нежный росток. В нашем утерянном мифе героиня возвращает на землю солнечное дитя, но при

этом, возможно, жертвует своим бессмертием, а может быть и самой жизнью.

Календарный миф довольно ясно говорит о жертвоприношении, а продолжение путешествия брата и сестры можно узреть в купальском мифе и в его отражении сказке «Сестрица-Аленушка и братец Иванушка».

ЗОЛОТОЕ ДИТЯ

*Моя душа: в дупле рысенок!
Я – старый пень, а ты – Ребенок...
Н.Клюев*

Если сказка – семя, то все мы – почва для нее... Просто слушая сказку, мы запечатлеваем в себе сокровенное сердечное знание (К. Эстесс). Сегодня сказка вынуждена искать приют в нашей жизни, и мы заново раскрываем духовные и целительские свойства сказки и пробуем ее золотыми ключами отомкнуть замки в своей душе. Мы примеряем сказку на себя и неожиданно сами оказываемся ее героями.

С чего начинается сказка «Гуси-Лебеди»? Отец с матерью едут на базар, и поручают старшенькой дочке – Аленушке приглядеть за маленьким братцем.

Представим, что эта маленькая няня мы сами, и ощутим нежное тепло малыша, доверчиво прильнувшего к нам, влохнем его невинный запах и услышим его тихий лепет. А теперь сделаем шаг в таинство сказочного сна и попробуем пробудить нашего внутреннего ребенка.

Это *Золотое Дитя* никогда не умирает в нас, в народном языке оно так и зовется: *Живулечка!*

В эту минуту мы держим на руках нашего *Внутреннего ребенка*. Когда-то, очень давно, эта чистая душа была поручена нам теми, чьи лица стерлись из нашей памяти, а величавые тени растаяли, как дым. Но мы охотно баловали и лелеяли его, пока были юны и беспечны, потом мы повзрослели и все чаще забывали кормить

его особой, лишь ему предназначенной пищей – сказочным молоком.

Теперь мы играем во взрослые, очень взрослые игры и дорогие, очень дорогие игрушки и не слушаем ворчливых наставлений «стариков». Но однажды случается то, о чем предупреждала нас самая первая, самая добрая сказка.

Мы заигрались, загулялись, закружились в пестром хороводе Яви и забыли о препорученном нам Малыше. Мы оставили нашего несмышлениша без присмотра и не услышали зычных лебяжьих криков и шума крыльев. Мы не видели, как Дитя само потянуло ручки к величавым птицам, и – исчезло!

Мы сразу ощущаем, что вместе с Живулечкой пропала самая драгоценная часть нашего существа, словно из нас *спорину* вынули. Слабая искра еще тлеет в нас, но её силы слишком мало, чтобы мы могли жить.

Внезапное сиротство ощущается нами, как зимний холод, или палящий жар, от которого высыхает и трескается кожа. Должно быть, мы слишком долго тянули с обновлением нашей души; голодали и одновременно купались в роскоши, забыв о самой первой наивной детской мечте: о путешествии в Индию под белоснежным парусом или о том, чтобы завести своего собственного щенка.

Ребёнка надо вернуть! Вернуть, во что бы то ни стало! И мы бросаем опостылевшие игры, и бежим очертя голову, не разбирая дорог, на слабый отблеск света за гребнем леса, за улетевшей лебединой стаей.

На языке народной магии *спорина* это деятельная сила внутри всякого живого существа, потаенный огонь жизни. *Вынуть спорину* означает – засушить, обречь на увядание.

Мы твердо знаем, что туда нельзя – там дремучий темный лес, и неспроста зовут *дремучим*: его сумрачные чаши полны смутных образов и видений, сотканных из той же материи, что и наши сны. Здесь все пронизано волшебством, здесь нет ничего изначально мертвого, здесь все живет и *глаголит* единым языком.

Здесь и сокрылась самая драгоценная часть нашего существа: наш *маленький мудрец, сосущий пальчик, и знающий простые и ясные ответы на самые сложные и запутанные вопросы.*

Удивительно, но в заветном лесу, во владениях Старой Матери нас встречают как давних знакомцев, как потерянную родню. И говорящая Яблонька, и горячая Печка прекрасно знают кто мы, и зачем пришли, они пробуют накормить нас волшебной пищей и укрепить на пути.

Но священная память все еще спит в нас, и мы не в силах вспомнить даже самого простого пароля из *тайного заговора детей*, да и ржаные пироги теперь не по вкусу нашей Сытости. Мы не готовы принять ни злотых яблок Мудрости, ни хлеба Жизни, и хотя все силы нашей «взрослой, цивилизованной души» иссякли, мы пренебрегаем причастием Вещего леса.

Но вот мы добежали до Молочной реки. Таинственный мир лежит по ту сторону *кисельного берега*, за густым мерцающим туманом.

Ржаной кисель был поминальным кушаньем на славянской тризне. Кисельные берега, как память земного изобилия, провожали погребальную ладью по Дороге Света – Млечному Пути, и мы слышим ласковый шепот реки забвения: «Оставь все горести и тревоги, попробуй моего молочка с кисельком! *Глаголящий истину – вкушает млеко*», но вслед за героиней сказки, мы отказываемся от ритуального угощения и поступаем правильно: с нами нет нашего Ребёнка, а значит, *вкушать млеко истин* для нас смертельно опасно.

Мы отказались, и Молочная речка мелеет на глазах и, оттолкнувшись от берега Яви, мы вступаем на зыбкий, зачарованный материк Сна. Здесь шумит сумеречная чаща – Вещий лес, полный таинственных шорохов и трепета жизни, и в эту отчаянную минуту в нас оживает его зов: *Мы с тобой одной Крови!* Отринь страх! Не останавливайся в пути! Иди на зов Старой Матери, на едва приметный огонек в лесной чаще!

Только в сказках *дорога домой* идет через дебри вешего леса, а спуск в подземные глубины оборачивается невиданной высотой

и распахнутыми крыльями нашего Духа. *Глубины и высоты соприкасаются!* Поняв, и прочувствовав, это мы навсегда избавляемся от страха потеряться в Вещем Лесу.

В сказке Андерсена «Дикие лебеди», *белые корабли Севера* несут за море Элизу в сетке из корней. В русской сказке *княжица птица* спасают от ведьмы Солнечного младенца – Терешечку. Легендарные птицы знают дорогу к затерянной пещере Молчания и Повлига, и охраняют лесную избушку на границе миров – жилище Старой Матери Бабы-Яги... Слышите? К нам на помощь уже летят Гуси-Лебеди! Они зорко стерегут наше небо, и укрывают нас крыльями, когда нам грозит опасность.

А вот и Избушка на Курьих ножках: ничего зловещего нет в её уютном, приветливом облике: с крыши свисают плети седого мха, ставни расписаны ягодной синькой, а из трубы курится душистый дымок. Под окнами, на зеленой траве играет наше драгоценное дитяtko – оно цело и невредимо, у него ясные глаза и румяные щечки. На нем новая вышитая сорочка и обереги Вещего Леса: медвежий зуб и камушек Куриный Бог. Малыш играет золотыми яблочками и не обращает на нас никакого внимания.

Мы хватаем его на руки, и бежим, бежим... А как же иначе, ведь мы не можем жить без этого крохотного теплого комочка, пахнувшего молоком лесной Матери.

Позади нас трещат сучья и валяются сухие стволы. Нам кажется, что Старая Мать преследует нас. Но это не она: за нами скачет на трех лапах наша неискупленная вина.

Вина? Конечно! Мы *прозевали* наше Золотое дитя, мы забыли о нем и бросили его одного!

Убегая, мы кидаем за спину гребень и зеркальце, как выкуп за благополучное возвращение. Брошенный на землю гребень обращается *частый лес*, а зеркало в *необъятное озеро*. Кому под силу причесывать космы сосновым бором, смотрясь в предвечное зеркало озер?

Только ей, лесной Матери, Жрице забытых Богов! Это Она омыла нас своим молоком, когда мы засохли и ослабели. Она воз-

Художник В.Васнецов «Снегурочка»

родила в нас новую, сильную и яркую жизнь, когда мы выщвели и измельчали! Она разбудила в нас тягу к сказке, и к волшебной игре, возвратив нам подлинную Жизнь!

Говорят, что она *стара как мир*, на самом деле она старше много, много старше... На её голове оленьи рога – знак единства

с Душою Леса. На её губах – печальная улыбка одинокой мудрости. В ее бурных от старости ладонях подрагивает пестрый клубок, свитый из обрывков ребячьих снов и кладбищенской крапивы, из волчьей шерсти и волос мертвецов, из целебной паутины и лугового пуха, и из алых нитей, окрашенных кровью.

Эта пульсирующая нить вновь и вновь приведет нас к лесной избушке, и откроет путь великих уроков и испытаний. *Алая нить Старой Матери тянется от первого осмысления женственности и власти, и не прерывается никогда! А наша следующая героиня – девочка 14 лет.*

СНЕГУРОЧКА – ДУША РУСИ

*...А была-жила лединушка-кнегинушка, а рослаа о Ивани дни...
О. Озаровская «Шутова старина»*

Единственная русская сказка, сохранившая память о божественном происхождении женщины – это Снегурочка. Однако её народные варианты сильно отличаются от сказки Островского и либретто оперы «Римского Корсакова», они совершенно обыденны и даже более того: сюжетно бедны.

Тем не менее, сказка «Снегурочка» посвящена промежуточному **девичьему возрасту – условно двенадцати-четырнадцати годам.** Это раннее отрочество, заря туманной юности, когда душа еще не потревожена, не смущена волнением крови.

Девственность, «лонная печать» – свойство сугубо человеческое, не существующее в мире дикой Природы, и целомудрие таит божественную загадку нашего предназначения на Земле. Цель – по-гречески *телос*, возможно, что в недрах семантики русское слово *тело* – означает неповрежденное, цельное, целомудренное, *богосотворенное состояние человека.* В древнейших

* Кокошь – это курица, и в русской народной сказке девочка Снегурочка именуется «сдобной кокурочкой» – кокура пирожок, но название его по-видимому семантически связано с курицей. Курица в скоморошьем фольклоре была девицей, но без должного почитания; ее «непорочность» грубо высмеивалась. Курица нередко несет яйца без петуха (непорочное зачатие), а у самых везучих «несется» и петух.

матрических культурах Ближнего Востока женское целомудрие нередко приносилось в жертву Величайшему Божеству, реликтом такого понимания является обряд мужского обрезания. Это еще один женский матрический обряд целиком и полностью взятый мужчинами из «женской мастерской».

В русском народном православии девственное состояние почиталось «равноангельским». «Девство имат лицо огненно» сказано в одном из русских апокрифов. *В Древнем Риме Природа огня и девственности признавалась единой.* Поэтому культ Курии – государственного огня требовал от его служительниц девственности и пожизненного безбрачия.

У русских священное состояние девичества понималось, как Сила Божья обнимающая деву незримыми крыльями: та же идея берегущего космоса отражалась в девичьих украсах.

«Яко же кокошь* осенять птенца своа криломи своима обьмаюци, тако и Божиа сила всю обиасть деву, и се естъ еже осенить тя» – сказано о символике кокошника в письменном памятнике XII века.

Но огонь девственности – это метафизический холодный огонь, это свет целомудрия, это зеркало мира, где нет пороков и искажений. Слово «растление» тоже говорит о тепловой природе исчезновения некоего «льда непорочности».

Опасность растаять тяготеет над Снегурочкой как неумолимый рок.

Сказка о Снегурочке хранит память о глубинном родстве всего сущего в Природе, где все одухотворено, все способно чувствовать и запоминать. Чудесная девушка, рожденная из снега, так же как и девушка созданная из лепестков цветов в народных быличках, это живое дыхание мира.

В сказке, записанной И.Далем, девочка появляется из горшочка с талой водой. Старик и старуха покрыли его ветошкой и поставили в теплое место, и *вскоре под ветошкой запищало...* Снегурочка растет среди людей, но она – дух Зимы, кристальный снег, звездный свет, пленительная и неуловимая красота, но красота не созданная для жизни; совершенство иного мира.

Её время в круге года это ранняя весна, весна Света. Девственный лик Великой Богини посещает мир в конце Зимы. Ей посвящены общеевропейские праздненства: Имболк – у кельтов, замещенный в ряде стран Западной Европы днем святой Бригитты. В этот день начинали дуть весенние морские ветра и открывались «бриганты» – гонки парусных судов.

Славянский праздник Громницы – это день пробуждения стихий: воды, ветра и огня. *Его дух необъясним и иррационален*, так же как появление в мире Снегурочки, и ее загадочная тяга к человеческому теплу. *Словно замерзшая зимняя природа стремится прильнуть к окнам и ледяное дыхание Мороза расцветает на нем невиданными райскими цветами.*

В сказке, помещенной в сборнике И. Даля, описан сюжет «чудесное спасение», когда снежную девочку спасает собака Жучка, которую хозяин выгнал в лес. Но это детское приключение почти не имеет мифологической основы, разве что пребывание снежной девушки на древе гола, где за ней поочередно охотятся звери, олицетворяющие зимние и весенние месяцы.

Календарное прочтение – единственное, что роднит все варианты сказки: и авторские и народные. Принято считать, что Снегурочка сгорает в купальском костре, но в общеевропейской традиции есть и более ранние огни Бельтана, совпадающие на Руси с празднованием Вешних Дедов и Русалий, когда *Льды тают, а теплые облака несут дожди.*

В сказке Островского Снегурочка тает на рассвете, после первой ночи любви. В другом варианте сказки, она уходит в пламя купальского костра и обращается в белое облачко, в пар, и соединяется с дыханием Жизни.

Это обетование лишает сказку ее фатального трагизма. Снегурочка растворяется в теплом дыхании Мира, она нигде и всюду одновременно. Так дожди начала лета, питающие землю, исчезают без следа, но именно они пробуждают животворные силы Земли.

В этом высокая жертвенная суть сказки

Прыжок через огонь мог означать символическую смерть де-

вишы и ее переход в круг молодых женщин. Ледяное сердечко, не знающее любви, проходит через огненное коло купальского костра, и в девушке пробуждается женщина.

Так невеста на свадьбе традиционно укрыта фатой – этот снежный покров означает небытие, уход из мира живых. В древности он был более плотным, он слепил глаза и стеснял дыхание. Белый цвет покроя и одежд означал отнюдь не невинность, а пребывание на грани. Девушка «оживала» в тот момент, когда жених или кто-то из родных снимал покров с ее лица. Так девушка рождалась в мире женщин и получала права хозяйки дома.

Исследователь традиции А. Блинов высказал версию о древнейшем жертвоприношении, отраженном в первом либретто балета «Весна Священная». Ранней весной, на восходе солнца мужчины начинали круговой пляс, немного погодя старейшины вталкивали в круг заранее выбранную девушку. Это роковая встреча с мужеской огненной стихией была частью возрастных посвящений. Возможно, что девушка погибала от ритма и буйства непрерывной пляски и потока ярой мужской силы.

Века хранят молчание, и только родовая память все еще откликается болью и восторгом, когда божественная душа ледяной девы добровольно и жертвенно растворяется в земных стихиях.

МЕХОВАЯ ТУФЕЛЬКА – ХРУСТАЛЬНЫЙ БАШМАЧОК

*Высоко в небе облачко серело,
Как беличья распластанная шкурка,
Он мне сказал: «Не жаль, что ваше тело,
Растает в марте, хрупкая Снегурка»*
А. Ахматова

Беличья шкура в стихотворении Ахматовой – это ни больше ни меньше пророческое видение реальности. Поэзия- язык высших, хотя и туманных откровений.

Беличья шкурка – вполне сказочный предмет, точнее не она сама, а туфельки, отороченные беличьим мехом, обозначающие

возрастную ступень в жизни девушки – ее первую *опушку*: первые взрослые волоски.

Еще раз обратимся к словам «порок» и «непорочность». Слово «порок» семантически прозрачно и связано с глаголом «пороть» – «снимать шкуру», и только опосредованно с «поркой ремнем». Снятая звериная шкурка звалась «выпороток», а «поры» – это отверстия при её растяжке. Следовательно, «порок» – это прореха или порез на шкурке белки или куницы, которые служили предметом меновой торговли у славян, и как мы убедимся далее, о шкурке и о «непорочности» мы заговорили не напрасно.

Обратимся к архаичному народному варианту сказки «Золушка», яркой сказке «девичьего цикла». Никаких хрустальных туфелек мы там не найдем, но непременно восхитимся маленькими *туфельками, отороченными беличьим мехом*. Именно так называлась эта сказка у французских крестьян.

Но как произошло необратимое превращение беличьего меха в хрусталь? В некоторых изданиях этой сказки слово *vaig* «мех для оторочки» было по ошибке заменено словом *verre* – стекло, и в переводах сказок Перро на ряд языков, в том числе и на русский, появился изысканный, но непонятный образ «хрустальной туфельки».

Итак, «Золушка или меховые туфельки», другое название: «Туфельки из беличьего меха».

На Руси «белка» звалась «веверицей» или «мысью». Отсюда слово «промысел», а возможное значение слова *бель* – девица: тогда летописное обозначение взываемой дани «по беле с дыма» – означало по одной девице от «дыма» – родовой избы, вмещавшей в древности от пятидесяти до ста человек. Не случайно и созвучие народного название женского лона – *кунка*, с промысловым зверьком «куницей».

– *Она пушистой девочкой была, Еще носила маковый веноч, –* говорил герой В.Набокова о юной Лолите.

Беличий мех – интуитивный символ *девичьей дикости и первозданной девственности. Это свежее дуновение первой юности, это ветер и даже сквозняк в голове, от первого осознания своей грации и*

привлекательности, это первый зов Вещего Леса, полного опасностей приключений, и первая попытка неумело украсить себя на пороге лесного бала. В круге года это период Русалий – колдовского пения и девичьих игр в сумраке леса, это безудержное цветение ради цветения, жизнь в настоящем, здесь и сейчас, далекая от мыслей о будущем.

Преображение тела часто опережает преобразование души и удары сердца звучат как ритм тамтамов, отбивающих девушку от стайки благовоспитанных левиц и увозящих на поиски неизвещанного.

Это пробуждение в глазах общества чревато безрассудством, затмением разума (таковы влюбленная юность в образе Наташи Ростовской и Татьяны Лариной, и «дикая» Оленька из повести А.Чехова «Случай на охоте».

О безумных страстях, раздирающих сердце девочки, не без помощи древнего искусителя, рассказывает христианизированная сказка Андерсена «Красные башмачки». На преодоление этого «смещения чувств» было направлено все традиционное женское воспитание этого периода.

Вероятнее всего, что сказка «Золушка» не столько жертва неверного перевода, сколько свидетельство «нового зрения» сказочников. В инициатическом поле сказки все красное, страстное, чересчур земное, «беличье» должно преобразиться в чистейший хрусталь, а девушка-замарашка – обрести королевскую корону – завершённое посвящение. Её преподносит девушке Прекрасный принц – идеальный возлюбленный, но он, скорее Ангел-Хранитель, чем земной супруг, да и ледяная красота хрусталя не создана для жизни, она – лишь символ некоего *духовного полюса*. На его другом конце – красный цвет земной жизни – зов Рола.

Во всех традициях мира девушку спешили выдать замуж. Время подбора пары наступало сразу после достижения половой зрелости, иногда весьма условной. Девичья обувь участвовала в обрядах сватовства. В поздние времена она могла символизировать девственность невесты, а богатые украшения туфельки – достаток ее семьи.

Сказочный пафос любой сказки о туфельках, сапожках или башмачках направлен на поиск пары. Это все те же космические близ-

нещи и свойственная им «близнецовая магия»: *Раз в крещенский вечерок девушки гадали. За ворота сапожок с песнями кидали...*

За красными царскими черевичками: желанным подарком невесте, летит на «бесе желания» гоголевский кузнец Вакула («Ночь перед Рождеством»).

А мифологические параллели уводят нас в далекий Египет, где известна туфелька гетеры Фодорис. Бог Гор, воплотившийся в орла, отнес ее сандалию во двор фараона Яхмоса, который управлял Египтом за полторы тысячи лет до нашей эры.

Крошечная золотая туфелька куртизанки немедленно пленила сердце фараона. В корейской сказке туфельку красавицы Кхонкчи уносит река: девушке всего четырнадцать лет, и она ждет жениха. Теперь нам абсолютно понятно магическое значение пары туфелек. Одиноким башмачок притягивал пару, а девица «притягивала» юношу.

Пара туфелек из беличьего меха или красных башмачков – это сказочная обувь со своей особой задачей, и вполне понятно, что этот мотив разнообразно обыгрывается в фольклоре и в сказках.

В традиции найти пару, второй башмачок (встретить принца) было возможно только после суровых испытаний: поэтому в сказке «Золушка» злые сестры *«отобрали они у нее платья, надели на нее старую серую рубаху и дали ей деревянные башмаки»* (Гримм). Деревянные башмаки – путь труда и подвига, но первые дары, полученные девицей на этом пути, неизбежно отнимаются мачехой и завистливыми сестрами.

Если деревянные башмаки – путь лишений и труда, а железная обувь – путь страданий и преодоления, то хрустальные или золотые туфельки – означают преображение.

Черевички – красные башмачки, красные сапожки торопят замужество красной девицы и сигнализируют о наступлении месячных. Миниатюрная туфелька – образ женского лона, отсюда и ряд обычаев связанных с женской обувью, например, обычай польских шляхтичей пить вино из женской туфельки, совмещающей рыцарское преклонение и откровенный эротизм.

КРАСНЫЕ БАШМАЧКИ или ПЕРВАЯ КРОВЬ

*Не эти девки – не отселе, те, что выходят на лужок
И на подножку карусели заносят красный сапожок!*

Д. Кедрин

Почему такое внимание уделено обуви на пороге брачного возраста. С точки зрения архетипа, вполне вероятно, что «Красные башмачки» – это скрытый под множеством наслоений фрагмент гораздо более старого мифа или сказки о появлении первых признаков женского цветения – месячных и вступлении в менее защищенную матерью жизнь. Они учили, что кровь – неизбежность и одновременно женское торжество и сила.

«Есть сведения, что матриархальных обществах Египта, а так же Древней Индии, Турции и некоторых других районов Азии (считается, что именно оттуда на тысячи миль во всех направлениях распространилось и дошло до нас представление о женской душе) главным событием пороговых обрядов было вручение юным девушкам хны и других красных пигментов, чтобы они могли красить ими ступни. Один из самых важных пороговых обрядов был связан с менструацией. Этот обряд знаменовал переход от детства к полноценной способности зарождать в своем череве новую жизнь, владеть сопутствующей сексуальной энергией и всеми прочими женскими качествами. На всех этапах этой церемонии использовалась красная маточная кровь...которая во всех случаях стекает по ногам вниз, к ступням. Как видите, у красных башмачков есть богатый подтекст» (К.Эстесс).

Красный цвет – цвет крови и недвусмысленной готовности к зачатию. Красная девица – не просто красивая, она невеста, физически созревшая для материнства. Вель пригожий молодец на Руси никогда не звался «красным». Красный цвет мужской обуви мог означать только одно: падение сакральной женской тради-

ции, и прямое заимствование мужчин из матриархальной культуры, как были заимствованы длинные волосы и женские «платья» священников и шаманов. Красный цвет обуви зафиксирован у византийских у царей и базилевсов, позднее – у русских князей. Этот последний мог перейти от «трофейной» обуви степняков.

В европейском сказочном фольклоре следы «крови» оказались старательно подчищены, хотя и не до конца. В доме Синей Бороды кровь капала из замочных скважин – образ женоубийства и одновременно жестокой дефлорации, к которой злодейски стремился этот маньяк-многоженец.

С помощью подобных сказок женщины постарше учили молодых осознанности и адекватной реакции на окружающий мир.

Однако торжество христианской морали побудило сказочников прошлого, а также собирателей сказок переписать их «набело». Все страстное, кровавое животное преобразилось в «цветочки», разумеется, в «аленькие».

В сказке «Аленький цветочек» алый цвет лепестков (на одном из уровней понимания) служит сигналом для замаскированного сватовства и приводит девушку напрямик к будущему жениху.

На Руси алый цвет растения – редкость. Разве что мак? Алый маковый цвет глубоко символичен: это цвет крови и молодой зари. Мак – цветок Элевсинских мистерий и празднеств Цереры, в силу этого он связан с мирами бессознательного и обрядами женского Посвящения. Его слабо-наркотическое и галлюциногенное действия известны с глубокой древности. Кстати и сказочные «головушки на тычинушках» вокруг неприступного терема царевны могут означать созревший мак и время Макоши – плодоносную Осень.

Настойчивые просьбы Настеньки о заветном цветике, краше которого нет на белом свете, по сути, являются интуитивным поиском Вещего Знания, завершающим шагом женской инициации на пороге замужества.

Допуск молодых в самостоятельную жизнь был невозможен без испытаний и без раскрытия тайной стороны отношений мужчины и женщины. Мы склонны думать, что эти посвящения избавляли от иллюзий, и даже больше того – они являли обнаженную суть борьбы полов, и вскрывали тайники человеческой психики.

Девочек учили контролю над животными импульсами, учили распознавать опасность и защищать себя. Часть испытаний была сосредоточена на животной стороне взаимоотношений мужчин и женщин, где мужчина – всегда хищник, агрессор и в общении с ним нужны хладнокровие и сила.

Эти же испытания являли и самое ценное, что есть в мужчине – благородного божественного первозданного зверя. Этот юный свободный, не знающий боли мужчина живет в юном воплощении (сыне) Велеса; любвеобильном Яриле, и во множестве сказочных и фольклорных образов.

И не зря для девичьих испытаний был выбран медвежий облик Велеса.

МАША И МЕДВЕДЬ

...Взбурлила келья ревом
И в куколе словом
Пред нею Чернобог!
Н.Клюев

Усмирение Чудовища, борьба с «врожденным хищником» и собственным страхом – самая тайная и героическая часть женских испытаний. О нем напоминает обряд античной Тавромахии. Во время этого ритуального действия обнаженные акробатки сражались с разъяренным быком и побеждали его своей ловкостью и бесстрашием.

Драматический и опасный поединок юной девушки с Разбойниками, Медведем, или Зверем Лютым стал сюжетной основой многих сказок и народных баллад. Сакральный образ мужчины, рождающий ужас и восхищение представлял медведь, царственный зверь столь похожий на человека.

Об особых отношениях медведя к женщинам рассказывают забавные и страшноватые былички, главная суть которых такова – лесной воевода охоч до женщин собирающих ягоды и грибы в его угодьях.

О невероятной любви девицы и медведя повествует рассказ ямщика, записанный в XIX веке одним из русских писателей. Девушку, заподозренную в связи с лесным великаном насильно выдали замуж. Она покончила с собою на месте бывших свиданий. Медведь умер рядом, обнимая ее ноги.

В западноевропейской антологии это цикл сказок о Женихе-Звере и о Синей Бороде. Наиболее известное переложение этого мотива – баллада В. Жуковского «Светлана» и «Жених» А. Пушкина, написанные на основе русской былички, но с глубокими сказочными корнями: Красивый и богатый жених сватает девушку, но та по случайным приметам узнаёт в нём ночного губителя, и смело обличает его при свете дня. В другом случае девушке предстоит поединок с потусторонней силой, принявшей облик возлюбленного друга.

Наша хорошо известная сказка «Маша и Медведь» – память о таком ритуальном испытании женского характера, но наиболее древний вариант, повествующий о женском «ночном посвящении» – это сказка «Медведь-Кровопийца».

Медведь-Кровопийца – олицетворение тёмной, хтонической стороны Волохатого Лесного Бога. По сюжету сказки кровожадный медведь по очереди испытывает девушек. Он уводит их в тёмную избу, затворяет двери и вручает колокольчик. По звону колокольчика медведь ловит и съедает девушек.

Колокольчик – это сигнал, явный знак, но чего? Известно, что в дикой природе хищник и жертва обмениваются знаками: жертва признаёт победу «пожирателя» волной дрожи.

В жестоких законах тюремного выживания, сохранивших многие черты древних и даже первобытных инициаций, «испугаться – значит умереть». Звон колокольчика в абсолютной темноте выдаёт их дрожь, и сильнейший страх перед Зверем. Медведь-Кровопийца находит старших сестёр по звуку колоколь-

чика, и выпивает их кровь.

Из всех троих только младшая сестра сохраняет спокойствие и остаётся в живых. В некоторых вариантах ей помогает мудрая и опытная наставница – мышка. Мышка, ставшая домашним зверьком *вместе с одомашниванием женщины*, по-видимому была связана с домашним культом Предков.

В другой сказке свадебного цикла «Аленький цветочек» девушка преодолевает инстинктивный страх перед «чудищем косматым» и обретает нежнейшего друга и покровителя, сигналом к преображению чудовища служит искренний поцелуй.

МЕДВЕЖИЙ ПОЦЕЛУЙ

Однажды мне довелось побывать в «Медвежьем углу». «Медвежий угол» это биостанция в московском лесопарке *Лосиный остров*, где нашли приют несколько дрессированных медведей. Люди, связанные с медведями крепчайшими жизненными узами, по сути, продолжают традиции медвежьих вожаков (тайных жрецов Велеса), отсюда и их ритуальный возглас: «Велес жлет!».

Сами вожаки называют этот дом *Медвежий храм*. При этом Медведи здесь отнюдь не Боги, пусть и древние, в них нет ничего, что было бы выше человека. Но именно они – стражи незримого порога и врат Природы.

Здесь соприкасаются самые разные планы бытия, и человек проходит проверку на человечность: он может «срезонировать» и впасть в животные эмоции, а может сделать шаг к глубочайшему духовному знанию. Тесное общение укротителя и медведя иногда заканчивается победой животного, и человек начинает косолапить, и все больше походит на медведя.

Медведи в отличие от большинства зверей видят в цвете, обладают абсолютным слухом, и умеют считать до девяти. Смелость или трусость – самое первое разделение заметное у медвежат. Посвящение, первичная инициация у медведей происходит через глаза – когда дикая мать закладывает медвежонку комплекс хищного поведения.

У медведей – природный матриархат. Медведица в одиночку растит потомство, она же может отвергнуть самца-победителя и выбрать побежденного, если он ей нравится.

Медвежьи вожаки хранят тайнства Велесова Пути, тайнства общения человека и Природы. Мерило соприкосновения этих миров – доверие и любовь.

Вожак уверен, что состояние хищника у медведя – приобретенное и медведя можно *поднять до себя*, очеловечить: *наделить более высоким состоянием*. Главное для укротителя – не дать молодому зверю проявить драчливость, подавить желание «дать слачи». Медведя нельзя бить, применять насилие: напротив: ему надо показывать примеры высочайшей этики. Через несколько поколений и звери становятся полностью ручными.

С медведем надо держать себя уверенно, ни в коем случае не наклонятся перед ним: «не унижаться». Первичное состояние, принятое к демонстрации во всем животном мире, и неосознанно – в нашем человеческом, это взгляд, осанка, положение головы, крепкие зубы, но при этом надо понимать, что для зверя наши милая улыбка – это оскал.

Однако, прирученные медведи, желая быть более милым и человеческим, стараются не показывать зубы и обворачивают клыки губами.

У медведей есть особая сигнальная мимика и они хорошо различают выражение человеческого лица: взгляд исподлобья воспринимается ими как угроза, а сведенные брови медведи принимают за «маску гнева».

Среди укротителей, работающих с медведями, существует древняя практика, точнее испытание, оно называется «Медвежий поцелуй». Его суть в том, что медведь без намордника касается губами губ человека. Мне посчастливилось пройти эту проверку. В традиции такой контакт почитается целительским, он наделяет людей первозданной силой и помогает преодолевать сомнения и слабости.

Однако есть и опасность: «Медведь от природы – разрушитель и хулиган; коварный и опасный соперник, ибо нападет испод-

тишка. Если ему что-то не нравится, он может одним движением лапы снять кожу с лица» – предупреждают вожаки, – Но пройдя такую «духовную баню» и приняв «медвежий поцелуй», человек навсегда избавляется от многих комплексов и страхов.

Медведь – тонко чувствующий зверь, и тот, кого медведь целует и принимает «благословение Природы» и Её древних Богов. Звери видят более высокое состояние души и духа человека, и беспрекословно признают его. Задача человека – передать это состояние.

Зверь реагирует не столько на слова, сколько на внутренний настрой. Однажды посетитель медвежьего уголка, стоя у вольера с медведем, молча вспомнил, как в сибирской тайге снимал шкуру с медведицы... У медведя без видимой причины потемнели глаза, и вожак едва успел предупредить его внезапный бросок.

Управление чувствами медведя происходит за счет переключения внимания, и если у зверя пробуждается агрессия – его надо сразу отвлечь. Главный прием работы с медведями можно назвать ритуальной хвалой, когда ласковыми словами и наговорами в поле медведя вписываются нужные качества. Но есть одно условие – похвала должна быть абсолютно искренней.

Для того, кто совладал с медведем, умнейшим и хитрейшим зверем, нет тайн и в человеческой душе, не отсюда и известная поговорка: *Жалует царь, да не жалует псарь*. В этой поговорке псарь поставлен выше царя. Псаря, как и медвежьего вожака, одолевшего зверя в волевом поединке, невозможно обмануть, околотать, прельстить.

ЖЕМЧУЖНЫЕ ВРАТА

В сказке есть намек и на другую инициатическую практику, гораздо более утонченную, чем простая победа над врожденным страхом. Настенька *не только преодолевает свой Страх, но и преображает его в Любовь!*

Нет ничего страшнее страха, и ничего сильнее Любви. Страх скрывается во тьме, лишая наши чувства подлинной жизни. Про-

светлая мрачные углы души, любящее сердце становится смелым и зрячим, оно рушит узы злого колдовства, и открывает истину: Отныне оно знает главное: *то чего не увидишь глазами!*

Другой важный мотив, едва обозначенный в сказке, это *Сила Слез*. В традиции путь к преобразению женской души должен быть орошен слезами, и на пути к своему Посвящению девушка обязана пройти сквозь *Жемчужные врата*. Слезы любви и сострадания вымывают из глаз осколки лжи, и случайно залетевшие соринки. Способность девушки плакать от жалости и разделять боль всех живых существ позволяет сдать заключительный экзамен – экзамен на милосердие. Поэтому не стоит стыдиться святых слез нашей вечно юной, нежной и волшебной- прекрасной Души.

Душа слезами богатеет; девичья слеза, пробудившая Финиста Ясного Сокола от наведенного сна, ритуальный плач Хаврошечки над Буренушкой, точнее её *песнь над костями* и слезы Герды, от которых всходят *цветы памяти* – суть ступени женского посвящения.

Слезы Настеньки, окропившие Зверя лесного, преобразуют косматого демона в Духа Хранителя; в Жениха Желанного. Этот инициатический возлюбленный, прекрасный королевич являет самые затаенные девичьи мечты, которые редко воплощаются в реальности, но таково обаяние идеала: далекого светоча, *побеждающего недобрую тьму мира сего*.

В наших сказках злые чары рушатся вместе с дворцами злых волшебников и колдуний, ибо всякое зло – временно.

С 14 до 21 года в жизни девушки происходит становление юной женщины, и кости нашей следующей сказки принадлежат к тем временам, когда Богини очень любили смертных женщин и расчесывали им волосы...

«Кости сказки» – это отнюдь не гипербола. В сказке «Хаврошечка» из костей волшебной коровы вырастает дивная яблоня – дерево души с золотыми яблоками любви. В этой величавой картине вечной всепроникающей жизни обнаруживается и древнейший славянский миф, мы можем условно назвать его «материнским».

ЯБЛОНЯ ДУШИ

Пробуждение женственности после 14 лет совпадает с выходом из-под материнской опеки. В это время происходит еще одно важное событие, которое можно обозначить, как «**посев заветной яблони**». Это укрепление женской самости, обретение женской душой дополнительных сил и почвы для роста. В сказке «Гуси-Лебеди» девочка ест яблоко, но яблоня растет в далеком краю, за гранью явного мира.

В нашей следующей сказке девочка, точнее уже девушка самостоятельно растит волшебную яблоню. Она совершает то, что должна самостоятельно сделать каждая женщина: взрастить родовое дерево и дождаться плодов.

Сказка «Крошечка-Хаврошечка» рассказывает о судьбе юной язычницы, принявшей христианское имя, но всё ещё верной заветам древнего рогатого Божества. Его силой она творит свои маленькие чудеса: проходит сквозь коровье ушко и выносит из его волшебных глубин белёные холсты, пряжу и хлеб, то есть напрямую соприкасается с предковым миром волшебного изобилия. Этот магический переход сквозь Коровье или Лошадиное ушко, или через рожок, означает некое превращение, **знахарский или шаманский переход**.

Напомним, что на древнейших барельефах Богиня Матерь держит в руках турий рог — все тот же символ природного изобилия. Коровий череп — остов древнейшей Вселенной, когда сам порождающий космос был представлен телом священного животного.

Если говорить о возрастной героике, то сказка «Крошечка-Хаврошечка» отражает обретение помощи и защиты Древней Богини. Вероятно, девушки должны были его заслужить не только прилежным трудом, но и подвигом.

Подвиг этот оставался сокрытым от мира, как корни волшебной яблони или кости божественной коровы. Этот возрастной период в сказках отмечен ритуальным сиротством. В сказке добрая, слишком добрая Мать просто обязана умереть, (или переро-

Макошь за прялкой

даться в Мачеху), чтобы ее дочь состоялась, как женщина. Это закон смены поколений опирается на древнейшие ритмы плодородия и исходит все из того же закона равновесия.

В древних сообществах повзрослевшая дочь неизбежно вытесняла мать из возрастной градации и переводила ее в разряд старых матерей: «тех, что скоро уйдут». Отсюда **известное соперничество матери и дочери**, в некоторых сказках кровная мать становится злобной ведьмой, вампиром и девочку спасает «крестная мать».

«Смерть Матери» могла быть связана и с матрилинейными порядком наследования, что предусматривало переход подростков детей в – семью дяди, брата по матери: это так называемый *аванкулат* позднего неолита (III тыс. до н.э.)

Заметим, что наши сказки часто говорят о кровной розни детей в единой семье и всевластии некой злой матроны – «мачехи». При этом «отец» зачастую слаб и безволен, он никогда не пробует отстоять или защитить свою «дочь», и не удивительно: он «дядя», выполняющий роль отца-кормильца, и по ходу сказки «дети мачехи» оказываются его собственными детьми.

Сводные сестры, наследуют родовые пороки своей матери: чужой крови: зависть, злобу, лень и нетерпимость. Так сказка-быль отражает сложные и во многом непонятные нам семейные устои в традиционном обществе. Девушка попадала в материнский, но чужой для нее род, и в ее жизнь входила страшная сказка о мачехе и сводных сестрах.

Тем не менее именно «материнский род» ведал посвящениями девочек и для падчерицы наступала пора испытаний.

В более древних матриархальных инициациях мать символически отдалялась от дочери, уступая место Божественной матери: *той, что ведает и ведет*. Своей «ритуальной смертью» она препоручала девочку Матерям-Посвятительницам.

В сказке девушке-сироте тайно помогает Древняя богиня в образе Коровы. Удивительная любовь, которую дарит девице Чудесная Корова – является продолжением мифа о нашем кровном родстве с Богами.

РОГАТАЯ БОГИНЯ

Сказка о доброй и трудолюбивой девушке-сиротке и ее тайной помощнице рассказывают во всех уголках земли.

В сказке «Золушка» (идейном и сюжетном двойнике «Крошечки-Хаврошечки») крестная мать Золушки, добрая Фея, является к ней в полночь в темноте хлева.

В архаичных вариантах сказки она одета в плащ из мышиных шкурок, а на ее голове – коровьи рога. Нет сомнений, что в первоначальном варианте сказки, волшебная покровительница и вовсе представлена Коровай.

Трудно представить всю глубину почтения древнего человека к Рогатой Матери: «В корове заключена вся сладость бытия», – сказано в «Ригведе». Индийская легенда «Корова Рассвета» повествует о судьбе служанки ставшей женой принца, при содействии златорогой Коровы Зари. «Коровьи рога» египетской богини Изиды напоминают силуэт молодого месяца, а колокольчик-сисструм – о «рогатой матери».

Богини-Матери в мифологиях и религиях ближневосточных цивилизаций, а так же античных Греции и Рима являют собою примеры теснейшей связи с древнейшими родоплеменными матерями Природы. В мифологии Египта архаичный образ Богини Матери представляла Небесная Корова. В мифе о Богине Нут (изначально небесная или Золотая корова) впечатляет концовка, так отцу новорожденного ребенка предписано держа ребенка над головой читать текст перед образом богини, представленной живой коровой.

«В старых культах юным посвящаемым всегда давались духи-спутники. Греческие мифы изобилуют рассказами о том, как юных дев сопровождают женщины волчицы, женщины-львицы или другие персонажи, которые и дают им посвящение. Даже в современных, связанных с природой религиозных обрядах, которые бытуют, например у племени дине (навахо), присутствуют загадочные йеибечей – духи животных, сопро-

вождающие посвящения, а также целительные ритуалы. Здесь воплощен следующий духовный принцип: подземный мир, как и человеческое бессознательное, полон необычных качеств, образов, архетипов, соблазнов, угроз, сокровищ, мук и испытаний. Для странствий, цель которого – обретение себя, важно иметь развитое духовное чутье или проводящего, который таким чутьем обладает, чтобы не стать жертвой фантазмагии бессознательного, не потеряться в этой ошеломляющей среде...» (К.Эстесс).

Но в нашей сказке действует не дух-помощник, а волшебное нисхождение Богини: славянская Макошь.

Свидетельница тысячелетий, она прошла через века гонений и запретов с высоко воздетыми руками, Во имя ее женщины разрисовывали свои лица и тела узорами из полос и спиралей, в память о ее воловьем облике носили рогатые кики. Ее голос звучал в закличках Весны на Красной Горке и в погребальных плачах, ее передник украшался узорами цвета крови и жизни.

Древние историки и путешественники свидетельствуют о поклонении Макоши в землях ильменских славян *«требу кладутъ и творят... Мокошьи диве.... мажють Екатиюбогыню, сию же деву творятъ и Мокошь чтут.»*

Про свидетельство историков Новгородские словене поклонялись образу Макоши с воловьей головой. Воловья голова Макоши – след древнейших верований в благодать, коей наделены от сотворения мира некоторые животные и птицы. Именно голова, а не все тело несла в себе печать божественности.

О существовании такого раннего представления пишет В.Н.Татищев: «Ректор Апиц во утверждение сего (что новгородцы пришли из Вандалии) приводит, якобы новагородцы древле герб имели воловью голову, как и мекленбургский; токмо я сего нигде не нахожу, токмо что ИДОЛА МОКОСА ИМЕЛИ С ВОЛОВЬЕЮ ГЛАВОЮ» (В.Н. Татищев, «История Российская»)

«По верованиям древних славян, Макошь богиня влиянием на людей почти равная Перуну. Она была олицетворением Матери Сырой Земли, посредницей между небом и землей, между миром живых и миром мертвых.

Её изображали на вышивках в виде великанши с большой головой и ладонями, обращенными к небу — подателю благ. Она была покровительницей дождя — Мокридой и она же лелеяла мелкий домашний скот. Сохранилось даже поверье: «Овца, как шерсть ей не стригут, все же иногда протрет проплешину, тогда говорят: Макошь выстригла».

Женщины плели в ее честь венки в новолунье и жгли костры, прося удачи в любви и в семейной жизни. Это почитание сохранилось и в позднейших легендах, где Макошь выступает в роли Судьбы. Ей принадлежат образы любой длительности: женское прядение, пуповина новорожденного и нить жизни. Серп в ее руках означает власть Богини над жизнью и судьбой человека.

По поверьям, Макошь помогает женщинам тайно, часто по ночам. Г.А. Глинка в трактате «Древняя религия славян» 1804 года, называет Макошь – Мерцаной, богиней утренней зари, но из текста явствует, что Мерцана – богиня ночная: *«Мерцана любила нивы, слетая ночью на оные, играя и резвясь над ними, а может и с самими класами, любимейшими ее растениями которых созреванию способствовала...»* Этот образ Макоши, летящей на нивах был зафиксирован в православной иконографии как «Спорительница хлебов», опять же «спорительница» – это ночная помощница и охранительница.

Великая Богиня-Мать помогала женщинам справлять трудные и даже непосильные работы, но она же требовала суровой дисциплины и соблюдения всех обрядовых тонкостей.

Согласно поверьям по ночам Макошь пряла оставленную кудель, поэтому запрещалось оставлять ее на ночь, а то Макошь опрядет и перепутает нити. Впрочем, если женщине удалось добиться благоволения Богини, то нить будет спрядена на диво ровно и гладко. Женский труд становился религиозным деянием, так до двадцатого века русские крестьянки ткали обыденную пе-

лену в дар своей Покровительнице в образе Параскевы Пятницы.

Образ древней Богини женских занятий и ремесел слился с образом Пятницы, которой приносили жертву, бросая в колодец пряжу, кудель. Название такого обряда Мокрида. Имя Макоши так же связано с словами «Мокнуть», одно из имен Макоши – Мокос.

Подобно Макоши, воплощению Земли, Пятница является покровительницей усопших душ, убогих и нищих по всей Руси. *Около Пятничных церквей, обычно выстроенных у рек, вблизи воды, на Подоле, издревле селилась нищая братия со своими хатами и логовищами. Где не было воды, там рыли колодцы и пруды...* В песнях южных славян обронить в колодец золотое ведро означает скорое замужество: *«Кто ведро из воды достанет, тот со мною на рушничек встанет»*. В сказках северной Европе и в части русских сказок девушка роняет в колодец окровавленное веретенец и понуждаемая злыми фуриями, сама ныряет за ним, отголосок этого мотива есть в авторской сказке «Морозко» В.Ф. Одоевского.

ПЫЛАЮЩИЙ УГОЛЕК

*Красота, Истина, и Редкое Милосердие
во всей простоте своей лежат здесь... сокрытые в золе...
Уильям Шекспир*

Сказочное имя Синдирелла – обычно переводится как *искорка света*, или *пылающий уголёк*. У поляков оно звучит как Копшюшик (копоть, сажа), у чехов – Пепельчица, у сербов – Пепелюга, а у словенцев – Пепелька. Русское имя Золушка созвучно *золе* – древесному углю, и одновременно *золоту*, которое согласно русской поговорке и в навозе блестит. Забавная игра смыслов очень редко сохраняется в переводе.

Нет сомнения, что зола попала в сказку вовсе не случайно. Она символ траура и ритуального унижения, «работы в черном». «Зола остается от тех материальных объектов, которые сторели, т.е. перешли из мира физического в мир идей». Этнографы предполагают, что лицо девицы, проходящей возрастные испытания, мазали сажой. Зола, нанесенная на лицо и руки, обозначала не просто от-

верженное состояние, но и уход из мира людей в мир духов.

В матриархальных культурах древности наступление первых месячных обозначалось добровольным или не вполне добровольным уединением девицы в особом месте, где никто не мешал ее сосредоточенной работе и обретению опыта нового состояния, связанного со вступлением в круг женщин детородного возраста.

Спуск в колодец, падение в поддонный мир, одинокая жизнь в лесном дворце или опасное путешествие вниз по реке – память о такой ритуальной изоляции. Но даже вынужденное уединение – прямой путь к сосредоточенной внутренней жизни, к собственной памяти и к опыту предков.

Чтобы победить Природу, нужно проявить полное послушание её законам... Общение с духами Природы, с тотемными животными и лесными отшельниками, добровольная аскеза, и благородный труд оставляли неизгладимый след в юной душе.

Находясь вдали от людей, девушка принимала заботы и наставление мудрой матроны, специально избранной для этой цели.

Позднее местом такого ритуального уединения мог быть старый сухой колодец, куда девица попадала на день или более. Во всяком случае, в европейских сказках этот важнейший этап девичьей жизни обозначен падением в глубокий колодец.

В северном климате на дне такого колодца мог лежать вечный лед (русская сказка «Морозко» и немецкая «Фрау Хольда»). В льду вполне мог находиться уважаемый пращур или праматерь. Обязанностью посвящаемой могло быть перестилание «постели» таких благих мертвецов и их ритуальное кормление.

Колодец – это зимние врата женских Посвящений. Именно там, на *дне года*, в царстве тьмы и холода Девушку поджидает мудрое существо из Прежнего мира: Древняя Мать, рогатая Вила, сказочная Морозка, фрау Холда, или Баба-Яга. Она хранит неугасимый свет в чаше черепа в ожидании той, которая придет храбро перенять древний огонь.

Однако символическому «падению» предшествовало тайное

событие, обозначенное в сказках Западной Европы как «случайная кровь» или «первая кровь». Девушка, уколоч пальчик, пачкала веретенце кровью. В попытках омыть «веретёнце», она роняла его в колодец, и понуждаемая злой наставницей прыгала в его глубину. *Мы должны позволять себе падать, отречься от всего, что нас поддерживает. (Г.Гессе)*

Пребывание на дне колодца на языке женских архетипов означает глубокую депрессию, нижнее положение жизненной волны, с которого начинается подъем на гребень – подъем из колодца с новым опытом преодоления.

Так времена страдания, отчаяния и внутреннего очищения могут стать самыми плодотворными и исцеляющими для нашего сердца. (К.Эстес)

Был ли «девичий колодец» ритуальным «сухим колодцем» или настоящим: с водой и глубоким срубом, нам не известно. Но следы общеевропейского ритуала поклонения Великой Богине прослеживаются ясно. ***Возможно, что известный в традиции прыжок в поневу – это двойник прыжка в ритуальный колодец и означает обречение себя Великой Богине.*** В этом возрасте девушка получала новое знание о своем духовном устройстве и тайных творческих ритмах, которые донныне совершенно необходимы для полноценного супружества и материнства, для творческой жизни и психического здоровья.

Колодец – это не только память ритуальной изоляции и место матрических испытаний. Колодец – это период в жизни женщины, когда ей так же как воздух нужен «мертвый покой» и полное уединение, живая вода одиночества, и даже чувство своей отверженности. Так для общего душевного здоровья иногда нужно забыть о внешности и о том, какое неизгладимое впечатлении мы производим на окружающих нас людей. Нужно возвратиться в дикое состояние, на изначальную ступень, чтобы полнее оценить дары судьбы и услышать тихий шепот души и довершить само вынашивание своей творческой сути.

Довольно часто в свой собственный колодец женщина добровольно прыгает в результате психической травмы, перенапряжения, истощения душевных сил, но никогда, чтобы отомстить или привлечь внимание к своим страданиям.

Колодец – место абсолютного женского покоя и одновременно обитель Богини. Это нижняя точка солнечного календаря, противоположная купальскому взлету солнца, это время сна и тайного прорастания семян под снежным одеялом.

Возможно, что ритуальные, сухие колодцы в Франции, куда кельты, а в дальнейшем их потомки бросали дары, а иногда опускали и человеческие жертвы, были посвящены Великой Богине-Матери, которая принимала дары глубоко под землей.

В наших сказках, древняя Посвятительница так же обитает на дне колодца. Туда не заглядывает луч солнца и лежит вечный лед. Возможно, что туда опускали девиц для встречи с пращурами, и девушка видела предков, застывших в вечном сне. Пребывание наедине с образом Смерти составляло предмет чаемой инициации, где нужно было проявить почтение и послушание, отвагу и выдержку.

После пройденных испытаний и посвящений юноши и девушки получали право носить взрослую одежду: порты или поневу.

Понева (панева, запон) – древнейший род женской одежды. На юге Руси он продержался до двенадцатого века. *За Окою сарафаны не носят* – говорили жители русского северо-запада, где в ходу были сарафаны. Эта новая заслуженная одежда была итогом пройденных посвящений и служила символом готовности к замужеству.

ЗЕРКАЛО ДУШИ

Сказки о женских посвящениях отчасти дополняют друг друга, но наиболее утонченный этап этих испытаний сохранился в сказке «Аленький цветочек». Настенька, героиня сказки изначально наделена высокой жертвенной любовью и дочерней преданностью. Эти два крыла позволяют ей с высоты разглядеть истину, и под маской чудовища безобразного Настенька находит

благородную и любящую душу. Воистину, мы видим в окружающих нас только то, что есть в нас самих. В этом смысле наши близкие – наше самое верное и неподкупное зеркало: Можно, как старшая сестра Настеньки бесконечно любоваться собою в «зерцале мира», а можно заглянув в глаза «чудовища» увидеть там свет своей любви и своих надежд!

В сказке «Крошечка-Хаврошечка» примечательны образы ее завистливых сводных сестер. Старшие братья и сёстры в сказках обозначают собою душевные силы и страсти главного персонажа. Им доверено олицетворять сомнения, страсти и темные аспекты души. Старшие сестры и братья могут быть как защитниками, так и разрушителями, но не являются самостоятельными личностями, и только оттеняют характер главного героя, позволяя ему проявиться. Сводные сестры Хаврошечки наделены примечательными дефектами зрения, и отражают ложные пути странствий по духовной Вселенной.

Одноглазка – убогое неполноценное существо с плоским, бесперспективным восприятием реальности, именно реальности, потому что в мифологии единственный глаз служит признаком божества. *Единственный глаз египетского Хора означал, что божественная Истина – едина, и не может двоиться, в угоду человеческим желаниям. Один солнечный глаз имел скандинавский Один, и его свет – это свет божественного откровения. В христианской и гностической традиции Всевидящее Око, глаз Бога, неотлучно наблюдает за Вселенной.*

Но человеческое знание – неполно без любви, доброты и веры: «Где нет любви, там нет и истины...» Все эти «человеческие» качества составляют наш второй глаз. *Если твой правый глаз соблазняет тебя, то вырви его!* – со всей суровостью учит Нагорная проповедь, здесь левый глаз – это ложное представление, греховное влечение и соблазн.

В русских преданиях и быличках Лихо тоже одноглазо, и встреча с ним ведет к потере парных органов тела – глаза или руки. *Одноглазка – это нравственная неполноценность, кривая дорожка, искаженное восприятие, лишённое объективности. В допу-*

стим переложении её одинокий воспаленный глаз – это религиозная догма, покрывающая тьмой, все, что в нее не вмещается

Двухглазка – обыкновенный плотский человек, у неё два обычных глаза, чтобы «судить по одежке» то есть наблюдать вещи в их событийности, и выносить оценки без *дара различения*, и, разумеется, не ей дозорить за Хаврошечкой. Духовная слепота рождает непреодолимую лень, и Двухглазка засыпает на пастбище, едва коснувшись щекой зеленой травы.

Но вот на пост заступает бдительная Трехглазка. У неё раскрытый никогда не спящий Третий Глаз, напряженная интуиция и магические способности. Она – ясновидящая, и может наблюдать не только очевидное, но и глубинную сущность явлений и событий. Подобное всеведение редко встречается у людей и больше характерно для духов. Но на службе у зла «третье око» символизирует потерянное духовное целомудрие или черную инициацию.

Цели человека божественны если они созвучны эволюции, и они – зло и падение, если они результат неукротимой самости. Маг-недоучка может быть тонким обавником, он может создавать новые учения и увлекать за собою людей, он может даже стать «чудотворцем» и проходить сквозь стены, но волей-неволей он будет служить силам Тьмы.

В сказке зло одерживает временную победу: тайна Хаврошечки – Зари-Заряницы раскрыта, и сама волшебная разумная Природа, с материнской щедростью вскормившая лиходеек, идет под нож. Разлука Хаврошечки с её Божеством становится расплатой за излишнюю наивность и доверчивость. В судьбе Хаврошечки наступает трагический перелом, *период траура по Старым Богам и время глубочайшей аскезы.*

Она голодом голодает и кропит слезами священные кости.

О возрождающей силе материнских костей рассказывает и греческий миф о Девкалионе и Пирре; супружеской паре, спасшейся от потопа. Зевс подсказал им, что для возрождения человечества надо бросить через плечо кости Праматери – Матери Земли. Из камней, брошенных Девкалионом, получились мужчины, Пиррой – женщины.

Из костей Коровушки – выросло Древо Судьбы – волшебная

Яблоня с золотыми плодами, символ женского цветения и благодатной души. Известно, что под яблоней зарывали плодное место новорожденной девочки – символическая жертва Матери Земле.

Корни заветного дерева сокрыты в глубинах мудрого сердца, верящего в священную весну, живущего этой мечтой.

– Смерти нет! – шепчет листва яблони, – Все, что происходит в мире, к лучшему! Любое расставание любящих сердец на земле – временное, за ним – слияние в золотом потоке Любви.

Он мерцает в зрачках любящих нас людей и животных, он струится по нашим жилам и наполняет плоды волшебной яблони. Издревле яблоко служило символом знания: Знания истинного и глубокого, меняющего судьбы Мира, и потому столь опасного для неподготовленного человека.

Нет сомнений, что и Корова и Яблонька – обломки некогда величавого, но утраченного мифа; мифа о Творении мира, омытого волнами Млечного пути – Молочной речки в кисельных берегах.

Сказка учит: жестокие удары судьбы подчас кажутся нам трагическими и непостижимыми, но они приходят для нашего испытания, укрепления и осознания.

ЛЮБОВЬ И ГОЛУБИ

*Свекровь лихая – филин избяной
Чтоб очи выклевать невестке молодой
Н.Клюев*

В сказках о девичьих посвящениях особенно интересны духи-помощники. Это петух, собачка, иногда мышка и не только... В сказке братьев Гримм Золушке помогают голуби:

«– Вы голубки ручные, вы, горлинки, птички поднебесные, прилетайте, помогите мне выбрать чечевицу! Хорошие – в горшочек Поллоше, те в зобочек, – просит Золушка.

И прилетели к кухонному окошку два белых голубка, а вслед за ними и горлянка, и наконец прилетели прослетались все птички поднебесные и спустились на золу...».

«Птички небесные» означают предков, которые спешат на помощь доброй девушке, проходящей испытание. На Руси в Духов день топили бани для Навий и оставляли на пороге рассыпанную золу, а в теплой бане – угощение. Птичьи следы на золе говорили о том, что духи довольны. Зола, угольки – были целебным средством и одновременно вещью потусторонней, принадлежащей иномирию.

Именно птицы-предки вершат заключительный суд в сказке братьев Гримм, где злым сестрам воздается по заслугам. *«Когда пришло время быть свадьбе, явились и вероломные сестры, хотели к ней подольститься и разделить с ней ее счастье. И когда свадебный поезд отправился в церковь, сидела старшая по правую руку, а младшая – по левую и вот выклевали голуби каждой из них по глазу. А потом когда возвращались назад из церкви, сидела старшая по левую руку, а младшая по правую и выклевали голуби каждой из них еще по глазу.*

Так вот они и были наказаны за злобу свою и лукавство на всю жизнь слепотой».

В сказке «Хаврошечка» Яблоня растрепала волосы сестрам и в некоторых вариантах выколола им глаза – вернула их первоначальный хаос или вовсе отправила незрячих в «мир вечной тьмы». Г.Бейли превращение Золушки из служанки в королевскую дочь характеризует так: *«Внутренний свет внутри нас – это естественный атрибут духа, который просветляет и преобразует души тех, кто заботится о нем».* Внутренний свет ярко сияет сквозь золу и освещает путь девичьей души.

С 21 года до 28 лет наступает время энергичного исследования миров и собственных возможностей, возраст становления женской силы и первого плодоношения, тогда же в древнейших матрических культурах, судя по нашим сказкам, проходило и самоопределение женщины: разделение единого женского пути на жреческий и материнский путь.

Жреческий путь (вспомним весталок Древнего Рима, и дев-хранительниц огня у балтийских и западных славян) прелполагал пожизненное (реже временное) безбрачие и аскезу ради служения Богине. В этом убеждает нас сказка о Василисе Премудрой.

ДЕВА – НЕСУЩАЯ СВЕТ

*Чтобы быть счастливой – надо пройти
путь подвига, и неизбежной встречи с теневыми
сторонами своей души.*

В русской сказке «Василиса Премудрая» девушка уходит в темные миры за огнем неугасимым, за потаенным светом души.

Василиса – героическая душа, идущая по ступеням подвига. Имя Василиса – означает Царица, ночной царицей и издавна называли Луну, а сама сказка хранит отголоски посвящений девичьего царского рода, традиционно обреченных на безбрачие в силу законов наследования скипетра и державы.

Но есть и иное значение ее имени: титул *василевс* (базилевс) – тесно связан с древнейшим тотемическим образом – змеем Василиском. Мудрый змей Василиск – охранитель града, как об этом говорится в сказании о «Вавилонском царстве» и Василиса – это либо девушка, предназначенная Василиску, подобно Андромеде, либо сама дочь Змея – Змеевна.

Сказка начинается с того, что добрая, может быть даже слишком добрая мать умирает. В традиции женщина символически уходила из мира живых, едва достигнув сорока лет: сорок лет бабий век! К этому времени она готовила себе сундук со смертным приданым и переходила в новый кон: женщин без возраста, неуязвимых для земных страстей.

Слабеющая мать дарит Василисе куколку – через нее в сказку входит Посвящение *Великой Богине*. Этот драгоценный талисман олицетворяет женскую интуицию и ведовскую силу. Возможно, речь идет о таинственном пароле некоего женского союза, передаваемом по наследству. Ключ к нему – в таинстве крови и в сокровенном служении Богине-Матери.

У традиционных народных кукол не было лиц, в этом целомудренном отказе от всякой образности, от всякой иконы выразилось глубочайшее почтение к Богине.

Самые древние куклы выполняли роли домашних божков, в них же «обитали» души предков. Таковы глиняные куклолки-ста-

туэтки или ритуальная посуда в виде человеческих и звериных фигурок; знаменитая Дымковская игрушка или антропоморфные кувшины из города Ступино.

Магия подобия могла быть усилена при помощи волос умерших, такая куколка могла заключать в себе даже *мощи*. Напомним, что в раннем неолите гончарным искусством занимались женщины, они же делали разнообразные фигурки и статуэтки.

Сказка о Василисе Премудрой, сберегла все девять этапов женского посвящения, и как истинно женская сказка она переполнена лунными образами.

Луна появляется в сказке в разных ипостасях. Юная молодая Луна – это Василиса. Сказка говорит, что с каждым днём она становится всё *белей и круглее*, наливается женственной силой и красотой. Взросление тела торопит час испытаний для её души. И наступает день и час, когда старая, умирающая Мать должна передать свой свет юной, нарождающейся Деве-Луне.

Смерть Матери – это первый этап посвящения. Мать Василисы угасает, как старый месяц, оставляя Василису в полной темноте.

Сказочная Баба-Яга тоже носит лунную маску: её нос велик и свисает так низко, что касается подбородка, а тот в свою очередь выступает вперед как носок сапога. Так же выглядит и месяц на ущербе, точно так описывает вешую Старуху Николай Гоголь: *Глядь, вместо кошки (появилась) старуха, с лицом, сморщившимся, как печеное яблоко, вся согнутая в дугу; нос с подбородком – словно щипцы, которыми щелкают орехи*... Этот зловещий лик Луны, обращенный в «темные миры бессознательного».

Загалоные параллели между образом Бабы Яги, и Луной подтверждаются и в античной литературе. Плутарх в трактате «О лике Луны» говорит о том, что праведники после смерти остаются на Луне, «наслаждаясь безмятежным покоем, беседа с оракулами и служа человечеству добром. Но если человек, чьё очищение было бы неполным, попытается проникнуть туда, он в ужасе бежит, устранившись огромного и ужасного лика!».

(Известный оккультист А.Кроули связывал процесс сжигания кармы с картой Таро «Луна»).

В русских сказках Баба-Яга непременно топит баню: «Не выпарив добра молодца – выпрашиваешь!» – говорит Иван-Царевич, намекая на некий тайный обряд гостеприимства, где омытого гостя полагается усадить за стол и как следует угостить.

Вещая старуха, проводница мёртвых связана с очищением душ и тел, с обрядом омовения перед проводами, и с угощением прелков-Навий. Она сторожит врата Иного мира, а её избушка на курьих – лесная застава на перекрестке дорог, где земные пути переходят в извилистые тропы Вещего леса. В самом имени Бабы-Яги звучит санскритский корень *ga*– путь, дорога, отсюда и русское слово *гать* – настил на болоте, и греческое *Галактика* – Млечный путь.

Полный лунный цикл смерти и возрождения открывает удивительную истину и *мать Василисы и её грозная посвятельница* – *одно и то же лицо*, одна, сокрытое под лунной маской. Эта деталь позволяет нам судить о возрасте женщин, проводящих посвящения. Это были почтенные матроны после сорока лет – «умершие для желаний». Посвящение начинается в ночь темной луны и завершается, по всей видимости, в полнолуние. Свет полной луны Василиса означает «совершенный возраст» Василисы ее духовную зрелость.

Примечательно в сказке и явление трех всадников, их черный, красный и белый цвет – символические цвета великой Богини, олицетворение ее возрастных ликов и всеобщего пути посвящения, отраженных так же и в средневековой алхимии – *нигрето*, работа в черном, *рубедо* – работа в красном и *убеленные* одежды *альбедо*.

Силуэты всадников проходят на заднем плане сказки, как смутные декорации, и если бы не вопрос Василисы, *кто на самом деле эти всадники*, о них можно было бы и забыть. Однако вопрос и ответ сохранились в большинстве вариантов сказки. Именно всадники и разговор о них гарантировал сохранность паролей и ключей к потаенному смыслу всего происходящего. Всадники – три образа времени.

Во всеобщем явлении всадников» убеждает и грузинская сказка. Пастух и его жена съели три яблока, плывшие по реке. От тех яблок родились три богатыря: Ваню Утренний свет, Ваню Полуденный свет, и Ваню Вечерний свет.

Любопытный сценарий ведовской инициации, включавший обязательное «вопрошение» предлагает нам и сказка «Красная Шапочка». Что означал столь яркий головной убор, и как на самом деле выглядела эта шапочка, мы не знаем, но благодаря исследователям и собирателям ведовских знаний нам известно об удивительной традиции, распространенной в Западной Европе. Это традиция «Матерей» (Mothers), именно так не так давно принято было называть колдуний. Некоторые из них носили красные шапки, да так и прозывались: Мать Редкап (MotherRedcap), то есть «Красная шапка». Алый цвет головного убора (намек на «огненный череп») выделял их из толпы женщин, возможно, что костры инквизиции немало способствовали исчезновению Красных Шапочек, однако, страшная сказка со счастливым концом благополучно дожила до наших дней.

Согласно сценарию инициации, побывав в животе у Волка, Красная Шапочка узнает ответы на все вопросы. У Василисы это погружение в пучину неизвестного соответствует четвертому этапу её испытаний. Мы можем назвать его спуском в жилище Смерти, или мистериальным сошествием Девы в царство Аида.

Спуск женщины в царство Аиды отражен в мистическом пути Персефоны – в тайных культах и учениях её называют женской ипостасью Христа, ибо своим спуском и страданием она искупила тех, кто недостаточно страдал при жизни (К.Эстес).

В алхимии символом мрачных гибельных лабиринтов служит заступ и могильный ворон. В сказке эта ступень обозначена обнаружением лесной избушки, окруженной зловещими символами тлена: тын сложен из человеческих костей, и увенчан черепами, в проушинах замков торчат мертвые руки, но девушка храбро вступает в эту новую жуткую реальность.

Нет ничего страшнее страха! И наш мир устроен так, что наш самый скверный страх и самые худшие опасения непременно сбываются! Разумеется, мы умоляли их пройти стороной, но в действительности – указывали верный путь Черному Всаднику беды. Отныне никаких страхов! Вспомним о Василисе: Она принимает новый мир целиком, ничего не исключая, ничего не отвергая, и не боясь!

Умрите до того, как вы умрете! – это суфийский призыв сопровождает всякого ставшего на путь Посвящения. Цепляние за жизнь – не есть любовь к Жизни! Всякое «нет», которое мы говорим себе, становится препятствием в естественном потоке бытия. Говоря «Да» Смерти, мы тем самым говорим тысячекратное «Да» Жизни! Это глубокое приятие дает полное наслаждение каждым глотком бытия и дарит силу для будущих воплощений в материнском теле Земли.

Среди волшебных деталей этой сказки мы встречаем *маковые зерна, перемешанные с землей*. Василисе предстоит отделить одно от другого. В древности мак использовался в мистериях, как слабо-наркотическое и снотворное средство. Маковый веночек на голове Цереры и Персефоны означал способность к преобразению сознания и раскрытию спящих способностей. Отделить маковые зерна от земли означает научиться различать и собирать волшебную силу в гуще обыденности.

На языке Посвящения *отделить зерно от плевел* означает убрать из своего внутреннего мира все лишнее, весь мусор, а *подмести дом* – навести порядок в собственных «палатах ума» от подвала до чердачка и вымести весь душевный сор. *Что на небе, то и на земле*: прибирая и выметая избушку, Василиса выполняет наказ Древней матери; вычищает и прибирает свою духовную Вселенную.

В сказках Бабе-Яге исправно служит *помело из волос мертвецов, заключающее в себе все могущество мира мертвых*. Взмахнув таким помелом, Баба-Яга может вызвать ураган, недаром одно из её фольклорных названий «Буря-Яга» В западной традиции помело называют «конем Фей». Метла – традиционный атрибут женской зрелости, перепрыгнув через помело, невеста получала статус хозяйки дома.

Душе моя, почто добра ищешь, доброе не творя? – гласит древнее граффити в Софийском соборе в Новгороде.

Без экзамена на доброту и любовь к миру испытания девушки были бы не полны. Она ласково одаривает живых существ и духов, повязывает на березку девичью ленту (прощание с девичеством, скорое замужество или посестримство с духом Дерева, с живой душой Природы), столбам воротам подливает под пяточки масла (память о жертвенном кормлении кумиров), сторожевому псу дает хлеба.

Пес – неподкупный страж границы, порога вечности (подобный трехголовому Церберу у врат Аида), угощая пса хлебом, о Василиса приобретает союзника и проводника по ту сторону реальности.

Воспламенённый череп в руках Василисы обозначает эстафету могущества и воли, это огонь творческой жизни и новой, только что освоенной силы: силы потусторонней, волшебной, и от этого опасной.

Огненный череп поначалу внушает страх его обладательнице, и Василиса уже готова отбросить его подальше, но слушая его глухой, повелительный голос, она понимает всю необратимость своей внутренней перемены и принимает новую роль *Несущей Свет*.

Образ Девы с пламенем в руках, восходит к древнейшему архетипу женского священства, к девам-Весталкам, хранительницам святого огня. Римский культ Весты соответствовал индоевропейским традициям приобщения (клятве) Огню и Воде. В славянском пантеоне Веста стала берегиней домашнего очага. Возможно, что слово «невеста», будущая хранительница семейного алтаря семантически связано с именем этой Богини.

В западной традиции известен образ левы в короне из горящих свечей: это святая Лючия. Сказка о Василисе – это сказка героического женского пути, о душе, идущей путем посвящения. Василиса получает печать ведовского избранничества и признание ее особого пути. Однако в сказке есть поздняя приписка о ее счастливой свадьбе. Действительно в *матрических культурах древности девушки*

спускались под землю, чтобы получить в супруги короля. Но не удалого добра молодца Ивана Царевича, а короля подземной страны, хозяина заколдованного сала – незримого спутника и тайного возлюбленного. Но это уже совсем другая сказка...

НЕБЕСНАЯ СВАДЬБА

С 28 до 35 лет в жизни женщины наступает возраст осознанного цветущего материнства и сбора золотых плодов.

К этому моменту в жизни женщины уже, как правило есть, возлюбленный супруг, есть любимые дети, и соединение судеб, Золотая Духовная Свадьба уже состоялось. Обратимся к этой истинной свадьбе, которая длится отнюдь не три дня, а составляет весь период духовного лада мужчины и женщины.

Прежде чем продолжить разговор о женском пути, ответим на вопрос, кто такая «жена»? Шутник бы ответил: «половина сатаны», ведь вместе «муж и жена – один Сатана». Но в пословицах собранных И.Далем есть продолжение : *муж и жена – единая душа.*

Древнейший заговор сохранил для нас обжигающие слова женского начала мироздания « *Ты предо мною есть лютый огонь, я пред тобою сильная вода: когда загорится твое лютое сердце, то я твое сердце залью своею сильной водою*» – сказано в древнейшем из известных женском заговоре. Так мягкая уступчивость воды оказывается неодолимой силой.

Семья это уже целый мир взаимодействия стихий и потоков, взаимно умиротворяющие и оплодотворяющие друг друга. Их разность – вечный двигатель жизни, их сходство – величайший лад.

«Плодотворяющая сила солнечных лучей,- пишет Афанасьев. – и дождевых ливней, ниспадающих с небесного свода, возбуждает производительность земли, и она, согретая и увлажненная, растит травы, цветы, деревья и дает пищу человеку и животным. Это естественное и для всех наглядное явление послужило источником древнейшего мифа о брачном союзе неба и Земли. Причем небу придан воздействующий муж-

ской тип, а Земле- восприимчивый женский. Летнее небо обнимает Землю в своих горячих объятиях, как невесту или супругу, рассыпает на нее сокровища своих лучей и вод, и Земля становится чреватой, несет плоды...».

В индусских свадебных речениях жених говорит, обращаясь к невесте: «Я – Небо, ты – Земля! Соединимся и будем родить детей» В другом месте: «Подобно тому, как земля принимает в себя зародыши всех вещей, примешь и ты (жена) от меня (мужа) зачатие».

Единение Земли и Неба – суть космического супружества. Единение противоположных начал Вселенной составляет суть Купальской свадьбы.

Свадебный и купальский венок – это красота, пролившаяся с неба. Одев его, девушка становилась подобием Земли-невесты. Любое кольцо – это вечность, завет между небом и землей, человеком и Богами. Венцы и Кольца куются в златой Сварге, а молодые в день свадьбы повторяют деяния Богов.

«В отдаленный доисторический период народного развития с зарождением личного брака как определенной формы соединения двух полов, черты брака человеческого были перенесены на небо.

Мысль древнего человека небесное и земное переплела нераздельно: события человеческой жизни она перенесла в воздушные сферы; небесными явлениями она украшала скромное человеческое существование: солнечными лучами обливала новобрачную делала ее такой же лучезарной и священной, как сам солнце, цветами радуги опоясала стан девушки и рассыпала плодотворные молнии, пролила весенний животворящий дождь среди пирующих свадебных гостей. Солнце, луна, звезды, земля и молния стали принимать деятельное участие в судьбах человека.

Перенесение брачных свойств светли небесных на человечески брак сделало последнее таинством» (Н.Ф.Сумцов «Символика славянских обрядов»).

Свадьба семантически связана с принятием Суда, Судьбы, отсюда и суженые. Свадьба – это первый Божий Суд, который не

будет иметь перемены до второго и окончательного «закрадного» суда. Поэтому и символические предметы в обоих случаях одинаковы – венчик означает полную завершенность жизненного круга, фата и покров на лицо – ритуальная слепота и покорность перед Судьбой, ее полное принятие и шаг в неизвестное.

Возраст наиболее благодатного плодоношения женщины – до тридцати пяти лет, когда зачатие, вынашивание и роды происходят в полном согласии с циклами Природы.

Духовное материнство, как правило, не ограничено во времени. *Мать праведна – ограда камена* – говорит пословица. И это не просто удачно зарифмованный образ: среди славянских преданий есть рассказ о молодой княгине, безвинно заточенной в крепостную стену по жребию. В кладке стены было оставлено малое отверстие, сквозь него мать несколько лет кормила ребенка.

Способность питать – свойства матери Сырой Земли, ее чудесных щедрот и самородных родников.

Вскармливание – поистине волшебное свойство женской природы. С глубокой древности его понимали, как священный акт передачи человечности, особого неповторимого духа и даже знания, впитанного *с молоком матери*. В этом убеждает и название средневекового университета «Альма Матер» от лат. *Alma Mater*, что означает «кормящая мать», встречается и перевод «Дева-матерь». По одной из версий исконное название города Рима – Рома означает «питающая грудь», отсюда вечный Символ вечного города – волчица с двумя сосунками – Ромулом и Ремом.

Материнское молоко – обладает силой святости, так сказочные лепешки из материнского молока (марийская сказка) – предмет материнской волшбы: они делают лютых врагов – побратимами, «молочными братьями» и расстраивают нежеланный брак.

Русская сказка о героическом жертвенном материнстве называется «Арьсь Поле». Она рассказывает о том, как молодая женщина, обращенная злой ведьмой в зверя лютого (рысь) по ночам сбрасывает шкуру и кормит грудью свое малое дитя. Когда это случайно обнаруживается, то все люди, причастные к этой драме обращаются в камень.

Эта дикая мать живет в каждой женщине, она прибегает на наш зов, когда все другие силы исчерпаны и мы остаемся одни на один со своей божественной и дикой природой.

ПЕСНЬ КОРОЛЕВЫ

*За каждым большим мужчиной
всегда стоит женщина-королева...*

После тридцати пяти женщина вступает в царственный возраст Её незримая корона это венец трудов и талантов, дары духа и дары судьбы. Царица – это высшая реализация женского архетипа, это безупречный вкус и стиль, богатый женский арсенал и абсолютное благородство.

«У некоторых арийских народов... было обычным видеть продолжателей царского рода не в мужчинах, а в женщинах (Фрезер, 1984 г.).

К этому выводу он пришел, исследуя латинские, греческие, скандинавские, британские предания. В.Я. Пропп обнаружил следы схожего обычая в русских сказках. Братья Рис раскрывают подоплеку подобного поведения, показывая на кельтских и индийских примерах, что власть и страна (ср. др. рус. «волость») воплощалось в облике супруги правителя.

Таковы Власть, жена короля Ньяля, и королева Мелб из ирландских саг, такова спутница Индры Шри-Лакшми. Это – персонификация царского правления... Дух Власти... Отношения с которой носят сугубо брачный характер» – пишет Лев Прозоров в своих «Размышлениях о волхвах» (2006 г)

Но в наших сказках царское величие тройственно: Царь небесный, Царь земной и Царь нижнего мира. Каждый царь живет в паре со своей царицей.

Остановимся на образе земной царицы: Цереры. В образе царицы Флоры (Природы, Кибелы, Матери-Сырой-Земли) она вынашивает новые идеи и замыслы, заботится о земном царстве, растит сад души. Архетип Цереры включает земное и подземное плодородие.

Ее жизнь – полная чаша. Чаша – символ беременности в том числе и духовной). Вдвоем с венценосным супругом она правит миром, являя космическое величие Женщины.

У женщины-царицы воистину «ума – палата», и она никогда не теряет «голову». Она щедра и неисчерпаема, она наделяет силой, заряжает близких людей оптимизмом и радостью жизни. Её кредо – выдержка, терпимость, без истерик и женских кошмаров. Её символ – равновесие.

Для своего Царя – она муза и соратник. Она выбирает мужчину и умом и сердцем одновременно, умеет любить преданно и мудро, выстраивая отношения так, что там нет места для ревности и больных привязанностей. Такая женщина всегда в форме. Её ум не знает смятения он – зеркало мира. Но в сказках есть и образ испорченного зеркала-души – *Я ль скажи мне всех милее?* – вопрошает испорченная, подменная царица. Можно в волшебном блюдечке наблюдать весь мир, а можно только самое себя.

Заметим, что царский ум не выключается никогда. Психологи говорят о развитости позиций восприятия у женщины царского возраста и положения – она знает свои потребности (царская простота), а так же чувства, потребности и нужды других людей. Она королева – мать, ее мотивации: бескорыстие, щедрость и строгость в отношениях людьми. *Сила женщины в ее слабости* – не ее императив. У нее глубокие сильные чувства и яркие переживания, но не они владеют ею, а она управляет «тигром», владеет зверем и если «коня на скаку остановит» – то, разумеется своей духовной силой.

«Остановить на скаку коня» означает развитие самоконтроля, воли и дисциплины. Она умеет настаивать на уважении к себе и проявлять красивую силу. Она скрытый лидер и проводит только позитивные манипуляции с мужем, детьми или с подчиненными. Можно отметить ее умение завоевывать, и править без насилия, без грозы. Все это признаки высокой духовной власти и врожденного умения вести за собою людей.

СИЛА РОДА

Женщина – избранный сосуд Жизни и хранительница чистоты крови. Ей доверено сбережение бесценного дара – генетической искры, унаследованной от Богов, и это воистину «царская задача». Священное таинство крови, ее благородство в древности связывали с «гением рода», со «славой» или с «харизмой».

Сохранившиеся летописные источники рядом понятием «царской харизмой» и «гения рола» помещают древне-русское слово «кобь». Именно так понимали кобь образованнейшие люди древней Руси – переводчики религиозных текстов. В житии Поликарпа Смирнского клятва судьбой и гением императора обозначается всё тем же словом: **«Кленися в црю (цесарю) кобь»**.

То есть кобью звалось могущество царя, его врождённый дар «правления и заступления», и магического ограждения своего народа от бед. *С властью в голосе, с повелением во взгляде* – эти внешние качества царя-волшебника, коронованного волхва принадлежат тому же ряду явлений.

Однако, в корневой основе слова кобь присутствует яркий *генетический* оттенок. Известный собиратель русского фольклора А.Н.Афанасьев жаловался в одном из писем, что *«глупый цензор всюду вымарал в сборнике слова: «кобыла», «кобель» и заменил их словами: «лошадь», «собака»... То-то, подумаешь, нравственные люди!»* – возмущался он.

Действительно, в слове «кобь» и созвучных ей словах *кобель* и *кобыла* можно обнаружить грубый, сексуальный смысл, однако слово «кобыла» стоит гораздо ближе к функциям и свойствам коби. «Не всякая лошадь – Кобыла!» – сказано в словаре у Даля. «Кобыла – матка, ярая молодая лошадь», и от себя добавим: носительница породы.

Это подтверждает польское слово *кобета* – женщина, и имя финикийской богини плодородия – *Кибела*.

Новый пласт значений, родственных волховской *Коби* проступает при сопоставлении со словами латинского языка, обозначающими запретную сексуальность: *инкуб* и *суккуб*. В середине

Художник Игорь Ожиганов «Морозко»

века так называли ночных духов-совратителей. Удивительно, но факт: даже слово *инкубатор* связано с *кобью* не только созвучием.

В словаре Брокгауза и Эфрона читаем: *инкубация* – у древних сон в храме, чтобы получить от Бога выздоровление или указание. Общим для всех этих слов является корень *сiv*, обозначающий ложе, ведь с глубокой древности и до наших дней именно через ложе осуществляется передача огромных объемов информации.

Наследование и передача царского дара так же осуществлялась через таинство брака, и средневековые источники особо подчёркивают роль императрицы в вопросе наследования властной харизмы.

Известны случаи, когда узурпатор получал царский трон только вместе с прежней царицей. Таков был византийский базилевс Никифор Фока и его преемник Иоанн Цимисхий... По выражению летописцев он «*примесия к Феофане, первой царице*». В этом случае женщина понималась, как гарант подлинности власти, как «избранный сосуд», хранительница таинства крови и *таинства коби*.

Обратной стороной этого явления будет обычай массового насилия над женщинами покоренных народов. С глубокой древности пленные женщины использовались победителями для оккультно-магического воздействия на побеждённых через поругание их судьбы-харизмы-гения.

Передачу информации через *плоть* можно обозначить как *полевой и волновой эффект* общения и настройки людей друг на друга, своеобразную эстафету незримого огня – в чем собственно и заключается задача женщин всех времен и народов.

ПУТЬ К СЕБЕ...

«В древние времена в историях о женщинах, спустившихся в преисподнюю. Говорилось, что они делали это ради того, чтобы получить в мужа короля». (К.П.Эстесс)

Миф о Персефоне, о богине Иштар и влюбленной Инанне отражает естественную тягу женщины к подземельям, где царит Змей. Любовная связь между левой и царем нижнего мира – мифологический сюжет периода раннего земледелия, и первый шаг человека к неистошимым силам Матери Земли.

И у нас есть примечательная сказка, совпадающая по сюжету с древнейшими мифами Европы, Ближнего Востока и Средиземноморья.

Сказка о безрукой девице известна в сотнях вариантах по всей Западной и Восточной Европе, а Ближнем Востоке говорит не столько о древности сюжета, сколько о его жизненной востребованности целыми поколениями женщины, ведь сказка – женская и целиком и полностью принадлежит к женскому пути. История сюжета связана с «Тысячью и одной ночью» и с западными средневековыми легендами. Старейшая из девятнадцати известных – «Vitaoffaergrimi» относится к XII веку, она сложилась в Англии, и известна в связи «Кентерберийскими рассказами» Джеффри Чосера (XIV в.) и его рассказом о Констанце. Есть определенное сходство и с «Приятными ночами Страпаролы (ночь 1, сказка 4), с «Пентамероном» Базиле (III, 2). К данному сюжету относится и русская рукописная «Повесть о царевне Персике». Впервые народные восточно-славянские сказки о Безручке, генетически связанные с «Повестью о царевне Персике» творчески своеобразно развившие ее сюжетную канву, были напечатаны в сборнике Афанасьева (три русских сказки и одна белорусская). Наш вариант сказки: «Безручка-Безножка» входит в собрание Шокшозерских сказок, записанных Н.Е. Ончуковым на Русском Севере.

В нашем варианте сохранены уникальные детали, которых нет в большинстве сохранившихся народных и литературных вариантах, и если Дьявол кроется в деталях, то именно в них порой слышен шелест ангельских крыльев.

Итак, *«жил-был старик со старухой, у них был сын и дочи...»* Умирая родители наказывают брату и сестре называть друг друга «батьюшкой и матушкой», по-видимому, в значении жена-муж. Батьюшка – батя – это именно кровный зачинатель, семя от семени, плоть от плоти, отец – в отличие от него всего лишь кормилец детей. И в этом слове – тоже ключ к смыслу сказки. Судя по сказке, семья живет в лесу, уединенно и это уединение вынужденное.

Завешание дает старуха, хотя судя по сказке, жив и старик. Это означает, что сказка ведет нас в глубокое прошлое, «к родовым связям по материнской линии, скрытым в подземной мире»...

По-видимому, в сказке речь идет о ритуальном инцесте или о священном запрете на брак с чужими. В народной культуре инцест считался грехом (сказка «Страшный грех»), однако случайный (когда муж и жена узнавали о своем близком родстве случайно) расценивался как рок, перст судьбы и ее неумолимый суд.

Иногда речь напрямую идет о божественных силах в человеческом обличии (сказка «Сестрица Аленушка и братец Иванушка»).

Однако, в сказках от такой противоестественной связи иногда рождается славный богатырь.

Богатырская сказка «Алеши Попович» рассказывает о попе, «появшем» собственную дочь, от чего у нее рождается чудесное дитя. Почему в сказке упомянут поп? «У него запрет вдругорядь жениться». Вроде как понятно... На самом деле речь снова идет о вынужденном браке кровных родственников. Его причины: изолированная жизнь этой семьи или некая тайна крови, которую нельзя передавать чужим, о «священном браке внутри рода», о царском пути избранных существ. Может быть, и наша сказка под лохмотьями скрывает царскую порфиру?

Этот главный мотив кровного родства и узнавания по тайным признакам будет еще раз использован в сказке. А пока мы лишь

можем представить себе Брата и Сестру – две половины единой души: двух частей одной картинки. Вдвоем они дают образ идеального существа – обнявшихся божественных близнецов . Души, созданные попарно, являют космическую целостность к которой мы иногда стремимся всю жизнь, как к самой заветной мечте.

Для женщины – этот духовный близнец ее внутренний мужчина, представляющий собою активное творческое начало, импульс воли и созидания, самодисциплины, самоотверженности и цельности. Для мужчины – это глубокая и прихотливая связь с миром чувств и с женским творческим планом, тончайшая эмпатия и трепетная деликатность.

В начале сказки «Батюшка и Матушка» живут в полном согласии и сообща выполняют родительский завет. В психологии глубин такой союз – это слияние Души и Духа, оберегающего начала и того, что бесконечно нуждается в его защите. Но этот период лада короток и неустойчив, потому что эти двое юны и неопытны, а мир полон соблазнов.

«Сестрица-матушка, я женюсь», – однажды говорит брат-батьюшка. Сестра трижды уговаривает отложить свадьбу на год.

В мифологии трехлетний период – это время набора силы, как в те три года зимы, после которых согласно скандинавским мифам наступит Рагнарек – гибель Богов, но в подобных мифах после катастрофы из руин рождается новый мир покоя и благоденствия. Число «три» – передает кульминацию борьбы, ее напор, после трех лет наступает катастрофа и возрождение.

Три года девушка готовится к неизбежному испытанию, к необратимому шагу. К перемене в своей жизни, но ее сопротивление реке Жизни и Судьбе – обречено. На третий год брат женится на девушке из города. Происходит ненамеренное, но тяжкое предательство юной женственности и невинности. По всей видимости, было нарушено необходимое равновесие чувств между «братом» и «сестрой», либо их союз был обречен на творческое бесплодие.

В любом случае изначальное равновесие чувств, маленький лесной рай разрушен навсегда, эти связи больше некому поддерживать, и девушка теряет защиту, кровь и самую жизнь. Брат (бабушка) – символ тех сил души, которые должны оберегать и быть проводником во внешнем мире. Но они больше не могут держать бережный круг.

Брат приводит в дом чужую, злую женщину. Это ошибка мужского эго, он сам приводит в дом хищника – поврежденные инстинкты, испорченные чувства. У хищника есть способность искажать впечатления (подменять письма) порочить, принимать любой облик. Этот внутренний хищник падок на сладкое и начисто лишен жалости.

Разумеется, «злая жена горожанка» возненавидела «сестру-матушку», за ее душевную близость к молодому мужу. Возникает неразрешимый «треугольник»: *«Прошел год, больше. Она родила сына и сына своего зарезала, вымыла и положила на лавку. Приходит муж с лесу, она и причитывает (над ребенком): «У твоего отца-бабушки есть сестрица-матушка, не пожалела племянника и зарезала...».*

По навету злой жены брат решает казнить сестру, но почему сестра молчит, не пробует оправдаться или выйти на поединок с «хищницей»? Видимо есть и ее часть вины во всем происшедшем. Она слишком любила брата. Ведь она пробовала остановить, затормозить, притасить мужской активный принцип ради иллюзии счастья, но на «чужом несчастье счастья не построишь».

Она была несправедлива, когда покорно звала брата – «бабушкой», выполняя родительский завет. Этот неверный посыл: покорность и семейное воспитание и стало камнем преткновения, и девице придется сполна отработать за него.

«Вот приехали они в лес в корбу дремучую, и брат отрубил ей по локоть руки, по колен ноги. И оставил ее, сам уехал ломой».

Рука или нога архаичном понимании – самостоятельная часть тела, у которых своя карма-судьба. Вору отрубали руку, повинную в преступлении больше других частей тела. Лисичка отдает собаке «виноватый» хвост. В древне-русской повести воевода Дракула – отрубил руки жене-бездельнице у которой муж пахал в рваной рубашке.

В былине «Михайло Потык» солнечный богатырь Михайло отрубает жене Марье Белой Лебеди руки и ноги, *за то что с поганым татаринном оплетались*. В традиции славянских целителей руки олицетворяют связь с потомками, ноги – с предками. Человек, оставшийся без рук и без ног, обречен не только на мучительную смерть, но и на утрату человеческого облика.

Сказка хранит след необратимой катастрофы: отрубленные руки – роковая потеря способности к творчеству, ноги – необратимая утрата свободы и передвижения. Душа женщины уже никогда не вернется к прежнему состоянию.

Это событие в ее жизни означает потерю всего; веры, любви, дома, здоровья, будущего, защиты и тепла. В психологии глубин это предательство, смертельный удар от того, кому мы больше всего доверяли. Окровавленное орудие в руках мужчины (отца или брата) это символ мужского насилия, на интуитивном уровне это уничтожение веры в любовь, глумление над женской природой и даже изнасилование.

Однако следуя мужественной парадигме Ю. Эвола мы можем сказать: *все что нас не убивает, делает еще сильнее!*

«Потеря невинности – травма, но зато мы узнаем, что не все в этом мире так красиво и безопасно, а мы – вовсе не центр вселенной» – пишет о подобной женской травме К.П.Эстесс.

В нашей сказке брат рубит сестре руки за содеянное зло. Ноги – за то что привели к преступлению. В других вариантах сказки он хочет отрубить ей голову, но запела птичка, девушка подняла лицо и роковой удар пришелся мимо.

В западно-европейских вариантах сказки топор назван «среброгубым». «Во всем мире в туземных ритуалах присутствует принцип: ошеломить обычный ум, чтобы посвящаемый мог легче постигать священное», писал М. Элиаде. В эпоху палеолита посвящение посредством топора (топорика) проводила родоначальница племени.

Возможное сказочное «четвертование» это память посвящения посредством ударов топора, отсекающих прошлую жизнь, старые руки, ради того, чтобы отрасли новые.

Ритуальный топор призван отсечь ненужное, то, что будет мешать в близком будущем. Ведь девушке предстоит затвор, изоляция, спуск в глубокий колодец... и новое рождение в женском мире. В сказке девица олицетворяет искреннюю душу, которая прежде пребывала в дремотном состоянии, но под кроткой наружностью скрывается героиня-воительница. Она обладает выносливостью одинокой волчицы.

Она способна вынести кровь, грязь, увечья, предательство, обиду, одиночество и изгнание, которые сопутствуют посвящению. Она способна скитаться в нижнем мире и вернуться в верхний мир обогащенной опытом. «Её задача пройти через царство мертвых и остаться живой, именно так рождается сознание».

Отсечение прошлого – сильнейший ритуал, сквозь который проходим мы все, когда приходит час расставаться с иллюзиями: **Иллюзии – это смерть, и смерть – иллюзия...**

Оставшись без рук и без ног, девушка возвращается к некоей изначальной дикой природе! Она получает рану и вместе с тем посвящение: Она знает, как умереть и воскреснуть, она входит в мир первичных ценностей! Ведь «посвящение – это процесс, в результате которого мы расстаемся со своей естественной привычкой жить бессознательно и принимаем решение стремиться к сознательному союзу с сокровенным разумом, даже если на этом пути нас ожидают страдания, борьба, трудности. – пишет К.П.Эстесс. – Потеря и предательство – первые нетвердые шаги долгого процесса посвящения, который приводит нас в *la selva subterranea*, – в подземный лес души. В подземном мире ее потеря (жесткое увечье, утрата невинности) рассматривается, как ритуал перехода. Молодое деревце следует обрезать топором. Чтобы пышнее росло».

Увечье ритуальное или добровольное означает время глубокой аскезы (обет молчания) и приближают человека к миру духов и Богов, и его непохожесть, печать отверженности – обратная сторона избранничества, это тот самый зимний колодец Богини матери, где мы обретаем воду нового рождения. Об этом же говорит и наша сказка.

«Вот она и каталась горячим камнем (катышком-клубышком) и прикатилась к Иван-Царевичу в сад... В саду был колодочек, в этом колодочке была жива вода и мертва... Тогда она несколько яблоков съела. Несколько назень срыла (уронила на землю)» – говорит сказка.

Цветущая плодоносная яблоня символизирует прекрасную сторону женщины, ту сторону ее натуры, корни которой уходят в мир Дикой Матери, где они получают питание из глубины. Пять семечек – пятиконечная звезда великой Богини – Ладонь Макоши, отсюда и образ «большерукой» Пятницы в народном искусстве.

«Яблоня – богатство дикой природы, чувственная творческая способность и вызревание идей, питание души и непрерывное познание. Как некогда Персефона, а еще раньше Великая Богиня неолита, девушка находит дорогу в чудесную страну, где растут волшебные сады, и где ее ожидает Жених. Чем дальше, тем больше через эту сказку начинает просвечивать древняя религия.

В греческих мифах над входом в загробный мир сплетали ветви два дерева, а Элизиум, куда попадали добродетельные люди состоял из чего бы вы думали? – из садов!» (К.П. Эстесс)

В подземном же мире или в мире ином все истолковывается в свете таинств подлинного виденья, верного действия и дальнейшего превращения человека, обладающего непоколебимой внутренней силой и мудростью.

«Женщины, которые питаются плодами, водой и семенами труда в подземных лесах, психологически сами наливаются, как сочный плод, их душа наполняется и пребывает в процессе непрерывного созревания». Девушка принимает Дикое причастие, похожее на поцелуй, она съедает плод, не касаясь руками.

Плод-плоть – это обещание радостей скорого материнства: ибо благословен плод чрева Твоего...

«Приходит в сад Иван Царевич – а она была красива – увидал ей, за плеча и потащил домой», – так описан в сказке момент тонкого духовного узнавания.

Голодная, изувеченная девушка, приползшая в его сад, до глу-

бины души трогает юного царевича. Что это? Чудо любви, признание духовной красоты в окровавленном, вымазанном в глине существе, едва ли похожем на женщину. «А она красива была!» – замечает незримый рассказчик.

Красива по меркам того царства, куда попала! Всяк сверчок – *знай свой шесток*. . . Помните сказку Андерсена «Дюймовочка», где толстый неуклюжий жук влюбляется в хрупкую девочку-эльфа – в гармонию иного мира, но весь жужжащий рой насекомых отговаривает его, уверяя, что тонкая талия – это безобразно, и что у его симпатии нет даже «крохотных усиков». Опыт – великое дело! Но и красота – понятие неуловимое и всемогущее, так, что даже сама любовь – лишь капля яда на остром жале красоты.

Видение красоты зависит от иного зрения. Так майский жук, глубоко очарованный «не насекомой» красотой Дюймовочки, послушав разговоры «понимающих и сочувствующих», внезапно «слепнет» и перестает видеть то, что изначально пленяло его.

Однако голос любви, если он достаточно силен, заглушает все советы. В чем тайна непостижимого влечения Царевича к Безручке? Все дело в том, что молодые люди – зеркало друг друга, и молодой царевич способен узнать это сродство под любым обличьем.

Царевич – это знание, найденное в подземном мире, дух-хранитель и спутник для девушки, прошедшей испытания. В сказке мы видим рудименты этой истории, когда царевич, едва увидев девушку, без сомнений и колебаний тотчас полюбил ее, как родную.

Он узнает в ней близкую душу, и признает ее совершенство, не вопреки отсутствию рук и ног, а именно благодаря этому! Это продолжение *темы отверженности, обездоленности и вместе с тем божественной полноты!* Второе рождение свершилось, *полярности объединились, и крылатая душа обретает силу обеих!*

Итак, откроем секрет внезапного узнавания! Загадочный Царевич – это Змей, древнее подземное божество, и девушка-«торс» – тоже его «змеиной породы». Но особая природа Царевича по всей видимости была неведома нашему северному рассказчику.

В сказке есть Царский Сад, но не тот, о котором мы писали

Вековуха

ранее. Сад – это алтарь подземных Богов, первозданный древний мир, и сам Иван-Царевич, его сад, живая вода и плоды с его деревьев обладают даром исцеления, ведь **в царстве змей заново отрастают отрубленные хвосты и «потерянные» части тела.** Надо только верить и ждать!

Подземный сад – сад обновления и возрождения. «Это место – *la selva subterranea*, подземный лес, потаенный мир женского знания. Это дикий мир расположен прямым образом под нашим миром, где хозяйничает *эго*.

«Находясь там, внизу, мы усваиваем инстинктивный язык, инстинктивное знание. Там скрываются древние божества, и если мы хотим встретить их, то должны отважиться на спуск» (К.Эстес)

Царевич в нашей сказке исцеляет любимую при помощи Живой воды, Король, в западно-европейской сказке заказывает для девушки пару серебряных рук. Девушка пьет воду, съедает яблоко, исцеляется и после этого (иногда) снова теряет руки. В

некоторых вариантах сказок руки ей больше не нужны, ведь она – царица и все ее повеления исполняют усердные слуги.

Чуть позднее у наших героев рождается Духовное Дитя. *«Она ему родила сына по локти ручки в золоте, по колено ножки в серебре, по бокам часты звезды, во лбу светел Месяц, а на затылке красно Солнце»*. В авторском варианте сказки, дитя падает в колодец, но мать спасает его:

«И ту, словно из сердца, выросли у нее руки...» В жизни всегда есть место чуду, и наши сердечные длани способны согреть и обласкать весь мир, а наши сильные ноги – это вечное движение, ровный бег навстречу будущему и крепкая прочная связь с материнской почвой.

Пройдя все драматические испытания, героиня сказки становится ночной царицей и хозяйкой волшебного сада. Так миры души цветут при свете месяца. *И даже само солнце должно проплыть мимо ее подземных владений, чтобы обновиться к следующему утру.*

СОРОК ЛЕТ – БАБИЙ ВЕК

*Старух и баб-сороколеток
Заколотить живьем в подклеток!
Н.Клюев*

С тридцати-пяти до сорока двух время цветущего материнства остается позади, золотая царская корона и сады земных наслаждений оказываются «за горами».

В жизни женщины наступает золотая осень: возраст итога, когда первый иней серебрит траву, когда собран весь урожай и только грозди рябины, как алые бусы еще напоминают летней поре. Это те самые осенние дни, когда принято «считать цыплят». И тщательно пересчитав их, женщина бросает на них прощальный взгляд и уходит в далекое странствие.

Она вступает в возраст духовной искательницы, и накинув на голову плат, посещает миры души, передает заветное древо-семя дочери.

В сказках есть образ умирающей матери, или матери, превратившейся в воспоминание, в доброго ангела или в злую фурию. В любом

Художник Игорь Ожиганов «Морана»

случае эта перемена должна состояться, чтобы дочь могла развиваться, и состояться, как женщина. *«Мать за бубушкой – дитя»* – гласит суровый закон смены поколений у родового огня, закон передачи заветного семени по серебряной цепи женского наследования.

В некоторых сказках отражено трагическое соперничество матери и дочери, когда мать-оборотень вытесняет и даже убивает собственную дочь, и тогда на помощь спешит крестная мать, на более глубоких уровнях понимания Богиня-Посвятительница или Духовная Мать.

Сороковины – это символическая смерть женщины-цветка, и ее переход в круг зрелых матрон, вышедших из возраста ярого плодonoшения и в силу этого могущих здраво рассуждать о страстях молодости. Наступает время женской мудрости и преобразования: физического – в духовное, смертного – в вечное. Отныне женщина пребывает в союзе с силами судьбы, с жизнью и смертью и с самым всемогущим Временем.

После сорока лет («сорок лет бабий век») женщина готовила себе смертное приданое, и удалялась на свою «хрустальную гору». Такой обычай сложился отчасти под давлением религиозной морали, отчасти благодаря традиционными представлениями о циклах женской жизни.

Но это лишь один из возможных сценариев возрастной реализации в традиционном обществе. В традиции после «сороковин» женщина могла углубить свою духовную и обрядовую жизнь, она могла стать повитухой или знахаркой, и в дальнейшем – берегиней, Рода – Бабой Ягой. «Ягать», на одном из диалектов «кричать при родах».

В возрасте после сорока лет женщина обретает духовное величие, когда её духовная власть матери подтверждается и укрепляется подростками детьми. В Новгород-Северской песне старая женщина, потерявшая сына, обретает сверхъестественную силу Матери Земли: *«Она взяла его на белы ручицы, повела его до церкви. . . сами свечечки запалились. . . сами книжечки зачитались. . . тело белое схоронилось. . .»*.

Другой неустойчивый образ периода сороковин – «пустая»,

бездетная неоплодотворенная женщина, являющая опасное безумие Цереры в ее низшей хтонической ипостаси. Буйство неоплодотворенной женской силы совпадает с началом Зимы.

В западной традиции – это Хеллувин, праздник ведьмовских шабашей, чествование темного лика Великой Матери.

У славян ее имя – Марена.

ДВЕ ЖЕНЫ СОЛНЕЧНОГО БОГА

Примечательный сюжет есть в былинке «Михайло Потык». Жена Солнечного богатыря Михайлы Потыка – Марья Лебедь Белая, дочь царя Вахрамея, оказывается опасным оборотнем.

Древний календарь различал наступление зимы с появлением снега – отсюда символика белого цвета: *Белая лебедь, колода бело-дубовая и белый шатер*, в котором засыпает Михайло Потык. Белый цвет – означает женскую бесплодность Марьи.

По заранее заключенному договору после смерти Марьи «спустили их во матушку во Сыру Землю, зарыли их в пески желтые». Смерть героев – временная. Вместе с солнцем-богатырем Марья-Марена уходит в могилу глубокую, на поиски Живой воды и воскрешения.

Зимний солнцеворот, Ситиврат, был великим событием древнего календаря. *«Когда наступали самые короткие дни в году и самые длинные ночи, древний человек думал, что зима победила солнце, что оно одряхлело, утратило свою лучезарность и готово умереть, то есть погаснуть, – писал А.Н. Афанасьев.- Но торжество злых сил продолжалось на далее 21 декабря – день в который солнце поворачивало на лето, и который поэтому слывет в народе поворотом, поворотником или солнповоротом».*

Три года в могиле проводит Михайло, он побеждает Змея и оживляет Марью живой водой. После предательства Марьи и чудесного спасения у него появляется новая добрая супруга Настасья Окульевна. У зимы с летом мира нету, и сказочный архетип, разделившись надвое, указывает два пути женской возрастной инициации.

Обратимся к Купальским обрядам, там дерево, которому дава-

лось имя Марены, не украшали на корню, как Троишкую березу, чтобы оно могло и дальше жить, а срубали под корень – в жертву Марене. Вельма-Маринка в сказке «Сестрица Аленушка и братец Иванушка» это все тот же яркий календарный образ. В сказке её разметывают по полю, привязав к лошадиному хвосту, точно так, как поступали с обрядовой куклой в Купальском обряде.

Две жены солнечного божества (явная-неявная, тайная, ложная, пребывающая за гранью и истинная) являют нам две стороны женской реализации.

Архетип Марьи Моревны, как обратный лик Лады живет в женской душе, чтобы в решающий момент явить злое буйство и безжалостную месть.

В песнях и сказках сохранился образ жестокой и прекрасной женщины: хладнокровной «жены-губительницы».

Героиня древней северной песни «зла жена», «потребила мужа» (дословно принесла его в жертву-требу) Песня запечатлела все подробности преступления: «...на ножке-то сердце вынула, на булатном-то встrepенулося, а жена-то зла усмехнулася, во холодный-то погреб бросила. Правой ножкою да притопнула!»

Возможно, что песня рассказывает вовсе не о злодеянии, а о сезонном крестьянском труде, где «сердце» означает зерно, вынутое из колоса. «Нож» – молотильный цеп, «холодный погреб» – зимнее поле, где посеяна озимая рожь или ячмень. В песне упомянуты правая ножка и правая рука, то есть дело – то «правое». Окошечко и горькие слезы, упавшие за него – это свет и влага, нужные для прорастания злаков.

Зло необходимо, чтобы вырос злак. Таково «поле созвучий и смыслов» и поле деяний Богини Мары.

Нет сомнений, что эти песни женщины пели ритуально, в те периоды, когда ощущали в себе силы темной Богини. Такова песня «Не сиди девица поздно вечером»:

«Из главы Твоей ендову солью... Из суставчиков налью стаканчиков... Из ясных очей – чары винные... Из крови твоей накурю вина» – прозрит жестокая красавица своему «милому».

Далее она строит из костей возлюбленного терем. Заканчивается песня загадкой: *«загану я вам загадочку: хитру-мудру не разгадливу: Во милом живу, на милом сижу, из милого пью, кровь милого пью...»* все говорит о том, что речь идет не о простом смертном человеке: ее любимый – великан-волот, а вся песня содержит отголосок ведического мифа о мужском Перво-Божестве, положившем самое себя в основание мира ради блага всех живых существ. Другая сторона этой же мифологемы запечатлена в «Голубиной книге», где «белый свет» «зачался» от частей тела и самого дыхания Божества...

Женщина-Марена решительно отсекает все лишнее, слабое, недостойное, все, что теснит ее самость. Жестокая царица в сказке «Иван-Богатырь» отправляет единственного сына за медвежьим и львиным молоком и за гибельным хлебом из мельницы-самомолки, и, в конце концов, за желчью Змея-Дракона. За всеми злоключениями Ивана Царевича проглядывает все тот же кологодный ритм. Ему удастся покорить диких зверей и добыть молоко – звериное молоко означает приход весны весенний период, удастся добыть волшебных булок из мельницы-самомолки – собрать осенний урожай и даже победить огненного змея – дракона холодных северных туч. Выполнив последнее задание, богатырь ложится отдохнуть. Злодейка-мать обматывает спящего богатырским сном сына медной проволокой (заковывает «в железа» – ледяные скрепы). Сын просыпается. Мать требует, чтобы он порвал тысячи обмоток, тогда он станет царем. Но силы сына на исходе и тогда мать вырезает ему глаза и бросает ослепшего в лесу.

Видимо к буйной силе Марены-Губительнице славянки обращались довольно часто. На исходе зимы крестьянки прогоняли мороз с ритуальными угрозами: *цепом голову проломлю, метлой очи высеку*. Той же экспрессией полон болгарский фольклор, где женщина-мать угрожает янычару, подробно описывает все казни, которые его ждут.

Силою Марены-Губительницы осуществляется практика личных женских проклятий, в том числе и материнских.

Некий загадочный образ запечатлен на картине К. Васильева «У чужого окна». Богатырь в алой рубахе с вилами на плече, по всей видимости, олицетворяет Велеса, рядом с ним – светлокосая дева в темном траурном платке. Кто эта ледяная красавица с белоснежным лицом, с тонким коромыслом Жизни и Смерти? Это сама Мара: тайная, незаконная, первая возлюбленная Велеса: поэтому на картине есть некто «третий», таинственный соглядатай, смотрящий в ледяной «глазок» окна.

Календарное чествование славянской богини Мары (Марены) не оставило прямых этнографических свидетельств. Известно, что поздней осенью в деревнях проводили обряд «Похороны Костромы», связанный с трепанием и вычесыванием льна от кострики (Костромы), с ее последующими похоронами-сожжением.

Некогда ледяное дыхание Марены останавливало свирепые моры и эпидемии, а это значит, что Марену ждали, как милостивую избавительницу. По поверьям ей принадлежит Живая и Мертвая вода.

Полнота понимания и востребованность Богов в жизни людей изменялась от эпохи к эпохе. Упомянутые песни, позволяют нам соотнести возникновение и усиление образа Марены с неолитической мифологией. Сохранившиеся мифы раннего неолита и соответствующие им сказки повествуют о великой Женщине, соединяющей в себе любовь и смерть, красоту и гибель. Она иррационально враждебна к мужчине, враждебна всякому порядку.

Марена – богиня ничем неограниченного матриархата. После смены гендерных ролей ее древний образ не только никуда не ушел, но и обрел новые черты.

В русских сказках лик губительной и всемогущей Марены сохранился в образе Марьи Моревны. Она жестоко испытывает влюбленных в нее витязей, и на ее дворе «не счесть колов, а на них – голов», однако ее притягательность в глазах женихов не убывает, ибо *сильна как смерть любовь!*

Сказка хранит неосознанную память о ритуалах глубокой матрической древности, где женщина выступала в своем пугающе

грозном величии. Ефрем Сирин описывает неудачный ритуал, совершенный императором Антиохом Епифаном: *«Антиох в Персиду бо быв вождом. И при нем нестерпимая мнящая бытии сила, посечени быша в капище Нанеи прельщения употребившем жрецем, сущим при Нанеи... Егда вниде Антиох, отверзши свода сокровенную дверь, меташе камень, побивша игемона и сущих с ним, и разделивши на уды и главы отсекаше изметаша к сущим вне».* (2 Мак. 1, 13-16)

Император Антиох Епифан, по версии (2 Мак) был убит во время или сразу после совершения *священного брака* с богиней Нанеей, или Инанной, женским божеством Междуречья. В священной горской легенде, широкой известной благодаря М.Лермонтову, как «Царица Тамара» *мрачный эвнух* выполняет роль *жреца Инанны*. В сказках и в описанных сюжетах Мужчина, как защитник порядка, терпит временное поражение перед женской стихией.

Возможно, что это отражение календарных реалий, когда солнечный богатырь либо спит в плену у злой ведьмы (Сказка «Финист Ясный сокол»), либо переживает лишения и даже смерть (цикл сказок «Иван Царевич»). В картине года это объясняется буйством не оплодотворенной женской силы накануне зимы. Мать-Земля уже спит, вынашивая семя, осенний гон у медведей, оленей, и лосей давно миновал, затеплив новую жизнь.

Во роде человечьем тоже зреют плоды, зачатые, после осенних свадоб и на Купалу, и только Зимняя Дева все крепче сжимает в объятиях замерший мир, сыпет снегами, кружит метелями, воев ветрами. Её зимнее неистовство, это гнев неуголенной страсти, это неукротимое желание заморозить весь мир.

Но Богиня разрушительница в итоге только усиливает силы бытия, ведь в эту пору мороз и голод сурово испытывают все живое, и держат его в состоянии поединка с такой коварной и прекрасной Мареной.

БАБУШКА

*Есть на земле еще старушки
С душою светлою, как луч,
А эти... дверь своей избушки
Я б запираю за ней на ключ.
Н.Рубцов*

Наступление ритуальной чистоты совпадало с посвящением женщины в статус бабушки. Самое теплое слово на свете – это бабушка. Это повторение всего лучшего, что есть в женской природе на новом возрастном витке. Любовь бабушки к внука не только не меньше, а зачастую сильнее, чем у матери и детей. Так же и внуки души не чают в бабушках: *Сыр калача белее, бабушка матери милее.*

Эта зрелая любовь согревает жизнь и довольно часто уходит за ее грань, когда бабушка становится заступницей и берегиней Рода: *Со своей бабусей – никого не боюсь!*

«В некоторых памятниках, относятся к мезолиту и раннему бронзовому веку Евразии, например на Украине обнаружены своеобразные погребения, в которых ребенок или подросток положен с женщиной преклонных лет, очевидно с бабушкой.

Несомненно, что по этнографическим данным именно бабушка вскармливала часто своим молоком внуков в таких примитивных культурах, как австралийская и некоторые африканские. Очевидно с ранними сроками начала брачной жизни женщины первобытно общинной эпохи становились бабушками значительно раньше современных. Именно старшая женщина в коллективе средняя продолжительность которого не превышала тридцати лет, оказывалась в силу традиций или обстоятельств наставницей своих внуков» (М.Хлобыстина).

Бабушка провожала внука или внучку в новую жизнь, чтобы не был там один, не боялся и в конечном счете вырос! Повсеместное убеждение о том, что «дети на том свете тоже растут» сохранилось в обычае отмечать условный возраст умершего ребенка.

Художник Игорь Ожиганов «Баба-Яга»

В мифах народов Севера культурный герой оказывается спасен и выращен бабушкой: «Где-то старуха нашлась потерянная. Старуха на маленьких санках колыбельку таскает, корни ест...» (Мифы нганасан).

Достигнув возраста «бабушки женщина выходит из-под власти традиционных табу и ограничений, она может вдоволь путешествовать, заговаривать с кем хочет, трогать и брать за руки незнакомых людей»(К. Эстес)

Бабушка – это возраст женского странничества. Так женщина взрастив детей, и дождавшись внуков, впервые в жизни могла вволю путешествовать. Довольно часто старицы становились паломницами по святым местам, и молитвенницами за свой род. На этом пути женщины добирали котомочку земной мудрости и могли наделять ею живущих. Образ такого знания – путеводны-клубок Бабы-Яги, который она вручает искателям.

Некогда выход на путь был равносильно уходу из общины, отказу от доли, и самому необратимому переходу, потому что люди, покинувшие общину-мир, иногда не допускались обратно, и вполне возможно, что бабушка-странница становилась гостьей из Ирия.

Так согласно русским поверьям Бабочка – это родная душа, залетевшая из Ирия. В деревнях бабочку до сих пор называют «бабкой», отсюда и детская считалочка: *Бабка-Липка, сядь на травку, приколю тебе булавку.*

У древних египтян слог «Ба» обозначал Душу человека, точнее, её посмертную, крылатую ипостась. На фресках её рисовали в виде птицы с женской головкой. Есть птица Ба и в русских сказках («Царь-Чернокнижник»).

«Бабкой» звалась деревенская прялка, в ее росписи была явлена женщина-вселенная. Многозначное слово «бабка» в словаре Даля означает нечто опорное, корневое: малая кузнечная наковальня, и одновременно косточка голеностопного сустава у лошадей.

Седина в традиции – это цвет безупречности и чистоты, свободы и творчества, цвет волшебного Преображения и крылатого

полёта над условностями бытия: цвет звёзд. «Звёздные» старцы и старицы в русских сказках символизируют просветлённую мудрость и духовное ободрение.

Бабушка – Хранительница домашних святынь – она бережет милые сердцу вещи, рамки с выцветшими фотографиями, письма, и всю память семьи. Под светом ее лампы – Огня рода, собирается родня – именно она создает и держит бережный круг рода, она собирает и выравнивает, мирит, и ласкает.

На ней же – зоркое и строгое наблюдение за всем, что происходит вокруг ее дома. Для этого есть лавочки у подъездов, деревенские палисады и часто промытые оконные стекла. «Бабушки в окошке» зорко смотрят за молодыми, за длиной юбок и иными явными приметам нравственности, судят и рядят, то есть осуществляют контроль за соблюдением родовых Табу, свою древнейшую родо-племенную задачу.

С сорока двух до сорока девяти – возраст опыта, и обретенные дальней стоянки – своей избушки «на курьих ножках»..

ЗАГАДКА КУРЬИХ НОЖЕК

Согласно большинству сказок Баба-Яга живет в избушке на «курьих ножках».

По мнению В. Липатова выражение «курьи» означает вовсе не «куриные лапки», а «болотные сваи». Ряд диалектов производит название болота от извечного болотного «курева» – тумана.

Одно из диалектных названий *болота* – *курья*. *Курья* – место туманное, подернутое дымкой. С этим значением связан и глагол «курить», первоначально означавший не вульгарное курение, а появление дымка «курева», позже: каждение или воскурение фимиама: *Кругом курильницы золотые подьемят ароматный пар* (А.С.Пушкин). С древне-римской Курией был связан культ священного огня. Курень – это дом с печкой, в переносном значении «дым». От постоянного дыма-курева получила свое название и Вулканическая гряда Курил.

Ключевое слово к разгалке «курьих ножек» – болото.

На зыбкой болотной трясине, само собой, избушку не поставишь – нужны столбы – те самые курьи ножки, заметим не лапки, а именно ножки. Высокие сваи – вот что отличало дом на болоте от прочих домов и одновременно делало его похожим на ритуальный домик для «покойника» – домовину. Во времена лесных захоронений такое сооружение располагалось высоко над землей, чтобы оберечь тело от хищников.

Жизнь на болоте вдали от людей – признак избранности и отверженности. После такого переселения у женщины появлялось больше возможности практиковаться в магии и изучать законы бесплотных миров.

В результате такой ритуальной изоляции, для женщины наступал возраст воспоминаний и общения с призраками. В сказках это «Мертвые руки», которые ей служат.

Пест и ступа в ее руках говорят пахтании-животворению, которым она владела.

Судя по сказкам, к ней приводили детей для определения их судьбы, к ней шли за исцелением.

Но постепенно общество утратило священный взгляд на это ритуальное изгнание, равносильное «проводам на тот свет». Добровольных отшельниц стали демонизировать, подозревать в зловредной магии и преследовать. Началось это задолго до христианства, и от столетия к столетию облик Древней Матери обретал всё более безжалостные и вульгарные черты: У неё титьки до колена, перекинута за спину...

Современные поэты чуть более милостивы:

Незамужняя ты и бездетная/ в каждом встречном ты видишь врага/ А врожденная женственность. Где она? / Ты ведь все-таки баба, Яга! /Но молчит, только смотрит зловеще на/ Этот мир, населенный людьми /Вот такую становится женщиной/ Без любви... (Н. Зиновьев «Баба-Яга»)

Во многих сказках Баба-Яга владеет табунами волшебных коней. В сказке о Василисе её избушка – это конюшня для разномастных лошадей и их всадников.

Русская Яга, как и греческая Деметра, древнейшая из земных богинь, наделена силой кобылицы и божественным плодородием. Неукротимая плодородная сила злаков известна в британской традиции как «Зов кобылы». Галльские кельты поклонялись триединой Богине в образе трех кобылиц Эпон. В Римском войске одна из её ипостасей была покровительницей боевых лошадей.

Кельтская Богиня с лошадиной Головой отчасти поясняет образ ночной Посвятительницы.

Сказочный Иван Царевич проводит ночь в лесной избушке, среди символов смерти и разложения, рядом с жутким искаженным образом женщины – Бабой-Ягой. *Посмотреть в Её лицо – значит увидеть vagina dentata, кровавые глаза, безупречное новорожденное дитя и крылья ангелов – и всё это сразу,* – пишет исследовательница архетипов К.П.Эстес и добавляет, – *Во всех культурах земли Смерть названа женским именем.*

Архаичные, подлинно народные варианты сказок, напрямую говорят о любовной связи юноши и лесной отшельницы. Баба-Яга парит гостя в бане, поит и кормит, валит юношу «на лежанку». Да и сам Иван-Царевич ведет себя довольно игриво: *Не накормивши гостя, выпрашиваешь, не выпаривши в баньке за стол сажаеть...* Ведь согласно сценарию инициации он добровольно пришел к Бабе-Яге, чтобы подняться над своими врожденными страхами, и победить саму Госпожу Смерть в любовном поединке. Врожденный страх Смерти психологи связывают с глубинным страхом перед женщиной, без понимания и принятия этой стороны женской природы обычный мужчина останавливается в духовном развитии, а мужчина-адепт «застревает» между уровнями инициации.

Подлинная суть ночного испытания сохранилась в картине ночных скачек на необъезженной, дикой лошади в сказке «Конек-Горбунок» и в сказочных фрагментах, посвященных табунам Бабы-Яги.

В сказках, посвященных мужским посвящениям, под «маской кобылы» может скрывается не лошадь, а женщина-жрица, сама необузданная Прирола, которую должен приручить, то есть «оседлать» юноша-адепт. Покорив страстную женскую стихию, юный мужчина обретал власть над страстями и неизгладимый опыт Посвящения.

Разумеется, многовековые ритуалы не исчезают в одночасье. Из церемоний «Царского пути» они перешли в ритуалы шаманских и волховских инициаций, и запечатлелись в сказках, пример тому сказка П.Ершова «Конек-Горбунук», целиком посвященная шаманскому посвящению.

Отголоски этого древнего испытания все еще звучат и в повести Гоголя «Вий», написанной на фольклорном материале. В повести «Вий» образно, но от этого не менее обнажённо показана борьба исконно матриархального язычества и шаткого, неуверенного в себе христианства.

*Первый поединок бурсака с Ведьмой, с Древней Матерью, с Бабой-Ягой оканчивается его победой, но эта победа кажущаяся. Под ударами **святого кулака** старая ведьма становится юной и прекрасной панночкой. Это превращение говорит о магическом преображении и омоложении языческой народной души народа под внешними ударами.*

Гениальный Гоголь тонко угадал и превосхитил тайную жизнь языческих образов, их неистребимую силу и пугающую мощь. Фома убивает старую ведунью и сам погибает в магическом поединке с её бессмертной ипостасью.

Истории о могущественной Старухе рассказывают о всех уголках земли. Так в Шотландской и Ирландской мифологии сохранился примечательный персонаж – *Старуха из Бэра*. Согласно легендам она жила на лесистом острове Бэр у западного побережья Ирландии. В Ирландии и Шотландии существует множество легенд о её необыкновенной мудрости и силе: она воспитала пятьдесят приемных детей. Кроме того она обладала даром возрождающейся молодости и в силу этого за всю свою долгую жизнь имела огромное количество возлюбленных. Подобно Буре-

Яге она умела вызывать ураганы, а из камней, выпавших из её фартука, возникали морские острова.

Сохранились архаичные представления о том, что Земля непрерывно растёт. В сказках это уже едва уловимый образ огромной женщины (Старая мать, Буря-Яга, Макошь) – её гребень – густой бор, её зеркало (ковшик) озеро, её пряслице мельничный жернов, а Её веретено крепится к полярной звезде. Конец Старухи из Бэра тоже символичен: чтобы, наконец, состариться и умереть она набрасывает на себя покрывало монахини, таким образом, её уход недвусмысленно связан с принятием Христианства и сменой духовной власти на северо-западе Европы.

Разумеется, народная молва фиксировала только внешние проявления жизни старухи из Бэра; а её истинные, жреческие функции угадываются только в сопоставлении с образом нашей Бабы-Яги.

Оказывается, наша крепкая старуха имеет прообразы даже в самых экзотических культурах. В Вуду это Лао – богиня забытых дорог, самая страшная во всём пантеоне, но от этого лишь более уважаемая. И в заключение великолепная цитата из книги Сергея Яшина «Инициация в современном мире»:

...На Тибете распространён культ богини Ахамо, своеобразный аналог нашей Бабы-Яги. Она изображается в идее исхудавшей старухи. Натянувшей на плечи кожу собственного сына, плотью которого она только что полакомилась.

Говорят, что Революция пожирает своих детей. Это прекрасно! Если этого не происходит, то либо революции не было, либо дети не пришлись ей по вкусу.

Наша добродетель в том, чтобы приветствовать тех, кто придёт и принесёт нам гибель, дабы оказаться достойными своей кровожадной, но бесконечно прекрасной Матери...

ВО ПОДОЛЕ МАКОШИ

Студеной водой умоюсь
Матерью-Землей укроюсь...

Вспомним наши семимильные шаги, которым мы «просте-гали» Женский героический путь:

До семи лет – возраст сна под материнским крылом, расцвет фантазии и воображения, игры Золотого ребенка.

С семи до четырнадцати лет – пробуждение женственности, выход из-под материнской опеки и посев заветной яблони.

С четырнадцати до двадцати одного года – возраст расцветающей чувственности и девичьей дикости, первое посещение Вещего леса в поисках заветного огня, обучение и уход за яблоней.

С двадцати одного до двадцати восьми – энергичное исследование миров и собственных возможностей. Возраст становления женской силы и первого плодоношения.

С двадцати восьми до тридцати пяти – возраст сознательного цветущего материнства и сбор золотых плодов.

С тридцати-пяти до сорока двух – возраст искательницы, заветное древо-семя передано дочери.

С сорока двух до сорока девяти – возраст опыта, и обретение дальней стоянки – своей избушки в Вещем Лесу.

Перечислим все поздние возрасты женской жизни:

С сорока девяти до пятидесяти шести – возраст подземного мира, изучение снов, знакомство с миром Нави. Изготовление оберегов и одежды для Перехода.

С пятидесяти шести до шестидесяти трех лет – возраст окончательного выбора своего будущего мира и подготовка к нему, возраст ободрения живущих и принятие дара седины – звёздного света.

С шестидесяти трех до семидесяти – превращение в наблюдательницу, глубинное усвоение всего выученного, и молчаливое ожидание. С семидесяти до семидесяти семи – возраст омоложения и младенческой чистоты.

Воздадим должное нашему недавнему прошлому: СССР – страна Великих Матерей заботилась о них и восхищалась ими до глубокой старости. **Не вечная старость, а вечная статность!** Так предельный возраст манекенщицы в СССР был 75 лет. До этого возраста легкая промышленность разрабатывала модели для матерей-героинь, именно в них явлена и *нестареющая сила, и нетленная краса* нашего народа.

С семидесяти семи до восьмидесяти четырёх для женщины наступает возраст призрачных существ – обретение большого в малом и утасание земной тяги.

С восьмидесяти четырёх до девяносто одного – возраст ткачества из красных нитей и понимание сплетения судеб. Возраст глубинной мудрости.

С девяносто одного до девяносто восьми – возраст бесплотности и молчания.

С девяносто восьми до ста пяти – возраст дыхания и усвоения законов бесплотных миров.

От ста пяти – возраст безвременности, и великой белизны. Это цвет снега и седины, пелёнок младенца и смертного савана, он там – где смыкается кольцо Великой Богини Матери.

«В старых религиях содержание себя в чистоте и подготовка к смерти делают человека неуязвимым, недостижимым для зла. Окружая себя древней защитой Дикой Матери – меловым кругом молитвы, высочайших устремлений или заботой о благотворном для души исходе, – мы способствуем тому, что выполняя свой психологический спуск, не сбиться с пути, чтобы наша жизненная сила не пала жертвой дьявольской, враждебной энергии души...» (К.П. Эстес).

Подол Великой Богини-Матери становился прощальными покровами Матери Земли и колыбелью возрождения. Почти полное подобие славянской колыбели и домовины отмечалось многими исследователями. Эти священные предметы делали из одних и тех же традиционных пород деревьев, первоначально шили из шкур, позднее вязали из бересты, плели из луба, долбили из липового ствола, собирали из досок, при изготовлении колыбели и гроба соблюдался особый угол наклона стенок, вырезались одинаковые символы и узоры.

Так смыкалось обержное коло Богини Матери, соединялись обе полы Времени, и вышитые края белоснежного рушника складывались в единый узор цвета зари и крови. Женский героический путь – это подвиг во имя Рода, это незримое миру алое горение и вечная дорога в будущее, это отважный дар предвидения, это *песнь над костями*, и те заветные силы, которые позволяют женщинам стойчески выстаивать среди бурь и упрямо илти на зов Жизни.

Арина Веста
Москва 2015 год.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Афанасьев А.Н. «Поэтические воззрения славян на природу», три тома, Изд. «Индрик», Москва, 1994 г.
- Афанасьев А.Н. «Народные Русские сказки А.Н.Афанасьева в 3-х томах». 2-е издание, 1873 г.
- Баландинский Б. «Языческие шифры русских мифов», Издательский дом «Амрита-Русь», Москва, 2007 г.
- Бэйли Г. «Потерянный язык символов», Ассоциация духовного единения «Золотой Век», Москва, 1996 г.
- Велецкая Н.Н. «Языческая символика славянских архаических ритуалов», «София», Москва, 2003 г.
- Васильев М., Грашина М. «Языческий календарь», Москва, «Вече», 2010 г.
- Веста А. «Велесов ключ, сакральные коды русских сказок», «Велигор», Москва, 2010 г.
- Гельмольд «Славянская хроника», Москва, 1963 г.
- Говоров В.И. «Начала Православной арифметики», Москва, 2011 г.
- «Русские народные духовные стихи XI – XIX веков», «Московский рабочий», Москва, 1991 г.
- Гуили Р.Э. «Энциклопедия ведьм и колдовства», изд. «Вече», Москва, 1998 г.
- Добровольский А.А. (Доброслав) «Язычество, как волшебство, Издательский центр «Слава» 1995 г.
- Дугин А. «Гиперборейская теория», Москва, 1997 г.
- Дугин А.Г. «Логос и Мифос», МГУ, Москва 2010 г.
- Дудко Д.М. «Голубиная книга», «Эксмо», Москва, 2008 г.
- Ермаков С., Гаврилов Д. «Были и небыли сказки», «Вече», Москва, 2012 г.
- Забылин М. «Русский народ, его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия», Москва, 1880 г.
- Зеленин Д.К. «Очерки русской мифологии», Петроград, 1916 г.
- Иванов В.В., В.Н. Топоров «Славянские языковые моделирующие семиотические системы», Москва, 1965 г.
- Клюев Н. «Словесное древо», ООО Издательство «Росток», Санкт-Петербург, 2000 г.
- Коринфский А.А. «Народная Русь», «Град Китеж», 1995 г.
- Кравцов Н.И. «Славянский фольклор», Изд. МГУ, Москва, 2009 г.
- Кригер Барбара «Свет Славянский», Варшава, 2011 г.
- Липатов А.Т. «Прикосновение к Тайне», Изд. «Университет», Йошкар-Ола, 2010 г.
- Максименко Г.З. «Велесова Книга. Веды об укладе жизни и истоке веры славян», «Концептуал», Москва, 2008 г.

- Мартынова Е.Т. «Беседы 2013», «Беседы 2014», Качаброво
- Матюшин Г.Н. «Археологический словарь», Москва, АО «Учебная литература», 1996г.
- Мелуоз К. «Магия рун», Москва «Прана», 1997 г.
- Миролюбов Ю. «Ригведа и язычество», Мюнхен, 1981 г.
- Мифологический словарь под ред. Е.М.Мелетинского, Москва, Покровский бульвар д.8.,1990 г.
- «Народные Русские сказки из сборника А.Н.Афанасьева», Издательство «Правда», Москва,1982 г.
- Неелов Е.М. «Натурфилософия русской волшебной сказки», Петрозаводск, 1989 г.
- Новиков Н.В. «Образы восточнославянской волшебной сказки», Ленинград, «Наука», 1974 г.
- «Обрядовая поэзия, календарный фольклор», под ред. Круглова Ю.Г. Москва, 1997 г.
- Ончуков Н.Е. «Северные сказки», «Тропа Троянова», С-Петербург, 1998 г.
- Передельский В.С. «Новгородские древности», Новгород 1898 г.
- Платов А. «Магические искусства Древней Европы», «Гелиос», Москва, 2005г.
- Пропп В.Я. «Исторические корни волшебной сказки», «Лабиринт», Москва, 2002 г.
- Райн В.Н. «Баня в полночь», ООО «Новое литературное обозрение», Москва, 2006 г.
- «Ригведа», Изд. Академии Наук, 1989 г.
- Рыбаков Б. «Язычество Древних Славян», «Академический проект», Москва, 2013г.
- Саловников Д.Н. «Загадки русского народа», «Терра», Москва, 1996 г.
- Сахаров И.П. «Сказания русского народа», «Терра», Москва, 1997 г.
- Соколов Ю. «Русский фольклор», Изд. МГУ, Москва, 2007 г.
- «Славянская мифология. Энциклопедический словарь», «Красный пролетарий», Москва,1993 г.
- Сперанский Н.Н. «Книга природной веры», «Велигор», Москва, 2009 г.
- Срезневский И.И. «О языческом богослужении у древних славян», Петроград, 1848 г.
- Стефанов Ю. «Мистики, оккультисты, эзотерики», «Вече», Москва, 2006 г.
- Татищев Ю.Б. «Гиперборейское учение «Замкнутого креста» и некоторые другие очерки из книги «Арийский фундаментализм», Москва, 2010 г.
- Тейлор Э.Б. «Первобытная культура», Москва, Издательство политической литературы, 1989 г.
- Теребихин Н.М. «Сакральная география Русского Севера», Архангельск, 1993 г.

Ткачев А.В. «Боги и демоны «Слова о Полку Игореве»», АО «Московские учебники», Москва, 2003 г.

Флоренский П. «Оправдание космоса», «Учебное издание» С- Петербург, 1994 г.

Элиаде М. «Ностальгия по истокам», ООО Издательство «Институт Общегуманитарных исследований», Москва, 2006 г.

Эстес П. К. «Бегущая с волками», «София», Москва, 2008 г.

Фромм Э. «Искусство любить», «АСТ», Москва, 2014 г.

Арина Веста Священный смысл языческих обрядов

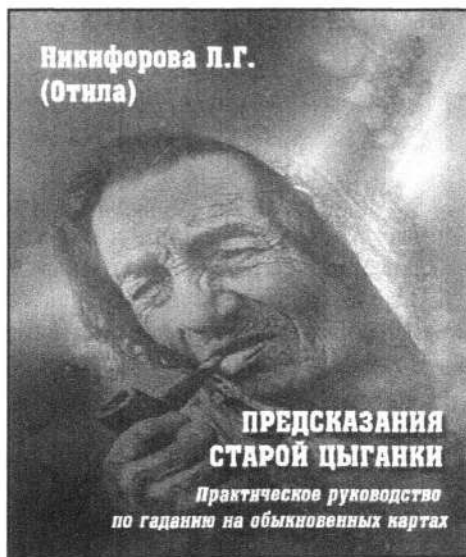
Посвящается людям, возродившим общинные обряды Родной Веры и традиционный славянский Кологод. В книге отражен обрядовый опыт московской общины «Вятичи» и авторское видение сути языческого обряда.

Книга написана для людей, желающих больше узнать о древнейшем славянском обряде, глубже постичь языческую традицию наших предков, а также прошлое, настоящее и будущее Родной Веры.

Арина Веста Солнце героев: Мужской и Женский героический путь в сказках, обрядах и преданиях славян

Как вырастить героя? Не обывателя-потребителя и не пустого биоробота, не холодного достигатора, а героя? Как помочь нашим детям обрести прочную опору в Традиции? На этот вопрос есть только один ответ: надо укрепить нашу собственную связь с древним знанием, пройти по ступеням взросления и подвига, и, отыскав героический дух в самой обыденности, обрести героя внутри себя. В этой книге мы попробуем проследить воздействие героического мифа на все стороны жизни наших пращуров, в том числе и на вопросы воспитания. Вместе с героями русских сказок мы пройдем путем Солнца по древнему Кругу силы. Мы ступим на свой Калинов Мост и победим! Мы откроем семь корневых смыслов хорошо известных сказок, многие из которых считаются детскими, а на деле скрывают знание, способное изменить мир! Мы получим в руки загадочный Велесов ключ и коснёмся сказочной конспирологии. Сказочный мир так необозримо велик, что мы можем выбрать любую тропку в Вещем лесу.

Никифорова Л.Г. (ОТИЛА)
ПРЕДСКАЗАНИЯ СТАРОЙ ЦЫГАНКИ
*Практическое руководство по гаданию
на обыкновенных картах*

Предлагаем вашему вниманию работу, которая позволит познакомиться с личным опытом автора, случившимся много лет тому назад, а конкретно в 70-х годах XX столетия во время встречи со старой цыганкой в таборе, который остановился в Подмосковье на краю деревни Шолохово.

Книга построена на реальных событиях, произошедших в те далекие времена. В основе данной работы лежат записи, сделанные автором, в то время еще девочкой и вы, прожив вместе с ней небольшой период жизни, сможете открыть двери в мир познания удивительной жизни цыганского табора и понять насколько чудодейственна и свободна энергетика цыган.

Данная работа раскрывает не только способы гадания на игральных картах, их описание и расклады, но и позволяет окунуться в сказочный мир, открывающий новое видение. Знания, полученные автором от старой цыганки, представленные в данной работе не имеют аналогов так как получены из первых рук в течение нескольких месяцев общения. Эта информация кардинально изменит ваше представление не только о способах прочтения колоды, но и ваше отношение к народу, тайные знания которого способны изменить и вашу жизнь.

Всю информацию о книге можете посмотреть на сайте: www.veligor.ru

ВЫШЛИ В СВЕТ КНИГИ АВТОРА:

Амфитеатров Владимир Леонович МАГИЧЕСКИЕ АРТЕФАКТЫ

По народному поверью считалось, что пряники имеют целебные свойства и помогают в лечении тяжелых болезней, усиливая магическое воздействие знахаря. В таких случаях пряники украшали с особым старанием, а на обратной стороне вырезали буквы имен архангелов. На доске формы для печати пряника по всему периметру повторяется надпись:

Сначала кажется, что полуграмотный резчик изобразил случайный набор букв, "для красоты". Но если буквы назвать их именами в алфавите кириллицы, то можно получить осмысленный текст:

"Како Онъ есть Слово како што живете (живот) Онъ".

Здесь "Онъ" - это Бог, а "Слово" - из Библии: "...И Слово было у Бога, и Слово было Бог". Слово - это Сила исцеления, идущая от молитвы или заговора и создающая из пряника - Тело Божие (пасхальный кулич), несущее "живот" - жизнь, здоровье и исцеление!

А доска с этими буквами, наделяющими пряник Силой, являлась Магическим Артефактом. Им-то посвящена эта книга!

Амфитеатров Владимир Леонович ДУХИ И ДУХ: МАГИЯ БЕССМЕРТИЯ

В наше время магией занимаются серьезно два «профессиональных сословия» человечества: это маги и писатели-фантасты. Все остальные «пользователи», как правило, или используют чужие наработки, или сочиняют даже не сказки, а неумелые и довольно глупые магические «вирши»: «мгновенный безгрешный приворот силами черных Ориша» или «он сказал Слова Богини — и на его ладони возник шар света», причем свет желтый, а вот если синий — тогда это смертельно опасно! К счастью, свет оказался изумрудным! (Казачук. Хранитель Святыни. 2010.)

Так что же такое магия?

Амфитеатров Владимир Леонович
**МИРОВЫЕ СИСТЕМЫ
ПРОГНОЗИРОВАНИЯ**

Прочтя данную книгу, вы поймете сокровенный смысл ростка Илт! Книга будет интересна и для понимания истории развития мировых систем прогнозирования, и для получения точных практических предсказаний в повседневной жизни.

Амфитеатров Владимир Леонович
**СТРУКТУРА МАГИЧЕСКИХ
ОПЕРАЦИЙ**

Обычно книги по магии бывают двух типов. Это или Компендиум – сборник ритуалов с комментариями об их правильном проведении, или Гримуар – сборник ритуалов вообще без комментариев, даже заклинания в лучшем случае даны в огласовке русского языка с подстрочным переводом, а иногда – на языке оригинала вовсе без перевода.

В данной книге Автор попытался объяснить не только внутреннюю структуру каждой магической операции некоего ритуала, но и дать физическую основу этих магических ритуалов и их операций. Впервые, в отличие от распространенной литературы, рассмотрены аспекты как бытовой, так и профессиональной магической безопасности. Даны конкретные методики Высшей Магии.

Книга предупредит и Учеников, и профессионалов от опасных магических ошибок и от бездумного использования чужих техник без их внутреннего понимания структуры магических операций.

В оформлении обложки – Печать 46 Имени Мардука-Гибилл из ритуалов магии Древнего Шумера.

Амфитеатров Владимир Леонович
МАГИЯ БЕССМЕРТИЯ:

Встречи со смертью на дорогах жизни

Автор настоящей книги дает методы расчета во времени точек встреч живых людей со Смертью на дорогах Жизни – ведь «предупрежденный – вооружен!». Также даны магические техники уклонения от опасности этих встреч: косу Смерти нельзя отбить силой, но роковую встречу можно обойти стороной по земным путям Живых!

Амфиатров Владимир Леонович МАГИЯ КРОВИ

Встанут мужи друг против друга перед огнём, а Волхв подле них. И мужи возрезают руки левые себе (вены), каждый сам и ножом одним, калёным в огне или каждый своим.

В чашу с хмелем сливают струи кровавые и смешивают во единое питье, а раны подносят одна к другой крепко-накрепко.

... Тут Волхв (произнеся заклинание) даёт пить чашу по половине каждому брату речённому и возрекает при том: «Испейте же пития крови кипучей со братниной кровью со смешанной, и ако крови ваши не разделить ныне, тако и вас бы не разделить было! Сварогом, Перуном, Велесом! Гой!»

Выливают остаток из чаши в огонь, со словами: Яко крови запекутся, тако раны заживут!» И повторить то следует трижды. Раны же перетянуть нужно рушником, а братья кровавые пусть обнимутся крепко.»

Так что же это такое – МАГИЯ КРОВИ?

Амфиатров Владимир Леонович МАГИЯ УДАЧИ

Так что такое Удача? Это такое синхроничное стечение обстоятельств, когда во времени и пространстве соприкасаются случайные процессы, усиливающие состояние благоприятствования некоему осознанно начатому делу.

1. Удачу можно «подманить» - создавая модули удачного течения начатых дел.
2. Удачу можно удержать – различными символами и атрибутами ее осуществления.
3. Удачу можно рассчитать – определяя гармоничные условия протекания удачных процессов.
4. Удачу можно «не вспугнуть» - если человек уверен в себе и внутренне гармоничен.
5. И все же Удача – как Кошка, Которая гуляет сама по Себе! Значит, Удачу надо уважать: Ваша благородие госпожа Удача!»
6. Удачу нельзя глазить: нельзя заранее говорить, что исполнится еще не исполненное!

Дороги Земли откройтесь!

Амфитеатров Владимир Леонович ТАЙНОЕ ИСКУССТВО РУН

Автор настоящей книги, обработав наследие Северной Традиции – руны скандинавского Футарка Одина, – создал собственную концепцию РУНТАР, в которой руны рассмотрены в качестве производных пяти перворун-первостихий.

В книге дана история рун, описаны самые главные из существующих ныне рунических систем. Даны практические методы рунного прогнозирования, применимые к любым руническим системам. Дана теоретическая физическая база возможности считывания и понимания прогностической информации. Даны также основы рунической магии – эрилей, Рунных Мастеров, приведена Поэма Рун рунического Стандарта Футарк.

Книга будет полезна как начинающим Ученикам, так и практикующим Мастерам Северной Традиции.

Пусть Земные Пути читателей будут Светлыми!

Амфитеатров Владимир Леонович МАГИЯ ЯЗЫЧЕСКИХ СЛАВЯН

«Под небом голубым на траве зеленой, на траве зеленой, под облаком белым, под облаком белым, под солнцем горячим стоит убогий (и м я), ветрам открытый, и на него течет из облака бела – вода голубая, в теле втекает вода голбая, а с ног стекает водою черной! И с черной водою в землю исходит – Проклятье, злым словом сказанное! И Порча, злым делом наложенная! И узоры, злой мыслью нагаженные! И убегает вода черная, под Алтырь-камень стекая, и там остается и назад не канет, и чист (и м я) будет – разбился замок слюдяной, растаял ключ ледяной – и не снять Слова моего, оно навечно в крови (и м я)».

Так наставляет читателя Рунный Мастер Эриль и ведун Володимер, приоткрывая завесу тайны над знаниями древней магии Языческих Славян.

Пусть Земные Пути читателей будут Светлыми!

Амфитеатров Владимир Леонович ЛО ШУ – КИТАЙСКИЙ ЭНЕРГО-НУМЕРОЛО- ГИЧЕСКИЙ ГОРОСКОП

Китайская предсказательная система «ветра и воды» Фэн-шуй основана на циклическом течении энергии жизни Ци и регламентирует порядок строительства таких домов, в которых было бы удобно жить тем, для кого эти дома и построены. В отличие от Фэн-шуй, предсказательная система Ло Шу является энергетическим гороскопом, при помощи которого можно рассчитать энергетические условия жизни человека – зачатие, рождение, болезни и их лечение. Кроме того, система Ло Шу дает возможность определить условия для создания гармоничной семьи, выявить периоды удачи и опасности, и даже предсказать стихийные бедствия, технологические катастрофы или теракты.

В книге дана методика расчета всех указанных ситуаций жизни человека, которые могут применить на практике как простые неподготовленные читатели, так и специалисты-нумерологии или Мастера Фэн-шуй.

Амфитеатров Владимир Леонович Высшая ритуальная магия

Магия может быть двух главных типов — ментальная и ритуальная. При ментальной магии Маг создает мысленную модель того, что должно быть, и, наделяя эту модель энергией, реализует ее. Ментальная магия считается Высшей, поскольку кроме умения моделировать в деталях исходные данные и конечный результат, Магу больше ничего не надо. Однако магов такой силы всегда очень мало. Поэтому обычно магия была ритуальной: по заранее созданным ритуальным операциям создавалась структура последовательных магических действий. Это был как бы маленький спектакль, в котором Маг являлся единственным актером, а атрибутами — облачение Мага, магические заклинания вместо диалогов и Артефакты, несущие силу, — вместо реквизита. Результатом такого «спектакля» было достижение Магической Цели, а сама магия — церемониальной, или ритуальной.

О ритуалах магических культур Земли повествует данная книга

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВЕЛИГОР»

предлагает широкий спектр полиграфических услуг

1. Издательство «ВЕЛИГОР» предлагает оперативное и качественное типографское обслуживание по любым видам полиграфии на цифровом оборудовании (тираж от 50 экземпляров).

2. Издательство предоставляет услуги начинающим авторам в издании книг за счет средств автора с последующей реализацией тиража Издательством в торговой сети Издательства по фиксированной цене назначенной автором.

3. Оперативное и качественное типографское обслуживание любого вида продукции:

- Брошюры и книги в твердом переплете.
- Красочные упаковки из картона и кашированного микроффокартона.
- Подготовка макетов книг к изданию (дизайн, корректура, редактурa, вёрстка).
- Реализация книг через нашу книготорговую сеть.

Изготовление в короткие сроки и доставка в любую точку страны транспортной компанией.

**Возможно размещение книг в интернет-магазине
Издательства (баннер) с анонсом книги до выхода книги
из типографии, для получения предварительных
заказов от потенциальных покупателей.**

Пишите на электр. адрес: veligor97@gmail.com
Звоните: +7 (499) 166-98-30., +7 (985) 784-08-16
Приходите: м. Партизанская., Окружной проезд
дом 12., подъезд №1., домофон 20.

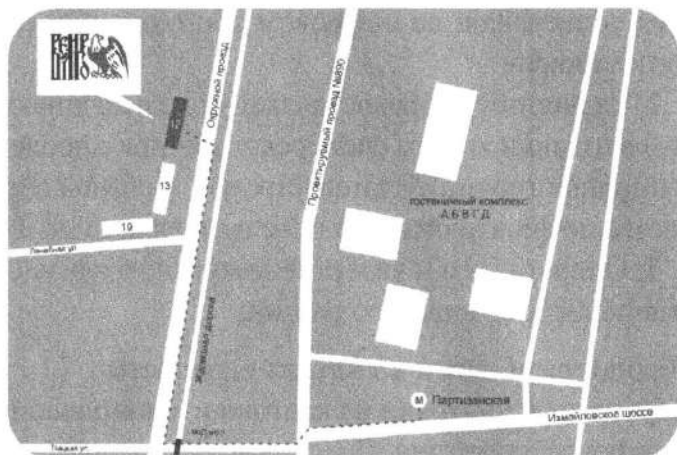

ОСНОВАНО В 1997 ГОДУ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВЕЛИГОР

PUBLISHING HOUSE "VELIGOR"

КАК НАС НАЙТИ

г. Москва, м. Партизанская, Окружной проезд, д.12,
подъезд 1, домофон 20.

тел: 8(499) 166-98-30 8(985) 784-08-16 с 11-18 часов

E-mail: veligor@veligor.ru

Интернет-магазин-WWW.VELIGOR.RU

г. Нижний Новгород +7(499) 703-18-18

Украина г. Киев Интернет-магазин - esoterica.com.ua

В помещении издательства
имеется оптово-розничный склад (более 1500 наименований книг).
Оптовикам - гибкая система скидок.

**ПРИГЛАШАЕМ НОВЫХ И ИЗВЕСТНЫХ АВТОРОВ
К СОТРУДНИЧЕСТВУ
ВЫПОЛНЯЕМ ЗАКАЗНЫЕ РАБОТЫ!
ПО ИЗДАНИЮ И РАСПРОСТРАНЕНИЮ КНИЖНОЙ
ПРОДУКЦИИ ТИРАЖИ ОТ 50 ЭКЗЕМПЛЯРОВ**

Арина Веста

Как вырастить героя?

Не обывателя-потребителя и не холодного биоробота,
не достигателя, а, именно, героя?

Как помочь нашим детям обрести опору в традиции,
как упрочить нашу собственную связь с древним знанием?

На эти и многие другие вопросы ответит новая книга Арины Весты,
автора книги «Сакральные коды русских сказок»
и серии популярных романов
о тайнах русской и мировой истории.

ВЕЛИГОР
ИЗДАТЕЛЬСТВО "ВЕЛИГОР"

МОСКВА
2015

